

ОФИЦЕРЫ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ. 1900–1917

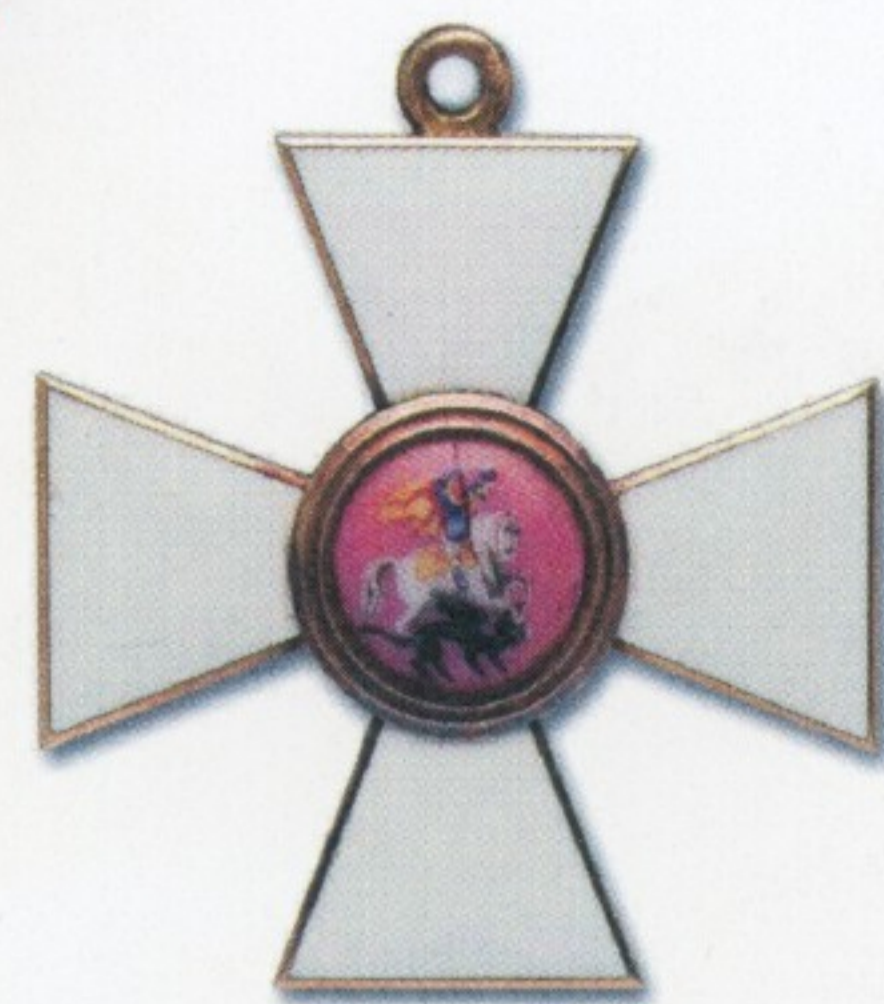
В. Н. Суряев

ОФИЦЕРЫ РУССКОЙ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

1900–1917

БОЕВЫЕ НАГРАДЫ ОФИЦЕРОВ

Знак Военного ордена Св. Георгия IV ст.

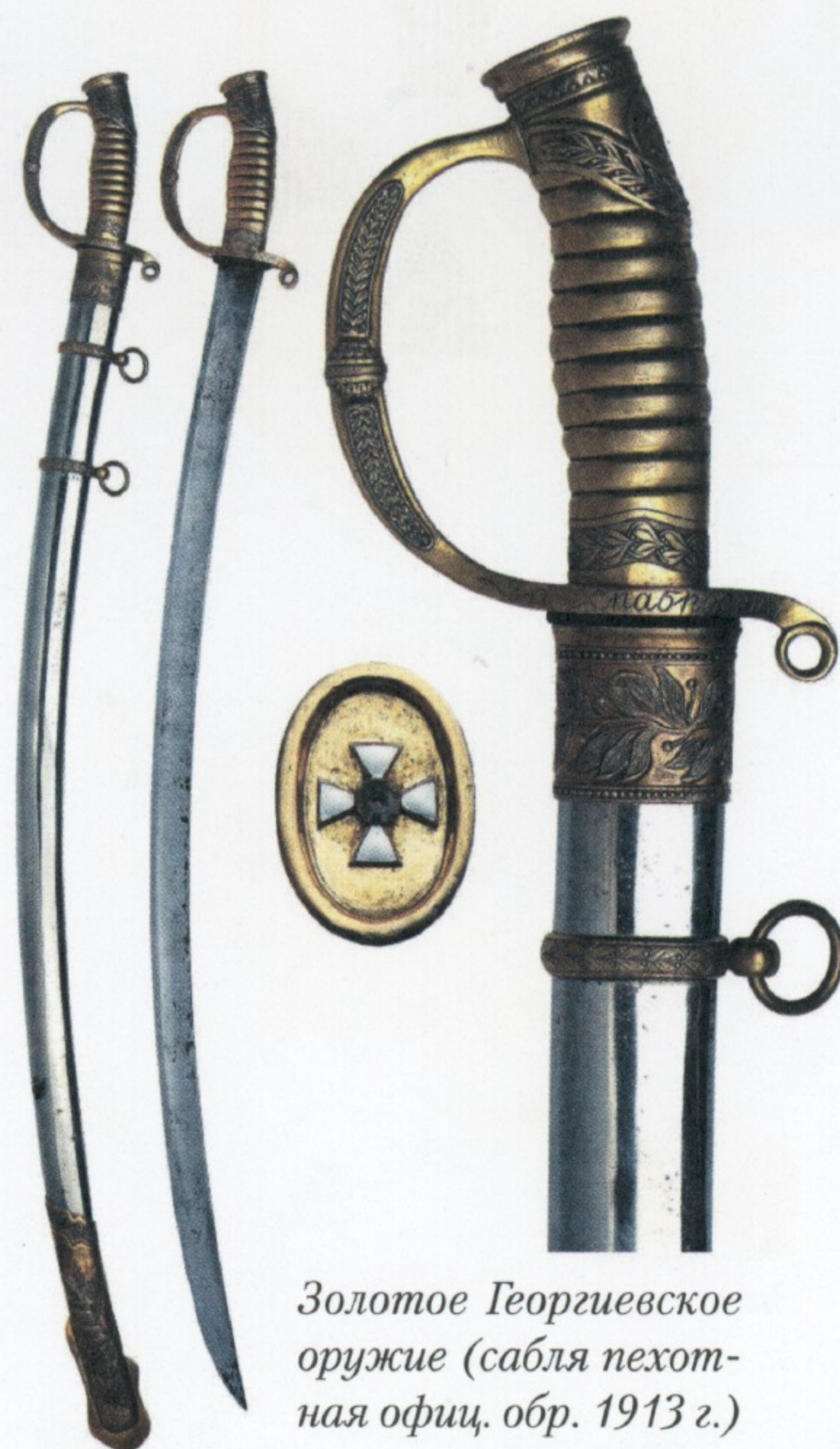
Знак ордена Белого Орла

Знак ордена Св. Александра Невского

Крест за Порт-Артура утвержден как нагрудный знак к 10-й годовщине начала обороны крепости – 14 января 1914 г.

Золотое Георгиевское оружие (сабля пехотная офиц. обр. 1913 г.)

РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

Знак ордена св. Владимира IV ст. с мечами

Орденская лента и знак ордена св. Владимира III ст. с мечами

Знак ордена св. Анны II ст. с мечами и короной («Анна на шею»)

Орденская лента и знак ордена св. Станислава II ст. с мечами

Знак ордена св. Анны IV ст. («клюк-ва») для ношения на оружии, которое после этого называлось «аннинским»

В. Н. Суряев

ОФИЦЕРЫ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ 1900–1917

Москва

• РУССКАЯ ПАНОРАМА •

2012

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Рецензенты:

доктор военных наук, профессор *Н.Е.Бузин*,
кандидат исторических наук, доцент *Д.Г.Ларионов*,
кандидат политических наук *Н.Н.Малишевский*

Суряев В.Н.

С90 ОФИЦЕРЫ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ. 1900–1917. – М.: «Русское историческое общество», «Русская панорама», 2012. – 272 с. – ил. – (Страницы российской истории).

ISBN 978-5-93165-288-7

Монография целостно освещает историю военного сословия в 1900–1917 гг. Автор рассматривает тенденции развития офицерского корпуса той поры, субъективные и объективные факторы, влиявшие на него, анализирует роль и место военного сословия в бурных событиях начала XX века. Значительное внимание уделяется социально-психологическим особенностям офицеров императорской армии, показывается условия их жизни и быта, обрисовывается служба в мирное время, показывается участие в боевых действиях. Исследование опирается на широкий круг источников (свыше 500). В их числе – многочисленные официальные документы того времени, дневники и мемуары людей, занимавших различное положение в военной иерархии и обществе, дореволюционная публицистика и пресса, труды бывших офицеров русской армии, написанные ими в эмиграции, некоторые работы советских историков и наших современников, рассматривавших те или иные аспекты истории русского офицерства. В качестве иллюстративного материала использованы архивные фотографии тех лет.

Издание адресуется как военным историкам, так и широкому кругу читателей, любителей русской истории.

ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-93165-288-7

© Суряев В.Н., 2012

© Оформление. SPSL, 2012

© АНО «Русское историческое общество», 2012

© НП ИД «Русская панорама», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	4
ВВЕДЕНИЕ	7
Глава 1. АРМИЯ И ОБЩЕСТВО	12
1.1. Социальный состав и комплектование корпуса офицеров	12
1.2. Этика офицеров Русской Императорской Армии	21
1.3. Офицерство и эпоха	46
1.4. Офицерство и революция 1905–1907 гг.	61
Примечания к главе 1	82
Глава 2. ПОВСЕДНЕВНАЯ СЛУЖБА И БЫТ ОФИЦЕРОВ	92
2.1. Чинопроизводство и прохождение службы	92
2.2. Взаимоотношения внутри офицерского корпуса	105
2.3. Материальное положение офицерства	117
Примечания к главе 2	127
Глава 3. НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ	131
3.1. Поход в Китай (1900–1901 гг.)	131
3.2. Русско-японская война 1904–1905 гг.	135
3.3. В годы Великой войны	149
Примечания к главе 3	177
Глава 4. ОФИЦЕРСТВО В 1917 ГОДУ	183
4.1. Разложение армии	183
4.2. Террор в отношении офицеров	195
4.3. Реакция офицерства на события в стране и армии	208
4.4. Ликвидация офицерства как социального института	228
Примечания к главе 4	235
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	243
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	246
Список сокращений названий периодики и архивов	262
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	263
Список сокращений в именном указателе	271
Источники иллюстраций	271

Вступительное слово

Историческая память об исчезнувших государствах, как и память об ушедших из жизни людях, бывает разной. Бывает, память порочат, забывая при этом, что никто не вечен на земле.

Весьма показательна в этом смысле ситуация, сложившаяся с воспоминаниями о Российской империи. Целенаправленная деятельность по искажению исторической правды привела к тому, что дореволюционная Россия в течение десятилетий ассоциировалась с чем-то зловещим, чуждым, даже враждебным советским людям.

Одни негативно относились к имперскому прошлому по идеологическим мотивам, другие отторгали его в силу скрытой русофобии, «замешанной» на сепаратизме, третьи – ввиду обывательского конформизма.

Хотя, безусловно, среди любителей истории, да и обычных граждан всегда были люди, в глубине души симпатизировавшие, даже восхищавшиеся теми временами. Иной раз они идеализировали самодержавие, видя в нем только положительные стороны и не замечая недостатков, столь свойственных любому общественному строю.

После распада СССР очень многое изменилось на просторах некогда единой и могучей державы. Парадоксально, но отношение к прошлому изменилось гораздо меньше.

Конечно, на официальном уровне «проклятые царские времена» не охаивают, как это было прежде. Более того, существует ряд общественных организаций, объединенных «любовью к родному пепелищу» и ратующих за то, чтобы не разрывалась связь времен и поколений. Действуют военно-исторические клубы, функционируют специальные сайты, проводятся научные конференции и семинары, издается историческая литература и т. п.

Но в то же время складывается впечатление, что людей, враждебно относящихся ко всему, связанному с Российской империей, меньше не стало. Они проявляют немалую активность, причем диапазон их действий весьма широк – от подрыва памятников Николаю II до предвзятых рецензий на труды ученых, пытающихся восстановить историческую правду, от примитивных повторов лживых фраз о царской России как «тюрьме народов» до тонких фальсификаций истории на форумах в интернете и прессе.

Любопытно то, что наибольшую активность в этом проявляют не члены коммунистических и других левых партий, а люди, политические взгляды которых весьма расплывчаты, хотя они и называют себя демократами. В одном русле с ними идут, казалось бы, совершенно иные элементы – левацкие группы различного толка, а также разнообразные противники российской государственности.

Впрочем, на бытовом уровне отрицательное отношение к офицерству нередко высказывают и люди, весьма далекие от истории и политики.

Немалую лепту в очернение страны, когда-то бывшей общим домом для всех проживавших в ней народов, вносит антироссийски настроенная часть интеллигенции из бывших советских республик; не отстают и «друзья» из бывших социалистических стран.

Почему им всем так нелюба Россия времен монархии, почему столько злословия по поводу нашей истории?

Да, было и крестьянское малоземелье, и имущественное неравенство, и неэффективное административное управление и т. д. Но разве другие государства были идеальными? Если это так, то кто назовет хоть одну такую страну?

В истории государства Российского многое пытаются исказить и фальсифицировать, многое стремятся предать забвению. Но даже в таком контексте история русского офицерства стоит особняком, ибо нет другого социального слоя, который бы столь безудержно пытались опорочить и оболгать. Никто не давал и не дает отрицательных характеристик социально-профессиональным группам: рабочим, землеробам, врачам, инженерам, учителям, банковским работникам, приказчикам и т. д., общая численность которых в тысячи раз превышала число офицеров.

Что же касается офицеров, то какими только эпитетами их ни «награждали», каких только грехов ни приписывали; даже полиции и жандармерии внимания уделялось несравненно меньше.

Казалось бы, удивительно, но в наши дни подобный подход к оценке русского офицерства продолжается, причем иной раз с не меньшим «энтузиазмом», чем в 1920–1930 гг.

Представляется, что сложившемуся положению вещей есть две главные причины. Первая состоит в том, что русское офицерство с честью выполняло свой воинский долг и служило «За Веру, Царя и Отечество». То есть офицеры служили Российской империи, стране, в которой они жили и которую и поныне стремятся дискредитировать некоторые круги в нашем обществе и за рубежом. Не следует забывать также, что в период Гражданской войны часть офицеров, прежде всего кадровых, составила основу Белого движения. Данные факты представляют собой социально-политическую подоплеку негатив-

ного отношения к офицерам, прежде всего, со стороны некоторых политизированных слоев общества, как в советский период истории, так и ныне.

В период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы о русском офицерстве стали говорить несколько более объективно, однако «оттепель» была недолгой, и вскоре все вернулось на круги своя.

Другая причина вызвана некоторыми свойствами человеческой природы. Тем, кто превыше всего на свете ставит собственное «я», глубоко чужда и непонятна позиция людей, нацеленных на воинское служение. По нашему мнению, подсознательное ощущение своей ущербности вызывает у низменных натур стремление облить грязью тех, кто выше их в нравственном отношении.

Видимо, не случайно еще до Октябрьской революции было отмечено: причина ненависти к офицерству состоит «в различии психологической основы, смелого... преданного долгу и чести воина... идущего на смерть за отечество... и трусливого ...интеллигента-неврастеника»¹.

Добавим лишь, что неизбывное стремление широких слоев обывателей к обогащению также не добавляло симпатии к офицерам, служившим и погибавшим отнюдь не из-за денег.

Оттого-то и в наши дни, когда сугубый эгоизм возводится в культ, а все, что связано с возвышенными ценностями, нередко дискредитируется, образ русских офицеров вызывает отторжение и агрессию у тех, кто настроен только на потребление.

Наибольшим нападкам при этом подвергается офицерство, служившее в последний период существования императорской армии – с начала XX века по 1917 год. Возможно, это происходит потому, что в истории Российской империи данный период наиболее близок к нашему времени. Кроме того, именно тогда, когда близился закат империи, когда служба проходила в невероятно сложных социально-политических условиях и когда большинство было равнодушным и прагматичным, во всем величии проявилась высшая воинская доблесть – самоотверженное служение Отечеству.

Многие наши современники (впрочем, как и обыватели того времени) считают это наивным романтизмом, нередко даже глупостью.

Что ж, пусть считают, как им угодно. Мы убеждены, что носившие офицерские погоны считали иначе; о них и пойдет речь в данном труде.

Автор считает исторической несправедливостью то, что корпус офицеров Русской армии, верой и правдой служивший своей стране, предан забвению и не оценен по достоинству. Настоящий труд является попыткой отчасти исправить эту несправедливость.

¹ «Разведчик», 1917, № 1399–1400. С. 496.

ВВЕДЕНИЕ

В данном труде сделана попытка воссоздать облик русского офицерства периода 1900–1917 гг. и развенчать тем самым домыслы и штампы, сложившиеся в течение десятилетий.

Сразу оговоримся: автор не склонен к идеализации кого бы то и чего бы то ни было. Не только потому, что апологетика противоречит принципам научного исследования, но и потому, что офицеры как представители рода человеческого не могли быть чем-то совершенным.

Однако все познается в сравнении. Последний протопресвитер (глава военного духовенства) русской армии и флота о. Г. Шавельский писал, что «русский офицер был существом особого рода»¹. Надо полагать, неслучайно столь высокопоставленное духовное лицо оценило офицерство именно таким образом.

Дабы создать объективный портрет офицерского корпуса той поры, автор стремится рассмотреть тенденции в его развитии, определить субъективные и объективные факторы, влиявшие на него, проанализировать роль и место военного сословия в бурных событиях начала XX века.

Кроме того, автор нацелен на то, чтобы раскрыть социальный облик и социально-психологические особенности офицерства той поры, показать условия его жизни и быта, обрисовать профессиональную деятельность как в мирное, так и в военное время.

По нашему мнению, решение этих задач весьма актуально как для исторической науки, так и для наших современников, прежде всего, тех, кто не равнодушен к истории. И, конечно же, для той части офицеров, кто не просто «числится в списках», но готов по-настоящему служить Отечеству сегодня.

К офицерам русской армии относились офицеры регулярных сухопутных войск, коим и посвящено данное исследование; морскому офицерству, офицерам иррегулярных казачьих войск, Отдельного корпуса пограничной стражи и Отдельного корпуса жандармов, мы надеемся, еще будут посвящены объективные исследования.

¹ Шавельский Г., протопресвитер. Мы для дела, а не дело для нас // EVXpress: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/5137719> (30.08.2011). (Здесь и далее: для интернет-ресурса указывается его электронный адрес (без слов «электронный ресурс» и «режим доступа»), в круглых скобках после него – дата доступа.)

Особо подчеркнем, что национальность офицеров в то время не являлась значимым фактором и независимо от этнического происхождения все офицеры считались русскими офицерами.

Хронологическое начало исследования обусловлено вступлением Российской империи в XX век, окончание – юридической и фактической ликвидацией империи, императорской армии и корпуса офицеров.

Источники, использованные в данной работе, включают как опубликованные материалы, так и архивные документы из Российского государственного военно-исторического архива, Национального исторического архива Беларуси, Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно.

Все источники можно разделить на четыре группы:

- первая группа – официально-документальные материалы;
- вторая группа – мемуары, дневники и воспоминания;
- третья группа – дореволюционная публицистическая литература, а также дореволюционная периодическая печать;
- четвертая группа – разнообразные источники, которые не входят в три первые группы источников.

Наиболее значимой является первая группа источников. В их числе – законодательные акты, правительственные сообщения, приказы по военному ведомству, приказы командиров и начальников различного ранга – Верховного Главнокомандующего, главнокомандующих армиями фронта, командующих войсками округов, командующих армиями, командиров корпусов, начальников дивизий. Кроме того, в данной работе использованы отчеты военной цензуры, воинские уставы, инструкции и наставления, документы некоторых жандармских управлений, канцелярий гражданских губернаторов ряда губерний, документы Временного правительства, а также документы, принятые в первые месяцы советской власти.

Ценность этих источников состоит в том, что они позволяют определить тенденции, характерные для военного строительства тех лет, узнать официальную точку зрения на те или иные проблемы, выявить условия, в которых протекала служебная деятельность офицеров.

Вторая группа источников позволяет изучить те аспекты исследуемых явлений, которые не отражены в официальных документах. При всей их субъективности, свидетельства непосредственных участников и очевидцев тогдашних событий чрезвычайно важны, ибо здесь мы находим их мысли, настроения и чувства, понимаем, как они воспринимали действительность.

В исследовании использованы мемуары людей, занимавших различное положение в военной иерархии. В их числе – мемуары и воспоминания военачальников, таких как А.И. Деникин, П.Н. Краснов, А.Н. Куропаткин, Н.Н. Го-

ловин, М.И. Драгомиров, А.Ф. Редигер, А.И. Спиридович, Э.А. Верцинский. Воспоминания, дневники и мемуары рядовых офицеров представлены именами В. Трубецкого, А. Гусева, А. Люпова, И. Домнина, Д. Леховича, М. Лилье, Ф. Степуна, С. Рашевского и других.

Немалый интерес представляют мемуары гражданских лиц, в том числе Н.Е. и А.П. Врангелей – отца и сына генерала П.Н. Врангеля, протопресвитера русской армии и флота о. Г. Шавельского, А. Столыпина – сына П.А. Столыпина, известного политического деятеля В. Пуришкевича, историка Н. Полетики и др.

Третья группа источников – публицистика начала века – самая многочисленная из всех групп. Следует отметить, что в начале XX века в свет выходило великое множество книг, брошюр и сборников, посвященных проблемам армии и офицерства. В числе наиболее известных авторов той поры – П. Режепо, М. Галкин, Д. Аничков, А. Апухтин, Н. Бутовский, А. Геруа, Е. Мартынов, М. Грулев, Д. Парский и многие другие. Отметим, что в совокупности эта группа источников представляет собой бесценные материалы для исследования истории русской армии и корпуса офицеров.

Не меньшую ценность для исследования темы представляет периодическая печать, главным образом военные журналы. Прежде всего, следует назвать еженедельный журнал «Разведчик». Анализ содержания свыше 800 номеров журнала, нацеленного на офицерскую аудиторию, показал, что в издании освещались практически все стороны жизни русской армии, печатались статьи по широкому кругу военных вопросов, военные корреспонденции, библиография, письма, заметки, мнения читателей и т.д. Журнал пользовался таким авторитетом, что Комитет по образованию войск циркуляром Главного Штаба официально рекомендовал «Разведчик» для обращения в войсках.

Немало материалов по теме исследования содержится в журналах «Военный сборник», «Варшавский военный журнал», «Русская конница», «Офицерская жизнь». Отметим, что авторами значительной части статей и материалов, публиковавшихся в этих журналах, являлись офицеры.

Кроме военных журналов, в исследовании использованы некоторые материалы из журналов «Летопись войны с Японией», «Летопись войны 1914 года», «Нива».

В четвертую группу источников входят труды бывших офицеров русской армии, написанные ими в эмиграции, статьи русских философов того времени, работы наших современников, исследующих особенности социально-политической обстановки в начале XX века, некоторые работы советских ученых и публицистов и т.п.

Таковы основные источники, использованные в данной монографии.

Историография

Историография исследуемой проблемы незначительна. Действительным вкладом в исследование проблемы являются только труды С.В. Волкова, делающие автору великую честь. Первый из них – «Русский офицерский корпус», второй – «Трагедия русского офицерства». История русского офицерства здесь впервые изложена глубоко, непредвзято, с соблюдением принципов историзма и объективности.

В первой книге рассматривается история офицерского корпуса с начала XVIII века – времени создания империи и регулярной армии – до 1917 года. В силу того, что ученый рассматривает историю офицерства на протяжении более чем двух веков, естественно, он не мог в одной книге подробно осветить все вопросы, связанные с историей гораздо более узкого промежутка времени – 1900–1917 годы.

Именно поэтому автор настоящей книги взял на себя труд дополнить фундаментальное исследование С.В. Волкова.

В «Трагедии русского офицерства» С.В. Волков главное внимание уделил судьбам офицерского корпуса в 1917 году, во время гражданской войны и после ее окончания.

Далее вкратце рассмотрим историографию проблемы в хронологическом порядке.

В дореволюционной русской историографии нет трудов, посвященных корпусу офицеров. Выходившие в то время работы, как, например, «Очерки современного офицерского быта» Н. Бутовского, «Офицерский вопрос в начале XX века» П. Режепо, «Новый путь современного офицера» М. Галкина и многочисленные прочие, не являлись научными трудами, поскольку носили публицистический характер. Посвященные актуальным проблемам армейской жизни они, однако, носили ярко выраженный субъективный характер и опирались лишь на личный опыт авторов. При этом, как уже отмечалось, подобные труды представляют собой весьма ценные источники фактической информации для исследователя.

Издававшиеся официальные военно-статистические ежегодники, а также статистические труды отдельных авторов по содержанию соответствовали своим названиям и являлись лишь статистическими справочниками.

В советской историографии также нет работ, целостно освещающих тему нашего исследования. Есть несколько монографий, затрагивающих отдельные аспекты проблемы, но освещающих их ангажировано и эпизодически. В их числе «Партия, армия и революция. Отвоевание партией большевиков армии

на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918» П.А. Голуба, «Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903» П.А. Зайончковского, «В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции» А.А. Буравченкова, «Военная контрреволюция в России. 1905–1917» В.Д. Поликарпова и некоторые другие.

Не столь пристрастный характер носит монография «Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг.» А.Г. Кавтарадзе, но она в основном посвящена судьбам бывших офицеров русской армии в годы гражданской войны. Еще в одной монографии – «Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала» Л.Г. Бескровного – приводятся в основном статистические данные о корпусе офицеров.

В советское время был опубликован также ряд статей по истории корпуса офицеров, авторами которых являются Л. Спирин, А. Зайончковский, А. Буравченков и некоторые другие, но они, как и монографии, во многом носили необъективный и предвзятый характер.

В последние годы защищен ряд кандидатских диссертаций, посвященных морально-психологической подготовке русского офицерства. В их числе следующие диссертации:

«Моральный дух офицеров Российской армии и его укрепление: исторический опыт, уроки: 1900 – август 1914 г.» (автор – С.М. Диривянкин); «Воспитание корпуса армейских офицеров в духе преданности престолу и отечеству (1880 – август 1914 гг.)» (автор – А.В. Маслов);

«Деятельность властных структур и органов военного управления по патриотическому воспитанию офицерства Российской армии (1890 – август 1914 гг.)» (автор – П.Д. Симашенков).

Кроме того, в последние годы некоторым аспектам нашего исследования посвящен ряд статей: «Русский офицерский корпус и офицерские организации летом 1917 года» А.С. Маслакова, «Офицерство российской армии в годы Первой мировой войны» И.Н. Гребенкина, «Подготовка русской армии накануне Первой мировой войны» В.В. Изонова и некоторые другие.

Отметим, что как в диссертациях, так и в статьях проблемы истории офицерского корпуса освещаются объективнее, нежели в прежние времена. В то же время предвзятый подход к освещению проблемы до конца не преодолен.

Такова, в общих чертах, историография истории русского офицерского корпуса начала XX века.

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

§ 1.1. Социальный состав и комплектование корпуса офицеров

В советское время неизменно подчеркивалась принадлежность офицеров императорской армии к дворянскому сословию¹, при этом утверждалось, что «офицеры представляли замкнутую касту, доступ в которую был открыт преимущественно представителям господствующего класса»².

В подобном ключе высказывались и ученые-историки, в том числе специализировавшиеся по истории русской армии. Например, Л. Г. Бескровный писал: «Правящие круги проводили в вопросе военного образования четко выраженную классовую политику. ...Офицерские кадры... комплектовались выходцами из правящего класса»³.

Подобные суждения опирались на официальную идеологию, видевшую в бесконечном многообразии бытия исторической России только одно – «раскол общества на непримиримо враждебные классы»⁴. В этом контексте императорская армия считалась оплотом реакции, офицеры – прислужниками правящих кругов и одновременно их частью; утверждалось, что стать офицером лицу недворянского происхождения было практически невозможно.

Однако изучение проблемы комплектования офицерского корпуса показывает, что подобный подход примитивен, выхолощен и не соответствует историческим реалиям.

Со времени образования регулярной армии в начале XVIII века корпус офицеров комплектовался выходцами из разных слоев общества, а не только из дворян. Так, в 1762 году число офицеров недворянского происхождения составило в среднем 31,6 %, в 1816 – 26,2 %, в 1844 – 26,5 %⁵.

В то же время «...офицерский корпус всегда был только дворянским по своему составу и другим быть не мог»⁶. Кажущееся противоречие между недворянским происхождением части офицеров и полностью дворянским составом офицерского корпуса объясняется просто: с получением офицерского чина его обладатель автоматически становился дворянином. Еще в Табели о рангах 1722 года говорилось: «Воинским чинам, которые дослужатся до обер-офицерства не из дворян, то когда кто получит вышеписанной чин, оной сущь дворянин, и его дети, которые родятца в обер-офицерстве...»⁷.

Отметим: дворянство делилось на две основные категории – потомственных дворян и личных дворян. Потомственное дворянство, некогда полученное предками, передавалось потомкам по наследству, личное же дворянство обреталось лицами недворянского происхождения и по наследству передаваться не могло.

Потомственное дворянство в свое время являлось действительно привилегированным сословием и обладало значительными привилегиями.

В их число входили: право владения населенными имениями (до 1861 года), свобода от обязательной службы (в 1762–1874 годах, позже была введена всеобщая воинская повинность), свобода от земских повинностей (до второй половины XIX века), право поступления на государственную службу, получение образования в привилегированных учебных заведениях, право корпоративной организации⁸.

Что касается личного дворянства, то его престиж был минимален, ибо привилегий личные дворяне не имели. Кроме того, оно распространялось только на жену, дети же пользовались лишь статусом потомственных почетных граждан.

На военной службе в 1722–1845 годы потомственное дворянство давалось за выслугу первого обер-офицерского чина, в 1845–1856 годы – за выслугу чина майора. С 1856 года по 1917 год обретение потомственного дворянства офицерами требовало выслуги чина полковника или же капитана первого ранга; те, кто имел чин ниже, являлись личными дворянами⁹.

Особняком стоял во второй половине XIX – начале XX века чин прапорщика (соответствует современному младшему лейтенанту): если до 1845 года чин давал права потомственного дворянства, до 1856 года – личного дворянства, то с 1856 года прапорщики приобретали лишь потомственное почетное гражданство¹⁰. Личное же дворянство обреталось только с получением воинского чина XII класса, то есть чина подпоручика.

С 1884 года чин прапорщика на действительной военной службе был упразднен и вводился лишь в военное время. С 1886 года все прапорщики по окончании боевых действий должны были либо производиться в подпоручики, либо увольняться в запас.

В качестве примера можно привести приказ Военного Совета, в соответствии с которым все прапорщики, произведенные в этот чин за боевые отличия во время русско-японской войны, при желании могли поступать в юнкерские, военные и в соответствующие специальные училища, в зависимости от образовательного ценза. Чин прапорщика на время обучения сохранялся, по окончании училищ они производились в подпоручики (корнеты) одновременно с выпускаемыми юнкерами, на одинаковых с ними основаниях. Кроме того,

такие прапорщики могли выдержать в названных училищах офицерский экзамен (в течение 1906 и 1907 годов). Прапорщики, не удовлетворявшие этим условиям, подлежали увольнению до 1 октября 1907 года¹¹.

В свое время потомственные дворяне составляли громадное большинство офицерского корпуса. Так, в середине XVIII века в 16 пехотных, 13 кавалерийских, 24 гарнизонных, 20 ландмилицких полках, составлявших примерно 42 % всех полков русской армии, офицеров – потомственных дворян по происхождению насчитывалось 83,4 %¹².

После реформ Александра II и вступления России в эпоху капитализма количество потомственных дворян, поступавших на военную службу, стало заметно уменьшаться. Так, в 1897 году они составляли лишь 51,9 %, а в канун Первой мировой войны – уже менее 50 %¹³.

Если говорить о категориях офицерского состава, то к началу XX века картина была такой: дворянами по происхождению были около половины обер-офицеров, около 70 % штаб-офицеров и несколько более 90 % генералов¹⁴.

Значительное количество потомственных дворян в рядах офицерского корпуса объясняется тем, что дворяне изначально являлись «государевыми служилыми людьми»¹⁵, а воинскую службу, несмотря на падение ее престижа в рассматриваемый период, часть дворянства по-прежнему считала наиболее почетной. Неслучайно «практически все мужчины царствовавшего... дома Романовых состояли на военной службе, имели чины и постоянно носили военную форму»¹⁶.

Еще раз отметим: любой человек, независимо от сословного происхождения, с получением чина подпоручика обретал личное дворянство. «...Не дворянское звание делало офицером, а офицерское звание делало дворянином»¹⁷, – отмечали современники. Таким образом, очевидно, что в советское время вопрос сословного происхождения офицеров подменялся вопросом об их социальном положении во время прохождения офицерской службы.

Для того чтобы стать кадровым офицером, в рассматриваемый период существовало три пути.

Первый путь: имея аттестат зрелости (свидетельство об окончании гимназии, реального училища или кадетского корпуса), поступить в одно из военных училищ и закончить его¹⁸.

Поступать можно было и в юнкерские училища (с 1 сентября 1910 г. преобразованы в военные училища), где не требовалось иметь законченное среднее образование¹⁹: его получали уже в училище, по окончании которого выпускники также становились офицерами. При этом, например, в пехотные военные училища принимались лица всех сословий, не исключая и нижних чинов всех родов оружия²⁰; по такому же принципу комплектовались артил-

лерийские училища²¹, нижним чинам пехотных частей предоставлялось право к поступлению в кавалерийские юнкерские училища²² и т. д.

Второй путь давал возможность быть произведенным в офицеры (с правом достичь чина штабс-капитана (штабс-ротмистра)) тем нижним чинам, которые отличились в военное время (особенно широко эта практика применялась в годы Первой мировой войны).

В мирное же время каждый нижний чин, закончивший срочную службу в унтер-офицерском звании, имел право держать вступительный экзамен в юнкерское или военное училище²³.

Третий путь: имея свидетельство о прохождении полного курса среднего учебного заведения, поступить на военную службу солдатом-вольноопределяющимся, прослужить один год и выдержать экзамен на чин прапорщика запаса. Затем, после сдачи экзамена за курс военного училища, следовало производство в чин подпоручика запаса, и появлялась возможность ходатайствовать о зачислении на действительную военную службу. При прохождении службы такой офицер имел те же права, что и выпускники военных училищ²⁴.

Таким образом, офицерство отнюдь не являлось «замкнутой кастой», в которую не допускались представители других слоев народа. «Кадровым офицером мог стать княжеский сын и сын дворянина и сыновья священника, купца, почетного гражданина, крестьянина, мещанина, ремесленника и рабочего. И не только мог стать теоретически, по закону, но и становился фактически и притом без каких-либо затруднений»²⁵.

При наличии качеств, необходимых военачальнику, выходцы из простонародья могли достичь вершин военной карьеры. Так, начальник штаба Верховного Главнокомандующего в годы Первой мировой войны генерал от инфантерии М. В. Алексеев и Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта в ту же войну генерал от артиллерии Н. И. Иванов были сыновьями нижних чинов сверхсрочной службы. Командирами корпусов стали генерал-лейтенант Л. Г. Корнилов, сын отставного хорунжего Сибирского казачьего войска, и генерал-лейтенант А. И. Деникин, отец которого был крепостным крестьянином, отданным помещиком в рекруты и дослужившимся до офицерского чина. В целом же накануне Первой мировой войны среди генералов было уже более 14 % выходцев из бывших податных сословий, то есть крестьян, мещан и т. д.²⁶

Единственным военным учебным заведением, куда прием законодательно был ограничен сословными рамками, был Пажееский Его Императорского Величества корпус. Необходимым условием для поступления в это учебное заведение являлось зачисление в пажи к Высочайшему Двору, при этом к ходатайству о зачислении в пажи обязательно должно было прилагаться свидетельство о дворянстве²⁷.

Заметим: это ограничение касалось всех, в том числе – значительной части потомственного дворянства. В пажи к Высочайшему Двору особым повелением императора зачислялись сыновья и внуки лиц, состоявших в чинах первых трех классов, сыновья и внуки лиц, занимавших должности губернаторов, посланников и губернских предводителей дворянства, если у них был чин не ниже генерал-майора или действительного статского советника. Подобное право имели также сыновья и внуки генерал-майоров, убитых или умерших от ран, полученных в боях, а также сыновья генерал-майоров, «участвовавших в делах или походах против неприятеля, прослуживших в этом чине не менее пяти лет»²⁸.

Отметим, однако, что при ближайшем рассмотрении эти ограничения также не носили абсолютного характера, ибо при определенных обстоятельствах «...до генеральского чина мог дослужиться каждый офицер, а офицером мог сделаться каждый человек, какого бы происхождения он ни был»²⁹.

Выпускники Пажеского корпуса предназначались «...к офицерской службе, преимущественно в войсках гвардии...»³⁰. В основном для гвардии готовили офицеров и два военных училища в Санкт-Петербурге – Павловское (пехотное) и Николаевское (кавалерийское). Именно поэтому в них принимались преимущественно дети потомственных дворян, хотя формально ограничений по сословному признаку не было. «Не закон ставил это ограничение, а традиция гвардии, требовавшая, чтобы ее полки комплектовались офицерами из потомственного дворянства»³¹.

Однако, несмотря на то что поступающие в эти училища, а также в Александровское пехотное училище формально должны были представить свидетельство о дворянстве³², в них принимали не только детей потомственных дворян, но и выпускников кадетских корпусов, а также тех, чьи отцы службой получили право на определение сыновей в кадетские корпуса³³.

Многие выпускники кадетских корпусов не являлись дворянами, в силу того что в корпуса принимались преимущественно сыновья действующих офицеров, прослуживших не менее 10 лет, отставных офицеров, сохранивших право ношения мундира, военных врачей, чиновников всех ведомств, если эти чиновники были ранены или убиты на войне³⁴ и некоторых других. В большинстве своем эти люди обладали личным дворянством, которое их детям не передавалось.

В этом контексте некорректны сведения о социальном составе юнкеров артиллерийских училищ, приведенные Л. Г. Бескровным в его монографии «Армия и флот России в начале XX века». Он утверждает, что в 1906 году среди учащихся были, в числе прочих, 108 потомственных дворян и 253 личных дворянина³⁵.

Юнкера могли быть потомственными дворянами, если таковыми были их родители. Но личными дворянами юнкера быть не могли никоим образом: личное дворянство детям не передавалось. Юнкера, не имевшие дворянского звания, обретали личное дворянство только по окончании училища и присвоении им чина подпоручика.

Резюмируя сказанное выше, можно сделать вывод: не считая Пажеского корпуса, имевшего особый статус, лишь в 3 военных училищах существовали некоторые ограничения сословного характера, но и те соблюдались не слишком строго. Если учесть, что в 1911 году для регулярной сухопутной армии офицеров готовили 13 пехотных, 3 кавалерийских, 2 артиллерийских, 1 инженерное и 1 военно-топографическое училище³⁶, то какого-либо серьезного влияния на состав корпуса офицеров это не оказывало.

Кроме того, права выпускников всех училищ были равными³⁷, и окончившие Николаевское, Павловское или Александровское военное училище никакими преимуществами при прохождении службы не пользовались.

Конечно, возможность поступления в военные училища для выходцев из простонародья могла быть реализована не всегда, в силу того что часть из них не имела не только среднего, но даже начального образования. Однако подобная ситуация сложилась исторически, и ее изменение не зависело от военно-учебных заведений. Кроме того, не каждый юноша обладал необходимыми качествами и способностями для обучения в военных училищах и дальнейшей службы в качестве офицера.

Зададимся вопросом: обладали ли офицеры, будучи членами дворянского сословия, какими-либо привилегиями? В. О. Ключевский отмечал, что «существенным и наиболее осязательным признаком сословного деления служит различие прав...», при этом сословные права он определял как «...всякое преимущество, даваемое законом целому классу общества в постоянное обладание»³⁸.

До реформ Александра II действительно существовало значительное неравенство между дворянством и податными сословиями. Так, «лишь высшему классу предоставлялось право сельской недвижимой собственности, а при крепостных отношениях – право владения крепостными людьми. Крепостные крестьяне могли приобретать и движимое имущество только в неполную, условную собственность». Более того, они были лишены «...свободы вступать в брак, покидать свое местожительство, вообще стеснялись в праве распоряжаться своей личностью и трудом, наниматься на работы, заключать долговые сделки и т. п.»³⁹.

Однако не следует переоценивать влияние дворянства как сословия на государственное управление, правильнее говорить о роли конкретных людей,

занимавших те или иные посты в системе власти. Власть же принадлежала самодержцам, ибо закон гласил: «Император Российский есть монарх самодержавный и неограниченный»⁴⁰.

Реформы 60–70-х годов XIX века кардинально изменили положение вещей, для всех сословий были установлены равные гражданские права. Один из дворянских публицистов конца XIX века, задавшись вопросом «Что такое дворянин?», отметил, что это – «общее понятие, скорее чувствуемое, чем осознаваемое, слово «дворянин» является в виде неясного представления чего-то избранного, привилегированного, неодинакового со всеми остальными людьми»⁴¹.

Представляется, что публицист был прав. Стремительное развитие капитализма в России, появление буржуазии и пролетариата, как классов, обеднение значительного числа дворян, новые политические реалии в стране привели к тому, что существовавшие прежде взаимоотношения между социальными группами ушли в прошлое; роль дворянства, как сословия, в жизни государства стала менее значимой. «Период 1900–1914 гг. характеризуется серьезными изменениями социальной структуры, перераспределением экономической и политической власти между дворянством и буржуазией...»⁴².

Кроме того, «в количественном отношении высшее сословие существенно проигрывало другим социальным стратам, и уже в силу сокращения своей численности все меньше могло влиять на ситуацию»⁴³.

Хотя в Своде законов Российской империи сохранялись некоторые положения, формально обеспечивавшие дворянам определенные преимущества, на практике «при декларированной привилегированности дворян, в условиях изменения экономического и социального уклада, они реально уже мало отличались от прочих подданных»⁴⁴.

Так, «к началу XX века... происходит наступление «разночинцев» на важнейшую дворянскую привилегию – государственную службу, повышается конкуренция при занятии должностей; первостепенное значение приобретают наличие специального образования, служебного опыта, ведомственная специализация, особенно в условиях модернизации, требовавшей повышения способности государственной машины к эффективному функционированию»⁴⁵.

Резюмируя выше сказанное, можно сделать вывод: принадлежность к дворянскому сословию сама по себе уже не играла значимой роли и не обеспечивала достойного общественного положения и материального благосостояния. К концу XIX века состав дворянства был «...сложным, разнородным...»⁴⁶, оно не имело общих для всех его групп и слоев важных экономических и социально-политических интересов, не существовало и общей для всех дворян

идеологии; в то же время новая историческая эпоха – эпоха капитализма – во главу угла ставила индивидуализм и прагматизм.

Все выше изложенное в еще большей степени относилось к корпусу офицеров. В рассматриваемый период не то что рядовое офицерство, но даже армейский генералитет не имели каких-либо политических или экономических привилегий, реального влияния на политику, экономику, социальную сферу, государственное управление и т. д. Времена, когда группы офицеров, приближенных ко двору, могли регулировать важнейшие вопросы государственной жизни, вплоть до низвержения прежних монархов и возведения на престол новых, давно минули.

Офицерам, в отличие от других слоев населения, было запрещено участвовать в деятельности партий и общественных организаций; получая небольшое денежное содержание, они не имели общих экономических интересов с владельцами средств производства и финансовых капиталов.

Таким образом, негативная оценка принадлежности офицеров к дворянству базировалась на ложных посылах, определявших целые классы и слои населения как «реакционные». Неслучайно в определенные периоды советской истории служба офицеров в русской армии преподносилась в виде «теплого местечка», куда любой ценой стремились попасть «сынки помещиков и капиталистов».

В начале XX века (за исключением Первой мировой войны) численность офицеров в русской армии менялась незначительно. В 1903 г. насчитывалось 38 684 офицера⁴⁷, к 1 января 1908 г. – 44 800, из них 1300 генералов, 7811 штаб-офицеров и 35 689 обер-офицеров⁴⁸, к 1 января 1914 года – 43 371, из них 1290 генералов, 7506 штаб-офицеров, 38 575 обер-офицеров⁴⁹.

До 1910 года корпус офицеров комплектовался выпускниками двух типов средних военно-учебных заведений – военных и юнкерских училищ. Принципиальной разницы между ними не было, так как оба ответвления военной школы готовили обер-офицеров для сухопутных войск.

В то же время определенные различия между училищами имелись. Военные училища считались более престижными, так как в них поступала более образованная молодежь, закончившая общие средние учебные заведения, в основном кадетские корпуса⁵⁰. Например, в первом полугодии 1909–1910 учебного года из 169 юнкеров младшего класса Елисаветградского кавалерийского училища 107 были выпускниками кадетских корпусов, остальные – закончили лицеи, гимназии, реальные училища. Из 128 юнкеров старшего класса кадетские корпуса закончили 80 человек⁵¹.

В юнкерские училища поступали юноши, не имевшие законченного среднего образования, то есть те, кто закончил прогимназии, городские училища,

4–6 классов гимназии и равных им учебных заведений⁵². Имея права вольноопределяющихся 1-го разряда по образованию, они, отслужив положенное время в войсках, могли поступать в юнкерские училища.

Курс обучения в юнкерских училищах состоял из двух классов: младшего общего и старшего специального. Младший класс был предназначен для того, чтобы юнкера получили среднее образование. Таким образом, на собственно военное образование отводился лишь один год – в старшем классе.

В результате подготовка выпускников юнкерских училищ не в полной мере соответствовала требованиям времени, и начальники различного уровня, в том числе командующие войсками военных округов, неоднократно поднимали вопрос о необходимости повышения образовательного уровня этой категории офицеров⁵³.

В этих целях в 1901 году началось преобразование двухклассных юнкерских училищ в трехклассные училища (с общим и двумя специальными классами). При этом право поступления в училища было предоставлено не только войсковым вольноопределяющимся, но и молодым людям, не состоявшим на службе в войсках. Тогда же было принято решение: производить окончивших юнкерские училища в офицерский чин тем же порядком, как и выпускников военных училищ, то есть без предварительного производства в подпрапорщики и эстандарт-юнкера (в кавалерии). В то же время учебные программы по военным предметам в юнкерских училищах были несколько меньше, чем в военных училищах⁵⁴.

Несмотря на принятые меры, военные училища по-прежнему считались более престижными, чем юнкерские. Это сказывалось на «обстановке жизни юнкеров, удовлетворении их учебных нужд, положении педагогического и строевого персонала и, наконец, в положении и правах юнкеров при выпуске в офицеры». Так, отпуск средств на юнкеров юнкерских училищ был меньше, чем на юнкеров военных училищ. На содержание пехотным военным училищам отводилось в год 75–90 тысяч рублей, не считая довольствия, а юнкерским – около 50 тысяч. На учебные пособия (включая расходы на библиотеку) пехотные юнкерские училища получали 3 тыс. рублей, военные – 8,3 тыс. рублей⁵⁵.

В общих списках старшинства офицеров при выпуске, ежегодно объявлявшихся в циркуляре Главного штаба, выпускники военных училищ, независимо от успехов в учебе и дисциплине, стояли впереди выпускников юнкерских училищ. «Странно видеть... как вслед за... «восьмерочником», окончившим военное училище, стоит, почти что, с двенадцатью баллами в среднем выводе фельдфебель юнкерского училища»⁵⁶, – отмечал один из военных публицистов.

Выпускники юнкерских училищ направлялись для службы только в пехоту и армейскую кавалерию, в то время как окончившие военные училища имели право служить в любом роде войск, в том числе в гвардии, инженерных войсках и артиллерии⁵⁷.

При этом выпускники юнкерских училищ отнюдь не были чем-то неполноценным по сравнению с окончившими военные училища. Интересны в этом плане наблюдения майора германского генерального штаба фон Теттау, в 1904 г. посетившего ряд частей русской армии. В частности, он отмечал, что в 125-м пехотном Курском полку 85 % офицеров получили подготовку в юнкерских училищах. Однако «...общество офицеров производило отличное впечатление людей хорошо воспитанных, как в смысле военном, так и житейском»⁵⁸.

Фон Теттау побывал во многих частях, в том числе в 26-м драгунском Бугском полку, в 36-м драгунском Ахтырском полку, 48-м пехотном полку. Картина, по его мнению, везде была примерно одинаковой: «Все офицеры ревностно и с воодушевлением относились к своим обязанностям, неся службу с интересом и осмысленно, оставаясь вне службы солидными и скромными...»⁵⁹.

Чтобы унифицировать среднее военное образование, в 1907 году в юнкерских и военных училищах были введены одни и те же программы по всем предметам, а с 1 сентября 1910 года все юнкерские училища переформированы в военные. Отличие новых военных училищ от прежних состояло лишь в том, что в них сохранялся общий класс с общеобразовательным курсом, в котором предоставлялась возможность завершить общее среднее образование⁶⁰.

Таким образом, в начале XX века военное ведомство предприняло меры, направленные на унификацию образования и обучения офицерского состава.

§ 1.2. Этика офицеров Русской Императорской Армии

История распорядилась так, что в судьбах Российской империи армия играла совершенно особую, по сути, уникальную роль. Только благодаря потокам крови, пролитым солдатами и офицерами, сохранялась сама возможность существования государства, подвергавшегося непрерывным нападениям многочисленных завоевателей.

Судьбоносная ответственность, лежавшая на армии и, прежде всего, на офицерах, не могла не породить особых морально-нравственных требований к командному составу. Постепенно сложилась система этических ценностей офицерства. Отметим: специфическая воинская этика был присуща главным образом кадровому офицерству.

Давно ушли из жизни последние офицеры императорской армии, но память о них, как людях чести, сохранилась. Неслучайно образ офицеров тех лет так притягателен для современных кинематографистов, литераторов, рядовых граждан, интересующихся военной историей.

Офицерская этика, вобравшая лучшие воинские и общечеловеческие традиции, нормы и правила поведения, как в боевой обстановке, так и в повседневной жизни, со сменой исторических эпох претерпевала некоторые изменения, однако неизменно опиралась на самые высокие моральные принципы. В начале XX века, в тяжелейших условиях социальных катаклизмов и войн, в период катастрофической деградации нравственных основ общества, это духовное наследие не только не было утеряно, но, напротив, получило дальнейшее развитие и закрепление.

С момента поступления в военное или юнкерское училище содержание духовно-нравственного воспитания будущих офицеров определялось православным христианским учением, интересами государства и общества и заключалось в привитии воспитанникам нравственных качеств, вытекающих из христианского понимания добра и зла, а также комплекса нравственных обязанностей по отношению к Отечеству, Престолу, другим людям, себе⁶¹.

В этих целях в училищах разрабатывались специальные программы, учебно-воспитательные планы, разнообразные учебно-методические пособия. «К разработке этих документов привлекались лучшие научно-педагогические силы военного ведомства и всей России. При этом широко использовался также опыт военно-учебных заведений зарубежных стран, прежде всего Франции, Германии и Австро-Венгрии»⁶².

В целом же воспитание представляло собой целенаправленный процесс воздействия на психику воспитанников в целях развития качеств, ориентированных на существовавшие в то время идеалы и ценности⁶³.

Так, «Инструкция, определяющая правила военного воспитания и устройства внутреннего порядка в юнкерских училищах», разработанная военным министерством, гласила: «Военно-воспитательная подготовка юнкеров должна заключаться... в глубоком укоренении чувства долга христианского... верно-подданнического и воинского». Другой важной задачей воспитания являлось развитие и упрочение «...сознания о высоком значении воина, призванного к защите Престола и Отечества...»⁶⁴. Далее в документе подчеркивалось: «Для военной службы нужен, прежде всего, безукоризненно честный воин. Поэтому внутренняя училищная обстановка и все приемы воспитания должны быть построены на основных началах чести, правды и благородства»⁶⁵.

Это были не просто высокие слова. Кадет и юнкеров нередко воспитывали заслуженные боевые офицеры, действовали специальные курсы по подготов-

ке офицеров-воспитателей, организатором которых стал талантливый военный педагог генерал-лейтенант А. Д. Бутовский⁶⁶.

В военном ведомстве немало делалось для того, чтобы юнкеров обучали и воспитывали такие преподаватели и офицеры, которые полностью соответствовали бы своему высокому предназначению. Соответствующие требования к этим категориям участников учебно-воспитательного процесса, разработанные Главным управлением военно-учебных заведений, были утверждены императором.

После скрупулезного отбора преподавателей предпринимались меры по повышению их научной и методической квалификации. В этих целях действовали Педагогические курсы, на которых преподаватели углубляли свои профессиональные знания и совершенствовали навыки воспитательной работы с юнкерами.

Качество учебной и воспитательной работы контролировалось управлением Главного начальника военно-учебных заведений, а с 1910 года дополнительно – управлением генерал-инспектора военно-учебных заведений⁶⁷.

Вспоминая свои юнкерские годы, генерал-лейтенант А. И. Деникин писал: «...Вся окружающая атмосфера, пропитанная бессловесным напоминанием о долге, строго установленный распорядок жизни, постоянный труд, дисциплина, традиции... все это... создавало военный уклад и военную психологию, сохраняя живучесть и стойкость не только в мире, но и на войне, в дни великих потрясений...»⁶⁸. Училище, в котором учился один из будущих вождей Белого движения, не было исключением: об этом свидетельствует вся история кадрового русского офицерства.

Какого-то специального документа, регламентирующего этические нормы, не существовало. Но они были столь важны для офицерства, что даже в эпоху, когда все связанное с императорской армией подвергалось шельмованию, советский военный журнал писал: «большинство этих норм нигде записано не было. Они издавна утвердились в офицерской среде и соблюдались всеми офицерами»⁶⁹. Но ничто не проходит бесследно: официальные документы военного ведомства, приказы командиров и начальников различного ранга, книги и статьи тех лет, воспоминания, мемуары, дневники и письма, написанные представителями военного сословия, позволяют воссоздать этический кодекс русского офицерства.

В основе этического кодекса офицеров лежали такие непреходящие ценности, как долг и честь.

Что же подразумевалось под понятием «честь»? Генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев писал: «Честь – это стремление быть благородным, высшим су-

ществом по внутренним достоинствам, совершать поступки, достойные славы, без всякого принуждения извне и без всякого другого вознаграждения, кроме одобрения своей совести»⁷⁰.

Известный в начале XX столетия военный юрист и публицист П. А. Швейковский, автор книг, широко распространенных среди офицеров, отмечал, что прежде всего «воинская честь выражается в верности Престолу, мужестве против неприятеля, в презрении к трусу; она есть высшее духовное благо армии; армия погибла, если потеряна ее честь»⁷¹.

Аналогично трактовал это понятие генерал-лейтенант А. Н. Апухтин, видный военный писатель, командовавший в годы русско-японской войны полком, а в годы Первой мировой войны – дивизией: «Воинская честь, личная или корпоративная, есть высшее проявление нравственных качеств отдельного бойца или целого полка. Непокколебимая верность Царю и Отечеству, своему знамени, храбрость и дисциплина – вот главнейшие основы специальной воинской чести»⁷².

После производства в офицерский чин выпускники училищ попадали в офицерскую среду, в которой «...понятие о чести издавна было распространено и имело особое значение»⁷³, где восполнялись пробелы воспитательной работы в период учебы.

О том, как вели себя офицеры на полях сражений, мы скажем в специальной главе. Здесь же отметим, что в офицерской среде сдача в плен считалась позором.

Попадание в плен противоречило существовавшим традициям, поэтому, когда во время русско-японской войны 1904–1905 гг. стали известны случаи пленения легко раненных офицеров, в военной среде отнеслись к этому крайне отрицательно. «Я боюсь, как бы понятие о позорности плена не изменилось у нас в армии вследствие последней войны с Японией»⁷⁴, – писал на страницах «Разведчика» один из участников боевых действий. Возмущение автора тем, что в плен попадали раненые, еще могущие сопротивляться, поддержало громадное большинство командного состава армии: подтверждением тому служит большое количество писем, пришедших в редакцию журнала.

Необычная ситуация сложилась после сдачи Порт-Артура. Как известно, по приказу начальника Квантунского укрепрайона генерал-лейтенанта А. М. Стесселя крепость капитулировала, при этом в соглашении о капитуляции было сказано: «Русская армия, флот ...в крепости и водах Порт-Артура становятся военнопленными»⁷⁵. В донесении японского генерала Ноги говорилось о пленении 8 генералов, 4 адмиралов, 57 полковников и подполковников, 100 капитанов флота, 531 обер-офицера армии, 200 лейтенантов и других чинов флота⁷⁶.

В день сдачи Порт-Артура состоялся общий обед, на котором с японской стороны присутствовал генерал Ноги со своим штабом, с российской стороны – А. М. Стессель и некоторые другие представители командования крепости. Фотоснимок участников обеда использовался японцами в листовках, призывавших русских сдаваться в плен и распространявшихся на позициях русских войск под Мукденом⁷⁷.

В связи со сдачей Порт-Артура в офицерской среде возникла дискуссия: как должны были поступить офицеры после приказа о капитуляции, сдаваться в плен или нет? Ситуация возникла противоречивая, ибо, с одной стороны, был приказ, но, с другой стороны, он противоречил понятиям о чести. Многие склонялись к тому, что такой приказ выполнять было нельзя и что решительное выступление даже небольшой группы младших начальников против сдачи крепости могло бы повлиять на слабовольное руководство крепости. Свое мнение они мотивировали и тем, что причастные к сдаче крепости были преданы суду, а главный виновник – А. М. Стессель – приговорен к смертной казни (ее заменили 10-летней каторгой, позже указом Николая II он был помилован).

В ходе дискуссии сторонники этой точки зрения задались вопросом: почему офицеры выполнили преступный приказ и не выступили против сдачи Порт-Артура? После длительных споров и обсуждений был сделан следующий вывод: «Причина этого... кроется в общем духе нашего законодательства, которое... стремится, прежде всего, оградить требования формальной дисциплины...», сохранить при любых обстоятельствах престиж начальства, пусть даже и ложный; в результате рядовое офицерство не в силах влиять на ход событий»⁷⁸.

«Подчиненному иногда ясно видны незаконные действия своего начальства, но он лишен возможности пресечь очевидное зло...» в столкновении с «всесильным начальством», – писал современник. Однако случившееся не могло оставить равнодушным ни одного офицера, и в этом смысле армия переживала «...великую драму, в виду... суда над... ее представителями, не сумевшими отстоять до конца честь русского оружия в Порт-Артуре»⁷⁹.

В январе 1906 года в военном ведомстве был издан приказ, определявший дальнейшее прохождение службы возвращающимися из плена генералами и офицерами:

если офицеры были взяты в плен «ранеными и лишенными, вследствие полученных ран, возможности защищаться», предписывалось возвращать их в части, в которых они служили;

в случае попадания в плен «контужеными или вовсе не ранеными» офицеров можно было зачислять в части, где они служили, не иначе, как с «согла-

сия всего общества офицеров этих частей». Если общество офицеров несогласно – увольнять от службы в порядке дисциплинарном; генералов и командиров отдельных частей, «независимо от того, были ли они взяты в плен ранеными, контуженными или здоровыми», прикомандировывать на один год к штабам соответствующих армейских корпусов с тем, чтобы было «произведено подробное расследование всех обстоятельств взятия их в плен». Если возможно было оставить их на службе, то, по представлению военного министра, окончательное решение принималось императором Николаем II. Подчеркнем: эти правила не касались чинов «...бывшего Порт-Артурского гарнизона, взятых в плен вследствие капитуляции крепости»⁸⁰.

В том же году военное министерство издало приказ, в котором объявлялось повеление императора Николая II: офицерам крепости «время... проведенное в плену... из действительной службы не исключать. Что же касается вообще офицеров, бывших в плену... то плен этот не исключать... если особым расследованием в каждом отдельном случае будет установлена полная невозможность избежать плена»⁸¹.

Более того, при определении выслуги лет для получения пенсии офицерами, участвовавшими в защите крепости, еще один приказ предписывал «...считать каждый месяц пребывания в Порт-Артуре в течение времени с 1 мая по 20 декабря 1904 года за год, а каждый день – за 12 дней»⁸².

Таким образом, официально было признано, что вынужденная сдача в плен по приказу не затронула честь офицеров порт-артурского гарнизона.

В годы Первой мировой войны подавляющее большинство офицеров также блюло традицию биться с врагом до последней возможности. По данным генерал-лейтенанта русской армии Н. Н. Головина, соотношение потерь между т. н. «кровавыми потерями» (убитые, умершие от ран, раненые, контуженные, отравленные газами) и пленными среди офицеров в годы Мировой войны характеризуются следующими цифрами⁸³.

Взаимоотношение кровавых потерь и пленных командного состава

	Кровавые потери, %	Пленные, %	Всего, %
Пехота	85	15	100
Кавалерия	95	5	100
Артиллерия	81	19	100
Крепостные войска	25	75	100
Инженерные войска	86	14	100
Авиац. и воздухоплав. части	82	18	100
Автом. и самокат. части	98	2	100

Железнодорожные войска	93	7	100
Казачьи войска	96	4	100
Отд. корп. погр. стражи	96	4	100
Корп. военн. топогр.	65	35	100
Штабы действ. армии и тыла	77	23	100
Общее для всей армии	85	15	100

Количество офицеров, попавших в плен физически здоровыми и способными сопротивляться, установить вряд ли возможно. Но, по косвенным данным, их было немного. Сохранился «Список офицеров, врачей и классных чиновников, против которых имеются показания о преступных деяниях, совершенных при сдаче в плен и в плену». Документ подготовлен в штабе Западного фронта, датирован 12 ноября 1916 г. и содержит данные за 2 года; всего приводится 83 фамилии⁸⁴.

Если учесть, что на Западном фронте только в строевых частях воевали десятки тысяч офицеров (в октябре 1917 г. их было 22 731)⁸⁵, то число сдавшихся в плен добровольно выглядит незначительным. Кроме того, из 83 человек, как явствует из названия списка, не все были офицерами.

С большой долей уверенности можно предположить, что на других фронтах ситуация была аналогичной. По нашему мнению, позволительно сделать вывод о том, что большинство из попавших в плен офицеров были пленены ранеными и лишены возможности сопротивляться, часть из них – в бессознательном состоянии или же оказавшимися, по тем или иным причинам, безоружными.

Отметим также: процент плененных офицеров был значительно меньше аналогичного показателя среди нижних чинов. В числе прочего, об этом свидетельствуют данные, приведенные Н. Н. Головиным в следующей таблице (сохранена терминология автора)⁸⁶.

Сравнение «сдаваемости» в плен офицеров и солдат Русской армии

	На 10 раненых и убитых сдавалось в плен среди офицеров	среди солдат	Во сколько раз «сдаваемость» в плен в офицерском составе ниже, нежели в солдатском
1914 и 1915 гг.	2,5	5,9	2,2
1916 г.	0,9	1,6	1,8
1917 г.	1,5	6,9	4,6
Для всей войны	1,9	4,4	2,3

Одной из самых давних традиций было почитание знамени части. «Знамя – Царское благословение на верную службу Родине. Полковое знамя – это святыня и честь полка, которую надо защищать до смерти. Потерять в бою знамя – все равно, что нарушить присягу, изменить Царю и Родине, а таких клятвопреступников, которые отдали свое знамя врагу на посмеяние, карают лишением воинской чести и смертной казнью»⁸⁷.

Участник русско-японской и Первой мировой войн генерал от кавалерии П. Н. Краснов писал: «Знамя – душа армии. Знамя – великий символ бессмертной идеи защиты Родины. ...Нужно ли говорить о том, что тело наше могут убить, замучить на работах, унижить, заставить голодать, но бессмертной души, но сознания верности Родине и любви к ней, но седых полковых знамен и штандартов – никто уничтожить не может»⁸⁸.

Во имя спасения армейских святынь, а значит и воинской чести, было совершено немало героических поступков. Вот лишь некоторые из них.

Так, в бою под Мукденом 25 февраля 1905 года часть 162 пехотного Ахалцихского полка была окружена японцами. Знамя находилось при сводной роте, которой командовал капитан Жирнов. Сознывая опасность захвата стяга, он приказал сорвать и спрятать знамя, сам же поднял древко и бросился в другую сторону, отвлекая внимание врага (вскоре офицер погиб). Один из нижних чинов обмотал знамя вокруг тела, передав его позже поручику Хондажевскому. Офицер оказался в плену, где хранил знамя более 8 месяцев; после этого он сумел доставить стяг на Родину⁸⁹.

Там же, под Мукденом, было окружено несколько рот 55 пехотного Подольского полка. Командир полка полковник Васильев передал знамя ординарцам, чтобы те вынесли его к своим; остальной личный состав прикрывал их отход. Погибли все, полковника Васильева японцы подняли на штыки, но знамя не попало в руки врага⁹⁰.

При отступлении от Мукдена 1-й Восточно-Сибирский стрелковый полк вышел из боя с японцами в составе всего 3 офицеров и 150 нижних чинов, но сохранил знамя⁹¹.

Во время капитуляции Порт-Артура ни одно знамя не попало в руки японцев, все они были вывезены на прорвавшемся миноносце «Статный»⁹².

Уникальные случаи спасения знамен известны в годы Первой мировой войны, в частности во время неудачной Восточно-прусской операции войск русского Северо-Западного фронта (4(17) августа – 2(15) сентября 1914 г.). Дважды раненный полковник Первушин (1-й пехотный Невский полк), перед последней попыткой своей части пробиться из окружения, приказал снять знамя с древка и зарыть его в землю. Знаменщик, подпрапорщик Удалых, точно запомнил место, где было зарыто знамя.

Остатки полка, которым удалось выйти из окружения, были направлены для переформирования в г. Лиду. Сюда же для прохождения службы прибыл подпоручик А.Игнатъев, который, по воспоминаниям сослуживцев, был крайне разочарован тем, что попал в полк, не имевший полковой святыни – знамени. Узнав, что в части находится подпрапорщик, спрятавший знамя и помнивший его местонахождение, А.Игнатъев решил вернуть полковую святыню. Некоторое время спустя Игнатъев и Удалых исчезли. Отметим, что по закону это могло привести к тяжким последствиям для них (вплоть до смертной казни).

Через 2–3 недели они вернулись в расположение полка, оборванные, в крестьянской одежде, и предъявили знамя. Оказалось, что сопровождаемый знаменщиком А.Игнатъев пробрался через линию фронта в Восточную Пруссию. Передвигаясь исключительно ночью, скрываясь как от немецких, так и от русских разъездов, они нашли место, где было скрыто знамя, и отрыли его. При обратном переходе линии фронта герои нарвались на немцев, подпоручик Игнатъев был ранен пулей в ногу, но подоспевшие вовремя казаки выручили их. О подвиге однополчан было немедленно доложено Верховному Главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу, их принял император Николай II⁹³. «За мужество и храбрость, выказанные... при спасении знамени полка», подпоручик был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом⁹⁴.

Знамя 29-го пехотного Черниговского полка 11 августа 1914 г. в бою под Орлау подверглось большой опасности. В критический момент боя командир полка полковник Алексеев приказал развернуть знамя и лично повел в штыки знаменную полуроту.

Командир полка был ранен, затем убит, и к знамени бросились немцы. Вокруг него закипел жестокий рукопашный бой, но «рука немца не коснулась знамени». Поручик Голубев взял знамя у трижды раненного знаменщика и упал, сраженный насмерть. Знамя подхватывает солдат, но и он погибает. Немецкая пресса того времени писала: «Может быть, в мире не существует другого военного трофея, за обладание которым шла бы такая героическая и драматическая с обеих сторон борьба, какая велась за знамя Черниговского полка». Раненый знаменщик оторвал полотнище и спрятал его на груди. Немцы были отбиты, но знаменная группа была прижата пулеметным огнем к земле и оставалась на нейтральной полосе между линиями русских и германских войск. Ночью черниговцы вынесли знаменщика и пропитанное его кровью знамя. Прибитое к казачьей пике знамя находилось при полку. 30 августа остатки полка были окружены, и новый знаменщик вновь сорвал знамя с пики, спрятал его на груди и вместе с ним попал в плен. Находясь ночью в са-

рае, он увидел полкового священника о. Соколова и, считая, что тому будет легче сохранить знамя, попросил батюшку его взять. Вскоре немцы отпустили священника, и он через Швецию вернулся в Россию. 29 сентября священник представил Государю Императору знамя Черниговского полка. За спасение знамени о. Соколов был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте⁹⁵.

К сожалению, бывали случаи, когда знамя приходилось спасать от «своих» бунтовщиков, забывших присягу. В июле 1906 года вышли из повиновения командирам пять рот 83-го пехотного Самурского полка. Вооруженная толпа попыталась арестовать командира части и захватить знамя, чтобы сжечь его. Офицеры во главе с командиром полка полковником Лемкулом, взяв знамя с собой, закрылись в помещении и стали отстреливаться. Четыре офицера были убиты, двое ранены, но полковое знамя удалось сохранить⁹⁶.

Таким образом, офицеры делали все возможное, чтобы сохранить знамена. В случае, когда существовала реальная опасность того, что знамя попадет в руки противника, оно сжигалось или закапывалось в землю. Так, во время отступления от Мукдена в 1905 г. в безвыходной ситуации было сожжено знамя 5-го стрелкового полка, несколько позже – 19-го стрелкового полка⁹⁷.

Синонимом воинской чести считалась также честь мундира. «...Общей для всей армии традицией была забота о сохранении чести мундира, прежде всего офицерского мундира... Честь военного мундира вообще, честь носить мундир определенной войсковой части требовала от офицера большой ответственности. Мундир нужно было носить так, чтобы ничто не бросало тень на родной полк. Понятие чести мундира было неразрывно связано с гордостью тем, что ты являешься офицером русской армии, что ты служишь родине...»⁹⁸.

В соответствии с тогдашними требованиями, офицеры носили форму на службе, в свободное время и даже в отпуске, и это постоянное пребывание в мундире являлось непрерывным напоминанием о принадлежности к корпусу офицеров.

Человек в военной форме резко выделялся среди людей, одетых в штатское платье, поэтому офицер всегда был на виду; общественное мнение оценивало его поведение не только в личностном плане, но и как представителя всего офицерского корпуса. Это накладывало чрезвычайно высокую ответственность на каждого, носящего мундир.

«Существо сословной чести требует, чтобы офицерское достоинство признавалось и уважалось в обществе... поэтому каждый офицер должен себя держать в обществе так, чтобы своими действиями... не только не совершить... того, что считается противным общественным понятиям о чести вообще и спе-

циально воинским понятиям о доблести и достоинстве офицерского звания, но и чтобы... избежать самого малейшего намека на что-либо противное чести и благородству»⁹⁹.

Те, кто вел себя в общественных местах неподобающим образом, осуждались товарищами и старшими начальниками. Например, в одном из приказов по Кавказскому военному округу говорится о необходимости увольнения от службы офицера, который напился, стрелял на улице из револьвера, танцевал под гармонь, отказывался платить по счету. Такое поведение, говорится в приказе, изобличает в нем «...отсутствие... понятий о воинской чести и доблести офицерского звания»¹⁰⁰.

Мимо внимания командующего войсками Туркестанского военного округа не прошел следующий факт. Два обер-офицера были ночью в ресторане, где поспорились с пьяными чиновниками, и чиновник ударил одного из них. На следующий день оскорбленный вступил «в мировую сделку с одним из дравшихся с ним чиновников». Суд общества офицеров ограничился внушением, в то время как в соответствии с традицией его надо было удалить со службы. В своем приказе командующий отметил, что это прискорбные, унижающие офицерское достоинство факты, ибо налицо было не только участие в скандале, но и оскорбление воинской чести.

«...Идея воинской чести обнимает собою понятия, как личной общечеловеческой чести, так и чести корпоративной, присущей исключительно военному сословию», – подчеркнул командующий¹⁰¹.

Когда под влиянием либеральных идей среди некоторых молодых офицеров распространились взгляды, что мундир – это всего лишь рабочая одежда, знаменитый на всю Россию генерал от инфантерии М. И. Драгомиров ответил на это так: «Господам, которые щеголяют своей прогрессивностью, кажется, что мундир есть не более как рабочий костюм: да, рабочий, да работа-то наша особенная. Ведь, чтобы ее сделать, нужно жертвовать жизнью... Мы, обреченные таким образом на смерть для блага народа, уже по этому самому должны быть отмечены внешним образом от рабочих других профессий и дорожить такими внешними отличиями»¹⁰².

Именно честь мундира обязывала офицера «...помнить, что не только перед нижними чинами или... начальством, но в присутствии кого бы то ни было, он ни в каком случае не может себе позволить быть в нетрезвом, даже слегка, виде, в неряшливо содержащейся одежде...»¹⁰³.

Борьба со случаями пьянства велась на самом высоком уровне. С одобрения императора Николая II военное министерство в мае 1914 г. издало специальный приказ, называвшийся «Меры против потребления спиртных напитков в армии».

В нем, в частности, указывалось, что «появление офицера в нетрезвом виде, где бы то ни было, а особенно перед нижними чинами, считается тяжким проступком, не соответствующим офицерскому званию...», и предписывалось, в зависимости от обстоятельств, подвергать нарушителей различным наказаниям, вплоть до увольнения от службы¹⁰⁴.

Приказы, а также неписаные правила, соблюдение которых было не менее обязательным, воспрещали офицерам посещение мест, не соответствовавших офицерскому достоинству. Так, в приказе войскам гвардии и Петербургского военного округа всем гвардейским офицерам запрещалось посещать частные клубы и собрания, где играли на деньги¹⁰⁵. «Разведчик», в связи с пристрастием некоторых офицеров к биржевой игре, отмечал, что если им нужна легкая нажива, то пусть они «снимают свой мундир, который должен служить эмблемой скромности и воздержания... и тогда уже смешиваются с толпой биржевых дельцов сомнительной репутации»¹⁰⁶.

Офицерам воспрещалось бывать в ресторанах и гостиницах низших разрядов, всех трактирах, чайных, кофейнях, пивных, кухмистерских, портерных, буфетах 3 класса на железнодорожных станциях¹⁰⁷. Отметим, что подобные требования касались всех офицеров, по всей стране, независимо от рода войск и места расположения части¹⁰⁸.

Не следует, однако, считать, что офицерам предписывалось вести себя подобно «кисейным барышням». Журнал «Офицерская жизнь» писал: «Офицер – не отшельник, не мальчик и не институтка, а взрослый и полноправный человек. Значит, следует только знать границу. Так, если он пьет, то не должен пить до неприличия; если играет в карты, то не должен зарываться в игру настолько, чтобы это могло вредно отзываться на его бюджете, в виде долгов; если позволяет себе некоторые удовольствия неплатонического характера, то должен делать это так, чтобы оно не имело формы разврата, а лишь удовлетворения присущей каждому человеку естественной потребности»¹⁰⁹.

Граница, о которой говорит автор, обуславливалась не только этическими, но и сугубо практическими соображениями: офицер должен был «...до самого своего ухода в отставку быть пригодным и морально, и физически исполнить свое назначение. Поэтому он не имеет права предаваться страстям, в большинстве случаев действующим пагубно»¹¹⁰.

Безусловной нормой являлось уважение к старшему по чину и по должности. «Помни, что начальник всегда и везде начальник. Никогда не критикуй действий и поступков начальства вообще; при ком-либо – особенно и, Боже избави, при нижних чинах. Всякое распоряжение начальника по службе, в какой бы форме оно ни было выражено (предложение, просьба, совет) – есть

приказание»¹¹¹. В то же время и старший должен был уважать офицерское достоинство младшего. «Идея военного братства только и может осуществляться в том обществе, где начальники не рискуют натолкнуться на бестактность подчиненных, а подчиненные на резкость со стороны начальников. Истинная дисциплина именно к этому и ведет, ее девиз: отдай начальнику весь положенный долг и умей при этом держать себя с гордым сознанием своего офицерского достоинства», – писал генерал-лейтенант Н. Бутовский¹¹².

Конечно же, нельзя утверждать, будто в офицерской среде нормы взаимоотношений не нарушались никогда. В повседневной жизни встречались проявления несдержанности, некорректности, даже грубости начальников по отношению к подчиненным.

Например, за какие-либо просчеты офицера могли «разнести» перед строем так, что это слышали солдаты¹¹³.

Не таким уж редким явлением, как отмечал Е. И. Мартынов, командовавший полком, бригадой, дивизией и одновременно являвшийся видным военным писателем того времени, были «крик, грубые, обидные выражения, иногда даже ругательства»¹¹⁴.

Нечасто, но встречались случаи откровенного самодурства. Например, «один из высоких начальников подвергнул ряд офицеров взысканиям за то, что от явившегося посыльного нижнего чина пахло чесноком»¹¹⁵.

Подчеркнем, однако, что подобные факты осуждались в офицерской среде, против этого явления боролась военная пресса, за это наказывали в дисциплинарном порядке.

Так, в одном из приказов по Кавказскому военному округу за 1908 г. описывается следующая ситуация: командир полка смотрел показное ротное учение. Когда один из взводов, выполняя строевые приемы по новому уставу, сбился, командир полка произнес громкие ругательства. Главнокомандующий войсками округа генерал от кавалерии Воронцов-Дашков объявил выговор командиру полка, ибо «...начальник ни при каких обстоятельствах не должен и не имеет права допускать унижительное обращение со своими подчиненными...»¹¹⁶.

Чрезвычайно важным элементом понятия «честь» в офицерской среде считалась такая черта, как умение держать свое слово. «Верность слову... всегда отличала офицера. Измена слову... недостойна звания его»¹¹⁷. Неслучайно в то время под «слово офицера» одалживали крупные суммы денег и вверяли самые важные, в том числе личные секреты, ибо нарушить слово считалось невозможным в принципе.

Верность русских офицеров данному слову вызывала уважение даже у врагов. Так, в тексте соглашения о капитуляции Порт-Артура японская сторона

указала: русские офицеры, давшие «...письменное честное слово не возвращаться в строй и... не принимать участия в действиях против интересов японской армии до конца войны, получают... разрешение... вернуться на родину»¹¹⁸.

Отметим, что после взятия Порт-Артура под честное слово японцы освободили 675 офицеров¹¹⁹.

Нарушение слова, даже по относительно незначительным поводам, считалось несмываемым позором в офицерской и юнкерской среде и иной раз приводило к трагическим последствиям. Так, один из юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища чтобы не опоздать к вечерней переключке из городского отпуска, взял извозчика. Расплатиться юнкер пообещал после доклада дежурному о своем прибытии. Извозчик остался ждать возле училища, но юнкер по какой-то причине деньги не принес, хотя прошло уже полтора часа. Проходивший мимо училища эскадронный командир юнкера, узнав, в чем дело, сам рассчитался с извозчиком, а на следующий день перед строем эскадрона рассказал о происшедшем «недопустимом и позорном случае». В тот же день юнкер выстрелил себе в сердце, смерть наступила мгновенно¹²⁰.

В отношении к представителям других социальных групп офицерская этика предписывала следующее: «Офицер должен относиться ко всем лицам других сословий с уважением и свое чувство собственного достоинства не должен выражать надменностью перед этими лицами»¹²¹. Мотивировалось это прежде всего тем, что офицерство служит «...не только Государю, но и народу, главою которого является Государь»¹²².

От каждого члена воинского сословия требовалось быть выдержанным, корректным и тактичным всегда, со всеми и везде. При этом было «необходимо помнить ту границу, где кончается полная достоинства вежливость и где начинается низкопоклонство»¹²³. К льстецам, пытающимся добиться расположения начальства, в офицерской среде традиционно относились с крайним неодобрением. «Льстивость... никогда и нигде не считалась достоинством офицера. В старой русской армии таких «служак» презирали»¹²⁴.

Неслучайно в корпусе офицеров широкой популярностью пользовался афоризм генерала М. И. Драгомирова: «Ведет себя достойно пред неприятелем только тот, кто ведет себя достойно пред начальником»¹²⁵.

Между равными по служебному положению офицерами отношения строились на основе товарищества, при этом рекомендовалось избегать «денежных счетов с товарищами... сам, если можешь, помоги товарищу денежно, но лично избегай брать, так как это роняет твое достоинство»¹²⁶.

В армии вообще, а в офицерской среде особенно, с презрением относились к доносам. Это проявлялось не только на бытовом уровне, но и на уровне офи-

циальном. В полках, бригадах, дивизиях, округах издавались специальные приказы, в которых доносчиков клеймили позором¹²⁷.

Так, например, в одном из приказов войскам Киевского военного округа за 1902 год говорится о том, что в батальоне, где велось следствие о беспорядках нижних чинов, его командир требовал от офицеров докладывать ему, что, где и кому говорится о делах в батальоне. Командующий войсками округа приказал командиру 10-го армейского корпуса «обуздать» батальонного командира, так как им «слабо усвоено понятие о служебном такте»¹²⁸.

Особо следует сказать об этических нормах, определявших отношение офицеров к солдатам. Дело в том, что еще до 1917 г. либеральная интеллигенция и революционные партии нередко использовали клевету и подтасовки как средство дискредитации офицерского корпуса (подробнее об этом будет сказано далее); в последующие десятилетия подобная практика стала нормой.

Так, в одном из «трудов», вышедших в 30-е годы, порядки, «установленные золотопогонной сворой», в солдатских казармах описывались следующим образом. «...Жестокие и унижительные наказания за малейшую провинность, грубое обращение и мордобой... разжигание национальной розни, поощрение неграмотности...». Далее делался вывод: «Какого же еще обращения, кроме скотского, можно было ожидать от офицера, убежденного, что солдат есть животное, обладающее даром речи?»¹²⁹.

Подобные измышления не просто далеки от исторической правды: они насквозь лживы. Тогдашние армейские реалии были сложными, но совершенно иными. Реформы 60–70-х годов XIX века значительно изменили социальную обстановку в стране, существенно повлияли на мировоззрение и психологию всех сословий и социальных групп. В частности, отмена крепостного права и установление сословного равенства принципиально изменили положение в армейской среде.

Если до этого отношения между солдатами и офицерами в значительной мере строились на основе принадлежности командного состава к высшим сословиям, то к началу XX века «...офицер-барин перестал существовать, нижний чин-холоп – тоже. За 40 лет бессловесный солдат превратился в сознательное существо»¹³⁰.

В новых условиях обеспечить решение стоящих перед войсками задач, обучить и воспитать подчиненных, завоевать у них авторитет и уважение офицеры могли только за счет личных качеств. Ситуация, однако, осложнялась тем, что существовавшее в течение длительного времени неравенство в правах и причины социально-экономического характера породили у широких слоев населения враждебное отношение к привилегированным сословиям. В свое

время к ним относилось и офицерство, поэтому сложившееся у большинства простолюдинов психологическое неприятие «господ» давало о себе знать.

Отметим: об исторически сложившемся отчуждении между солдатами и офицерами открыто писала военная пресса; яркий пример тому – статья подполковника Шарапова, без прикрас повествовавшая об этом негативном явлении¹³¹.

Иногда к этой теме обращались и солдаты, письма которых публиковались в прессе. Так, в статье, подписанной псевдонимом «Нижний чин», автор пишет о грубости некоторых офицеров с солдатами: «В душе... рождается чувство вражды ко всем, носящим офицерский мундир. Вот это-то болезненное место прежде всего нужно изменить в нашей армии. Нужно устранить эту традиционную вражду между нами, солдатами, и вами, господа офицеры»¹³².

Офицерам необходимо было завоевать доверие солдат. Добиться этого, как писал М. И. Драгомиров, возможно «характером, знанием дела, заботливостью о солдате и, наконец, всяческой справедливостью...»¹³³.

Так считали все военные, писавшие об армии. Приведем лишь несколько цитат из популярных книг и сборников того времени.

«Чем больше со стороны офицера будет теплоты, участия, терпения, тем легче он найдет доступ к сердцу и сознанию молодого солдата; в таком случае лучше пойдет его воспитание и образование, ибо он уверует в офицера и, уверовавши, во всем послушает»¹³⁴. «Солдаты не безмолвные бараны, а беспощадные судьи, пришедшие из разных концов беспредельной России, уносящие обратно, туда же, всё пережитое на службе: благодарность и озлобленность; уважение и презрение; любовь и ненависть»¹³⁵. «...Старайтесь сблизиться с солдатом... и полюбить его. Сердце неиспорченного русского простолюдина можно назвать золотым сердцем... Вы найдете в нем неисчерпаемый источник самопожертвования; вы будете очарованы этой готовностью человека, отдать вам все за ваше доброе к нему участие»¹³⁶. «Офицер должен уважать человеческие права своего собрата – нижнего чина»¹³⁷.

Следует подчеркнуть, что эти мысли не были отвлеченными рассуждениями дилетантов. Их авторы – офицеры и генералы, много лет служившие в армии, глубоко понимавшие суть процессов, происходивших в войсках.

Понимая требования времени, командиры и начальники различного ранга стали предпринимать меры по преодолению отчуждения между офицерами и нижними чинами, созданию товарищеской атмосферы во взаимоотношениях между ними.

В 1906 г. генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович подписал приказ по артиллерии № 4. В нем говорится, что многие офицеры не знают своих нижних чинов в должной мере, и «только те части стоят

во всех отношениях на должной высоте, в которых начальники и офицеры живут общими интересами с нижними чинами, занимаются их обучением и воспитанием»¹³⁸.

В одном из приказов по Кавказскому военному округу командующий указал: «...всякого рода беспорядки и случаи нарушений дисциплины в войсках я, прежде всего, буду объяснять недостатком воспитательной и товарищеской работы офицерского состава...», так как некоторые офицеры, по мнению командующего, стояли в стороне от жизни подчиненных им нижних чинов¹³⁹.

Командующий войсками Киевского военного округа в своем приказе подчеркнул, что «единственный при обучении молодых солдат прием – показ, совершенно исключаяющий книжное заучивание. В деле обучения молодых солдат отбросить систему запугивания»¹⁴⁰.

Подобные приказы издавались по всей армии. Выполняя их требования, офицерство, понимавшее необходимость перемен, сосредоточило усилия на развитии гуманистической, нравственной составляющей отношений с подчиненными.

Прежде всего неграмотных солдат стали обучать чтению и письму (процент грамотных среди призывников составлял в 1901–1910 годах в среднем лишь 50–60%).¹⁴¹ При этом решение специальной государственной комиссии об обязательном обучении молодых солдат грамоте (1900 год)¹⁴² выполняли именно офицеры, в основном ротного звена. В целях просвещения, а также для того, чтобы установить духовную близость с солдатами, передовая часть офицерства считала необходимым проводить с ними беседы на экономические, военные, гражданские и религиозные темы¹⁴³.

В этой связи отметим, что многие офицеры, несмотря на служебную загруженность, много читали. Например, в одной из артиллерийских бригад за два года – 1909 и 1910 – офицеры в среднем в год прочитали на одного человека 3 военных книги и 36,8 книг невоенного содержания¹⁴⁴.

В то время не было централизованной системы комплектования ротных солдатских библиотек литературой, и они нередко представляли собой «простое скопище книг». Учитывая важность чтения в формировании личности солдат, именно офицеры прилагали усилия для того, чтобы создать определенную систему в формировании библиотечных фондов¹⁴⁵. (Лишь позже, в годы Первой мировой войны, военный министр утвердил «Список книг, кои могут быть допущены для чтения больных и раненых нижних чинов, находящихся в разного рода лечебных заведениях»¹⁴⁶.)

В войсках делались попытки использовать и совершенно новые для того времени формы работы с нижними чинами. Так, например, в 1-й и 2-й пехот-

ных дивизиях были созданы особые советы офицеров, с целью содействия умственному и нравственному развитию солдат¹⁴⁷; в 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии ежемесячно проводились совещания офицеров, на которых обсуждались методы обучения и воспитания нижних чинов, разбирались различные ситуации из жизни и службы солдат и офицеров¹⁴⁸.

Отметим: офицеров не обучали теории и практике воспитательной работы, и можно предположить, что она велась интуитивно, с опорой на собственный опыт. Понятно, что желаемый результат достигался далеко не всегда, но здесь важно другое – то, что солдат воспитывали, а не «мордовали».

Показательно и то, что известно немало фактов, когда офицеры даже в мирное время рисковали жизнью для спасения подчиненных.

Так, в декабре 1902 г. в Андижане произошло сильное землетрясение. Один из офицеров, поручик Девдориани, во время подземных толчков вбежал в помещение, где стояло знамя, и вынес его. Двое других – поручик Герцулин и капитан Тучков – выводили солдат из казарм, оставаясь в них вплоть до выхода последнего человека. Вследствие этого поручик Герцулин погиб, а капитан Тучков был тяжело ранен¹⁴⁹.

В Киевском военном округе во время учений солдат бросил связку динамитных патронов, которая не взорвалась. Надо было выяснить, продолжается ли горение фитиля. Подпоручик 7 саперного батальона Васильев извлек динамит сам, не подвергая опасности нижнего чина, человека менее опытного. Командующий войсками поблагодарил подпоручика «...за правильное понимание обязанностей офицера и примерное отношение к служебному долгу»¹⁵⁰.

Во время боевых действий офицеры, рискуя жизнью, выносили с поля боя раненых солдат. Например, множество таких случаев отмечено в ходе русско-японской войны¹⁵¹.

Таким образом, «скотское», по мнению ангажированных авторов, отношение офицеров к солдатам, регламентируемое как приказами, так и этическими нормами, заключалось в обучении и воспитании подчиненных, а также заботе о них.

Конечно, понять суть сложнейших социальных процессов, происходивших в стране и армии, могли не все офицеры и не сразу. Сказывались пережитки времен крепостного права, когда сословия весьма значительно различались в правах, инерционность мышления, отсутствие знаний в сфере педагогики и психологии.

Были такие, кто считал, что достаточно одной требовательности в отношении нижних чинов, и относились к солдатам «сухо». В этой связи бывший офицер-гвардеец князь С. Трубецкой писал: «Теперь часто слышишь, что кадровые офицеры вообще-то солдат за людей не считали и относились к ним, как

к скотам. Могу лишь сказать, что среди моих полковых товарищей я таких офицеров не знал. ...Среди офицеров встречались такие, которые относились к солдату безразлично, так сказать, казенно и совершенно не интересовались солдатским бытом и нуждами, но нельзя же делать из этого вывод, что, стало быть, они относились к солдату, как к скотине»¹⁵².

Говоря о «мордобое», якобы процветавшем в русской армии, отметим, что телесные наказания в армии (и в стране в целом) долгое время существовали официально и были отменены только в апреле 1863 г. Однако в дисциплинарных батальонах сохранилось наказание розгами для так называемых «штрафованных» (лиц, совершивших серьезный проступок уже в период нахождения в дисциплинарном батальоне)¹⁵³.

В 1899 г. по инициативе военного министра А. Н. Куропаткина был поднят вопрос об окончательной отмене телесных наказаний в армии. Причиной такого шага называлось несоответствие высокого звания воина и унижительного наказания розгами.

Министр обратился к командующим военными округами с просьбой высказать свое мнение по этой проблеме; те, в свою очередь, обратились к нижестоящим командирам. Громадное большинство командного состава выступило за отмену таких наказаний, против – высказались единицы¹⁵⁴.

В феврале 1902 г. военный министр и управляющий морским министерством представили всеподданнейший доклад, в котором ставили вопрос об окончательной отмене телесных наказаний. Император Николай II распорядился приступить к необходимой законодательной работе, и в июле 1904 г. телесные наказания для «штрафованных» были отменены¹⁵⁵. Наказания розгами остались только в военно-тюремных заведениях, для отдельных категорий заключенных, совершивших особо опасные преступления¹⁵⁶.

Для сравнения: в австро-венгерской армии в это же время в качестве наказания для солдат официально применялись пытки¹⁵⁷, а в немецкой армии жестокое обращение с солдатами было столь распространенным явлением, что вызвало специальный приказ Вильгельма II¹⁵⁸.

По всей видимости, приказ германского императора не сыграл должной роли. Накануне Первой мировой войны большой резонанс в Германии вызвал судебный процесс против Р. Люксембург, утверждавшей, что нижние чины в германской армии подвергаются жестокому обращению. Однако адвокат обвиняемой привел множество примеров, подтверждавших ее слова. Стали известны примеры того, как немецкие офицеры и унтер-офицеры били солдат и плевали им в лицо, когда те стояли во фронт, заставляли проделывать ружейные приемы до тех пор, пока те не падали в обморок. Некоторые факты были просто чудовищны: солдат окунали в бассейн в 20-градусный мороз, ко-

лоли длинными иглами, совали лицом в плевательницы, заставляли ложиться лицом в экскременты, зубными щетками мыть пол во всей казарме¹⁵⁹.

В русской армии ситуация в целом была иной, что обуславливалось как моральными принципами, которых придерживалось русское офицерство, так и действовавшими законодательными нормами.

До 1910 г. офицеры за нанесение побоев солдатам подвергались наказаниям, включавшим арест на полгода и исключение со службы¹⁶⁰. В 1910 г. был объявлен новый Воинский устав о наказаниях, ужесточивший ответственность за рукоприкладство.

За нанесение нижним чинам ударов или побоев офицеры подвергались длительному аресту на гауптвахте или дисциплинарному взысканию, в случае повторения – заключению в крепость до 2-х лет и исключению со службы. Если же начальник причинял тяжкие телесные повреждения или хотя бы легкие, но способом особо мучительным для потерпевшего, то он приговаривался к наказаниям, определенным общими уголовными законами, но всегда с увеличением наказания, определявшимся Воинским уставом о наказаниях¹⁶¹.

Случаи рукоприкладства бывали, однако количество их было сравнительно невелико, они предавались широкой огласке и публично осуждались.

В одном из приказов войскам Туркестанского военного округа за 1900 год указывается, что есть случаи нанесения побоев солдатам: «Такое противозаконное обращение с подчиненными... унижающее достоинство человека вообще, а русского солдата, как Царского слуги, в особенности...», вынуждает принимать самые действенные меры к искоренению этого зла¹⁶².

«Господа, воображающие, что кулаками они поддерживают дисциплину, не понимают, что сами ее этим подрывают, подавая пример нарушения закона», – подчеркнул командующий войсками Киевского военного округа¹⁶³.

Ответственность за побои, нанесенные нижним чинам, наступала неизбежно, ибо вышестоящие начальники, как правило, не желали, да и не могли, учитывая традиции офицерской среды и мнение общества офицеров части, покрывать нарушителей. «Предупреждаю, что с виновными... буду поступать со всею строгостью закона», – отметил командующий войсками Московского военного округа в своем приказе за 1902 год¹⁶⁴.

Подчеркнем: в ходе сбора материалов для данной монографии фактов истязаний или пыток солдат в русской армии начала XX века, как это было в других армиях, не обнаружено. Выявленные случаи побоев – это удары кулаком, оплеухи, толчки и т. п.

При определении меры наказания тому или иному офицеру учитывались обстоятельства, при которых произошло нарушение (нередко потерпевшие своим поведением провоцировали побои), а также личность виновного.

Так, в Казанском военном округе подпоручик ударил своего денщика за то, что тот пришел пьяным. Была учтена молодость офицера, и он получил лишь 30 суток гауптвахты¹⁶⁵.

В Одесском военном округе командир роты, капитан, избил денщика за то, что тот грубо обращался с членами его семьи. Командование части характеризовало офицера положительно, поэтому от должности его не отстранили, наказав 20 сутками ареста. Кроме того, в приказе командующего капитану сделано внушение: «Не приличествует отцу-командиру бить вверенных ему нижних чинов...»¹⁶⁶.

Однако когда штабс-капитан конно-горного артиллерийского дивизиона в Киевском военном округе нанес побои нескольким нижним чинам (причины неизвестны), рассматривался вопрос о привлечении его к суду. В конечном итоге офицеру предложили подать в отставку, предупредив, что иначе он будет уволен в дисциплинарном порядке¹⁶⁷.

Неслучайно бывший офицер гвардии князь В. С. Трубецкой в своих мемуарах писал: «Когда на нашем советском экране я теперь вижу гвардейского офицера, который по установившемуся штампу всегда изображается жестоким извергом, гнусно издевающимся над... солдатом, а солдата этого почему зря бьют по физиономии, когда я читаю в современных романах... про омерзительных гвардейских держиморд-офицеров... я не могу удержаться от улыбки»¹⁶⁸.

Заметим: так было в лейб-гвардейском полку, где офицерами служили представители только знатных дворянских родов. И даже здесь, где разница в социальном положении офицеров и солдат была просто огромной, находились офицеры, которых солдаты «...и любили, и уважали, причем таких, которых действительно любили, было в нашем полку немало»¹⁶⁹.

За рукоприкладство привлекали к ответственности даже в условиях военного времени. Например, в 1916 г. был предан киевскому военно-окружному суду командир 647-й пешей Волынской дружины подполковник Хондзинский за то, что ударил старшего унтер-офицера той же дружины К. Костюка¹⁷⁰.

В том же году командиру 2-го Сибирского железнодорожного батальона полковнику Липинскому был объявлен выговор за то, что он нанес удар по плечу рядовому Г. Биену и несколько раз толкнул его. Кроме того, командира батальона предупредили, что в случае повторения подобного инцидента он будет отстранен от должности¹⁷¹.

Говоря об этике русских офицеров, нельзя не коснуться роли такого института, как суды чести (до 1912 г. они назывались суды общества офицеров).

Как указывалось в Уставе дисциплинарном, «суды чести учреждаются для охранения достоинства военной службы и поддержания доблести офицерско-

го звания»; на них возлагалось «рассмотрение поступков, не совместных с понятиями о воинской чести, служебном достоинстве, нравственности и благородстве»¹⁷².

Неофициально предназначение судов состояло в следующем: «Суды чести являются блюстителями моральных устоев армии, того, что неуловимо для военно-уголовного суда, действующего на основании твердо установленных норм писаного закона, но что ясно чувствуется каждым, носящим офицерский мундир, и что имеет громадную важность, ибо из глубины этих психологических настроений... слагается чувство чести...»¹⁷³.

С 1912 г. суду чести подлежали состоявшие на действительной службе обер-офицеры и штаб-офицеры, не пользовавшиеся правами командира отдельной части¹⁷⁴ (до этого за «неодобрительное поведение, несовместимое с требованиями воинской чести и традициями офицерской среды», суду общества офицеров подлежали только обер-офицеры)¹⁷⁵.

Суды чести могли рассматривать как проступки, за которые уголовная ответственность не предусматривалась, так и уголовно наказуемые деяния, не подменяя при этом судебные органы¹⁷⁶.

В число проступков, разбиравшихся в полковом суде чести, входили: заём денег в долг у нижних чинов, игра с ними в карты, написание анонимных писем, нечестная игра в карты, отказ от уплаты карточного долга, двусмысленное ухаживание за женой товарища по полку, появление в общественном месте в нетрезвом виде и т. п.¹⁷⁷

Суд чести мог вынести приговор об оправдании обвиняемого или же о том, чтобы сделать ему внушение, или же об удалении его со службы¹⁷⁸.

В случае удаления офицера от службы решением суда чести, командование отчисляло его от должности. Затем, после соблюдения определенных процедур, решением военного министерства его увольняли в запас или отчисляли от службы совсем¹⁷⁹.

В компетенцию суда чести входили также дела об оскорблениях и столкновениях в офицерской среде. Разбирая подобные дела, суд чести мог принять решение о примирении поссорившихся офицеров, если оно признавалось согласным с достоинством офицера и традициями части, или же принимал решение о необходимости поединка, если находил, что поединок является единственным средством удовлетворить оскорбленную честь офицера¹⁸⁰.

Закон не давал определения поединка, но в офицерской среде им считался «...условленный бой между двумя лицами смертоносным оружием, для удовлетворения поруганной чести, с соблюдением известных установленных обычаем условий относительно места, времени, оружия и вообще обстановки выполнения боя»¹⁸¹.

Если кто-либо из поссорившихся офицеров отказывался от вызова на поединок или не принимал мер к получению удовлетворения путем поединка, он должен был подать в отставку. В случае, когда офицер не подавал прошение об отставке, командир части по истечении 2 недель сам входил с ходатайством об увольнении такого офицера¹⁸².

Причиной дуэли могли стать только конфликты в частной жизни, а не по служебным вопросам: «Оскорбление на службе не может иметь места, ибо оно является оскорблением службы и касается чести не оскорбленного, а оскорбителя»¹⁸³.

Обер-офицер не мог вызывать на поединок штаб-офицера или генерала, как старших, в то время как они обладали таким правом в отношении обер-офицеров¹⁸⁴. За вызов начальника на поединок по делу, касавшемуся службы, следовало наказание в виде разжалования в рядовые или заключения в крепость на срок не ниже 1 года и 4 месяцев. Начальник, принявший вызов, подлежал такому же наказанию, что и сделавший вызов¹⁸⁵.

Исторически сложились правила проведения дуэлей, которые были закреплены в Уставе дисциплинарном.

Договаривались о дуэли секунданты. Поединки могли быть на холодном или огнестрельном оружии, при этом оружие должно было быть одинаковым.

Дуэли были: до первой крови, до наступления невозможности со стороны одного из дуэлянтов продолжать бой, до тяжелой раны, дуэль с условием биться на смерть. Если холодное оружие выпадало из рук или ломалось, то пользоваться этим и бить безоружного было нельзя; не допускались также удары по упавшему.

После первой раны бой обычно считался оконченным, но раненый мог потребовать продолжения дуэли. Во время дуэли на пистолетах первый выстрел делался или оскорбленным, или по жребию, или по желанию, в зависимости от достигнутой договоренности. Стрелять можно было стоя неподвижно или же с движением вперед, с остановками для стрельбы либо с безостановочным движением вперед. Если оскорбителей было несколько, то на дуэль вызывался один из них. В случае, когда были оскорблены несколько человек, они выбирали представителя, который выходил на поединок. При дуэли на пистолетах обычно производилось по одному выстрелу; допускалось и большее количество, но не более трех. Дистанция, в зависимости от способа стрельбы, составляла от 15 до 50 шагов. После поединка суд чести проводил дознание о поведении дуэлянтов и секундантов, ибо вдруг кто-то из участников дуэли «...не проявил при этом истинного чувства чести и личного достоинства, а обнаружил старание соблюсти лишь одну форму». Кроме того, рассматривались условия поединка¹⁸⁶.

Отметим, что российское законодательство издавна предусматривало суровую кару за участие в дуэлях. Еще при Петре I в Воинском уставе 1715 г. за выход на дуэль предусматривалась смертная казнь. В 1787 году Екатерина II издала «Манифест о поединках», в соответствии с которым дуэлянтам назначались весьма серьезные наказания – вплоть до пожизненной ссылки в Сибирь (оскорбителю), а за раны и убийство на дуэли наказание назначалось как за соответствующие умышленные преступления. В эпоху Николая I запрещение дуэлей было вновь подтверждено в «Своде законов уголовных» 1832 г. и «Уставе военно-уголовном» 1839 г.¹⁸⁷

В 1885 г. в Российской империи было принято очередное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, под юрисдикцию которого подпадали все граждане, в том числе офицеры. В соответствии с ним, дуэль по-прежнему являлась преступлением.

Поединки, однако, несмотря ни на что, не прекращались, особенно в офицерской среде. В то же время бывали случаи, когда, пользуясь запретом дуэлей, в армии оставались офицеры, оскорбившие своих товарищей и не давшие им удовлетворения или потерпевшие оскорбление и не принявшие меры к восстановлению своей чести. Подобная ситуация в корне противоречила традициям, сложившимся в офицерской среде.

Бывало и так, когда поединки происходили по ничтожным поводам, иной раз со смертельным исходом. Возникла необходимость урегулировать ситуацию, поэтому в 1892 году был поднят вопрос о разрешении дуэлей между офицерами.

13 мая 1894 года последовало Высочайшее утверждение особых «Правил о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде», а приказом по военному ведомству от 20 мая 1894 г. № 118 было «даровано офицерам Российской армии право, защищать свою честь с оружием в руках»¹⁸⁸.

Оба документа не были согласованы с действовавшим Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. В результате сложилась парадоксальная ситуация: закон о дуэли требовал от офицеров в определенных случаях вызывать на дуэль или принимать вызов, то есть совершать деяние, преследуемое другим законом.

Противоречие между законодательными актами было налицо, поэтому в уже упоминавшийся приказ № 118 было внесено примечание к Военно-судебному уставу. Оно гласило, что поединок остается преступлением, караемым по уголовному закону, и только по особому ходатайству возможно изъятие из общего уголовного порядка «в путях Монаршего милосердия». На практике дело обстояло так: о факте каждой дуэли, до направления в суд, докладывалось военному министру. Тот, имея на руках заключение прокурора и постановле-

ние суда общества офицеров (суда чести) о дуэли, входил «с докладом Императору о прекращении тех дел, которым не представляется дать движение в установленном судебном порядке»¹⁸⁹.

В 1903 г. было введено в действие новое Уголовное уложение, которое также признавало дуэль преступным деянием. Но конкретные статьи, касавшиеся дуэлей, в действие введены не были; в этой части в силе остались положения Уложения о наказаниях 1885 года¹⁹⁰, то есть для офицеров дуэли косвенно признавались ненаказуемыми.

После официального разрешения дуэлей их количество значительно возросло. Если с 1876 по 1890 гг. до суда дошло 14 дел об офицерских дуэлях, то с 1894 по 1910 гг. состоялось 322 дуэли. При этом 256 поединков состоялись по решению судов общества офицеров (судов чести), 47 – с разрешения войсковых начальников и 19 самовольно. В них участвовали в качестве противников: 4 генерала, 14 штаб-офицеров, 187 капитанов и штабс-капитанов, 367 младших офицеров, 72 штатских. Гибелью одного из противников либо тяжелым ранением заканчивалось 10–11% от общего числа поединков¹⁹¹. Эти данные подтверждаются и другим источником, в котором говорится о гибели с 1894 по 1900 год 5 человек¹⁹².

Для примера приведем один из случаев дуэли между генералами. В марте 1908 года состоялся поединок на револьверах между генералами Фоком и Смирновым. Инициатором дуэли был Фок, посчитавший, что Смирнов оскорбительно отозвался о его службе во время осады Порт-Артура. В ходе поединка генерал Смирнов был ранен¹⁹³.

Гражданские лица за участие в дуэли привлекались к уголовной ответственности. Так, в августе 1901 г. сотник Его Императорского Величества конвоя князь Витгенштейн за грубость вызвал на дуэль состоявшего в запасе подполковника Максимова. Тот принял вызов, и в ходе поединка смертельно ранил Витгенштейна.

Максимов был предан суду и приговорен к 2 годам заключения в крепости (хотя, кроме вынесения обвинительного приговора, суд постановил: до вступления приговора в силу ходатайствовать перед императором о помиловании)¹⁹⁴. Как было разъяснено, суд над Максимовым состоялся потому, что военным, состоявшим на действительной службе, дуэль разрешалась, а гражданским лицам (в том числе офицерам запаса) она запрещалась¹⁹⁵.

В обществе были различные точки зрения на дуэли. Многим они были глупо чужды, особенно в среде либеральной интеллигенции, их считали архаичкой, предрассудком, ненужным и вредным. Однако это было мировоззрением сугубо штатских людей, и офицерство придерживалось иных взглядов. «Для людей со слабо развитым чувством чести дуэль – варварство, но для офицера

готовность стать под пулю ради защиты чести (своей или взятого под защиту лица, или своего полка, или своей Родины) была доказательством чести»¹⁹⁶.

Специфику воинской этики в этом вопросе тонко подметил выдающийся адвокат того времени В. Д. Спасович, который говорил, что поединок является символом того, как «...человек может и должен в известных случаях жертвовать... жизнью... за вещи, которые, с материалистической точки, не имеют значения и смысла: за веру, родину и честь. Вот почему обычаем этим нельзя поступаться»¹⁹⁷.

Именно культ чести побуждал офицеров выходить на дуэль, так как сохранение чести почиталось важнее сохранения жизни. «Честь – святыня офицера, она – высшее благо, которое он обязан хранить и держать в чистоте. Честь – его награда в счастье и утешение в горе... честь не знает ни тягот, ни опасностей, делает лишения легкими и ведет к славным подвигам. Честь не терпит и не выносит никакого пятна»¹⁹⁸.

Таким был нравственный облик офицеров русской армии в начале XX столетия. Конечно, как все люди, офицеры имели недостатки, человеческие слабости, различались характерами и привычками. Они жили в эпоху радикальных перемен, и все, происходившее в стране и обществе, так или иначе, оказывало влияние на офицерский корпус.

Однако все познается в сравнении. Система ценностей, которая лежала в основе этики русского офицерства, его жертвенное служение Отчизне дают все основания согласиться с утверждением о том, что «в моральном отношении корпус офицеров стоял на высоте, возвышавшейся над всеми... Это не теория, это не лирика, это – действительность, подтвержденная тем непреложным фактом, что большая часть кадрового офицерства погибла на войне 1914–1917 гг., а оставшиеся в живых все, за малыми исключениями, были многократно ранены...»¹⁹⁹.

§ 1.3. Офицерство и эпоха

Наступление эпохи капитализма, наряду с прочим, негативно повлияло на традиционную систему ценностей и морально-нравственную атмосферу в стране. Все больше и больше людей считали смыслом жизни максимальное обогащение и карьеру, при этом циничность и беззастенчивость в достижении этих целей стали своего рода модой. Соответственно, такие понятия, как служение Отечеству, патриотизм, долг, героизм, честь, в общественном сознании стали терять прежнюю значимость.

Отнюдь не претендуя на полную характеристику нравственной атмосферы того времени, приведем лишь некоторые оценки современников.

«Наш век есть время самого грубого материализма, откровенного преклонения перед золотым тельцом. Положение в широких общественных кругах дают почти исключительно деньги, причем никто не интересуется способом их приобретения. Добыты ли они воровством при постройке железных дорог, грязными адвокатскими делами или темными коммерческими спекуляциями – это безразлично, лишь бы деньги были»²⁰⁰.

«...Каждый был поглощен своими личными интересами, интересовался исключительно одним своим “я”. Людей уже ценили не за их качества, а поскольку они могли быть полезны. Урвать кусок тем или иным способом, сделать карьеру – все только руководились этим»²⁰¹.

«...Все бросилось на наживу... эти слова: служу ровно настолько, насколько получаю жалованья – ужасный отпрыск дурных влияний века...»²⁰².

Среди образованной части общества подобные взгляды распространились особенно широко, и одним из последствий этого явления стало изменение отношения к офицерской службе.

Если в предыдущие исторические периоды она считалась самой почетной, «...не служить офицером хотя бы какое-то время для дворянина считалось неприличным... и почти все помещики некоторое время служили офицерами “из чести”²⁰³, то со второй половины XIX столетия ситуация изменилась: меркантильные взгляды на жизнь побуждали молодежь поступать на гражданскую службу. Это позволяло достигать гораздо большего материального благополучия, чем на службе военной, притом, что опасность и напряженность офицерской службы были неизмеримо большими, чем в любом другом виде деятельности.

Военный публицист В. Райковский, говоря о том времени, отмечал, что мальчиков в семьях воспитывали в духе наживы, нацеливали исключительно на достижение материального благополучия, для чего предлагали им стать инженерами, докторами, юристами, чиновниками, но только не военными²⁰⁴.

Подобное мнение высказал боевой генерал, известный в то время военный писатель Е. И. Мартынов: «При таком мировоззрении военная служба с ее скудным материальным вознаграждением, с ее странными для современных дельцов идеалами патриотизма и самоотвержения представляется каким-то донкихотством»²⁰⁵.

Падение престижности военной службы и снижение социального статуса офицеров привело к хронической нехватке офицерских кадров. Так, к 1 января 1907 г. в пехоте не хватало 14% младших офицеров (2438 человек)²⁰⁶, к 1 января 1908 г. – уже 17% (2860 человек). К маю 1908 г. некомплект пехотных офи-

церов увеличился до 20% (3564 человека). В артиллерии некомплект офицеров к 1 января 1908 г. составлял 17%, в инженерных войсках – 12%²⁰⁷.

Гражданская молодежь шла в военные и юнкерские училища неохотно, более того – поступать отказывалась даже часть выпускников кадетских корпусов. В конце XIX века таких выпускников, выбравших гражданскую карьеру, было 6–10%, к 1914 г. – 18–20%²⁰⁸.

Многие молодые офицеры, прослужив по выпуску из училищ некоторое время, уходили в отставку, причем масштабы этого явления были весьма велики: из числа уходивших со службы офицеров 75% составляла молодежь²⁰⁹.

Например, в 1896–1906 гг. в армейскую кавалерию было направлено 2526 выпускников училищ, из которых в течение этих же лет службу оставили 43,5% (1169 человек)²¹⁰.

Выпуски из военных и юнкерских училищ не могли покрыть некомплект офицерских кадров даже в мирное время: в течение 1900–1908 гг. средняя убыль офицеров во всех родах сухопутных войск составляла 2240 человек в год, а выпуск из училищ – 2190 человек²¹¹.

Проблема пополнения армии офицерами была настолько острой, что в 1900 г. военный министр А. Н. Куропаткин доложил императору: «С течением времени комплектование офицерского корпуса все более затрудняется»²¹².

Снижение престижа военной службы сказалось, в числе прочего, даже на количестве желающих поступить в академию генерального штаба. Если в 1903 г. экзамен в академию держали около 350 человек, то в последующие годы – от 100 до 200 человек. Многие предпочитали поступать в Артиллерийскую, Инженерную или Военно-юридическую академию, ибо там была возможность получить и гражданскую профессию, тогда как академия Генерального штаба такой возможности не предоставляла²¹³.

Военный писатель генерал от инфантерии Н. Д. Бутовский с горечью писал, что в тот период появился тип офицера, который все поступки и служебные действия подводил под логику «что за это дадут?». В этой связи писатель отмечал: «Такой офицер развращает солдат, он... равнодушен к чести, славе, доброму имени своего полка...»²¹⁴.

Однако большинство офицеров отвергало меркантильность и культ наживы, как нечто безнравственное и недостойное. Собственно, только такие и продолжали служить, несмотря ни на что. Неслучайно Н. Д. Бутовский, характеризуя офицерскую среду в целом, писал: «...в переживаемое нами время, когда многое в общественных отношениях изолгалось... как приятно чувствовать себя принадлежащим к порядочному обществу. Военный мир непременно должен представлять один из законченных образцов такого общества: в нем есть светлые и вполне определенные идеалы...»²¹⁵.

«Если ты не любишь военного дела... если ты можешь каждую данную минуту переменить свою службу на любую другую, лишь бы получить больше жалованья, то уходи скорее: ты не должен быть офицером», – считал участник русско-японской войны полковник Д. Аничков²¹⁶.

Уже упоминавшийся В. Райковский, не только писатель, но и боевой офицер оценивал ситуацию следующим образом: «Только тот достоин носить высокое звание офицера... в чьем сердце горит... священный огонь, который способен двинуть на великие подвиги... людям, ищущим покойной жизни и жирных окладов, не место в рядах командного состава армии; здесь нужны деятели и люди высшего порядка...»²¹⁷.

Подобных взглядов, судя по военной прессе и публицистической литературе того времени, придерживались отнюдь не единицы. Драматизм сложившегося положения состоял в том, что, по сути, ценностная ориентация офицерства вошла в противоречие с настроениями, господствовавшими в обществе. Идея служения Отечеству, лежавшая в основе офицерской этики, принципиально отличалась от нигилизма, индивидуализма и революционных идей, получивших широкое распространение во всех слоях населения.

По всей вероятности, понимая это, В. Райковский подчеркивал: «Сознаю, что я могу быть понятым только в военной и офицерской среде...»²¹⁸.

Вообще, изучение источников приводит к мысли, что кадровым офицерам того времени был присущ особый психический склад (психический склад – «относительно устойчивая... система психических свойств и качеств личности, определяющая специфику отражения и переживания различных сторон... социальной действительности... и проявляющаяся в особенностях деятельности и поведения личности»²¹⁹). В его основе лежало обостренное чувство патриотизма и долга перед Отечеством, выделявшее офицерство среди других социальных слоев и групп.

Вероятно, это явилось важнейшей причиной того, что в конце XIX – начале XX в. произошло обособление корпуса офицеров, проявилась его отчужденность от других социальных слоев и групп образованной части общества, в том числе от чиновничества, интеллигенции, буржуа и др.

Вызвано это было тем, что «разношерстность... общества, состоявшего из людей самого различного воспитания, образования, из людей весьма пестрых этических понятий и политических воззрений, стояла в резком противоречии с душевным, духовным... единообразием и своеобразием офицерства»²²⁰.

Случайные элементы, попадавшие в офицерскую среду, уходили из армии. Те же, кто, вне зависимости от социального происхождения, являлись патриотами, болели за Отечество и готовы были служить ему, оставались, составляя костяк корпуса офицеров.

Вот как об этом писали современники, авторы научного очерка «Российские офицеры»: «Нередко можно было слышать мнение, что в офицеры шли или те, кого привлекала красота мундира, или те, кто не имел финансовой возможности получить какое-либо иное образование. Верно, были и те и другие, но военная школа... и полковая среда... и войсковой быт, и войсковая служба превращали и этого... любителя формы, и этого бедняка, вынужденного пойти по пути бесплатного военного образования, в воина до мозга костей»²²¹.

Их мнение подтверждает А. И. Деникин: «Военный уклад перемалывал все те разнородные социальные, имущественные, духовные элементы, которые проходили через военную школу»²²².

Таким образом, несмотря на идейный хаос, царивший в стране, а также размывание традиционных основ российского общества, в офицерской среде сохранялась морально-психологическая атмосфера, основанная на специфической воинской этике. Безусловно, в нравственном отношении это поддерживало каждого офицера.

Однако падению престижа военной службы способствовало не только изменение системы ценностей в обществе: крайне негативную роль играла антиармейская пропаганда, представлявшая собой заметное явление в общественно-политической жизни тех лет.

Пропаганда была направлена на дискредитацию регулярной армии в целом, и ее ключевого звена – офицерского состава – в первую очередь.

Антиармейскую пропаганду вели партии, организации и кружки либерального и революционного толка, а главным ее орудием являлись печатные издания – единственное в то время средство массовой информации.

Большинство газет и журналов тех лет изо дня в день публиковали бесчисленные статьи, заметки, издевательские фельетоны, в которых офицерство выставлялось в самом неприглядном виде.

Причину такого положения вещей журнал «Разведчик» объяснял так: «Армия есть главная представительница русской национальной идеи и потому она ненавистна, как нашим инородцам – сепаратистам, так и «передовым» российским космополитам; армия является, кроме того, самой могучей опорой существующего строя, и за это ее ненавидят все враги последнего»²²³.

Ведущую роль в подрывной, по сути, работе, направленной на разложение и дискредитацию армии, играла интеллигенция. Один из самых известных тогда публицистов – В. В. Шульгин – писал: «...настолько была... распространена известного рода партийность в мире адвокатском, писательском, артистическом, ученом, что неразделявшие оппозиционно-революционных доктрин сейчас же попадали на черную доску: перед ними закрывались все двери»²²⁴.

Объяснение подобной нетерпимости сторонники эволюционного пути развития государства видели в некоторых качествах, присущих русской интеллигенции.

Так, видный политический и общественный деятель той поры П. Б. Струве писал: «Идейной формой русской интеллигенции является ее... отчуждение от государства и враждебность к нему»²²⁵.

В таком же ключе рассуждал философ С. Н. Булгаков, отмечавший, что для русской интеллигенции характерны космополитизм, «...отсутствие здорового национального чувства, препятствующее... выработке национального самосознания...»²²⁶.

Воспитанная на западных философских учениях и революционных теориях, которые она пыталась «привить» русскому обществу, интеллигенция «сознавала себя единственной носительницей света и европейской образованности в этой стране, где все, казалось ей, было охвачено непроглядной тьмой... Она признала себя духовным ее опекуном и решила ее спасти, как понимала и как умела»²²⁷.

При этом, как писал Н. А. Бердяев, «к объективным идеям, к универсальным нормам русская интеллигенция относилась недоверчиво, так как предполагала, что подобные идеи и нормы помешают бороться с самодержавием и служить "народу" ...»²²⁸.

Вероятно, значительная часть интеллигенции, боровшейся с властью, руководствовалась благими намерениями. Но радикализм ее целей приводил к опасным крайностям в действиях, неразборчивости в выборе средств борьбы, социальным катаклизмам, в результате которых страдали как государство, так и народ, служение которому интеллигенция считала своей главной задачей.

А. И. Деникин писал в этой связи: «Тогдашняя власть давала достаточно поводов для ее обличения и осуждения, но литература оперировала часто и заведомой неправдой. В рабочем и крестьянском вопросе – демагогия, игра на низменных страстях, без учета государственных интересов. В области военной – непонимание существа армии, как государственно-охранительного начала»²²⁹.

Акцент в антивоенной пропаганде был сделан, прежде всего, на дискредитации офицеров. В любой армии мира именно офицерство является наиболее важным ее элементом, и русская армия не была исключением; кроме того, «государственный строй был для офицерства фактом predeterminedным, не вызывающим ни сомнений, ни разнотолков. «За веру, царя и отечество»²³⁰.

В силу этих обстоятельств, как отмечал современник, «...все антигосударственные партии при всех попытках внутреннего переворота старались, прежде всего, внести раскол между народом и солдатом, с одной стороны, и офицером – с другой, и подорвать его авторитет...»²³¹.

Нападки на офицерство, носившие до русско-японской войны относительно эпизодический характер, с ее началом приняли характер беспощадной травли.

Анализ прессы тех лет показывает, в какой чудовищной атмосфере лжи и предательства приходилось воевать и служить русским офицерам. Приведем лишь некоторые оценки и факты.

«...Большая часть прессы, притом “русской”, с редким единодушием обрушилась на армию. “Русь”, “Русское слово”, “Русские ведомости” наперебой стараются подыскивать обвинения. Слепая война, генералы бездарны, офицеры невежественны, солдаты дураки...»²³².

Современник с горечью писал: «Печать публиковала тенденциозные статьи об армии, искаженные факты, похвалы японцам. На безответных героев лился поток обвинений, огульных и непроверенных... А общество верило и ужасалось. Клевета, фальшивые письма стали служить для распространения в обществе мнения, что офицеры негодны, воюют нехотя»²³³.

«Сплотила ли она (либеральная печать. – В.С.) в тяжелое для России время народ в твердую, единую силу, возбудила ли в нем патриотизм..., способствовала ли установлению между различными фракциями общества взаимного доверия? Нет, нет и нет. Она сеяла смуту... восстановила друг против друга все слои общества, она дискредитировала власть, она стремилась внести деморализацию в армию... порицая всех: генералов, офицеров и даже самих солдат, внушала ей, что враг во всех отношениях выше... и это делала не подпольная печать, не прокламации революционных кружков...»²³⁴.

Иной раз дело доходило до немыслимого цинизма. Так, в газете «Новая жизнь» некий г. Новиков заявил, что студенты, участвовавшие в проводах уходящих на войну полков, тем самым замарали свой мундир. В той же газете сообщалось, что в Самаре священник отказался соборовать умиравшего от ран солдата, привезенного из Манчжурии, так как на войне тот убивал людей²³⁵.

В этой связи отметим, что в Японии отношение к армии было совершенно иным. Офицер русского генерального штаба М. Галкин в одной из своих статей приводит слова из книги японского офицера Тадеучи Секурай «Живые ядра», где тот говорит о проводах японских войск на войну: «Всюду, где мы проходили, толпы народа, собиравшиеся на нашем пути, низко кланялись знамени и приветствовали его громкими криками..., толпы детей высыпали нам на встречу и провожали нас криками и пением, а старые сторбленные женщины... громко молились за нас»²³⁶.

Иностранные военные специалисты отмечали: «...японское население уверено, что вопрос поставлен о самом существовании империи...», армия и флот Японии убеждены, что борются за национальное существование, а японские

газеты писали о необходимости использовать войну «...в целях воспитания молодого поколения»²³⁷.

Война подтверждала мнение специалистов. Громадное большинство японцев проявляло в боях храбрость и стойкость. Так, один из участников обороны Порт-Артура полковник С. А. Рашевский в своем дневнике отмечает случай, когда японская рота, несмотря на то что ее офицеры попали в плен, «не последовала их примеру, а оказала сопротивление»²³⁸.

Другой участник обороны крепости капитан М. И. Лилье, также ведший дневник, описывает ситуацию, когда японские войска, двигавшиеся колоннами, попали под обстрел крепостной артиллерии. Несмотря на то что «залпы наших орудий вырывали у них прямо улицы, ...японцы стойко выдерживали залпы наших орудий и смыкали вырванные улицы»²³⁹.

В это же самое время в российской прессе об армии печатали статьи, которые иначе как бранными и лживыми назвать невозможно. Так, в июле 1906 г. в журнале «Мир божий» была опубликована статья некоего П. Пильского под названием «Армия и общество». В свою очередь, офицер, подписавшийся псевдонимом «Росс», написал отзыв на нее и привел некоторые цитаты из этой статьи. П. Пильский утверждал, что офицерство является кастовым, а «...каста – это футляр, застегнутые сердца, заложенные уши, равнодушный холод. Это... узкий, мелкий и грошовый эгоизм...». Кроме того, писал автор, офицеры – «...воры, мздоимцы...» и даже «ростовщики» (!)²⁴⁰.

Сами «мелкие и грошовые эгоисты» относились к своей «кастовости» следующим образом: «Нам, офицерам, не следует считать себя на каком-то исключительно привилегированном, кастовом положении. Пусть будем мы кастой, но только в смысле особенностей нашего духа и службы, и да будет нашей единой, но уже неотъемлемой привилегией – полная готовность всегда и везде пожертвовать собой во имя блага родины...»²⁴¹.

Многие офицеры понимали, что антиармейская вакханалия была несчастливой. «Интеллигенция смотрела на войну, как на время, удобное для достижения своей цели. Эта цель состояла в том, чтобы сломить существующий режим. Так как достигнуть этого при победоносной войне... труднее, чем во время войны неудачной, то наши радикалы не только желали поражений, но и старались их вызвать. Поражениям армии открыто радовались... Вся радикальная пресса была полна нападками на армию и офицеров»²⁴².

Один из офицеров-фронтовиков вспоминал: «Многие периодические издания, ...часто даром раздаваемые в госпиталях и тыловых учреждениях, были весьма усердными союзниками врага»²⁴³.

«Все громче и громче раздавались голоса, требующие мира, хотя бы позорного... появилось даже злорадство, желание собственного погрома. Все это

ошеломило... десятки тысяч раненых, возвратившихся из Манчжурии, и с моей стороны вызвало горький упрек обществу в статье «Тяжело ранен на Родине», напечатанной в «Новом времени»²⁴⁴, – писал другой участник боевых действий.

Дело доходило до того, что представители интеллигенции, а также учащейся молодежи посылали японскому императору телеграммы с пожеланием победы и с поздравлениями в связи с победами Японии над русской армией и флотом!

Неслучайно В. В. Шульгин характеризовал все происходившее как «...движение позорное, антипатриотическое, антигосударственное и антирусское. Ибо лозунгом этого движения было пораженчество...»²⁴⁵.

Свой «вклад» в дискредитацию офицерства внесли и некоторые известные писатели. В частности, А. Куприн, издавший во время войны повесть «Поединок», а через полтора года после ее окончания – повесть «На переломе (Кадеты)». В военной прессе той поры опубликовано множество отзывов на эти произведения, вызвавшие горечь у кадрового офицерства. Так, один из военных публицистов писал, что на фоне несчастной войны «Поединок» еще более усилил вражду в отношении военного сословия. По его мнению, автор вложил всю силу своего таланта, «...чтобы унижить и оплевать русское офицерство... он удачно выбрал момент для напечатания своей повести, так как спрос на подобного рода литературу, по нынешним временам, огромный...»²⁴⁶.

Другой офицер отмечал: «Не подлежит сомнению, что автор, между прочим, задался целью своим произведением дискредитировать офицера в глазах общества, усилить рознь между ними... Вследствие этого вполне понятно, что вся жизнь и служба офицеров изображены в самом неприглядном виде; почти все действующие лица, которыми исключительно являются офицеры, охарактеризованы какими-то нравственными уродами»²⁴⁷.

Повесть «Кадеты» была оценена следующим образом: «Талант автора – несомненен... Но – ради Бога! Зачем же говорить только о дурном, исключительно о гадостях, подчеркивая и выделяя их! Почему обойдено молчанием все светлое, благородное, хорошее, а разве его было мало?»²⁴⁸.

В таком же ключе написан нашумевший в то время роман М. Арцыбашева «Санин». Офицер – один из персонажей романа, описывается как «гаденький и трусливый зверек»; таковы же и его сослуживцы, которых называют «чугуннолобыми»²⁴⁹.

Появилось множество «произведений», вроде повести некоего г-на Буднего «Побежденные», которые тиражировали подлую ложь о том, будто большинство офицеров во время войны бежали в тыл или же прятались во время боев²⁵⁰.

Подчеркнем: подобное издавалось массовыми тиражами в то время, когда потери убитыми и ранеными, например, среди офицеров 1-й Маньчжурской армии к 1 марта 1905 года составили 91 процент (395 убитых, 1733 раненых из 2200 человек)²⁵¹.

В целом позиция литераторов характеризовалась так: «...наши писатели, затрагивая быт армии, неуклонно и тенденциозно вели кампанию против офицера. Если взглянуть в нашу беллетристику последних лет, то станет жутко и стыдно за русское общество, которое вольно или невольно повинно в скорбном пути своего офицерства, а вместе с тем и в скорбном пути своей Родины... В то время, когда за границей офицерский класс являл собой украшение нации, в то время, когда, например, в Германии даже высшие сановники считали честью надевать в парадные дни мундир прапорщика своих старых полков – у нас отношение общества к офицеру было или нетерпимое, или в лучшем случае безразличное.

Оттого и литература наша, за некоторым небольшим отклонением, являла собой какое-то кликушество – подлых и незаслуженных наветов»²⁵².

Отметим, что никаких мер, направленных на пресечение кампании лжи и наветов против армии, правительство не предпринимало, а после Манифеста 17 октября 1905 года, провозгласившего «свободу слова», это стало просто невозможным.

Клеветники ничем не рисковали, ибо привлечь к ответственности за клевету было почти невозможно. «Пользуясь несовершенством наших законов о клевете, виновный всегда найдет средства затянуть дело до бесконечности; в случае же явной опасности – скрыться вовсе»²⁵³.

Когда дело все же удавалось возбудить, процессы затягивались на годы и требовали абсолютно непосильных для офицеров расходов. Так, автор одной из статей в «Разведчике» отмечал, что за ведение дела против клеветника юрист потребовал с него 3 тысячи рублей²⁵⁴ (при денежном содержании обер-офицера менее 100 рублей в месяц).

В редчайших случаях, когда клеветникам выносили обвинительный приговор, они скрывались. Так, сотрудник газеты «Русь», некто Купчинский, «оболгавший почти всех начальствующих лиц Маньчжурских армий» и по суду признанный виновным, бежал за границу²⁵⁵.

Сами офицеры, не имевшие права публиковаться в «гражданской» прессе, противодействовать клевете не могли: «...долг воинской дисциплины препятствует воинским чинам входить в газетную полемику, хотя бы в ответ на оскорбительное обвинение»²⁵⁶.

Отдельные попытки бороться с клеветой носили радикальный характер. Известен случай, когда в Красноярске гласный городской думы В. М. Крутов-

ский выступил в газете «Енисейское слово» с оскорбительными заявлениями в адрес армии. Офицеры расквартированного здесь 30-го Восточно-Сибирского стрелкового полка делегировали двух офицеров, которые потребовали от оскорбителя либо опубликовать опровержение, либо принять вызов на дуэль. В противном случае офицеры оставляли за собой свободу действий, дав на раздумья 48 часов. Результатом акции стало опубликование опровержения, в той же газете²⁵⁷.

После окончания русско-японской войны антиармейская истерия не только не прекратилась, но еще более усилилась. Журнал «Офицерская жизнь» писал: «Благодаря этой травле, русское общество, в массе и до войны сочувственно не относившееся к армии, теперь совершенно отшатнулось от нее... Что же касается офицерства, то... положению его вряд ли кто позавидует. И опять-таки отчасти благодаря прессе. Призывая громы и молнии на головы офицеров, наши публицисты забыли, что их слушает, и очень даже чутко, вся... малограмотная народная масса. Последние остатки... уважения к офицеру среди простого народа, вследствие безрассудной травли, исчезли...»²⁵⁸.

Ситуация усугублялась еще одним обстоятельством, которое современник характеризовал так: «По исстари вкоренившемся представлению нашего темного простолыдина, военная служба не только портит народ, но «рекрутина» является какой-то каторгой, суровой, беспощадной тираниею!.. Ясно, что при таких условиях народ легко реагирует на агитацию, направленную против армии и особенно офицеров-мучителей»²⁵⁹.

Результаты пропаганды не заставили себя ждать. В начале 1900-х гг. «была эпидемия: офицеров оскорбляли на улице словами и действием»²⁶⁰. Их избивали, калечили, были случаи убийств. Автор, писавший под псевдонимом «Эл-Эс», отмечал: «Дня не проходит, чтобы мы не читали о нападениях на офицеров... Все эти убийства отличаются... характерной подлостью: в офицера, мирно идущего на занятия, неизвестный... выпускает несколько пуль в спину. Цельный синодик можно уже составить из имен невинно убитых мучеников долга»²⁶¹.

Именно так были убиты командир 5-го армейского корпуса генерал от кавалерии Н. М. Вонлярьский²⁶², командир лейб-гвардии Семеновского полка генерал-майор Г. А. Мин, полковник 3-й гвардейской артиллерийской бригады Николаев²⁶³, командир 26-го пехотного Могилевского полка полковник И. И. Булатов²⁶⁴, командир 2-го батальона 275-го резервного пехотного Лебединского полка подполковник Добровольский, временный генерал-губернатор Одессы генерал К. А. Карангозов, генерал-адъютант В. В. Сахаров²⁶⁵ и многие другие.

Каждодневным явлением были «вызывающие взгляды, циничные позы, хохот, свист, ругань, как бы нечаянные толчки, с нахальным заглядыванием в глаза вместо извинения»²⁶⁶.

На этом фоне происходили личные трагедии. Одного из офицеров, подручника Кублицкого, на улице в присутствии солдат просто так ударил прохожий. Тот никак не ответил, а потом застрелился; аналогичные случаи происходили неоднократно²⁶⁷. Нападения на офицеров приобрели такой масштаб, что в одном из номеров официальной газеты военного министерства «Русский Инвалид» за 1903 год была опубликована статья, в которой шла речь о «больном вопросе» – нападениях на офицеров. Автор, подписавшийся псевдонимом «Строевой», обращался к общественности с вопросом: что делать?²⁶⁸

Вопрос отнюдь не был риторическим. Дело в том, что законодательство не определяло, как реагировать офицеру на подобные ситуации. Считалось, что неприкосновенность офицера как личности защищается законом, наряду со всеми остальными гражданами (заметим, однако, что никакая другая категория граждан не подвергалась нападениям из-за профессиональной деятельности).

В результате возникло противоречие между общегражданскими законами, которым офицеры, как и все граждане, подчинялись, и офицерскими традициями, на страже которых стояли суды общества офицеров (с 1912 г. – суды чести).

Один из офицеров писал: «Получалось: битого офицера изгоняли со службы судом общества офицеров, если он не действовал немедленно оружием. Но военный суд за применение оружия, покушение на убийство или за убийство приговаривал к лишению прав и заключению в арестантские роты»²⁶⁹.

Суд общества офицеров требовал ухода избитых офицеров со службы потому, что этого требовало понятие офицерской чести того времени. «...Офицер, подвергшийся оскорблению действием, т. е. побоям, должен был уходить со службы, поскольку считалось, что пребывание среди офицерского корпуса публично униженных людей наносит ущерб офицерскому званию, как таковому»²⁷⁰. Вступать в уличную драку также не дозволялось, поэтому применение оружия было единственным средством сохранения чести.

Одним из первых на эту тему высказался генерал М. И. Драгомиров. Он публично заявил: «Офицер должен быть смирен и безобиден, как овечка, но малейшее посягательство на оскорбление его действием должно вызвать с его стороны возмездие оружием мгновенное, рефлекторное... Офицер, допускающий оскорбить себя безнаказанно, не подав к тому никакого повода, не заслуживает ни сочувствия, ни... одобрения»²⁷¹.

М. И. Драгомирова поддержали многие, о чем свидетельствуют письма и статьи, опубликованные в военной прессе. Один из офицеров писал, что после оскорбления, на которое не дано ответа, авторитет оскорбленного падает до нуля; командовать подчиненными и вести их в бой он не может, так как это противоречит самому духу воинской службы²⁷².

Другой автор задался вопросом: что же, «надо не выходить на улицу без крайней нужды, притворяться, что не видишь и не слышишь ничего, потихоньку ускользать от скандала, лишь бы не сталкиваться с уличными негодьями»?²⁷³.

Нельзя забывать также о том особом внимании, которое в офицерской среде уделялось личной храбрости. Считалось, что, «если для мирного гражданина трусость иногда извинительна, то для военного она всегда и везде позорна»²⁷⁴.

Именно поэтому большинство офицеров поддержало позицию генерала М. И. Драгомирова, хотя отдельные из них выступили против применения оружия в случае нападения, не предложив, однако, реальной альтернативы²⁷⁵.

Либеральная общественность немедленно отреагировала на заявление М. И. Драгомирова о необходимости самозащиты офицеров. В печати появились заметки, содержание которых сводилось к заявлениям типа «Драгомиров предлагает деяния явно преступные и наказуемые», поэтому всем мирным гражданам надо вооружаться²⁷⁶.

Генерал ответил так: «Что касается до господ, рассказывающих и даже печатающих, будто теперь мирным гражданам без револьвера на улицу и носа показать нельзя, то... я ведь советую офицерам защищаться, а не нападать; зачем же мирным гражданам револьверы, если на них никто нападать и не думает?»²⁷⁷.

Нападения на офицеров М. И. Драгомиров охарактеризовал как акции против «...представителей власти и... призванных охранять ее и общественный порядок...», совершаемые «распропагандированными босьяками»²⁷⁸.

Казалось, характер ситуации очевиден, но судебские чиновники, далекие от понятия офицерской чести, весьма своеобразно определяли виновных в конфликтах. Так, суд, рассматривавший дело о самоубийстве подпоручика Кублицкого, указал, что виноват не столько ударивший офицера прохожий, сколько сам подпоручик, а также «...отсталые понятия об офицерской чести»; если бы офицеры держались более передовых воззрений, то оплеуха – это не оскорбление чести, а неприятный инцидент²⁷⁹.

Строевые офицеры считали иначе. Например, в виду готовящихся на офицеров покушений общее собрание офицеров Бакинского гарнизона (август 1906 г.) постановило предупредить «преступников, агитаторов и революционеров», а также помогавшее им население о следующем: «Преступники... пусть знают, что отныне их будут не ловить, а убивать». Тем, кто скрывал преступников в толпе, указывалось, что им лучше «немедленно удаляться, дабы не попасть под выстрелы». Решение собрания было напечатано в газете «Каспий»²⁸⁰.

В Санкт-Петербурге два офицера, по фамилии Коваленские (родные братья), подверглись оскорблениям и нападению со стороны толпы; в ответ офицеры стали стрелять²⁸¹.

В целом же ситуация осложнялась еще и тем, что антигосударственная, антиармейская пропаганда оказывала серьезное влияние на солдат, в большинстве своем людей совершенно неразвитых. Как уже отмечалось, половина призывников не умела читать и писать, остальные имели за плечами лишь различные начальные училища и школы, которые, «не задаваясь целью сообщения реальных знаний, дают только одну грамотность...»²⁸².

«Взятый чуть не от сохи, мало видевший перед службой, в огромном большинстве ничего не читавший...»²⁸³ солдат нередко не мог устоять перед демагогами, игравшими, как правило, на примитивных чувствах. Общая необразованность не позволяла нижним чинам проникнуться воинской идеологией, и идеи, составлявшие ее суть, «...в солдатскую толпу... достаточно глубоко не проникали»²⁸⁴.

В условиях внутриполитической нестабильности в стране это выражалось, наряду с прочим, и в нападениях нижних чинов на офицерский состав.

В ноябре 1905 г. во Владивостоке капитан Новицкий остановил солдата, демонстративно не отдавшего ему честь. Тот разразился площадной бранью и ударил офицера; Новицкий применил оружие, и нападавший был убит. Собралась толпа, которая пошла к офицерскому собранию, где скрылся капитан, и потребовала выдачи Новицкого. Другие офицеры просили толпу разойтись, но их избивали. Капитан Новицкий в виду безвыходности положения застрелился, после чего толпа ворвалась в здание. При этом один офицер был избит так, что к вечеру умер, несколько человек тяжело ранены²⁸⁵.

В Риге офицер Елисаветградского гусарского полка встретил на улице матроса, который не отдал честь, а в ответ на замечание напал на офицера. Нападавший был застрелен из револьвера²⁸⁶.

В Курске на вокзале поручик, бывший начальником воинского эшелона, зарубил пьяного солдата, который отказался садиться в эшелон и при этом обругал офицера. Собралась толпа, поручик скрылся в вагоне, стал отстреливаться, но толпа облила вагон керосином и сожгла вместе с офицером²⁸⁷.

Примеров, подобных приведенным выше, было немало. Но офицеры, предпочитая арестантские роты и даже смерть бесчестью, остановили эпидемию нападений²⁸⁸, хотя при этом пролилась кровь. Мы убеждены, что применение оружия офицерами было оправданным. В условиях чрезвычайной социально-политической напряженности, отсутствия реально действующего законодательства и бездействия властей другого выхода, чтобы сохранить честь, а нередко и жизнь, не было.

Более того, применяя оружие в случаях нападений нижних чинов, офицеры выполняли требование военного законодательства. Еще в 1901 г. Главный военный суд разъяснял: в случае оскорбления действием «...офицер, получив-

ший тягчайшее оскорбление от нижнего чина, обязан поступить на основании 6 статьи Дисциплинарного устава и восстановить попорченную... дисциплину силой или оружием...»²⁸⁹.

К сожалению, в действительности закон далеко не всегда был на стороне тех, кто поддерживал воинский порядок.

В канун Первой мировой нападки на армию в печати стали реже²⁹⁰, однако в либеральных политических кругах отношение к вооруженным силам оставалось прежним. Например, в 1912 г. обсуждение сметы военного министерства в стенах Государственной Думы ознаменовалось резкими нападками на армию²⁹¹.

В начале Мировой войны отношение к офицерству, на бытовом уровне, несколько смягчилось, хотя, как писал один из офицеров, «...симпатии публики находятся гораздо больше на стороне нижних чинов, чем офицеров. Стоит... остановить нижнего чина, не отдавшего честь или позволившего себе какой-либо антидисциплинарный поступок, как публика немедленно берет якобы обиженного страдальца под свою защиту»²⁹².

Подобная «гуманность» разрушала армию, подрывала дисциплину, наносила серьезный ущерб авторитету офицеров, призванных обучать и воспитывать солдат, вести их в бой.

Пройдет несколько лет, и Октябрьская революция доходчиво разъяснит господам либералам, каково это – подвергаться несправедливым и несправедливым нападкам со стороны сограждан. Свидетельств тому – бесчисленное множество, но мы упомянем лишь одно, символичное. В декабре 1917 г. была опубликована статья известного до революции прозаика П. Арзубьева, цитату из которой опубликовал «Разведчик»: «Хочется сказать офицерам только одно: если можете, простите нас. Простите нас всех – мужчин и женщин, молодых и старых, все русское образованное общество, всю русскую интеллигенцию. Мы недостаточно ценили вас, мы не умели надлежащим образом защищать вас, ваши права, ваше положение в армии. Теперь мы видим тяжкие последствия нашей непредусмотрительности, но слишком поздно. Приходится теперь пить чашу до дна, и вам – невинным, и нам – виноватым»²⁹³.

Конечно же, подобная атмосфера не могла не сказываться на моральном состоянии офицерства. В статьях той поры, написанных на основании «...бесчисленных писем, полученных... из армии», говорится о «невозможной... офицерской жизни», о брожении в офицерском корпусе, об уходе из армии многих лучших офицеров²⁹⁴.

Журнал «Офицерская жизнь» констатировал, что в результате враждебной пропаганды, особую роль в которой сыграла печать, офицеры оказались в положении «...каких-то заклеянных людей... труд, лишения, даже жертвование

жизнью которых никем не признается за нечто нужное, полезное», и что это морально убивает офицерство²⁹⁵.

«При таких ужасных условиях у офицера неминуемо должно было возникнуть чувство нравственной отчужденности от своих сограждан, известный разлад с ними. И он налицо... Офицер видит, что общество начинает его понимать все менее и менее»²⁹⁶, – писал современник.

Действенность антиармейской пропаганды, наряду с прочим, обуславливалась совершенным отсутствием того, что сегодня называется военно-патриотическим воспитанием. «В наших гражданских учебных заведениях до сего времени нет и помина о вооруженной силе государства, и громадное количество наших будущих граждан в этом отношении воспитываются в полном невежестве. О высших учебных заведениях и говорить не приходится...», – писал «Военный сборник»²⁹⁷.

В учебниках по истории ничего не говорилось о войнах-героях, в школе не произносилось «ни одного слова о том, что такое армия, каковы ее задачи, что она сделала на благо родины»²⁹⁸.

Понятно, что в условиях идейно-нравственного хаоса, антиармейской истерии, не информированности общества об армии любые клеветнические измышления в адрес офицерства, тем более напечатанные в прессе, принимались на веру. «Клевета, как и всякая грязь, неизбежно оставляет впечатление, будь она даже начисто смыта опровержением в печати и решением суда. Повторяемая изо дня в день... она незаметно направляет умы в желаемую сторону...»²⁹⁹, – отмечал «Разведчик», подразумевая под «желаемой стороной» стремление определенных сил дискредитировать и разложить армию.

§ 1.4. Офицерство и революция 1905–1907 гг.

В начале XX столетия в Российской империи обострились существовавшие и возникли новые социально-экономические проблемы, продолжилась пауперизация части населения, углубились противоречия между системой государственной власти и управленческими потребностями общества, усилилось размывание сословных перегородок. Следствием этого явился рост социально-политической напряженности и революционного движения в стране, еще более усилившихся в ходе войн – русско-японской и Первой мировой, а также в результате деятельности революционных и либеральных партий. Апогеем революционных процессов стали три революции, происшедшие менее чем за двадцать лет.

Офицерство, прежде всего в силу идейных убеждений, в революционном движении не участвовало: «Офицерство... относилось с предубеждением не только к левой, но и к либеральной общественности»³⁰⁰.

Лишь незначительное количество лиц, относившихся к офицерскому корпусу, придерживалось революционных взглядов и в той или иной форме боролось против существовавшего государственного строя.

К началу революции 1905 г. «...специально военно-революционных организаций не было»³⁰¹, – писал один из участников революционного движения в армии. Однако попытки создания неких оппозиционных структур были. Так, весной 1905 г. по инициативе некоторых слушателей военных академий, прежде всего наиболее «штатской» – Александровской военно-юридической – состоялось учредительное собрание организации с громким названием Всероссийский офицерский союз. Кроме юристов, на собрании были несколько слушателей инженерной академии, 2–3 офицера артиллерийской академии, от академии генерального штаба – С. Мстиславский. Строевых и гвардейских офицеров не было³⁰².

Вскоре отделения союза были организованы в Киеве, Выборге, Луге, Ярославле, Астрахани, Варшаве. Программа союза включала в себя задачу демократизации армии, а также трафаретные требования союзов других специальностей – врачей, инженеров и т. д., при этом «...конкретных... задач Союз пред собой не ставил»³⁰³, – вспоминал участник этой организации.

Кроме того, на учредительном собрании офицеры заявили, что союз не будет зависеть от политических партий и официальных связей с ними поддерживать не станет. Отдельным членам союза состояние в партии не возбранялось, но при условии подчинения, в первую очередь, союзной дисциплине. Позже некоторые члены союза, в основном слушатели академии генерального штаба, создали негласное объединение, вошедшее в контакт с революционными партиями и ставившее задачу подготовки вооруженного восстания в Петербурге³⁰⁴.

По некоторым данным, это расслоение союза и выделение в нем революционного ядра, связанного с эсерами, произошло в конце 1906 г.³⁰⁵

Точное количество членов союза установить вряд ли возможно, но, судя по косвенным данным, оно было весьма невелико. Б. Савинков писал, что в начале декабря 1905 г. в Петербурге состоялось совещание эсеров и социал-демократов, на котором от офицерского союза присутствовал «некий поручик». По словам поручика, в союзе числилось около 60 офицеров, преимущественно флота и гвардии. Однако Б. Савинков отметил, что поручик «явно преувеличивал, ибо не ответил на вопрос, какие части в Петербурге не будут стрелять в случае восстания»³⁰⁶.

Участник учредительного собрания Всероссийского офицерского союза С. Мстиславский вспоминал, что «...революционную работу вела очень маленькая группа офицеров...»³⁰⁷. Печатный орган союза – журнал, называвшийся «Народная армия» и получавший идейную и материальную поддержку от эсеров³⁰⁸, отмечал, что лишь отдельные представители офицерства участвовали в революционной борьбе³⁰⁹.

Провозглашение Манифеста 17 октября 1905 г. привело к уменьшению и без того незначительного количества членов союза. Вскоре после его обнаружения к С. Мстиславскому приехал штабс-капитан Финляндского полка и от имени офицеров полка – членов союза – высказался в том смысле, что не только отпала необходимость выступления, но под сомнение ставится сама целесообразность дальнейшего существования союза. Вообще, в союзе «...большинство офицеров держалось того мнения, что «Конституция» коренным образом изменила программу и тактику Союза, что о каких-либо самостоятельных выступлениях и действиях не приходится говорить, а дальнейшая ориентация Союза должна идти на Думу»³¹⁰.

Сведения о непосредственном участии членов союза в революционных выступлениях и практической революционной работе крайне скудны. Так, бывший участник революционного движения К. М. Оберучев писал: «Работе членов этого союза принадлежит целый ряд вооруженных выступлений войск в разных частях России в 1907 году...», но приводит лишь один пример – выступление 21-го саперного батальона в Киеве в связи с роспуском 2-й Государственной Думы³¹¹.

Член ЦК союза С. Мстиславский в своем труде упоминает два незначительных факта деятельности союза: вхождение осенью 1905 г. трех членов союза в межпартийный комитет по подготовке восстания в Петербурге и подготовку им лично и издание в 1906 году «Руководства к уличному бою»³¹².

В 1908 г. так называемый «Всероссийский офицерский союз» прекратил свое существование³¹³; в 1909 г. за принадлежность к нему были осуждены 5 человек³¹⁴.

Отдельные офицеры, связанные с политическими партиями, участвовали в революционных выступлениях. Так, в ноябре 1905 г. произошло восстание некоторых инженерных подразделений в Киеве. Во главе восставших стоял подпоручик Б. П. Жадановский, связанный с социал-демократами. Кроме него, в выступлении участвовали еще 5 офицеров³¹⁵.

В приказе войскам Иркутского военного округа говорится о штабс-капитане Н. А. Неплюеве и прапорщике Н. А. Золотарева, которые завязали «в ноябре месяце 1905 года сношения с тайными солдатскими организациями... взяли на себя руководство солдатским движением...». В этом же приказе упоминаются

подполковник Г. П. Коновкин и поручик Д. И. Домусчи, выразившие «...свою солидарность восставшим нижним чинам», а также поручик Осберг, лично руководивший «толпой восставших нижних чинов»³¹⁶.

Восстание солдат и матросов в Свеаборге (июль 1906 г.) возглавили члены большевистской партии подпоручик А. П. Емельянов и подпоручик Е. Л. Коханский³¹⁷.

В целом же подобных случаев было совсем немного. В этой связи «Вестник русской конницы» писал: «...явно изменившие долгу и ставшие во главе бунтовщиков офицеры насчитываются единицами среди десятков тысяч лиц офицерского состава армии...»³¹⁸.

В журнале «Народная армия» упоминается также о съезде делегатов местных офицерских групп и организаций, состоявшемся в 1906 г. В частности, говорится, что съезд выработал программу, тактику и устав для офицерского революционного союза. «Этот союз ставит своей целью создание в среде офицерства прочной революционной, но в то же время внепартийной организации, которая должна послужить ядром, собирающим... все элементы офицерства, способные содействовать народу в революционной борьбе»; политическая часть программы провозглашала «...признание необходимости уничтожения самодержавия и установление полного народовластия – через... Учредительное собрание»³¹⁹. Однако каких-либо фактов о реальной деятельности этого революционного союза обнаружить не удалось.

Вообще, то, как «Народная армия» писала об офицерском корпусе, вызывает сомнение в причастности офицеров, пусть даже революционно настроенных, к подготовке публикаций. Офицерство называется «продажным», «оплотом реакции», о его составе говорится, что «...это все то же дворянство, те же землевладельцы: до сих пор военная служба остается главным поприщем дворянства»³²⁰ и т. д. В подобном стиле писали политически ангажированные авторы, преднамеренно искажавшие или же не знавшие подлинного положения дел в офицерском корпусе.

В 1910 г. партия социалистов-революционеров создала так называемый «Всероссийский союз армии и флота», общий для офицеров и солдат. Он имел организации в Петербурге, Финляндии, Кронштадте и Москве. Члены этого союза похищали оружие для передачи революционерам, вели пропаганду среди солдат, распространяли революционную литературу. В июне 1911 г. союз был ликвидирован³²¹.

Количество офицеров, участвовавших в работе союза, установить не удалось, однако, учитывая неприятие революционной идеологии подавляющим большинством офицерства и спад революционного движения в стране в тот период, вряд ли оно было больше, чем во «Всероссийском офицерском союзе».

Таким образом, «...офицеры армии не склонились ни на посулы, ни на оскорбительную травлю, ни на угрозы»³²², остались верны присяге и Отечеству.

Может возникнуть вопрос: если офицеры в большинстве своем в принципе отвергали революцию, то почему они не участвовали в политической жизни страны, в деятельности партий, поддерживавших государственные устои?

Причина состояла в том, что офицерам запрещалось заниматься политической деятельностью (соответствующее решение Совета Министров утвердил Николай II). В документе, объявленном в армии специальным приказом, говорилось: «Всем офицерам и всем нижним чинам воспрещается:

а) входить в состав и принимать участие в каких бы то ни было союзах, группах, организациях, товариществах, партиях и т. п., образованных с политической целью, а равно присутствовать на... собраниях, обсуждающих политические вопросы;

б) принимать непосредственное участие или присутствовать в скопищах, сходках и манифестациях, какого бы они рода ни были»³²⁰.

В случае нарушения требований приказа предусматривалась в том числе уголовная ответственность; если же нарушение было невелико, то офицера привлекали к дисциплинарной ответственности, вплоть до увольнения со службы³²⁴.

Подчеркнем: приказ запрещал военнослужащим заниматься любой политической деятельностью, в том числе направленной на поддержку государственных устоев. Более того, возбранялось даже публичное выражение симпатий к политическим силам, борющимся против революции.

Например, в конце 1906 г. в газетах появились сообщения о посылке командирами некоторых казачьих полков приветственных телеграмм в адрес «съезда русских людей, имевшего место в октябре 1906 года в Киеве». В этой ситуации военный министр объявил, что «в виду приказов по военному ведомству 1905 года № 804 и 1906 года № 626, проводящих безусловный принцип внепартийности армии... таковые выражения сочувствия, хотя бы и правым политическим партиям, не должны быть допускаемы»³²⁵.

Выражение «войско должно быть вне политики», получившее в то время широкое распространение, известный публицист А. Волконский трактовал следующим образом: «Войско само не должно вмешиваться в ход политической жизни, оно не должно допускать в своей среде никакой пропаганды, все равно, будет ли она социалистической или черносотенной; офицер не должен быть членом ни правых, ни левых союзов...», он должен блюсти политическую нейтральность и быть верным присяге³²⁶.

Поясняя свою позицию о необходимости политического нейтралитета офицерства, этот же автор в статье «Присяга или партийность» приводит

следующий пример. В Михайловском манеже происходило освящение знамен Союза Русского Народа, на котором были и офицеры. В толпе раздавались крики «Долой подлую конституцию!» (имелся в виду Манифест 17 октября. – В.С.). Но конституцию, говорит публицист, «даровал» император, значит, выкрики направлены против него. Таким образом, считал А. Волконский, присутствовавшие офицеры как бы поддерживали тех, кто выступал «против царя». Дабы подобного не происходило, офицеры не должны бывать ни на каких сходках и митингах³²⁷.

Подобные рассуждения лукавы и представляют собой типичную подмену понятий. Союз Русского Народа был консервативно-монархической организацией, и офицеры, посещавшие его мероприятия, наверняка были монархистами. В стране понимали, что Манифест 17 октября был принят Николаем II под давлением обстоятельств, для того чтобы стабилизировать политическую ситуацию и остановить нарастание революционного движения в империи.

Патриотические и консервативные силы, опасаясь гибели исторической России, были против уступок, как либералам, так и революционерам; этим и объясняется их недовольство «конституцией». Подобная позиция отнюдь не означала выступление «против царя», напротив, она свидетельствовала о всемерной поддержке монарха, оказавшегося в сложной ситуации.

В 1913 г. военное ведомство подтвердило запрет на участие военнослужащих в политической деятельности³²⁸.

Кроме того, в канун Мировой войны был отдан приказ, «строго воспрещающий воинским чинам... вести разговоры на современную политическую тему (балканский вопрос, австро-сербская распря и т. д.). Накануне неизбежно предстоявшей отечественной войны старательно избегали возбуждения здорового патриотизма, разъяснения целей и задач войны, ознакомления со славянским вопросом и вековой борьбой нашей с германизмом»³²⁹.

Поразительная близорукость...

В конечном итоге запрет на участие в политической жизни наиболее патриотически-настроенного социального слоя, коим являлось офицерство, лишил Россию – в политическом контексте – беззаветно преданных ей граждан и одновременно давал несомненные преимущества разрушителям традиционных основ бытия страны.

Уже в эмиграции, осмысливая прошлое, многие офицеры пришли к выводу, что формулу «армия – вне политики» защитникам Отечества навязали в примитивной трактовке, тогда как озабочиться политической ориентировкой офицерского корпуса было насущнейшей из всех задач. «Однако правительство эту задачу совершенно проглядело и не сумело сделать ни одного вывода из грозного предупреждения, данного ему в 1905 году»³³⁰.

Современник отмечал: подобное верхоглядство привело к тому, что «в 1917 г. армия стала разменной картой в руках политиков и политиканов, не сумев противостоять революционному угару масс. В наличии не оказалось никакой организованной силы, на которую мог бы опереться Государь. «Великая молчаливица» – Русская армия – была совершенно не знакома с политическими вопросами и оказалась абсолютно беззащитной в политической борьбе. Офицер, который не умел отличить социал-демократа от эсера, легко побеждался в политической дискуссии некультурным аптекарским учеником, хотя поверхностно, но все же политически обработанным левыми партиями»³³¹.

Поэтому совершенно прав наш современник А. Г. Дугин: «Нормальный военный обязан быть ангажированным в идеологию и геополитику. Он не просто наймит, он отвечает за Государство и Nation. Поэтому он обязан понимать, что с Государством и Nation творится, и активно участвовать в планировании их судеб»³³².

Вынужденные находиться в стороне от социально-политической жизни офицеры в политических вопросах были некомпетентны и тем более не были знакомы с методами работы революционеров. Вследствие этого они не умели и не могли бороться с агитацией, которая велась среди солдат. Как писал А. И. Деникин, «недостаточная осведомленность в области политических течений и особенно социальных вопросов русского офицерства сказалась уже в дни первой революции... А в годы второй революции большинство офицерства оказалось безоружным и беспомощным перед безудержной революционной пропагандой...»³³³.

Дело доходило до курьезных ситуаций. Так, в Арзамасе, разъясняя солдатам Манифест 17 октября, местный воинский начальник, затрудняясь объяснить, что такое «свобода союзов», сказал следующее: «если, например, у мужиков уродится очень много капусты, то... они могут сообща, “союзами”, отправлять ее в город по железной дороге...»³³⁴.

Видимо, понимая пагубность политической неосведомленности офицерства, ведомство военно-учебных заведений предпринимало отдельные шаги для исправления положения вещей. Так, в 1906–1907 учебном году во всех училищах было приказано сделать сообщения, дабы ознакомить юнкеров «...с главнейшими из распространяемых ныне социалистических учений, с правдивым и обстоятельным их разъяснением»³³⁵. Подобное решение было, как представляется, верным, хотя и запоздалым; кроме того, оно касалось только будущих офицеров. Возникает также вопрос: кто в военной школе той поры мог «обстоятельно» разъяснить революционную теорию и практику?

С 1907–1908 учебного года к курсу законоведения в военных и юнкерских училищах был отнесен небольшой дополнительный раздел по ознакомлению

юнкеров «с крайними учениями» в целях подготовки юнкеров как будущих офицеров к борьбе с революционной пропагандой в войсках³³⁶.

В то же время обществоведческие дисциплины по-прежнему не изучались ни в училищах, ни в академиях; обучение методике организации и проведения контрпропаганды также не велось ни в войсках, ни в военно-учебных заведениях.

Многие офицеры понимали вред полнейшей аполитичности, насаждавшейся в армии. Рядовой офицер писал о брожении в армии: «Одна из главных причин – полное отсутствие у офицеров привычки говорить с нижними чинами на политические темы, ибо эти темы до последних дней считались как бы запретным плодом...»; подразумевалось, что солдат должен выполнять уставы и приказы, а понимать, что происходит, ему не нужно. Но всех нижних чинов, писал далее автор, «захватывает движение жизни», и они «попадают в лапы агитаторов»; поэтому «против пропаганды самое действенное средство – контрпропаганда»³³⁷. Но, к сожалению, на практике ничего не менялось.

В 1906 г. стал выходить еженедельный иллюстрированный журнал «Вестник русского солдата». В нем публиковались заметки по военной истории, стихотворения и рассказы на различные темы, советы по овощеводству, растениеводству и т. д. Издание играло свою роль в общем просвещении солдатских масс, но в нем не было ничего, что помогло бы им разобраться в сложных социально-политических вопросах того времени.

В результате основными средствами борьбы с революционной пропагандой в армии являлись внезапные осмотры солдатских сундучков (с целью изъятия нелегальной литературы, прокламаций, листовок) и усиленный надзор за нижними чинами в увольнении и на вольных работах³³⁸.

Некоторые командиры и начальники, не получая распоряжений сверху, по собственной инициативе издавали приказы, направленные на борьбу с разлагающим влиянием антигосударственной пропаганды и агитации.

Так, в 1-й и 2-й пехотных дивизиях одной из задач учрежденных там советов офицеров являлась борьба с революционной пропагандой³³⁹.

В приказе по 2-му Туркестанскому армейскому корпусу отмечалось, что продолжается подбрасывание в казармы прокламаций и других нелегальных изданий. Приказ требовал от офицеров, «...не скрывая сущности содержания прокламаций от нижних чинов», разъяснять им, к чему может привести «торжество учений крайних партий», а также объяснять суть Манифеста 17 октября³⁴⁰.

Подобные приказы издавались и в некоторых других соединениях, но, кроме общих фраз, ничего в себе не содержали. В них не указывалось, кто конкретно, в какой форме и в какое время должен «разъяснять» политическую

ситуацию в стране. Какие-либо специальные занятия или мероприятия не предусматривались, содержание контрпропаганды не определялось.

Более того, вряд ли кадровые офицеры, не владевшие даже азами политических знаний, не обученные элементарным навыкам воспитательной работы и ведению контрпропаганды, не имевшие права заниматься общественно-политической деятельностью, могли хоть как-то влиять на политические настроения нижних чинов.

Воспитанные военной системой как государственники они считали делом чести служить Царю и Отечеству; воспитать же в подобном духе нижних чинов в тогдашней конкретно-исторической ситуации в стране, в силу вышеизложенных причин, офицеры просто не могли.

Лишь когда уже поздно было что-либо делать, в начале 1917 г., в Ставке Верховного Главнокомандующего было принято решение о проведении с солдатами бесед на политические темы. В этой связи Главнокомандующий Северным фронтом генерал от инфантерии Н. В. Рузский справедливо отметил, что офицерство всегда было вне политики, и поэтому оно мало подготовлено «...для широкой организации политических бесед»³⁴¹.

Не затрагивая фундаментальных политических и социально-экономических процессов, протекавших в России в начале XX века и создававших благодатную почву для деятельности революционеров, отметим иное. Государственные органы власти и управления (военное ведомство в том числе), по нашему мнению, не осознавали в полной мере опасность революционной пропаганды. Соответственно, необходимые меры, направленные на борьбу с этим явлением – выпуск ежедневных военных газет, регулярное разъяснение нижним чинам сути происходивших в обществе событий, систематическое проведение бесед на политические и исторические темы, организация подготовки офицеров-специалистов по контрпропаганде и т. д. – не предпринимались.

Напротив, революционные партии направили «...особые усилия и старания...на разращение армии»³⁴².

Была налажена система так называемой «военной работы», цель которой состояла в разложении армии или же, по терминологии революционеров, в обеспечении ее «...открытого перехода на сторону восставшего народа»³⁴³. В 1906 г. действовало 48 «военных» организаций и групп, в 1907 – 51. По большей части они примыкали к большевикам; кроме гражданских лиц, в их составе находилось свыше 15 тысяч солдат и матросов³⁴⁴.

Революционные кружки появились даже в отдельных военно-учебных заведениях, среди юнкеров. В Николаевском инженерном училище такой кружок с осени 1906 г. поддерживал связи с эсерами, в Михайловском артиллерийском и Санкт-Петербургском пехотном юнкерском училище кружки в

идеологическом отношении примыкали к социал-демократам³⁴⁵. Осенью 1905 г. антиправительственная пропаганда среди юнкеров велась в Казанском пехотном инженерном училище³⁴⁶.

На начальном этапе первой революции в России агитация велась в казармах, затем, когда подобное стало пресекаться, стали агитировать нижних чинов, находившихся в отпусках, командировках, лазаретах и т. д. Распропагандированные солдаты, возвращаясь в части, подбивали сослуживцев к неподчинению приказам, беспорядкам, бунтам, нападениям на офицеров³⁴⁷.

В этих же целях активно использовалась печатная продукция. Как писал современник, во время русско-японской войны «...войска засыпались прокламациями...»³⁴⁸.

Например, Петербургский комитет РСДРП с началом войны 1904–1905 гг. еженедельно выпускал по 2–3 листовки тиражом 6–10 тысяч экземпляров, Сибирский социал-демократический союз только в первую неделю войны выпустил 5 листовок тиражом 100 тысяч экземпляров³⁴⁹.

Значительное внимание уделялось периодической печати. Так, в 1906–1907 гг. только большевистская партия выпускала 15 легальных газет и около 40 центральных и местных нелегальных газет³⁵⁰.

В их числе было немало изданий, нацеленных на солдатскую аудиторию: «Казарма» (Петербург), «Солдатское дело» (Варшава), «Солдат» (Тифлис), «Военный листок» (Крым), «Рядовой» (Баку), «Солдатский листок» (Нижний Новгород) и т. д.³⁵¹

Под влиянием революционных событий в стране и пропаганды радикальных партий в сухопутных войсках произошло значительное количество беспорядков. За 1905–1906 годы отмечено 437 выступлений солдат в различных формах: забастовки, предъявление требований, митинги, демонстрации, выступления против офицеров; имели место и вооруженные выступления.

Масштабы беспорядков были неодинаковыми – от частей и гарнизонов до рот³⁵². По оценкам военного министерства, наиболее крупные беспорядки имели место в 38 случаях³⁵³.

Не следует, однако, считать, будто эти выступления носили осознанный политический характер и имели серьезную идеологическую подоплеку. Расследования беспорядков в войсках показали, что агитаторы сыграли свою роль, но протест солдат «...был направлен отнюдь не против государственной власти, а главным образом против ближайшего начальства»³⁵⁴. В основном солдатские требования сводились к улучшению бытовых условий и предоставлению большей личной свободы.

Своего рода противоречием было то, что, запрещая воинским чинам заниматься любым видом политической деятельности, правительство в то же

время использовало армию для подавления бунтов, различного рода беспорядков, борьбы с боевиками и т. п.

Так как значительное количество войск из европейской части империи было отправлено на Дальний Восток для участия в войне, началось развертывание резервных частей в целях использования против «внутренних врагов». Для укомплектования таких частей вызывались офицеры из тех полков и бригад, которые не предполагалось посылать на фронт. Назначения делались срочно, по телеграммам, поэтому офицеры не знали личного состава, которым им предстояло командовать в условиях сложнейшей внутривойсковой обстановки³⁵⁵.

Участие офицеров регулярной армии в подавлении внутренних беспорядков создавало для некоторых из них определенный нравственный дискомфорт, усугублявшийся поражениями в войне с Японией. Пресса упрекала армию в бессилии против внешних врагов, войне со своим народом, поддержке «гнилого правительственного режима»³⁵⁶ и т. п.

Справедливыми ли были такие упреки? Попытаемся рассмотреть участие офицерства в подавлении беспорядков с морально-этической точки зрения.

Во-первых, отметим: революция воспринималась большинством офицеров как попытка уничтожения фундаментальных основ бытия России, прежде всего исторических и духовных. Смута, попрание начал государственного устройства, традиций, формировавшихся веками, грозило стране неисчислимыми бедрами. Могли ли офицеры остаться в стороне? Представляется, что ответ понятен. «На совесть наших военных ляжет слишком тяжелый груз, если они не постараются сохранить за армией значение опоры государства...»³⁵⁷.

Превалировало мнение, что армия, независимо от того – извне или изнутри возникают угрозы государству – должна стоять на страже безопасности и целостности страны³⁵⁸. Поэтому вооруженные выступления, бунты, массовые беспорядки, особенно во время войны с внешним врагом, трактовались офицерским корпусом как измена Родине.

Офицеры, не зная всей подоплеку происходивших революционных событий, не зря трактовали их как измену. Уже в наши дни историки, исследуя события той поры, пришли к выводу: многие революционные и либеральные партии сотрудничали с Японией, страной, которая воевала с Россией.

1 октября 1904 г. по инициативе японской стороны в Париже прошла встреча представителей российских революционных и либеральных организаций, на которой обсуждались проблемы свержения государственной власти в России. «Наиболее видными лицами этой конференции были П. Н. Милоков – будущий лидер конституционных демократов и министр иностранных дел Временного правительства; князь Павел Долгорукий – Рюрикович,

помогавший крушить созданную Рюриком державу; Н. А. Чайковский, возглавлявший в Лондоне Общество друзей русской свободы...» и другие. Представитель Японии, резидент японской разведки полковник М. Акаси «...был поражен тем, что эти русские либералы были не менее своих «более левых» коллег готовы нанести удар по Российскому государству. Все они выступали против самодержавной монархии»³⁵⁹.

Японское правительство стало финансировать закупки стрелкового оружия, патронов и взрывчатки, которые поставлялись, в частности, в Москву и Петербург для вооружения боевиков-революционеров. Кроме того, ставка делалась на разжигание национальной вражды и сепаратизма в многонациональном Российском государстве. Поэтому финансировались и снабжались оружием Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров, Польская социалистическая партия, Финляндская партия активного сопротивления, боевики в Прибалтике и т. д. Японский генеральный штаб перевел на закупку оружия свыше миллиона иен, что в те времена составляло огромную сумму. Для его доставки из Англии в Россию полковником М. Акаси были приобретены два судна, несколько позже – еще одно³⁶⁰.

Во-вторых, рассматривая участие офицерства в подавлении беспорядков с морально-этической точки зрения, не следует забывать о том, что именно на армию легла обязанность защищать мирное население от террора, воцарившегося в стране, массовых убийств, погромов, грабежей, поджогов, совершавшихся в ходе революционных выступлений 1905–1907 гг. по всей империи.

По подсчетам специалистов, в 1905–1908 гг. террористами было убито 2563 должностных лица и 3616 частных лиц³⁶¹.

Инерция террора была столь велика, что даже в послереволюционную эпоху «с января 1908 по середину мая 1910 года зафиксировано почти двадцать тысяч терактов и экспроприаций (то есть политических грабежей), при этом убиты были 732 госслужащих и 3051 частное лицо, а ранены соответственно 1022 и 2829»³⁶².

Всего же за 1901–1911 гг. число жертв террористов составило 17 тысяч человек³⁶³.

В советские времена утверждалось, что подобные деяния были проявлениями «народной борьбы за свободу», причем одно время террористов даже героизировали; подобная трактовка политического терроризма тех лет не так редко встречается даже в наши дни.

Моральную оценку тем, кто во имя неких «революционных идеалов» тысячами убивал граждан своей страны, дала история. Добавим, однако: кроме идейных, даже фанатичных борцов за революцию в политическом терроре активно участвовали обычные уголовники.

В этой связи представляется справедливым утверждение П. О. Ковтуненко, исследователя уголовной преступности тех лет: «Разделение уголовного и революционного террора недопустимо в условиях, когда эти два явления российской действительности начала XX в. тесно перекликаются, взаимосвязаны друг с другом, а иногда и развиваются одно из другого»³⁶⁴.

В условиях непростых социально-экономических проблем и активизации революционной пропаганды «наличие озлобленного, дремучего, уголовного полуфабриката в пролетарской и крестьянской среде являлось существенной предпосылкой... появления...» революционного террора. Более того, отмечены случаи, когда уголовники оказывали материальную помощь большевикам и эсерам³⁶⁵.

Методы, которыми действовали революционеры и уголовники, были одними и теми же: убийства, разбои, грабежи, угрозы и т. п. В числе прочих объектов нередко грабились казенные винные лавки, при этом, «как показывают судебные-следственные документы, грабежи сопровождалась поджогами, убийствами продавцов, а чаще присвоением спиртных напитков»³⁶⁶.

Иногда грабители даже сообщали о том, кто совершил налет. Например, после ограбления винной лавки в Пензенской губернии в кассовой книге была сделана запись, что деньги и спиртное «...взяты партией социалистов-революционеров»³⁶⁷. В Нижегородской губернии эсеры также совершили значительное количество ограблений, в том числе винных лавок. «Не счесть числа экспроприаций, грабежей, вымогательств, подделок документов с их последующим использованием для различных махинаций, организованных эсерами (подобными приемами, кстати, пользовались все, без исключения, нижегородские революционеры вне зависимости от партийной принадлежности)»³⁶⁸.

Аналогичное положение сложилось и в других регионах Российской империи: «На вооружение тактику террора приняли эсеры, анархисты, максималисты, национальные политические объединения Польши, Прибалтики, Кавказа. Приложили к этому руку и социал-демократы, в том числе большевики»³⁶⁹.

В силу подобных обстоятельств сложно различить, чисто уголовным или уголовно-политическим было то или иное преступление. Тем более что деньги от многочисленных ограблений банков, магазинов, казначейств (с января 1905 по июль 1906 года только крупных ограблений по политическим мотивам было зарегистрировано почти 2 тысячи) шли отнюдь не только на «революцию». В среде рядовых членов революционных партий хищение «экспропрированных» денег было настолько распространенным явлением, что лидеры экстремистов вынуждены были признать эту проблему публично³⁷⁰.

В частности, говоря об анархистах, жандармский генерал А. В. Герасимов в показаниях следственной комиссии Временного правительства в 1917 г. отме-

чал, что «многие организации, действовавшие под анархистским флагом, по своей идеологии не были революционными, а просто пользовались анархической риторикой для оправдания обычного бандитизма»³⁷¹.

Революционные события в собственно российских губерниях дали мощный толчок развитию терроризма в других регионах империи, в частности в Королевстве (Царстве) Польском. Большинство польских партий были социалистическими, но в их идеологии и практической деятельности важную роль играли националистические мотивы.

Потеря национальной государственности вызывала в широких кругах польского населения ненависть к русским. К этому «...прибавлялось пренебрежение, ощущение превосходства – основанные на уверенности в культурной «низшести» русского народа по сравнению с культурной «вышестью» польского... Такое отношение к русским было связано в большой степени с восприятием себя как части западно-христианской цивилизации, в то время как Россия представлялась полякам полуварварской страной...»³⁷².

С началом революции все польские политические партии стали использовать террор против русской администрации. В течение 1905–1907 гг. было совершено 3166 террористических акций и вооруженных нападений; число убитых и умерших от ран воинских чинов, жандармов, полицейских только за 1905 г. и за четыре первых месяца 1906 г. составило 127 человек, раненых – 207 человек³⁷³.

Характерный факт: в Польше, как и в российских губерниях, в качестве боевиков часто выступали элементы, преследовавшие уголовные цели, совершавшие разбойные нападения на простых обывателей, государственные и частные учреждения³⁷⁴.

Подчеркнем: в то время не было внутренних войск, полиция была малочисленной, вооруженной лишь шашками и револьверами (в сельской местности – шашками и винтовками) и совершенно не подготовленной для борьбы с массовыми беспорядками.

Например, в Таврической губернии (включавшей в себя весь Крым и прилегающие территории) силы правопорядка, с учетом частной стражи и полицейских, находившихся на содержании местного самоуправления, насчитывали около 1,6 тысячи человек³⁷⁵.

Это при том, что в 1905 г. здесь произошли крупнейшие в Российской империи вооруженные выступления (включая мятежи на броненосце «Потемкин-Таврический» и крейсере «Очаков»), а также массовые беспорядки. Отметим: по некоторым данным, революционерам деньги на организацию мятежа на Черноморском флоте выделили японские спецслужбы. Хотя японцы ожидали бунта всего флота, но и то, что восстал «Потемкин» – один из крупней-

ших боевых кораблей на Черном море – явилось немалым ударом по России, ведшей войну с Японией³⁷⁶.

В Симферополе вся полиция, включая полицмейстера, насчитывала 69 человек, в Ялте – 50, в Феодосии – 27. При этом штат полиции почти не менялся вплоть до 1917 г., хотя этот вопрос поднимался неоднократно. Так, в октябре 1913 г. симферопольский пристав обращал внимание на то, что с 1863 г. численность полицейских в городе дополнялась считанными единицами, а население увеличилось почти в 7 раз³⁷⁷.

В Москве, где в декабре 1905 г. произошло вооруженное выступление против власти, с участием не менее 8 тысяч вооруженных «дружинников»³⁷⁸, новые, уже увеличенные штаты полиции насчитывали 4843 человека; на весь Кавказ в рассматриваемый период по штату было положено 6 инспекторов, 45 офицеров, 366 урядников и 5134 стражника³⁷⁹. Отметим, что опасность службы и низкая заработная плата городских и стражников приводили к значительной текучести кадров, поэтому реальная численность полиции была меньше штатного расписания³⁸⁰.

Нехватка полицейских сил была характерна для всех регионов страны³⁸¹. В частности, полицмейстер Керчи, указывая на недостаток сил для предупреждения и пресечения преступлений и нарушений общественного порядка, в ноябре 1907 г. докладывал министру внутренних дел: «Рядом убийств и ограблений народонаселение города терроризировано, и слышен ропот неудовольствия на недостаточные меры по охране со стороны полиции»³⁸².

В условиях чрезвычайной социально-политической обстановки полиция физически не могла обеспечить общественный порядок, поэтому на армию легла задача не только сохранения государственных устоев, но и обеспечения личной безопасности граждан. Как правило, так и было. Например, войска неоднократно пресекали еврейские погромы. Яркий пример тому – события весной 1903 г. в Кишиневе, когда армия применила силу для разгона погромщиков; после судебных разбирательств значительное количество лиц, принимавших участие в убийствах и грабежах еврейского населения, было осуждено³⁸³.

Когда в июне 1906 г. начались еврейские погромы в Белостоке, «вызванные оскорблением злоумышленниками христианских церковных процессий», а также столкновения погромщиков с вооруженными боевыми дружинами Бунда, войска 6-го армейского корпуса пресекли и погромы, и столкновения³⁸⁴.

Бывали случаи, когда войска не сразу принимали участие в пресечении погромов, как, например, это произошло во время армянских погромов в Баку в октябре 1904 г.³⁸⁵ Виновными в подобном, однако, были не военные, а гражданские власти: войска могли вступать в дело только после соответствующего обращения местных властей.

Решительных мер для подавления беспорядков не предпринималось и в Прибалтике, где гражданские власти «больше всего боялись действий»³⁸⁶.

Но в целом армия выполняла свой долг. Как отметил один из военных публицистов, «не может быть различия, чьи жизни или имущество мы защищаем от насилия или разгрома. Для армии в России не может быть ни эллина, ни иудея, каждый гражданин нашего государства имеет полное право требовать от нас защиты и помощи...»³⁸⁷.

В-третьих, решение об использовании армии в целях подавления смуты было принято на высшем уровне. Исходя из этого, командующие войсками округов ставили соответствующие задачи своим подчиненным. Например, в приказе по войскам Виленского военного округа, датированном 1906 годом, говорится, что командиры частей и начальники гарнизонов, в случае обращения к ним за содействием гражданских властей, должны оказывать его «...немедленно, в мере надобности»³⁸⁸.

Представляется необходимым отдельно рассмотреть вопрос о применении оружия при подавлении беспорядков, ибо обвинения в неоправданном его использовании звучат и поныне. В действительности, оружие в течение длительного времени применялось крайне редко, даже в тех случаях, когда это было необходимо. Например, во время нападения на караул (1904 год) в Варшавском военном округе военнослужащие, отступая, стреляли только вверх, причем подобные инциденты происходили неоднократно. В этой связи командующий войсками округа, подчеркнув необходимость проявлять осмотрительность при применении оружия, одновременно потребовал использовать оружие в соответствии с инструкцией³⁸⁹. Заметим: любой наш современник, служивший хотя бы срочную службу, знает – в случае нападения на караул военнослужащие имеют полное право применять оружие.

Осенью 1905 г. произошли крупные беспорядки в ряде частей, дислоцированных в Воронеже, Киеве, Кронштадте, Владивостоке, однако «оружие против бунтовщиков, как правило, не применялось»³⁹⁰.

То, что оружие при подавлении бунтов использовалось достаточно редко, подтверждает и приказ командующего войсками Виленского военного округа, изданный в 1906 г. В частности, в нем говорилось о том, что многие начальники не проявляют решительности и самостоятельности при подавлении беспорядков. В этой связи командующий отметил: «...в действиях войск, и особенно в случаях применения оружия, требую быстроты и решительности, без которых присутствие войск на местах беспорядков ведет лишь к умалению достоинства армии и к развитию самих беспорядков...»³⁹¹.

Те, кто нападал на армейские подразделения, знали, что огонь на поражение не открывается почти никогда. Это порождало у погромщиков чувство

безнаказанности: в войска бросали камни, грязь, кололи лошадей булавками, плевали солдатам в лицо и т. п., причем как действовать в подобных ситуациях, закон не определял³⁹².

Более того, в солдат и офицеров стреляли, в воинские колонны и караульные помещения бросали ручные бомбы; бывали трагические случаи, когда офицеры погибали, пытаясь предотвратить столкновение между участниками беспорядков и войсками. Так, в декабре 1904 г. в городе Радом «революционная толпа» напала на дежурную роту 26-го пехотного Могилевского полка. Командир полка полковник И. И. Булатов отдал приказ не стрелять, подошел к нападавшим и был убит³⁹³.

Чрезвычайная обстановка в стране требовала чрезвычайных мер, поэтому в феврале 1906 г. император утвердил мнение Государственного Совета о том, что при усмирении бесчинствующей толпы «...стрельба вверх и холостыми патронами запрещается». Подчеркнем: применение оружия строго регламентировалось. Вначале необходимо было принять все меры к увещанию участников беспорядков, огонь же предписывалось открывать лишь тогда, «когда никакими другими способами не представится возможности прекратить беспорядки». Открытию огня должно было предшествовать трехкратное предупреждение³⁹⁴.

Несколько особняком стоят события 9 января 1905 г. Применение силы на Дворцовой площади получило широкий резонанс и послужило, наряду с другими факторами, значительной эскалации социально-политической напряженности в стране. Однако у нас вызывает сомнение широко распространенная версия о том, что это была сугубо мирная демонстрация, по которой войска открыли огонь безо всяких на то поводов.

Непосредственных причин трагических событий 9 января 1905 было две: отсутствие координации и некая странность в действиях правительства, с одной стороны, и масштабная провокация, организованная революционными силами – с другой.

Николая II в столице не было (он находился в Царском Селе), поэтому проводить массовое шествие для вручения ему петиции с требованиями, на первый взгляд, не имело смысла. О том, что царя нет в Зимнем дворце и вообще в городе, правительство знало, знали и организаторы демонстрации, но ни одна из сторон не предприняла мер, чтобы предупредить рабочих о его отсутствии.

По словам Председателя Комитета министров С. Ю. Витте, разработанная правительством тактика противостояния массовым выступлениям рабочих сводилась к тому, чтобы «эти толпы рабочих не допускать далее известных пределов, находящихся близ Дворцовой площади. Таким образом, демон-

страция рабочих допускалась вплоть до самой площади, но на нее вступать рабочим не дозволялось»³⁹⁵.

У С. Ю. Витте накануне шествия побывала делегация представителей общественности, пытавшаяся убедить его отменить распоряжение министра внутренних дел о применении силы в целях недопущения шествия на площадь, но тот отказался. При этом современные исследователи утверждают: Витте имел обширную агентуру среди организаторов шествия – партии эсеров, и не мог не знать об их стремлении организовать масштабный мятеж³⁹⁶.

Организация, называвшаяся «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», формально выступившая инициатором шествия, к тому времени превратилась в массовую организацию, ориентированную на радикальные действия не только в экономической, но и в политической сфере. Лидер организации – поп Г. Гапон, авантюрист по натуре, по всей видимости, не был удовлетворен ролью скромного священника и, судя по его действиям, стремился сделать политическую карьеру. Неслучайно он самым тесным образом сотрудничал с членом боевой организации эсеров П. Рутенбергом, сыгравшим значительную роль в организации событий 9 января.

По инициативе Г. Гапона к забастовке на Путиловском заводе, начавшейся 3 января, почти сразу присоединился ряд других заводов. «Я избрал именно эти заводы, потому что знал, что как раз в это время они выполняли весьма серьезные заказы для нужд войны», – писал позже Г. Гапон. Таким образом, к 5 января 1905 г. забастовка, начатая по инициативе Г. Гапона, охватила многие тысячи рабочих нескольких крупнейших петербургских заводов, при этом забастовщиков поддерживали как эсеры, так и социал-демократы³⁹⁷.

Как отмечает один из современных исследователей, петиция, которую собирались подавать императору, была результатом работы ряда узких совещаний и представляла собой жесткий политический ультиматум. В число требований входили: немедленный созыв Учредительного Собрания, что радикально меняло систему государственной власти (напомним: шла война!), отделение церкви от государства, подрывавшее традиционные устои государственной и общественной жизни, «прекращение войны по воле народа», означавшее сдачу международных позиций и потерю авторитета страны и т. д.³⁹⁸

Скорее всего, большинство участников шествия верили в мирный характер демонстрации и, по логике событий, их просто использовали «втемную». «По оценкам гвардейских офицеров, план Г. Гапона состоял в том, чтобы «...захватить Зимний дворец. В своей дикой лжи он не погнушался даже святотатством, чтобы обмануть рабочих: он повел их через несколько застав, причем впереди шли агитаторы-студенты, переодетые священниками, для того чтобы показать, что дело хорошее...»³⁹⁹, – писал современник.

Некоторые исследователи отмечают, что при подходе к Зимнему дворцу эсеровские боевики, внедренные в толпу рабочих, открыли огонь по цепи солдат; после этого войска открыли ответный огонь⁴⁰⁰.

В любом случае, войска имели приказ не пропускать шествие к центру города и были вынуждены после троекратного предупреждения стрелять по игнорировавшей их требования толпе.

Оружие применялось в ходе событий 9 января 1905 г. в Петербурге неоднократно, однако нельзя утверждать, будто это были массовые расстрелы мирных граждан. В действительности стрельба велась по агрессивно настроенной толпе погромщиков.

Так, на Невском проспекте, где действовал сводный отряд гвардии под командованием генерала Д. Г. Щербачева «в сущности, толпа спровоцировала гвардейцев на применение оружия. Агитаторы начали склонять солдат на свою сторону. В сторону гвардейцев, отошедших от толпы на дистанцию 120–130 шагов, летели камни. Д. Г. Щербачев попытался охладить пыл толпы методами психологического воздействия – кавалерия имитировала две атаки с обнаженным оружием, что не имело никаких последствий, а только еще больше завело толпу»⁴⁰¹.

Только после этого в сторону толпы, насчитывавшей до 120 тысяч человек, рота лейб-гвардии Преображенского полка произвела два залпа, и в дело вступили казаки; число погибших составило 150–200 человек⁴⁰².

Показательный факт: вечером 9 января Г. Гапон обратился к рабочим с воззванием, в котором говорилось о том, что пули «убили нашу веру в царя», содержался призыв строить баррикады, использовать бомбы и динамит, уничтожать полицию. Автором воззвания был террорист-эсер П. Рутенберг⁴⁰³.

В ходе подавления вооруженных выступлений в Москве (декабрь 1905 г.) оружие, естественно, также применялось. Иначе быть не могло, ибо по войскам велся интенсивный огонь со стороны восставших. Пресня была настолько забаррикадирована и укреплена, что несколько попыток войск Московского гарнизона взять ее штурмом окончились неудачей⁴⁰⁴. Ситуация изменилась только после прибытия лейб-гвардии Семеновского полка, который сумел расчистить Пресню от баррикад и принудить мятежников к сдаче.

Кроме того, войска подавляли вооруженные выступления против власти в период 1905–1907 гг. в Харькове, Сормове, Ростове, Красноярске, Чите, Новороссийске и некоторых других городах.

Террористическая деятельность революционных сил и примкнувших к ним уголовных элементов активно поддерживалась либеральной оппозицией в Государственной думе. Так, фракция кадетов заблокировала предложение П. А. Столыпина принять резолюцию, осуждавшую террор. Нередко депутаты

выступали с клеветническими заявлениями в адрес армейских частей, участвовавших в наведении порядка.

Например, И. Церетели, лидер меньшевистского крыла социал-демократов, обвинил 132-й пехотный Бендерский полк в жестоком и неправомерном отношении к жителям селения Ланчхуты (Кутаисская губерния). В ответ общество офицеров полка возбудило ходатайство о строжайшем расследовании действий их части в ходе пресечения беспорядков, с целью изобличения И. Церетели во лжи. В своем заявлении офицеры отметили: «...он и ему подобные не смели бы клеветать, если бы ни поддержка... со стороны думского большинства... и той части российской интеллигенции, которая стремится... руководить у нас общественным мнением»⁴⁰⁵.

К сожалению, эти слова отражали действительное положение вещей, сложившееся в стране. Потеря идейных и нравственных ориентиров в обществе привела к тому, что значительная часть населения поддерживала террористические акции. Бывший начальник Петербургского охранного отделения генерал А. В. Герасимов позже писал, что в 1905 году «особенными симпатиями среди интеллигенции и широких обывательских, даже умеренных слоев общества пользовались социалисты-революционеры. Эти симпатии к ним привлекала их террористическая деятельность. Деньги в кассу их центрального комитета притекали со всех сторон...»⁴⁰⁶.

Объективность требует констатировать: в периоды открытых вооруженных столкновений, как это произошло, например, в декабре 1905 г. в Москве, были случаи расстрела лиц, захваченных войсками в плен, особенно, если у них находили оружие⁴⁰⁷. Вполне вероятно и то, что иной раз страдали невинные люди. Не оправдывая подобные деяния, все же отметим, что они в немалой степени были спровоцированы чрезвычайными морально-психологическими нагрузками, которые испытывали войска в условиях участвовавшихся терактов и столкновений с вооруженными мятежниками, многочисленными убийствами и нападениями на военнослужащих, а также циничной травлей, развязанной либеральной общественностью и революционными партиями против армии и офицерского корпуса.

Главной же, по нашему мнению, причиной, приведшей к таким эксцессам, была ненависть к участникам вооруженных бунтов как врагам России. Неслучайно один из офицеров писал, что борьба с революцией, «терзающей нашу родину, является в настоящее время делом армии, делом в высшей степени тяжелым и ответственным...»⁴⁰⁸.

Сколько было случаев расстрела без суда, подсчитать не представляется возможным. Отметим, однако, что даже в экстремальной обстановке вооруженного противостояния подобное осуждалось в офицерской среде. Во второй

половине 1906 года, в разгар революции, когда по всей стране происходили вооруженные мятежи, наиболее популярный среди офицеров журнал «Разведчик» опубликовал статью, посвященную некоторым вопросам офицерской этики. В числе прочего в ней осуждалось насилие по отношению к невинным или даже виновным, но обезоруженным. «Такие поступки, совершенные офицерами, должны иметь своим неизбежным последствием придание виновного суду общества офицеров, как за поступок явно несовместимый с понятием о воинской чести – доблести офицерского звания. Здесь лучше быть слишком строгим...»⁴⁰⁹.

В целом же, оценивая участие офицерства в подавлении антигосударственных мятежей, пресечении погромов на национальной почве, массовых грабежей и разбоев, мы приходим к выводу: корпус офицеров русской армии выполнял свой служебный и нравственный долг. Офицеры стояли в первых рядах тех, кто противостоял насилию, террору, экстремизму во всех его проявлениях. Пройдет немного лет, и гражданская война покажет, от каких страшных бед спасла страну армия в 1905–1907 гг.

* * *

Резюмируя выше сказанное, можно констатировать: в начале XX века русское офицерство оставалось едва ли ни единственным социальным слоем, стоявшим на позициях традиционной государственности. Офицерству, стоявшему в силу служебных ограничений в стороне от социально-политической жизни общества, был присущ особый социально-психологический склад.

Сложные процессы, протекавшие в стране и армии, обусловили крайнюю напряженность службы офицеров. Наряду с тяготами и лишениями, вообще присущими воинской службе, офицерская служба осложнялась значительной активизацией антигосударственных элементов и ростом антиармейских настроений в обществе.

Несмотря на то что корпус офицеров был аполитичен и комплектовался выходцами из самых различных социальных страт, его характерной чертой являлась преданность монархии и готовность выполнять свой долг. Именно поэтому офицерство подвергалось нападкам со стороны сил, стремившихся прийти к власти и изменить путь развития России, в соответствии с собственными взглядами и интересами.

В то же время серьезные социально-экономические и политические проблемы, имевшиеся в стране, способствовали назреванию революционной ситуации. В результате офицерство оказалось в центре борьбы между монархией и ее противниками; выполняя свой долг, командный состав армии принял активное участие в подавлении мятежей в 1905–1907 гг.

Примечания к главе 1

- ¹ *Стирин Л. В.И.* Ленин и создание советских командных кадров // «Военно-исторический журнал» (далее – ВИЖ), 1965. № 4. С. 10; *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. – М.: «Мысль», 1973. С. 202, 213; *его же.* Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной // «Вопросы истории» (далее – ВИ), 1981, № 4. С. 22; *Буравченко А.А.* Изменения в социальном составе офицерского корпуса в России (1914–1917 гг.) // «Украинский исторический журнал», 1987, № 2. С. 10, 12; *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. – М.: «Наука», 1988. С. 21–23.
- ² Цит. по: *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 7.
- ³ *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. – М.: «Наука», 1986. С. 28.
- ⁴ *Ленин В.И.* Государство и революция // МИА – Русский отдел: Ленин: <http://www.marxists.org/russkij/lenin/works/lenin007.htm> (21.03.2011).
- ⁵ *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. – М.: «Воениздат», 1993. С. 269.
- ⁶ Там же. С. 266.
- ⁷ Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины // Российский правовой портал: библиотека Пашкова: <http://constitutions.ru/archives/5028> (20.03.2011).
- ⁸ Дворянство в России // Словари и энциклопедии на Академике: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/889543#.D0.9A.D0.BB.D0.B0.D1.81.D1.81.D0.B8.D1.84.D0.B8.D0.BA.D0.B0.D1.86.D0.B8.D1.8F> (10.05.2011).
- ⁹ Дворянство в России...
- ¹⁰ Чин прапорщика в Русской армии // Русский портал: <http://www.ороссии.com/prapor.htm> (16.08.2011).
- ¹¹ Приказ Военного Совета от 11 декабря 1905 г. № 790 // «Разведчик», 1906, № 793. С. 2.
- ¹² *Волков С.В.* Указ. соч. С. 268.
- ¹³ *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 23.
- ¹⁴ *Куропаткин А.Н.* Русская армия. – СПб.: «Полигон», 2003. С. 180.
- ¹⁵ *Мосин О.* Российское дворянство. Вехи истории // Всероссийское Генеалогическое Древо: <http://baza.vgd.ru/11/62488/?st=1> (9.08.2007).
- ¹⁶ *Рунов В.А.* Престижность профессии офицера в русской армии // ВИЖ, 1991, № 6. С. 85.
- ¹⁷ Российские офицеры / Е.Месснер [и др.] // Военная литература: <http://militera.lib.ru/science/vs17/05.html> (28.06.2007).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ «Разведчик», 1910, № 1026. С. 374.
- ²⁰ Положение о пехотных военных училищах: приказ от 24 апреля № 137 // Приказы по военному ведомству за 1900 год. – СПб.: Военная типография, 1900. С. 321.
- ²¹ Заведения военно-учебные // Свод военных постановлений 1869 года. Изд. 3-е (по 1 января 1907 года). Книга XV. С. 177.
- ²² Приказ по военному ведомству от 19 июля № 280 // «Разведчик», 1902, № 617. С. 731–732.
- ²³ Российские офицеры...
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры и ордена Российской империи // Библиотекарь. Ру: <http://www.bibliotekar.ru/CentrTitul/4.htm> (19.09.2007).

- ²⁷ Заведения военно-учебные... С. 122, 123.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Российские офицеры...
- ³⁰ Заведения военно-учебные... С. 121.
- ³¹ Российские офицеры...
- ³² «Разведчик», 1910, № 1028. С. 410.
- ³³ Заведения военно-учебные... С. 152.
- ³⁴ Там же. С. 505.
- ³⁵ *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 35.
- ³⁶ Там же. С. 32, 34.
- ³⁷ Там же. С. 33.
- ³⁸ *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 т. – М., 1989. Т. VI: Специальные курсы. С. 226.
- ³⁹ Там же. С. 231.
- ⁴⁰ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: «Высшая школа», 1983. С. 253.
- ⁴¹ *Шепелев Л.Е.* Указ. соч.
- ⁴² *Курков К.Н.* Российское дворянство в контексте модернизации в начале XX в. (экономический и социокультурный аспекты): автореф. дис. ... доктора ист. наук: 07.00.02; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2006. С. 19.
- ⁴³ Там же. С. 19.
- ⁴⁴ Там же. С. 25.
- ⁴⁵ Там же. С. 20.
- ⁴⁶ *Шепелев Л.Е.* Указ. соч.
- ⁴⁷ «Разведчик», 1903, № 688. С. 1164.
- ⁴⁸ *Режепо П.* Офицерский вопрос в начале XX века // «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/04.html> (4.12.2009).
- ⁴⁹ *Кавтарадзе А.Г.* Некоторые итоги изучения проблемы «Октябрь и военная интеллигенция» // Интеллигенция и революция. XX век. – М.: «Наука», 1985. С. 152.
- ⁵⁰ *Галкин М.* Рознь или братство? // «Военный сборник» (далее – ВС), 1914, № 5. С. 23.
- ⁵¹ Елисаветградское кавалерийское училище // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 861. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–Зоб, 4–6.
- ⁵² *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. – М.: «Мысль», 1973. С. 169.
- ⁵³ О преобразовании юнкерских училищ // ВС, 1901, № 8. С. 11.
- ⁵⁴ «Разведчик», 1910, № 1026. С. 374.
- ⁵⁵ «Офицерская жизнь» (далее – ОЖ), 1907, № 51. С. 6.
- ⁵⁶ *Аничков Д.* Офицерский вопрос в современной армии // «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/21.html> (Дата доступа: 28.06.2007).
- ⁵⁷ *Галкин М.* Рознь или братство... С. 23.
- ⁵⁸ *Теттау, фон.* Два месяца в гостях в русской армии // «Разведчик», 1904, № 695. С. 149.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ «Разведчик», 1910, № 1026. С. 374.
- ⁶¹ *Сушанский А.С.* Духовно-нравственное воспитание в военно-учебных заведениях России XVIII – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01; Военный университет. – М., 2002. С. 13.
- ⁶² *Каморников В.Ф.* Учебная и воспитательная работа в военных и юнкерских училищах России (1863–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02–07; Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации. – М., 2008. С. 21.
- ⁶³ *Сушанский А.С.* Указ. соч. С. 18.
- ⁶⁴ Инструкция, определяющая правила военного воспитания и устройства внутреннего порядка в юнкерских училищах: приказ 31 августа 1901 г., № 319 // Приказы по военному ведомству за 1901 год. – СПб., 1901. С. 807.
- ⁶⁵ Там же. С. 811.
- ⁶⁶ Приказ по военно-учебным заведениям № 64 // «Разведчик», 1906, № 823. С. 577.
- ⁶⁷ Об учреждении должности генерал-инспектора военно-учебных заведений: приказ № 67 // Приказы по военному

- ведомству за 1910 год. – СПб., 1910. С. 81.
- ⁶⁸ Деникин А.И. Путь русского офицера. – М.: «АСТ», 1991. С. 49.
- ⁶⁹ Ярушевич Е. О лучших традициях русского офицерства // «Военный вестник», 1943, № 15–16. С. 37.
- ⁷⁰ Офицерский корпус России // На службе Отечеству. Военно-информационный портал: http://armyrus.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=58&Itemid=1486 (26.06.2007).
- ⁷¹ Швейковский П.А. Суд чести и дуэль в войсках Российской армии (действующее законодательство со всеми комментариями). 3-е изд. – СПб., 1912. С. 44.
- ⁷² Алухтин А. Искусство командования // «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/06.html> (04.07.2007).
- ⁷³ Швейковский П.А. Указ. соч. С. 41.
- ⁷⁴ Глинский С. Боевые традиции армии // «Разведчик», 1907, № 862. С. 219.
- ⁷⁵ ВС, 1905, № 2. С. 212.
- ⁷⁶ «Разведчик», 1905, № 741. С. 19.
- ⁷⁷ «Разведчик», 1906, № 812. С. 396.
- ⁷⁸ Грулев М. Злобы дня в жизни армии. – Брест-Литовск, 1911. С. 268.
- ⁷⁹ «Разведчик», 1907, № 893. С. 709–710.
- ⁸⁰ Приказ по военному ведомству от 27 января № 68 // «Разведчик», 1906, № 800. С. 129.
- ⁸¹ Приказ по военному ведомству от 13 августа № 494 // «Разведчик», 1906, № 828. С. 648.
- ⁸² Приказ по военному ведомству от 24 мая № 351 // Приказы по военному ведомству и циркуляры Главного штаба за 1905 год. – СПб.: Военное изд-во, 1905. С. 515.
- ⁸³ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне // «Военная литература»: http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/05.html (23.03.2011).
- ⁸⁴ Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 2. Д. 157. Л. 104–105 об.
- ⁸⁵ Гаврилов Л.М., Кутузов В.В. Перепись русской армии 25 октября 1917 г. // «История СССР», 1964, № 2. С. 89.
- ⁸⁶ Головин Н.Н. Указ. соч.
- ⁸⁷ Солдатская памятка // http://www.bergenschild.narod.ru/Reconstruction/archive/soldier_book/soldier_book.htm (14.07.2008).
- ⁸⁸ Краснов П. Душа Армии. Очерки по военной психологии // Портал «Русское Воскресение»: <http://www.voskres.ru/army/library/armysoul.htm> (28.06.2007).
- ⁸⁹ «Разведчик», 1907, № 893. С. 711–712.
- ⁹⁰ «Разведчик», 1905, № 759. С. 382.
- ⁹¹ ВС, 1905, № 4. С. 185.
- ⁹² «Разведчик», 1905, № 754. С. 289.
- ⁹³ Шевяков Т.Н. Знамена и штандарты Российской императорской армии конца XIX – начала XX вв. // «Русская императорская армия»: <http://regiment.ru/Lib/A/25/2.htm> (29.12.2010).
- ⁹⁴ Приказ Верховного Главнокомандующего от 5 ноября № 140 // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), Минск. Инв. № 14990. Приказы Верховного Главнокомандующего 1914 года. Т. 1 (нумерация страниц в деле отсутствует).
- ⁹⁵ Шевяков Т.Н. Указ. соч.
- ⁹⁶ «Разведчик», 1907, № 865. С. 283.
- ⁹⁷ Шевяков Т.Н. Указ. соч.
- ⁹⁸ Ярушевич Е.О. Указ. соч. С. 37.
- ⁹⁹ Швейковский П.А. Указ. соч. С. 46.
- ¹⁰⁰ Приказ по Кавказскому военному округу № 229 // «Разведчик», 1906. № 794–795. С. 24.
- ¹⁰¹ Приказ войскам Туркестанского военного округа № 239 // «Разведчик», 1903. № 655. С. 634.
- ¹⁰² Драгомиров М. Одиннадцать лет. 1895–1905 гг.: в 2 т. – СПб.: «Русская скоропечатня», 1909. Т. 2. С. 510.
- ¹⁰³ Португалов Н. Этика офицера // «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/>

- science/vs17/23.html (6.07.2007).
- ¹⁰⁴ Приказ по военному ведомству 22 мая № 309 // «Разведчик», 1914, № 1233. С. 378.
- ¹⁰⁵ Приказ войскам гвардии и Петербургского военного округа 1911 года № 13 // «Разведчик», 1911, № 1067. С. 222.
- ¹⁰⁶ Офицерство и биржевой азарт // «Разведчик», 1913, № 1187. С. 457–458.
- ¹⁰⁷ Приказ войскам гвардии и Петербургского военного округа 1911 года № 13 // «Разведчик», 1911, № 1067. С. 222.
- ¹⁰⁸ Российские офицеры...
- ¹⁰⁹ Португалов Н. Указ. соч.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Кульчицкий В.М. Советы молодому офицеру // «ArtOfWar. Творчество ветеранов последних войн». Сайт им. Владимира Григорьева: http://artofwar.ru/k/kazakow_a_m/text_0260.shtml (7.07.2007).
- ¹¹² Бутовский Н. Очерки современного офицерского быта. – СПб.: типография «Тренке и Фюсно», 1899. С. 38.
- ¹¹³ Парский Д. Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. – СПб.: изд-во В.Березовского, 1908. С. 98.
- ¹¹⁴ Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны // Проект «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/19.html> (7.07.2007).
- ¹¹⁵ Грулев М. Указ. соч. С. 52.
- ¹¹⁶ Приказ Кавказскому военному округу от 1908 года № 62 // «Разведчик», 1909. № 962. С. 209.
- ¹¹⁷ Галкин М. Новый путь современного офицера. – М.: Типография Г.Лисснера и Д.Собко, 1906. С. 20.
- ¹¹⁸ «Разведчик», 1905, № 741. С. 19.
- ¹¹⁹ Россия и СССР в войнах XX века // «Русское небо»: <http://www.rus-sky.com/history/library/w/w01.htm> (31.08.2011).
- ¹²⁰ Фурман, полковник. Елисаветградское кавалерийское училище // «Военная быль», 1956, № 21. С. 6–7.
- ¹²¹ Швейковский П.А. Указ. соч. С. 46.
- ¹²² Португалов Н. Указ. соч.
- ¹²³ Кульчицкий В.М. Указ. соч.
- ¹²⁴ Морозов В. Советы молодому офицеру // «Военный вестник», 1943, № 19–20. С. 2.
- ¹²⁵ Драгомиров М.И. Офицерская памятка // «Военная разведка»: <http://www.vrazvedka.ru/main/main-idea/dragomirov.shtml> (9.07.2007).
- ¹²⁶ Кульчицкий В.М. Указ. соч.
- ¹²⁷ Сиваков Ф.К. Анонимные доносы // «Разведчик», 1906, № 822. С. 567–569.
- ¹²⁸ Приказ войскам Киевского военного округа № 136 // «Разведчик», 1902. № 616. С. 716–717.
- ¹²⁹ Василенко В.О. Офицеры в рясах. – М., 1933. С. 4, 5.
- ¹³⁰ Галкин М. Новый путь современного офицера. С. 16.
- ¹³¹ Шаратов, подполковник. Клин, расколовший русскую армию // «Разведчик», 1906, № 802. С. 180–183.
- ¹³² «Нижний чин». Одна из причин успеха пропаганды в войсках // «Разведчик», 1906, № 798. С. 97.
- ¹³³ Драгомиров М.И. Офицерская памятка...
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ Кульчицкий В.М. Указ. соч.
- ¹³⁶ Бутовский Н. Военная молодежь и ее неудачи // ВС, 1902, № 1. С. 153.
- ¹³⁷ Галкин М. Новый путь современного офицера. С. 22.
- ¹³⁸ Приказ по артиллерии № 4 // «Разведчик», 1906, № 798. С. 90.
- ¹³⁹ Приказ по Кавказскому военному округу 1905 года № 341 // «Разведчик», 1906. № 803. С. 197.
- ¹⁴⁰ Приказ войскам Киевского военного округа 1906 года № 656 // «Разведчик», 1906. № 837. С. 812.
- ¹⁴¹ «Разведчик», 1913», № 1182. С. 386.
- ¹⁴² ВС, 1902. № 1. С. 34.
- ¹⁴³ Галкин М. Новый путь современного

- офицера. С. 126.
- ¹⁴⁴ Ф. Статистика офицерской библиотеки // «Разведчик», 1911, № 1067. С. 229.
- ¹⁴⁵ Галкин М. Новый путь современного офицера. С. 126.
- ¹⁴⁶ Штаб верховного главнокомандующего (Ставка) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 783. Л. 3–15.
- ¹⁴⁷ «Разведчик», 1906, № 805. С. 262.
- ¹⁴⁸ Приказ 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии 1905 года № 178 // «Разведчик», 1906, № 806. С. 280–281.
- ¹⁴⁹ «Разведчик», 1903, № 645. С. 205.
- ¹⁵⁰ Приказ войскам Киевского военного округа № 394 // «Разведчик», 1907, № 881. С. 526.
- ¹⁵¹ Наши герои на Дальнем Востоке. Примеры их доблестных подвигов. – Пг., 1915. С. 143–151.
- ¹⁵² Трубецкой В. Записки кирасира // «Наше наследие», 1991, № 3 (21). С. 137.
- ¹⁵³ «Разведчик», 1901, № 552. С. 473.
- ¹⁵⁴ Виш Н. Телесные наказания в войсках и их отмена // ВС, 1904, № 12. С. 158.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 160.
- ¹⁵⁶ Лыкошин А.С. К отмене телесных наказаний в войсках // «Разведчик», 1904, № 734. С. 1164.
- ¹⁵⁷ М.Г. «Отмена» пыток в австро-венгерской армии // «Разведчик», 1904, № 689. С. 6.
- ¹⁵⁸ «Разведчик», 1904, № 694. С. 134.
- ¹⁵⁹ «Разведчик», 1914, № 1235. С. 417–418.
- ¹⁶⁰ «Разведчик», 1905, № 763. С. 451.
- ¹⁶¹ Воинский устав о наказаниях. Приказ по военному ведомству № 434 // Приказы по военному ведомству за 1910 год. – СПб.: Военная типография, 1910. С. 729.
- ¹⁶² Приказ войскам Туркестанского военного округа № 55 // «Разведчик», 1900, № 495. С. 339.
- ¹⁶³ Приказ войскам Киевского военного округа № 127 // «Разведчик», 1905, № 763. С. 451.
- ¹⁶⁴ Приказ войскам Московского военного округа № 239 // «Разведчик», 1902, № 626. С. 924.
- ¹⁶⁵ Приказ по Казанскому военному округу № 41 // «Разведчик», 1902, № 599. С. 330.
- ¹⁶⁶ Приказ войскам Одесского военного округа № 193 // «Разведчик», 1902, № 621. С. 820.
- ¹⁶⁷ Приказ войскам Киевского военного округа № 252 // «Разведчик», 1902, № 630. С. 1020.
- ¹⁶⁸ Трубецкой В. Указ. соч. С. 136–137.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 136.
- ¹⁷⁰ Приказы армиям Юго-Западного фронта: в 2 т. // НИАБ. Инв. № 15287. Т. 1. Приказ от 12 июля 1916 года № 1152.
- ¹⁷¹ Приказы армиям Юго-Западного фронта: в 2 т. // Там же. Приказ от 9 августа 1916 года № 1303.
- ¹⁷² Устав дисциплинарный // Книга XXIII Свода военных постановлений 1869 года. – Изд. 4-е (по 1 января 1913 г.). С. 55.
- ¹⁷³ Варяжский К. Новый закон о судах чести // «Разведчик», 1912, № 1115. С. 173.
- ¹⁷⁴ Устав дисциплинарный... С. 5.
- ¹⁷⁵ ВС, 1898, № 11. С. 179.
- ¹⁷⁶ Швейковский П.А. Указ. соч. С. 34.
- ¹⁷⁷ Кульчицкий В.М. Указ. соч.
- ¹⁷⁸ Швейковский П.А. Указ. соч. С. 77.
- ¹⁷⁹ ВС, 1898, № 11. С. 179.
- ¹⁸⁰ Устав дисциплинарный... С. 68.
- ¹⁸¹ Швейковский П.А. Указ. соч. С. 156.
- ¹⁸² Устав дисциплинарный... С. 69.
- ¹⁸³ Швейковский П.А. Указ. соч. С. 195.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 153–154.
- ¹⁸⁵ Воинский устав о наказаниях... С. 715.
- ¹⁸⁶ Швейковский П.А. Указ. соч. С. 146, 158, 176, 179, 184–185, 187.
- ¹⁸⁷ Русская дуэль. Феномен русской дуэли // История России: <http://rushiistory.stsland.ru/Statie/Statie24.html> (2.08.2007).
- ¹⁸⁸ Швейковский П.А. Указ. соч. С. 138–139.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 205, 207.
- ¹⁹⁰ Там же. С. 132.

- ¹⁹¹ Русская дуэль. Феномен...
- ¹⁹² Орловский Д. Дуэли // «Разведчик», 1900, № 528. С. 1083.
- ¹⁹³ «Разведчик», 1908, № 908. С. 196.
- ¹⁹⁴ «Разведчик», 1902, № 600. С. 373.
- ¹⁹⁵ «Разведчик», 1902, № 610. С. 595.
- ¹⁹⁶ Российские офицеры...
- ¹⁹⁷ Русская дуэль. Феномен...
- ¹⁹⁸ Галкин М. Новый путь современного офицера. С. 22.
- ¹⁹⁹ Российские офицеры...
- ²⁰⁰ Мартынов Е.И. Из печального опыта...
- ²⁰¹ Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков // Бароны Врангели. Воспоминания / Под общ. ред. В.А.Благово и С.А.Сапожникова. – М.: «Центрполиграф», 2006. С. 161.
- ²⁰² Бутовский Н. Очерки современного офицерского быта. С. 36.
- ²⁰³ Волков С.В. Русский офицерский... С. 30.
- ²⁰⁴ Райковский В. Военное воспитание. – М.: Печатня А.И.Снегиревой, 1908. С. 5.
- ²⁰⁵ Мартынов Е.И. Из печального опыта...
- ²⁰⁶ «Разведчик», 1907, № 880. С. 519.
- ²⁰⁷ ВС (приложение), 1908, № 7. С. 9.
- ²⁰⁸ Морозов С.Д. Военное образование в России на рубеже XIX–XX вв. // ВИЖ, 1998, № 5. С. 84.
- ²⁰⁹ «Разведчик», 1907, № 879. С. 501.
- ²¹⁰ Геруа А.В. К познанию армии // ВИЖ, 1998, № 3. С. 80.
- ²¹¹ Грулев М. Указ. соч. С. 30.
- ²¹² Зайончковский П.А. Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной // ВИ, 1981, № 4. С. 21.
- ²¹³ «Разведчик», 1908, № 906. С. 166–167.
- ²¹⁴ Бутовский Н. Очерки современного офицерского быта. С. 41.
- ²¹⁵ Его же. Чувство порядочности в офицерской среде (очерк военного быта) // ВС, 1898, № 11. С. 141.
- ²¹⁶ Аничков Д. Офицерский вопрос в современной армии // Проект «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/21.html> (28.06.2007).
- ²¹⁷ Райковский В. Указ. соч. С. 3.
- ²¹⁸ Там же. С. 4.
- ²¹⁹ Абельская Е.Ф. Типоведческое исследование психического склада личности: автореф. дис. ... канд. психолог. наук: 19.00.01; Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2006. С. 3.
- ²²⁰ Российские офицеры...
- ²²¹ Там же.
- ²²² Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 49.
- ²²³ Мартынов Е. Защита армии от оскорблений // «Разведчик», 1903, № 681. С. 973.
- ²²⁴ Шульгин В.В. Что нам в них не нравится... – СПб.: «Хорс», 1992. С. 41–42.
- ²²⁵ Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910 / Сост. Н.Казакова. – М.: «Молодая гвардия», 1991. С. 139.
- ²²⁶ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России... С. 76.
- ²²⁷ Там же. С. 55.
- ²²⁸ Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России... С. 24.
- ²²⁹ Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 71.
- ²³⁰ Там же. С. 58.
- ²³¹ Мариюшкин А. Трагедия русского офицерства // Проект «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/33.html> (14.03.2008).
- ²³² Светлов Н. Пресса и армия // «Разведчик», 1905, № 770. С. 593.
- ²³³ «Разведчик», 1905, № 779. С. 744.
- ²³⁴ Мысли о пережитом (автор не указан) // «Разведчик», 1905, № 781–782. С. 778.
- ²³⁵ Галкин М. Новый путь современного офицера. С. 27.
- ²³⁶ Цит. по: Галкин М. К познанию армии // ВС, 1914, № 1. С. 20–21.
- ²³⁷ Цит. по: ВС, 1905, № 2. С. 238, 245.
- ²³⁸ Дневник полковника С.А.Рашевского: (Порт-Артур, 1904) // «Военно-истори-

- ческая библиотека»: <http://www.militarylib.com/ww1/ww1-history-book/2444-dnevnik-polkovnika-sargashevskogo-portartur-1904.html> (02.09.2011).
- ²³⁹ Дневник капитана Лиле // «Наука и жизнь», 1964, № 6. С. 37.
- ²⁴⁰ Цит. по: Росс. Прогулки по садам российской словесности // «Разведчик», 1907, № 858–859. С. 186.
- ²⁴¹ Парский Д. Указ. соч. С. 115.
- ²⁴² Вишняков Н. Пять лет военной публицистики // Помни войну! Сб. статей на современные военные темы / Под ред. В.Ф.Новицкого. – М.: типография тов. И.Д.Сытина, 1911. С. 66.
- ²⁴³ В.А.К. Мысли о Мукденских боях // «Вестник русской конницы» (далее – ВРК), 1906, № 14. С. 597.
- ²⁴⁴ Толузаков С. Настроение в корпусе офицеров армии // «Разведчик», 1906, № 803. С. 203.
- ²⁴⁵ Шульгин В.В. Указ. соч. С. 43.
- ²⁴⁶ Колбе С. Повесть господина Куприна «Поединок» // «Разведчик», 1905, № 788. С. 892–893.
- ²⁴⁷ Дрозд-Бонячевский А. «Поединок» Куприна с точки зрения строевого офицера // «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/26.html> (17.03.2008).
- ²⁴⁸ Росс. Прогулки по садам российской словесности 2 // «Разведчик», 1907, № 874. С. 431.
- ²⁴⁹ Там же.
- ²⁵⁰ Толузаков С. Будний или «Блудный»? // «Разведчик», 1907, № 883. С. 565.
- ²⁵¹ Куропаткин А.Н. Русская армия. – СПб.: «Полигон», 2003. С. 515.
- ²⁵² Дрозд-Бонячевский А. Указ. соч.
- ²⁵³ Ухач-Огорович Н.А. Удушливая атмосфера // «Разведчик», 1909, № 995. С. 665.
- ²⁵⁴ Там же. С. 666.
- ²⁵⁵ Там же. С. 665.
- ²⁵⁶ Правительственное сообщение // «Разведчик», 1905, № 783–784. С. 804.
- ²⁵⁷ «Разведчик», 1906, № 844. С. 968.
- ²⁵⁸ ОЖ, 1908, № 102. С. 19.
- ²⁵⁹ Дрозд-Бонячевский А. Указ. соч.
- ²⁶⁰ Волковицкий В. Все законные средства хороши для поддержания дисциплины // «Разведчик», 1910, № 1024. С. 348.
- ²⁶¹ Эл-Эс. Час испытания // ВРК, 1906, № 19. С. 812–813.
- ²⁶² ВРК, 1906, № 16. С. 694.
- ²⁶³ ВРК, 1906, № 23. С. 1004.
- ²⁶⁴ «Разведчик», 1905, № 742–743. С. 30.
- ²⁶⁵ «Разведчик», 1905, № 790. С. 929.
- ²⁶⁶ Бутовский Н. Еще раз о дерзости хулиганов // «Разведчик», 1904, № 693. С. 107.
- ²⁶⁷ Мартынов Е. Защита армии от оскорблений // «Разведчик», 1903, № 681. С. 973.
- ²⁶⁸ Цит. по: Драгомиров М. Одиннадцать лет... С. 114.
- ²⁶⁹ Волковицкий В. Указ. соч. С. 348.
- ²⁷⁰ Волков С.В. Русский офицерский корпус. С. 290–291.
- ²⁷¹ Драгомиров М. Одиннадцать лет... С. 125.
- ²⁷² Мартынов Е. Защита армии от оскорблений. С. 973.
- ²⁷³ Бутовский Н. Еще раз о дерзости хулиганов. С. 107.
- ²⁷⁴ Швейковский П.А. Указ. соч. С. 43.
- ²⁷⁵ Заустинский П. Защита чести (ответ Драгомирову) // «Разведчик», 1904, № 708. С. 498.
- ²⁷⁶ Цит. по: Драгомиров М. Одиннадцать лет... С. 181.
- ²⁷⁷ Там же.
- ²⁷⁸ Там же. С. 113.
- ²⁷⁹ Цит. по: Мартынов Е. Защита армии от оскорблений. С. 973.
- ²⁸⁰ Цит. по: Волконский А.М. Дух времени и военная дисциплина // «Разведчик», 1906, № 831. С. 709.
- ²⁸¹ ВС, 1909, № 3. С. 320.
- ²⁸² Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. Пособие для студентов // «Все о праве». Информационно-образовательный юридический портал: <http://allpravo.ru/>

- library/doc76p0/instrum3732/item3911.html (6.02.2008).
- ²⁸³ А.А.Н. Солдат и «свободы» // ВРК, 1906, № 8. С. 336.
- ²⁸⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты // ВИ, 1990, № 3. С. 122.
- ²⁸⁵ «Разведчик», 1905, № 788. С. 896.
- ²⁸⁶ «Разведчик», 1908, № 935. С. 629.
- ²⁸⁷ «Разведчик», 1905, № 769. С. 582.
- ²⁸⁸ «Разведчик», 1910, № 1024. С. 348.
- ²⁸⁹ «Варшавский военный журнал», 1901, № 1. С. 69.
- ²⁹⁰ «Разведчик», 1911, № 1062. С. 149.
- ²⁹¹ «Разведчик», 1912, № 1125. С. 335.
- ²⁹² А.К. Офицеры и публика // «Разведчик», 1916, № 1313. С. 10.
- ²⁹³ «Разведчик», 1917, № 1411–1412. С. 582.
- ²⁹⁴ Толузаков С. Настроение в корпусе офицеров. С. 201–202.
- ²⁹⁵ ОЖ, 1908, № 102. С. 19.
- ²⁹⁶ Галкин М. Новый путь современного офицера. С. 29, 30.
- ²⁹⁷ Его же. К познанию армии // ВС, 1914, № 1. С. 12.
- ²⁹⁸ Там же. С. 14.
- ²⁹⁹ Ухач-Огорович Н.А. Указ. соч. С. 665.
- ³⁰⁰ Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 58.
- ³⁰¹ Оберуцев К.М. Офицеры в русской революции // ВИЖ, 1998, № 2. С. 91.
- ³⁰² Мстиславский С. Отрывки о пятом годе // «Каторга и ссылка», 1928, № 2 (39). С. 13, 14.
- ³⁰³ Там же. С. 15, 16.
- ³⁰⁴ Там же. С. 14, 17.
- ³⁰⁵ Ахун М.И., Петров В.А. Большевики и армия в 1905–1917 гг. – Л.: «Красная газета», 1929. С. 28.
- ³⁰⁶ «Былое», 1918, № 1(29). С. 65.
- ³⁰⁷ Мстиславский С. Указ. соч. С. 20.
- ³⁰⁸ Ахун М.И., Петров В.А. Указ. соч. С. 130.
- ³⁰⁹ «Народная армия» (далее – НА), 1907, № 1–2. С. 5.
- ³¹⁰ Мстиславский С. Указ. соч. С. 34, 36.
- ³¹¹ Оберуцев К.М. Указ. соч. С. 92.
- ³¹² Мстиславский С. Указ. соч. С. 21, 32.
- ³¹³ Там же. С. 19.
- ³¹⁴ Ахун М.И., Петров В.А. Указ. соч. С. 124.
- ³¹⁵ Ахун М.И., Петров В.А. Восстание инженерных войск в Киеве // «Красная летопись», 1925, № 3 (14). С. 132.
- ³¹⁶ Приказ войскам Иркутского военного округа № 97 // «Разведчик», 1908, № 911. С. 249.
- ³¹⁷ НА, 1907, № 1–2. С. 71.
- ³¹⁸ Агитация в войсках (автор не указан) // ВРК, 1906, № 23. С. 1003.
- ³¹⁹ НА, 1907, № 1–2. С. 7.
- ³²⁰ Там же. С. 3, 5, 56.
- ³²¹ Ахун М.И., Петров В.А. Большевики и армия... С. 132.
- ³²² Эл-Эс. Час испытания. С. 812.
- ³²³ Приказ от 19 декабря 1905 года № 804 // Приказы по военному ведомству и циркуляры Главного штаба за 1905 год. – СПб.: Военное издательство, 1905. С. 1352–1353.
- ³²⁴ Там же. С. 1353.
- ³²⁵ «Разведчик», 1907, № 854. С. 133.
- ³²⁶ «Разведчик», 1906, № 816. С. 479.
- ³²⁷ Волконский А.М. Присяга или партийность // «Разведчик», 1906, № 842. С. 925.
- ³²⁸ Приказ по военному ведомству от 26 марта № 120 // Приказы по военному ведомству за 1913 год. – СПб.: Военное изд-во, 1913. С. 332.
- ³²⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты // http://militera.lib.ru/h/denikin_ai/1_02.html (17.08.2011).
- ³³⁰ Цит. по: Домнин И. Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции // «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/37.html> (28.06.2008).
- ³³¹ Цит. по: Домнин И. Указ. соч.
- ³³² Душин А.Г. Философия войны. – М.: «Арктогея центр», 2004. С. 140–141.
- ³³³ Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 50.

- ³³⁴ Толузаков С. Указ. соч. С. 205.
- ³³⁵ «Разведчик», 1906, № 832. С. 723.
- ³³⁶ Ахун М.И., Петров В.А. Большевики и армия... С. 124.
- ³³⁷ Бронение в армии и средства к его устраниению (автор не указан) // «Разведчик», 1905, № 791. С. 950–951.
- ³³⁸ Панков П. Революционная пропаганда в войсках // «Разведчик», 1905, № 790. С. 934–935.
- ³³⁹ «Разведчик», 1906, № 805. С. 262.
- ³⁴⁰ Приказ по 2-му Туркестанскому армейскому корпусу № 33 // «Разведчик», 1906, № 806. С. 280.
- ³⁴¹ «Красный архив» (далее – КА), 1926, Т. 4 (17). С. 48–49.
- ³⁴² Агитация в войсках... С. 997.
- ³⁴³ Задачи военных организаций: резолюция первой конференция военных и боевых организаций РСДРП, 29 ноября – 5 декабря (16–22 ноября) 1906 г. // ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 2 ч. – М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. Ч. I. С. 93.
- ³⁴⁴ Военно-боевая работа партии большевиков 1903–1917 / Н.Р. Панкратов [и др.]; под общ. ред. Н.Р. Панкратова. – М.: «Воениздат», 1973. С. 119.
- ³⁴⁵ Ахун М.И., Петров В.А. Большевики и армия... С. 83.
- ³⁴⁶ КА, 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 221.
- ³⁴⁷ Агитация в войсках... С. 1001, 1003.
- ³⁴⁸ Галкин М. Новый путь современного офицера. С. 27.
- ³⁴⁹ Военно-боевая работа партии... С. 55.
- ³⁵⁰ Там же. С. 124.
- ³⁵¹ Мстиславский С. Указ. соч. С. 12.
- ³⁵² Петров В.А. Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 году. – М.-Л.: «Наука», 1964. С. 383.
- ³⁵³ КА, 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 215–223.
- ³⁵⁴ Колбе С. В добрый час // «Разведчик», 1906, № 800. С. 134.
- ³⁵⁵ П.Н.К. Намеренность или упущение? // «Разведчик», 1906, № 805. С. 259.
- ³⁵⁶ А.А.Н. Солдат и «свободы» // ВРК, 1906, № 8. С. 335.
- ³⁵⁷ Там же. С. 337.
- ³⁵⁸ Там же. С. 335.
- ³⁵⁹ Уткин А. К великому океану // «Красная звезда», 2005, 19 февраля: http://www.redstar.ru/2005/02/19_02/5_02.html (17.08.2011).
- ³⁶⁰ Там же.
- ³⁶¹ Суворов А.И. Политический терроризм в России XIX – начала XX веков. Истоки, структура, особенности // Федеральный образовательный портал ЭСМ: <http://www.ecsocman.edu.ru/socis/msg/16402883.html> (4.02.2011).
- ³⁶² Алексеев А. Особенности реформ в «Серебряном веке» // «Наука и жизнь»: <http://www.nkj.ru/archive/articles/9316/> (4.08.2008).
- ³⁶³ Суворов А.И. Указ. соч.
- ³⁶⁴ Костуненко П.О. Уголовный террор в Прикамье накануне революции 1905–1907 гг. (по материалам неофициальной части «Пермских губернских ведомостей») // «Вестник Самарского государственного университета», 2008, № 4 (63). С. 153.
- ³⁶⁵ Там же.
- ³⁶⁶ Савченко М.В. Провинциальная хроника революций начала XX века в России: алкогольный аспект (по материалам Пензенской губернии) // Пензенский Государственный Педагогический Университет: <http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/lomweb01/savchen.htm> (4.08.2008).
- ³⁶⁷ Там же.
- ³⁶⁸ Набатов Г.В. Нижегородская организация социалистов-революционеров // <http://www.hist.nnov.ru/history/partis/11.html> (4.08.2008).
- ³⁶⁹ Суворов А.И. Указ. соч.
- ³⁷⁰ Там же.
- ³⁷¹ Там же.

- ³⁷² Постников Н.Д. Террор польских партий против представителей русской администрации в 1905–1907 гг. // Дискуссии о терроре: <http://www.memo.ru/history/terror/postnikov.htm> (4.08.2008).
- ³⁷³ Там же.
- ³⁷⁴ Там же.
- ³⁷⁵ Королев В.И. Полиция Крыма и северной Таврии во второй половине XIX – начале XX вв. (кадровый состав и условия службы) // Крым в составе Российской империи: <http://www.sevastopol.ws/Pages/?aid=67> (28.07.2008).
- ³⁷⁶ Уткин А. Указ. соч.
- ³⁷⁷ Королев В.И. Указ. соч.
- ³⁷⁸ Найденов М.Е. Революция 1905–1907 годов – первая народная революция эпохи империализма // «Biografia.Ru»: – <http://www.biografia.ru/cgi-bin/quotes.pl?oaction=show&name=revol6> (4.08.2008).
- ³⁷⁹ Ив-ко Н. Полиция (дополнение к статье) // Словарь Брокгауза и Ефрона: <http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedic-dictionary/081/81239.htm> (28.07.2008).
- ³⁸⁰ Королев В.И. Указ. соч.
- ³⁸¹ Столыпин А. Слово об отце // Фонд «Русская цивилизация»: <http://www.rustrana.ru/article.php?nid=24479> (28.07.2008).
- ³⁸² Королев В.И. Указ. соч.
- ³⁸³ Кожин В.В. Правда о погромах // <http://www.pereplet.ru/text/kogin4.html> (28.07.2008).
- ³⁸⁴ «Разведчик», 1906, № 821. С. 551–552.
- ³⁸⁵ «Русская мысль», 1905. Книга III. С. 192.
- ³⁸⁶ Латышско-эстонское восстание (автор не указан) // «Разведчик», 1906, № 798. С. 92.
- ³⁸⁷ Глинский С. Честь или позор? // «Разведчик», 1906, № 834. С. 753.
- ³⁸⁸ Приказ по войскам Виленского военного округа № 87 // «Разведчик», 1906, № 806. С. 280.
- ³⁸⁹ Приказ войскам Варшавского военного округа № 150 // «Разведчик», 1904, № 731. С. 1074.
- ³⁹⁰ «Разведчик», 1905, № 788. С. 896.
- ³⁹¹ Приказ войскам Виленского военного округа № 18 // «Разведчик», 1906, № 797. С. 71.
- ³⁹² Мартынов Е. Защита армии от оскорблений. С. 973.
- ³⁹³ Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 94; «Разведчик», 1905, № 742–743. С. 30.
- ³⁹⁴ «Разведчик», 1906, № 801. С. 150.
- ³⁹⁵ Синодальная комиссия по канонизации святых. Император Николай II и события 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге // «Православная газета»: <http://orthodox.etel.ru/2003/32/nikolaj.shtml> (27.02.2011).
- ³⁹⁶ Бируля Д.Н. Творцы революции 1905 года // «Веди»: http://www.vedikz.narod.ru/main/tvorcy_revologii.html (26.02.2011).
- ³⁹⁷ Император Николай II и события 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге // Покаяние.ru: http://www.pokaianie.ru/article/monarchy_history/read/5410 (26.02.2011).
- ³⁹⁸ Там же.
- ³⁹⁹ Цит. по: Чувардин Г.С. Русская императорская гвардия в событиях революции 1905–1907 гг. // <http://www.oiros.org/publick/p04/004.htm> (28.07.2008).
- ⁴⁰⁰ Бируля Д.Н. Указ. соч.
- ⁴⁰¹ Чувардин Г.С. Указ. соч.
- ⁴⁰² Там же.
- ⁴⁰³ Бируля Д.Н. Указ. соч.
- ⁴⁰⁴ Чувардин Г.С. Указ. соч.
- ⁴⁰⁵ Колбе С. Дума и армия // «Разведчик», 1907, № 866. С. 303–304.
- ⁴⁰⁶ Суворов А.И. Указ. соч.
- ⁴⁰⁷ Чувардин Г.С. Указ. соч.
- ⁴⁰⁸ Глинский С. Честь или позор. С. 753.
- ⁴⁰⁹ Там же.

Горящий Пекин. 1900 г.

Русские военные на берегу реки. 1900 г.

ПОРТЬ-АРТУРЪ. ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТЬ АЛЕКСѢЕВЪ ПРИНИМАЕТЪ РАПОРТЪ.

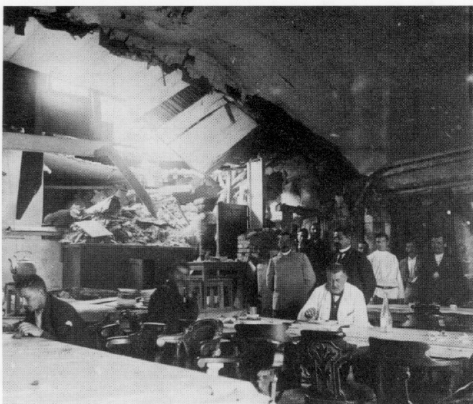
ПОРТЬ-АРТУРЪ. НАБЕРЕЖНАЯ ВНУТРЕННЯГО РЕЙДА.

Контр-адмирал Евгений Иванович Алексеев, с 1899 команд. войсками Квантунской обл., в 1903–1904 наместник Е.И.В. на Дальнем Востоке

Генерал-лейтенант Яков Григорьевич Жилинский с орденом св. Владимира 3-й степени. Фото 1903 г. (В 1904 начальник полевого штаба наместника Е.И.Алексеева)

Ресторан в Порт-Артуре после попадания японского снаряда

Пожар на Золотом форте во время бомбардировки Порт-Артура

Российские солдаты осматривают траншею с трупами японских солдат

Эвакуация военнослужащих с тонущего крейсера. Порт-Артур

Отпевание погибших, приготовленных к погребению в братской могиле

Затонувшие корабли на рейде Порт-Артура

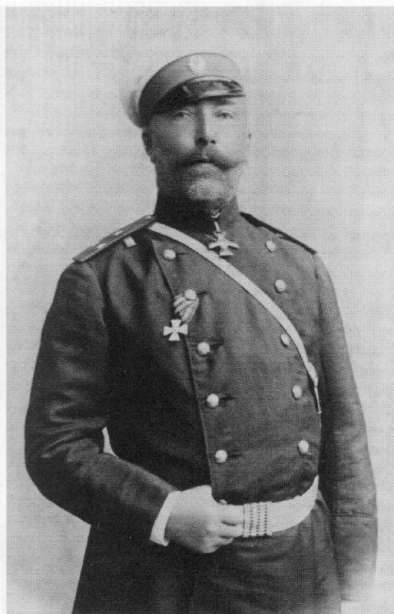

Генерал-адъютант Алексей Николаевич Куропаткин, Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии (октябрь 1904–март 1905)

Справа: генерал от инфантерии Николай Петрович Линевиц, командующий 1-й Маньчжурской армией, с марта 1905 заменил Куропаткина на посту Главнокомандующего всеми вооруженными силами, действующими против Японии;
внизу: раздача наград генералом Н. П. Линевицем. 1905 г.

Офицеры отдыхают после боя. Русско-японская война 1904–1905 гг.

Генерал-лейтенант барон Анатолий Михайлович Стесель, комендант крепости Порт-Артур

М.Ноги и А.Стесель после подписания капитуляции Порт-Артура. 1905 г.

Der Blickpunkt auf Port Arthur (oben) bewies die mangelnde Kampfkraft der japanischen Marine. Japan hätte die ungeschlagene Flotte von Port Arthur (oben) bei Tsingtau und konnte problemlos seine Streitmacht in Korea und der Mandschurei mit Nachschub versorgen.

Японцы в Порт-Артуре. 1905 г.

Генерал Маресукэ Ноги. 1912 г.

С.Ю.Витте в Портсмуте. Август 1905 г.

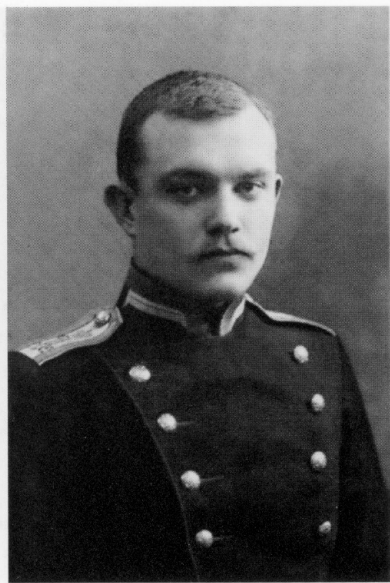
88-й Петровский полк. 1911 г.

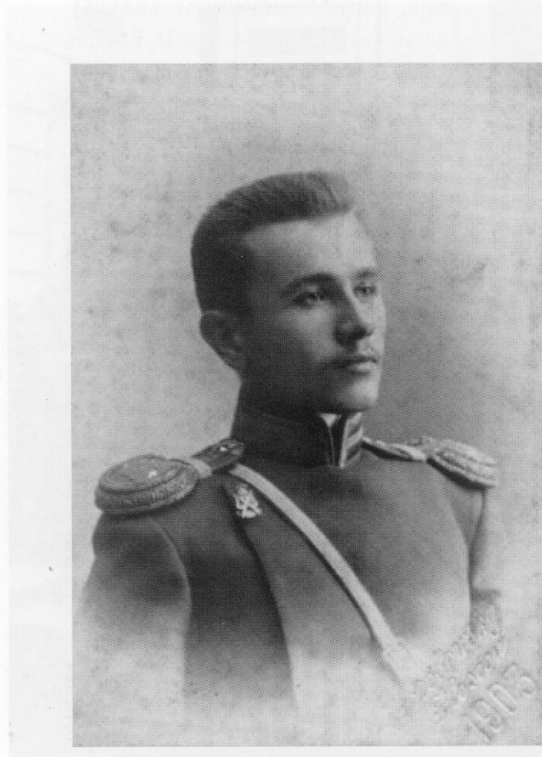
Группа офицеров Елисаветградского полка с Государем императором и шефом полка великой княжной Ольгой Николаевной (в центре). 1913 г.

Юнкер в пехотном кивере

Юнкер Александровского военного училища

Подпоручик, выпускник одного из пехотных училищ, 1903 г.

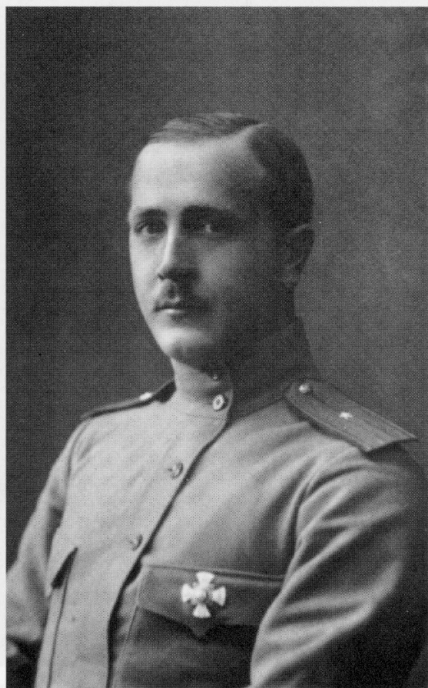
Юнкер Александровского училища в парадной форме

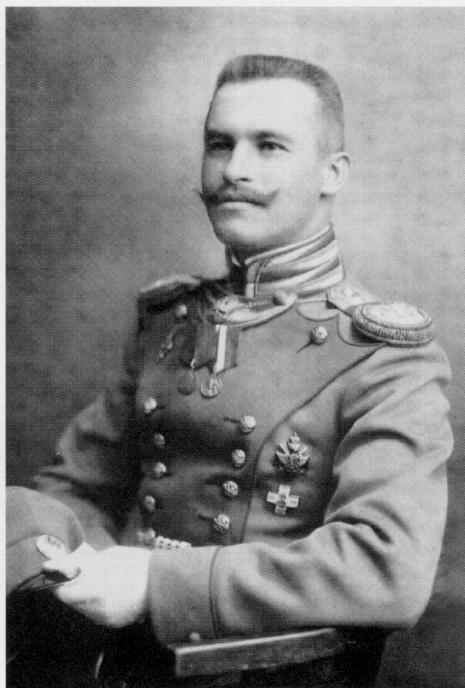
Прапорщик Павел Рыбаков, выпускник Александровского в. у. 1914 г.

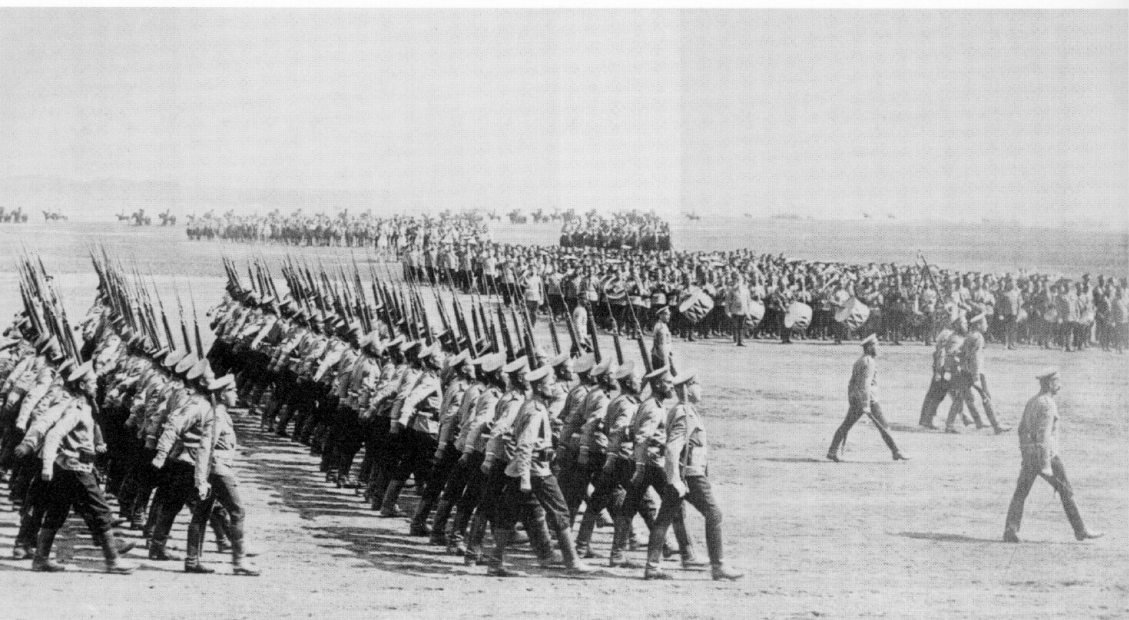
Юнкер Леонтий Степанович Данилин, выпуск ускоренного курса в 1916 г.

Прапорщик, выпускник Александровского военного училища. После 1914 г.

Поручик 28-го Полоцкого пех. полка Лев Дионисевич Лосиевский. Харьков, 1913 г.

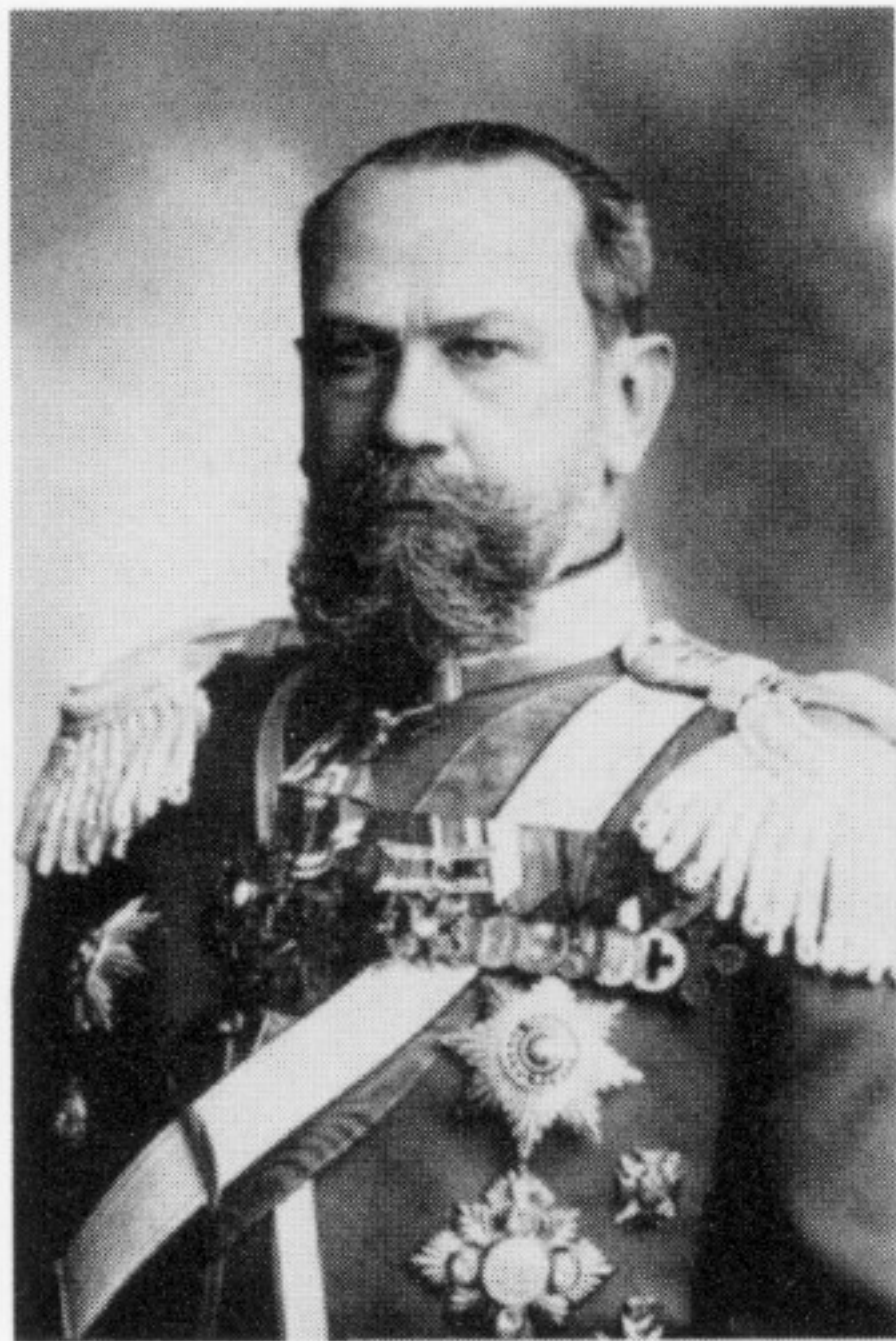
Пехота в марше на смотре. Фото до 1914 г.

Генерал М.В.Алексеев (в центре) и полковник М.К.Дитерихс (слева стоит) накануне войны. До 1914 г.

Император Николай II, министр двора граф В.Б.Фредерикс и великий князь Николай Николаевич в Ставке. 1914 г.

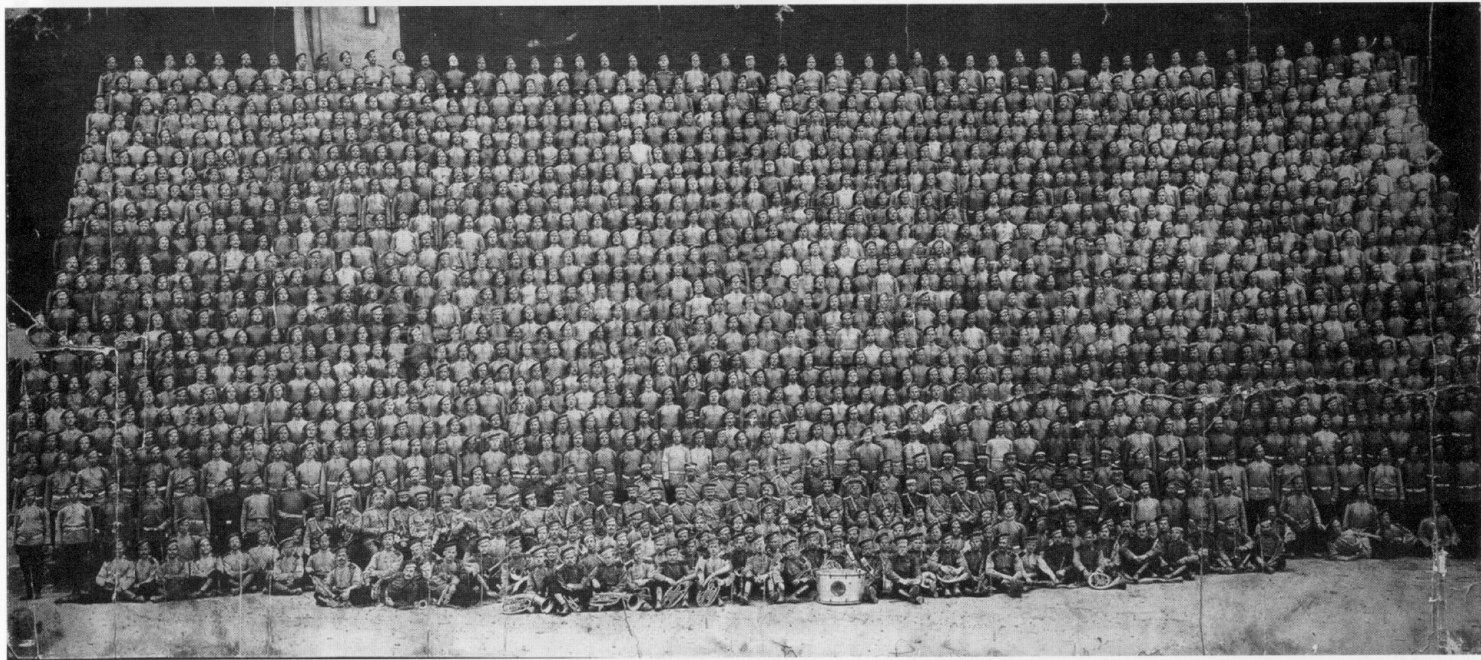
Генерал от инфантерии А.Е.Эверт. 1914 г.

Командир «железной» бригады генерал-майор А.И.Деникин. 1914

Протопресвитер Имп. Русской армии Г.И.Шавельский. 1914

Лейб-гвардии Кексгольмский Императора Австрийского полк. 1908 г.

Вверху: Группа офицеров 5-го Финляндского стрелкового полка (22-й арм. корпус)

Слева: Группа офицеров 8-го Финляндского стрелкового полка (22-й арм. корпус)

Тяжелая позиц. артиллерия у Куртенгофа на фронте 12-й армии. Сентябрь 1915 г.

Подполковник Константин Иванович Рябцев. 1916 г. (в 1917 полковник, командующий войсками Московского округа и участник сопротивления вооруженному восстанию большевиков в Москве)

Полковник 8-го Кавказского стрелкового полка Яков Константинович Егупов, кавалер ордена святого Георгия 4 ст.

*Первый ускоренный выпуск Александровского
военного училища. 1914 г.*

Подпоручик л.-гв. Литовского полка (переведен из пехоты) Боровик Генрих Адамович. Награжден орденом св. Георгия 4-й ст. (из приказа по 1-й Армии №1289 от 05.11.1915: «За то, что в бою 5 сентября 1915 г. у деревни Тартак, наступая с ротой под губительным огнем противника и увлекая своей личной храбростью не только свою, но и соседнюю роту, командир коей был убит, ворвался в неприятельские окопы, переколот защитников немцев и захватил действующий пулемет»).

На передовых позициях в 110-м пехотном Камском полку (снято в 100 шагах от германских окопов). 1915 г.

Бронепоезд «Хунхуз». 1915 г.

*Рота юнкеров Николаевского инженерного училища на ступенях лестницы
Инженерного (Михайловского) замка. 1916 г.*

*полковник А. Д. ...
Офицеры Лейб-Гвардии Атаманского полка. 1916 г.*

Офицеры Двинской крепости. 1916 г.

*Офицеры 30-го Сибирского стрелкового полка 8-й Сибирской стрелковой дивизии
3-го Сибирского армейского корпуса 2-й армии. 1916 г.*

Командование Северного фронта. Сидят: нач. штаба армий Сев. фронта ген. от инф. Ю.Н.Данилов, команд. 1-й армией ген. от кав. А.И.Литвинов, главком армиями Северного фронта генерал-адъютант Н.В.Рузский, командующий 12-й армией ген. от инф. Р.Д.Радко-Дмитриев, командующий 5-й армией ген. от кав. А.М.Драгомиров. Стоят: ген.-квартирм. штаба армий Сев. фронта ген.-майор В.Г.Болдырев, нач. штаба 1-й армии ген.-лейт. И.З.Одишелидзе, нач. штаба 12-й армии ген.-лейт. В.В.Беляев, нач. штаба 5-й армии ген.-лейт. Е.К.Миллер. Кон. 1916 – начало 1917 гг.

Генерал-лейтенант ГШ Лавр Георгиевич Корнилов. 1916 г. (Верховный Главнокомандующий Русской Армии в августе 1917 г.)

Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-адъютант А.А.Брусилов с сыном и офицерами штаба фронта. Стоят: подполковник Д.В. Хабаев (адъютант А.А.Б.), полк-к Р.Н. Яхонтов (шт.-офицер для поручений при А.А.Б.), шт.-ротмистр А.А.Брусилов (сын), капитан Е.Н.Байдак (адъютант А.А.Б.). 1916 г.

Генерал-лейтенант ГШ барон Петр Николаевич Врангель. 1918 г.

Поле боя после захлебнувшейся русской атаки. Немецкое фото, зима 1917 г.

В немецком плену. 1918 г.

ПОВСЕДНЕВНАЯ СЛУЖБА И БЫТ ОФИЦЕРОВ

§ 2.1. Чинопроизводство и прохождение службы

Прохождение службы кадровых офицеров начиналось с присвоения чина подпоручика (корнета в кавалерии). Прослужив 4 года, подпоручик, в случае соответствующей аттестации, мог быть произведен в поручики; еще через 4 года было возможно производство в чин штабс-капитана (штабс-ротмистра). В мирное время производство в эти чины было возможно «по удостоению начальства». Не допускалось повышение в чинах аттестованных неудовлетворительно, состоявших под судом и следствием. В военное время за боевые отличия предусматривалось ускоренное чинопроизводство¹.

Таким образом, чин поручика и штабс-капитана можно было получить по выслуге лет. Однако производство офицеров уже в следующий чин – капитана (ротмистра) – допускалось только при занятии штатной должности, положенной в этом чине².

В войсках таковыми являлись: в пехоте – должность командира роты и заведующего хозяйством в отдельном батальоне, в кавалерии – командира эскадрона, в артиллерии – старшего офицера батареи. Офицеры, служившие в штабах, управлениях и заведениях, также могли быть произведены в этот чин только при занятии соответствовавшей чину должности по месту службы³.

Кроме вакансии, для занятия должности командира роты необходима была четырехлетняя выслуга в предыдущем чине и соответствующая аттестация; эти же правила были распространены на инженерные войска⁴ и артиллерию⁵.

В этой связи отметим: как правило, продвижение по службе, особенно в пехоте – самом массовом роде войск русской армии – происходило чрезвычайно медленно.

Служебная карьера армейских офицеров развивалась в большинстве случаев следующим образом: после окончания военного или юнкерского училища молодой подпоручик назначался субалтерн-офицером в роту, батарею, эскадрон⁶ (субалтерн-офицеры – это все обер-офицеры ниже ротного командира, подчинявшиеся ему и равным ему начальникам).

По истечении положенных сроков офицер получал чин поручика, затем – чин штабс-капитана (штабс-ротмистра), однако в его служебном положении ничто не менялось, он по-прежнему оставался младшим офицером роты.

Единственное, по получении чина штабс-капитана (штабс-ротмистра) офицер считался кандидатом на вышестоящую должность⁷. Однако ничего конкретного это не означало: вакансию можно было ждать в течение многих лет. Об этом свидетельствуют, в частности, данные о среднем возрасте офицеров одной из бригад: подпоручики – 23,4 года, поручики – 28 лет, штабс-капитаны – 34,5 года, капитаны – 43,4 года (данные за 1908 год)⁸. Видно, что разница в возрасте двух последних категорий офицеров составляет почти 9 лет.

Об этом же говорят и другие данные. Из 160 капитанов, проходивших в 1903 г. курс обучения в офицерской стрелковой школе, 61 человек имели выслугу от 25 до 30 лет, еще 35 офицеров – 24–25 лет. При этом 105 офицеров из 160 носили капитанский чин всего 3 года, еще 18 человек – 4 года⁹.

Если учесть, что подпоручиками выпускались в среднем в 20 лет, то становится очевидным: большинство офицеров, обучавшихся в школе, получили невысокий капитанский чин (значит, и соответствующую должность) в возрасте, когда им было более 40 лет.

Периодическая печать того времени также приводила подобные данные. Например, «Военный сборник» отмечал, что командирами рот офицеры в большинстве своем становились к 44–45 годам¹⁰.

Подобная ситуация обуславливалась не чьим-то злым умыслом, а рядом причин.

Во-первых, большинство ротных и равных им командиров, чтобы получить максимальную пенсию, служили до предельных сроков (подробнее об этом будет сказано несколько позже). Иными словами, вакансии на замещение должности командира роты открывались нечасто.

Во-вторых, дожидаться вакансии в большинстве случаев можно было только в своем полку. Так происходило оттого, что для перевода из полка в полк даже подпоручика требовалось обращение в Главный штаб¹¹. При этом служебная карьера офицеров полкового звена практически полностью находилась в руках командира полка: именно он выбирал и назначал на должности всех офицеров в полку, за исключением старшего штаб-офицера¹².

В-третьих, в период до начала Первой мировой войны ротных командиров было несколько более 5 тысяч человек¹³, в то время как младших офицеров в несколько раз больше (в роте их должно было быть 3–4 человека, хотя в действительности, по различным причинам, бывало и меньше)¹⁴.

Положение младших офицеров в ротной иерархии было неопределенным: по вопросам внутренней службы рота управлялась командиром роты через

фельдфебеля, взводных унтер-офицеров и отделенных, по хозяйственным вопросам — через фельдфебеля, каптенармуса и артельщика. Наиболее важные занятия проводил командир роты, так как руководящие документы не определяли обязанности младших офицеров по обучению солдат. Субалтерн-офицеры были только помощниками ротного, исполнителями данных им поручений, то есть делали лишь то, что им прикажут¹⁵.

После русско-японской войны, в период реформ 1905–1912 гг., положение несколько изменилось: субалтерн-офицеры были непосредственно включены в процесс обучения и воспитания нижних чинов¹⁶.

Однако роль и влияние младших офицеров в роте, как отмечал один из военных журналов, по-прежнему были «ничтожными»: например, в соответствии с Уставом внутренней службы дежурный по роте им не рапортовал, что подчеркивало в глазах нижних чинов незначительность роли субалтерн-офицеров¹⁷.

Рутинная служба, занимавшая 10–11 часов в летнее время и 9–10 часов зимой¹⁸, дислоцирование частей, в большинстве своем в отдаленных местностях, которые называли «медвежьими углами»¹⁹, отсутствие достойных перспектив служебного роста и низкий уровень материального благосостояния нередко порождали у молодых офицеров хандру и разочарование. У обер-офицеров более старшего возраста (как их называли, «вечных штабс-капитанов») подобная ситуация вызывала глубокий пессимизм. По утверждению военного публициста Н. Бутовского, подобные настроения являлись типичными для армии; вывод об этом был сделан «...не голословно, а на основании многих сведений, полученных от наших читателей...»²⁰.

Отметим, что при таких условиях службы отпуск обер-офицерам полагался не чаще одного раза в два года, на срок от 28 дней до 2 месяцев. Положительным моментом было лишь то, что на время отпуска сохранялось все получаемое на службе содержание, в том числе квартирные деньги. Отпуск можно было проводить как внутри империи, так и за границей²¹.

Получив уже в пожилом возрасте должность ротного командира и чин капитана, офицер оказывался в еще более непростом положении. Это было неслучайно, ибо в пехоте, являвшейся основным и самым массовым родом войск в русской армии, рота считалась основной единицей, способной самостоятельно решать тактические задачи. Соответственно, командиры рот были «основой армии»²².

Рабочий день ротных командиров был не менее продолжительным, чем у младших офицеров, но, в отличие от них, вся служебная деятельность ротных жестко регламентировалась. Так, в своей повседневной деятельности они должны были руководствоваться перечнем из 30 документов. Современники

подсчитали, что на выполнение их требований, даже при минимальных затратах времени, было необходимо 113 часов в неделю (не считая воскресенья) или около 19 часов в сутки. Но это было еще не все: смотры, учения, наряды, стрельбы, ведение ротной отчетности, тревоги, мобилизационная работа и многое другое регламентировались другими документами, не входившими в этот перечень²³.

«...Отдыха у ротного командира нет никогда... напился кто-нибудь допьяна, произошла драка, оскорбление начальства, случилась кража, солдат не отдал чести — ротный командир первый ответчик»²⁴, — писал в своем письме в «Разведчик» один из офицеров.

То, что командиры отвечали за состояние воинской дисциплины, закономерно, однако в рассматриваемый период в дисциплинарной практике произошли значительные перекосы. Под влиянием широко распространившихся в обществе либеральных идей сложилась обстановка, когда ответственность за все проступки и промахи солдат несли офицеры, в основном ротного и батальонного звена. Дознание всегда возлагало ответственность именно на них, объясняя все нарушения дисциплины недостаточной работой командиров по наведению «должного внутреннего порядка»²⁵.

По внешним признакам подобная «универсальная» формулировка была верной, ибо недостатки в работе офицеров, как и у представителей любой другой профессии, конечно же, имели место. Но на самом деле это была бюрократическая казуистика, игнорировавшая реальное положение вещей в армии и обществе.

В последние десятилетия XIX века под влиянием социально-политических и социально-экономических реформ произошло размытие традиционных устоев жизни и традиционной системы ценностей российского общества. Это не могло не вызвать значительных изменений в мировоззрении и психологии всего населения страны, в том числе молодежи, призывавшейся для прохождения срочной службы.

Так, в сельской местности, дававшей большинство призывников, произошел рост «...девиантного поведения вчерашних крепостных крестьян. В деревне увеличилось употребление спиртного. Резко пошла вверх кривая деревенской преступности, прежде всего за счет имущественных преступлений и преступлений против личности»²⁶.

Стихийный монархизм, издревле присущий крестьянству, под влиянием социально-политических изменений в стране, ломки привычного уклада жизни и прогрессирующего малоземелья стал ослабевать. «Нарастающий аграрный голод, волнения в деревне и невнятная политика властей привели к тому, что образ Николая II в глазах крестьян стал противоречить их представ-

лению об идеальном монархе, способном привести порядки на земле в соответствие с Божественной правдой. В деревне увеличилось количество дел по обвинению крестьян в оскорбительных высказываниях в адрес Государя Императора»²⁷.

Крестьянское недовольство выражалось, однако, не только словесно. В период 1905–1907 гг. массовый характер приобрели поджоги, погромы и грабежи дворянских усадеб, резко возросло число уголовных дел, связанных с сопротивлением властям, происходили многочисленные забастовки сельскохозяйственных рабочих²⁸.

Солдатская масса на 80% состояла из крестьян²⁹, приходивших в армию неумевшими читать и писать или же в лучшем случае малограмотными. Выросшие в период социальных катаклизмов и всеобщих нигилистических настроений они не могли понимать нравственных начал, одухотворявших воинское служение Отечеству.

Что касается традиции русского народа, обязывавшей честно нести «цареву службу» и делавшей русского солдата одним из лучших в мире, то она уходила в прошлое. В армию стали приходиться люди, не имевшие, в отличие от прежних поколений, твердых моральных устоев. «...Ежегодно в нашу армию вливается до полумиллиона молодых людей, развращенных деревенской анархией»³⁰, – писал современник.

Представляется, что морально-психологический потенциал городских призывников вряд ли был выше.

Пребывание нижних чинов на действительной службе было недолгим. Если в середине XIX века оно составляло 20–25 лет, то в начале XX века – 3 года в пехоте и пешей артиллерии, 4 года в прочих сухопутных войсках. По мнению офицеров того времени, столь небольшой срок не позволял солдатам «...проникнуться сознанием дисциплины, долга, сродниться со службой»³¹. Кроме того, с нижними чинами не проводилось никакой воспитательной работы, направленной на формирование необходимых нравственных качеств и психологической готовности к воинской службе. В военно-учебных заведениях будущих офицеров не обучали даже элементарным приемам педагогики, которая была нужна «как воздух с первого шага офицерской службы»³². Ситуация усугублялась и тем, что сложная социально-политическая обстановка в стране, деятельность революционных и либеральных партий способствовали морально-политическому разложению солдат.

Совокупность этих факторов привела к изменению психологии призывников, значительному росту числа преступлений и нарушений, совершаемых нижними чинами, а также падению авторитета власти начальников. Современник отмечал: «Явление упадка дисциплины представляется отнюдь не только

что народившимся и временным. Оно зародилось давно, как результат перемены народной психики, реально начавшей выясняться лет 10 тому назад»³³.

Следует отметить, что громадное большинство правонарушений не носило политического характера и совершалось из хулиганских побуждений, по различным бытовым причинам, в нетрезвом состоянии и т. д. Так было даже в частях, где во время революции 1905–1907 гг. произошли бунты: «В большинстве мятежных частей, несмотря на старания партийных агитаторов, движение имело сумбурный характер, и также сумбурны были предъявляемые ими требования»³⁴.

Конечно, даже в те в смутные времена было немало солдат русской армии, оставшихся верными присяге и честно выполнявших воинский долг. Так, в 1906 г. рядовой 15-го гренадерского Тифлисского полка А. Житовецкий, возвращаясь из отпуска, прибыл в Батуми, откуда поездом должен был добираться до Тифлиса, в свою часть. Но на железной дороге началась забастовка, и А. Житовецкий, оставив вещи на вокзале, пошел в Тифлис пешком, пройдя по шпалам за 8 дней 327 верст³⁵.

Двое солдат Моршанского полка, будучи в японском плену, под одеждой прятали боевые знамена, впоследствии доставленные в Россию³⁶.

В 1914 г. (уже шла мировая война) часовой 5-й Сибирской стрелковой бригады И. Попов 6 суток не сменялся с поста, так как разводящий (одновременно бывший и начальником караула) был убит. С поста сменился лишь по приказу Верховного Главнокомандующего³⁷.

Подверглись зверским, калечащим пыткам, но не выдали сведений о своих частях телефонист 148-го пехотного Каспийского полка А. Макуха³⁸, младший унтер-офицер 141-го пехотного Можайского полка П. Панасюк³⁹, рядовой 150-го пехотного Таманского полка В. Водяной⁴⁰.

Подвиги в боевой обстановке, равно как и примеров честного служения в непростых условиях мирного времени, было немало. Однако тех, кто своими деяниями способствовал разрушению армейского организма, становилось все больше.

Единственным средством борьбы с нарушителями являлись дисциплинарные взыскания, которые в эпоху социальных катаклизмов и либерализации общества не могли дать должного эффекта. Максимальным наказанием являлся дисциплинарный батальон, служба в котором засчитывалась в срок общей службы, при этом проштрафившиеся нижние чины уходили в запас одновременно с теми, кто служил добросовестно. Более того, «штраф» после увольнения в запас с них снимался⁴¹.

По сути, офицеры не имели реальных рычагов влияния на солдат и в каком-то смысле вынуждены были «заигрывать» с ними. Как писал современ-

ник, «мы теперь до приторности нянчимся с солдатом, и солдаты это великолепно чувствуют»⁴².

Другой офицер отмечал: «Признаками “новых взглядов” общества... явились в войсках снисходительность к подчиненным (под видом гуманности) там, где ее не должно быть, отрицание необходимости строевого порядка, одиночной выправки...»⁴³.

Ярко обрисовал тогдашнюю ситуацию известный публицист князь А. Волконский: «Обстановка в стране такова: дисциплина объявлена пережитком старины, всякое распоряжение власти – издевательство, всякий генерал – держиморда или идиот. Это отражается в армии поисками популярности. Высокий строевой начальник... приказывает освободить из-под ареста унтер-офицера, посаженного ротным за провинность по караульной службе; там начальник принимает “требования” бунтовщиков; в третьем месте начальник дивизии отказывается поддержать командира полка, когда тот хочет принудить вновь выпущенных офицеров к несению службы. Поднялся крик против “муштровки”, и многие офицеры уже не требуют от солдат отдания чести»⁴⁴.

«Мода» на попустительство в отношении недисциплинированных нижних чинов сопровождалась совершенно иным отношением к офицерам. На волне либеральных веяний на веру принимались любые жалобы на командиров, в том числе такие, которые заявлялись «лишь с одной целью – напакостить офицеру». Известны случаи, когда солдаты крали оружие и прятали его, чтобы «подвести под ответственность своего начальника»⁴⁵.

Командиров рот, батарей, эскадронов и даже батальонов нередко отстраняли от должности по самым незначительным поводам⁴⁶, иной раз просто абсурдным. Так, атмосферу тех лет ярко характеризует следующий случай: новобранец при заготовке хвороста отрубил себе палец (умышленно или нет, выяснить не удалось). Командира роты в этой связи отстранили от должности, хотя он в момент происшествия был в карауле⁴⁷.

Широко применялись «аресты... офицеров за маловажные служебные проступки...»⁴⁸, при этом арест (домашний или на гауптвахте) мог накладываться на достаточно длительный срок – до одного месяца. Так, командиры рот имели право подвергать обер-офицеров домашнему аресту на одни сутки, командиры батальонов – на трое суток домашнему аресту и на трое суток гауптвахты, командиры полков могли арестовывать обер-офицеров на срок до 7 суток, штаб-офицеров – до 3 суток⁴⁹. Вышестоящие начальники обладали еще большими полномочиями.

О масштабах применения дисциплинарных арестов свидетельствуют следующие данные. В одном из соединений по списку насчитывалось 25 штаб-офицеров и 175 обер-офицеров. Только за один год на штаб-офицеров арест

был наложен 28 раз, на обер-офицеров – 133 раза⁵⁰. Если усреднить эти данные, то получается, что в течение года аресту подвергся почти каждый офицер.

Всего же взысканий (аресты, выговоры, замечания, постановления на вид) на офицеров этого соединения было наложено 469, то есть более чем по 2 взыскания на человека⁵¹.

Такая позорная мера наказания, как арест, вызывала возмущение в офицерской среде. Один из боевых генералов в этой связи писал: «...каждый офицер, начиная от молодого подпоручика и кончая старым полковником (если только последний не пользуется правами начальника отдельной части), может быть подвергнут аресту на гауптвахте в дисциплинарном порядке, то есть по простому усмотрению начальства. Такая средневековая мера совершенно не соответствует современным воззрениям. Для офицера не может быть других наказаний, кроме замечаний и выговоров; тот же, на которого эти меры не действуют, должен быть удален из армии»⁵².

Нередко бывало так, что подчиненные охраняли своего арестованного ротного или батальонного командира. Такие случаи «...вносили самое разлагающее влияние в подчиненные им части, роняя совершенно авторитет начальников, посаженных на гауптвахту. Это – умаление офицерского достоинства в глазах солдат, повод для насмешек»⁵³.

В таких условиях несли службу командиры рот, в большинстве своем остававшиеся на этой должности до ухода на пенсию. Отсутствие перспектив служебного роста у большинства ротных командиров вызывалось тем, что в пехоте на одну штаб-офицерскую должность в среднем приходилось 10 обер-офицерских должностей⁵⁴, и вакансий на всех просто не хватало.

Пропорция 1:10 складывалась следующим образом: в пехотных и стрелковых армейских полках, не считая командира полка, было 6 штаб-офицеров: старший штаб-офицер полка, 4 командира батальона и начальник хозяйственной части⁵⁵.

В то же время обер-офицеров в полках в среднем насчитывалось около 60 человек: 17 командиров рот⁵⁶ и 3–4 субалтерн-офицера в каждой роте (в зависимости от ситуации в конкретной части).

Таким образом, лишь явное меньшинство ротных командиров могли получить повышение по службе и становились подполковниками⁵⁷.

Производство капитанов и ротмистров в первый штаб-офицерский чин «подполковник» происходило не иначе, как на вакансии, и совершалось по трем разрядам: по старшинству, вне очереди старшинства (по соответствующим кандидатским спискам), за отличия по службе⁵⁸.

Производство вне очереди старшинства и за отличия являлось поощрением и предполагало служебное продвижение лучших офицеров, в то время

как «...производство по старшинству – для обыкновенных тружеников в воздаяние их долгой службы»⁵⁹. Без вакансии в этот чин могли производиться «только капитаны и ротмистры, совершившие личные подвиги храбрости, мужества и самоотвержения в бою»⁶⁰.

Кроме наличия вакансии, производство в первый штаб-офицерский чин требовало выполнения целого ряда условий. В их числе: старшинство (выслуга) в чине капитана не менее 4 лет, командование ротой не менее 3 лет подряд, общая служба в офицерских чинах не менее 12 лет, наличие соответствующих аттестаций. Кроме того, требовалось прохождение курса специальных офицерских школ – стрелковой, кавалерийской или артиллерийской⁶¹.

В зависимости от того, по какому разряду происходило чинопроизводство, существовали также определенные возрастные ограничения. Для производства в чин «подполковник» по старшинству возраст офицера не должен был превышать 53 лет (к 1 января того года, в котором совершалось производство). В случае производства «вне очереди старшинства» возраст офицера не должен был превышать: в пехоте – 45 лет, в кавалерии – 43 лет⁶².

Некоторые условия были смягчены для лиц, окончивших военные академии. Для них стаж командования ротой требовался не менее 2 лет, старшинство в чине капитана – не менее 3 лет; тем, кто закончил академию, не требовалось учиться в офицерской школе. Для лиц, производимых в первый штаб-офицерский чин за отличия по службе, выслуга в чине также была снижена с 4 до 3 лет⁶³.

В артиллерии достичь чина подполковника было несколько проще, чем в пехоте, так как на одну штаб-офицерскую должность здесь приходилось не 10, а 5 обер-офицерских должностей⁶⁴. Однако дальнейшая служба офицеров-артиллеристов складывалась примерно так же, как у пехотных офицеров.

Из тех армейских офицеров, кто сумел дослужиться до первого штаб-офицерского чина, дальнейшую служебную карьеру удавалось продолжить еще меньшему количеству: «Должность батальонного командира и чин подполковника составляют обыкновенно венец карьеры армейского пехотного офицера. Далее в командиры полков и даже отдельных батальонов попадают лишь единичные личности, так как эти должности почти исключительно замещаются офицерами гвардии, генерального штаба и разных центральных учреждений»⁶⁵, – отмечал современник.

Утверждение о «почти исключительном» назначении на должности командиров частей гвардейцев и генштабистов не совсем корректно, однако ситуация с назначением армейских офицеров на должности командиров полков (отдельных батальонов) и получением чина «полковник» действительно была непростой.

Отметим: офицеры гвардии и генерального штаба, как и армейские офицеры входили в корпус офицеров русской армии. При этом гвардейцы и генштабисты представляли собой особые группы внутри офицерского корпуса, имевшие определенные привилегии перед армейским офицерством (о них будет сказано несколько позже).

В 1901 г. были введены новые правила о назначении на должности командиров отдельных частей в пехоте, кавалерии и инженерных войсках. Кандидаты вносились в соответствующий список Высочайшим повелением, при этом при назначении на должности командиров полков соблюдались следующие пропорции: в пехоте – на одного гвардейского кандидата назначалось по два кандидата из генерального штаба и по три армейских кандидата. В кавалерии – на одного кандидата из гвардейской кавалерии приходился один кандидат от генерального штаба и два от армейской кавалерии⁶⁶.

В период до 1917 г. пропорции несколько раз менялись, но незначительно. Например, в 1914 году была установлена следующая очередь назначения на должность командира кавалерийского полка: одна кандидатура от гвардии и по две – от генерального штаба и армейской кавалерии⁶⁷.

В целом подобные пропорции с учетом того, что количество армейских офицеров многократно превышало число офицеров гвардии и генерального штаба вместе взятых, были явно несправедливыми. Так, на 53 гвардейских пехотных батальона выделялась 1 вакансия командира части (отдельного батальона или полка), а на 1190 армейских батальонов – 3 вакансии. Получалось, что на одну вакансию в армейской очереди приходилось 397 человек, а в гвардейской – лишь 53⁶⁸.

Гвардейское офицерство составляло небольшую часть офицеров во всех родах сухопутных войск. Так, накануне Первой мировой войны численность офицеров гвардейских пехотных и стрелковых полков составляла менее 5% от числа офицеров негвардейских пехотных, стрелковых и гренадерских полков⁶⁹. При этом, однако, гвардейцы командовали 17% пехотных полков (данные на 1913 год). Армейские офицеры, составлявшие свыше 90% от численности всех офицеров в пехоте, командовали лишь 34% пехотных полков. Частью полков командовали лица, ранее служившие на административных должностях: адъютанты окружных штабов, столоначальники, офицеры из военных училищ и т. д.⁷⁰

В кавалерии выходцы из гвардии составляли 48% полковых командиров, армейские офицеры – лишь 27% (данные на 1901 год); примерно такая же картина была и в 1906 году⁷¹.

В 1910 г. гвардия насчитывала 3 гвардейские пехотные дивизии, 1 гвардейскую стрелковую бригаду, 2 гвардейские кавалерийские дивизии, 1 отдельную

гвардейскую кавалерийскую бригаду, 3 гвардейские артиллерийские бригады, а также некоторые другие части⁷².

Для сравнения: кроме гвардейских дивизий и бригад накануне Первой мировой войны в русской армии насчитывалось 52 пехотных дивизии, 11 сибирских стрелковых дивизий, 3 гренадерских дивизии, 1 кавказская дивизия, 16 стрелковых бригад и некоторые другие соединения и части. Негвардейская регулярная кавалерия насчитывала 15 дивизий и несколько конных бригад⁷³.

При этом в 1912 г. из 70 начальников пехотных дивизий (включая гвардейские, стрелковые, гренадерские дивизии) гвардейцев было 11 человек. В этот же период из 18 начальников кавалерийских дивизий лишь один был армейцем, остальные – гвардейцы и офицеры генерального штаба. Даже среди начальников иррегулярных казачьих дивизий (таких дивизий было 6) гвардейцев было 3 человека⁷⁴.

Достаточно быстро происходил служебный рост и другой группы офицеров – офицеров генерального штаба. Так, в 1912 г. из 70 начальников пехотных дивизий 48 человек являлись генштабистами⁷⁵; среди командиров полков офицеры генерального штаба в 1913 г. составляли 30%⁷⁶.

Количество генштабистов, как и число гвардейских офицеров, было невелико. Так, в 1906 году в генеральном штабе по спискам состояло 350 генералов, 500 штаб-офицеров, 200 обер-офицеров⁷⁷.

Справедливость требует отметить, что теоретически офицером генерального штаба мог стать каждый офицер. Для этого было необходимо окончить академию генерального штаба, поступать в которую имели право практически все армейские офицеры. По свидетельству А. И. Деникина, «для непривилегированного офицерства карьеру можно было сделать... через генштаб»⁷⁸. Конечно, для этого требовались соответствующие способности и стремление получить высшее военное образование.

До 1909 г. поступать в Николаевскую академию генерального штаба могли обер-офицеры всех родов войск, до чина штабс-капитана армии и поручика гвардии включительно⁷⁹.

В 1909 г. академия была переименована в Императорскую Николаевскую военную академию, а к приему в учебное заведение стали допускаться офицеры в чине до капитана гвардии и армии включительно, прослужившие не менее 3 лет в строевых частях⁸⁰.

Отбор в академию был строгим и требовал значительных усилий со стороны поступавших. Так, в 1911 году предварительный экзамен в штабах округов сдавал 641 офицер, но к экзаменам в академии было допущено только 295 из них. Выдержали вступительный экзамен 147 человек, но принято лишь 92 офицера⁸¹.

В академии был младший и старший классы, а также дополнительный курс. Окончившие два класса делились, в зависимости от успеваемости, на два разряда – первый и второй. К первому разряду относились те, кто имел «в среднем выводе из баллов по главным предметам не менее 10, а в среднем выводе из баллов по вспомогательным предметам – не менее 9, из каждого же предмета отдельно – не менее 7»⁸². Напомним: знания в то время оценивались по 12-балльной шкале.

Окончившие классы по первому разряду переводились на дополнительный курс для подготовки по службе генерального штаба, остальные офицеры отправлялись обратно в войска, на прежние должности⁸³.

Например, в 1903 г. два класса академии закончили 103 офицера, из которых 77 человек, получивших права первого разряда, остались для продолжения учебы, а 26 человек, получивших второй разряд, были отправлены обратно в полки⁸⁴.

Отметим, что служебная карьера офицеров, не переведенных на дополнительный курс, была неопределенной, так как они, получив высшее военное образование, в списки офицеров генерального штаба не вносились, то есть оставались обычными армейскими офицерами. Правда, некоторые преимущества при продвижении в штаб-офицерский чин они все же имели.

Карьера тех, кто продолжал учебу, была иной. Успешно окончившие дополнительный курс производились в следующий чин – до капитана армии и штабс-капитана гвардии включительно (после переименования академии генерального штаба в Николаевскую военную академию чин не присваивался, вместо этого награждали орденом)⁸⁵.

По выпуску из академии офицеры на два года командировались в войска (для выполнения строевого ценза, т. е. командования ротами или эскадронами)⁸⁶, после чего зачислялись в корпус офицеров генерального штаба. Иными словами, они попадали в особую группу офицеров, которые, имея высшее военное образование, получали возможность преимущественного продвижения по службе. В этом качестве они определенное время служили в штабах дивизий, корпусов, округов, а также управлениях военного министерства⁸⁷.

Эти должности считались престижными, хотя одновременно современники отмечали неопределенность в служебном положении генштабистов.

Вызывалось это прежде всего тем, что их функции не были определены четко. В войсках они имели лишь право совещательного голоса и не обладали никакой самостоятельностью, являясь своего рода «справочником для командира»⁸⁸.

Офицеры генерального штаба «не являлись начальниками войск в прямом значении этого слова». Они собирали различные данные и представляли их

начальнику для принятия им решений, докладывали ему свои соображения, готовили в случае необходимости распоряжения начальников, наблюдали за их выполнением, докладывали, если что-то шло не так⁸⁹.

Некоторые руководители высокого ранга считали, что функции генштабистов должны заключаться в канцелярской работе по переписке различного характера: мобилизационной, хозяйственной, строевой, судной и т. д.

В числе прочего это было вызвано тем, что в штабы соединений приходило огромное количество документов, на которые требовалось готовить официальные ответы. Так, в мирное время в штабы корпусов в год поступало 30–40 тыс. документов по самым различным проблемам⁹⁰. Для того чтобы подготовить компетентные ответы, необходимо было иметь соответствующее образование, которым обладали именно офицеры генерального штаба.

Лишь немногим меньше поступало документов в штабы дивизий.

При этом число офицеров генерального штаба в штабах было небольшим (например, в штабе корпуса – 5 человек, в штабе дивизии – 2 человека), поэтому многие их задачи – рекогносцировка, сбор сведений о противнике и местности, выбор позиций, осмотр дорог и т. п. ими «не могли быть выполнены за малым числом офицеров генерального штаба». Эти задачи приходилось решать другим офицерам, часто не имевшим специальной подготовки⁹¹.

О неприемлемости подобного положения вещей немало говорилось в офицерской среде и писалось в военной прессе. Однако кардинальных изменений в этом вопросе так и не произошло, вплоть до расформирования русской армии в конце 1917 – начале 1918 гг.

В то же время следует отметить, что на местах попытки решения проблемы предпринимались. Например, в приказе войскам Варшавского военного округа отмечалась недопустимость привлечения генштабистов к канцелярской работе, и определялись функции, которые они должны были выполнять. В их число входили:

- составление и исправление мобилизационных планов;
- составление всевозможных соображений на случай войны;
- производство рекогносцировок и тщательное изучение боевых и тыловых районов соответствующих частей войск;
- составление расписаний и заданий для строевых и полевых тактических занятий войск;
- руководство полевыми поездками со строевыми офицерами всех родов войск;
- чтение лекций и сообщений по всем вопросам военного дела;
- участие в полевых тактических занятиях в роли начальников отрядов, начальников штабов и посредников⁹².

В целом же превалировало мнение: офицеры генерального штаба должны «связывать в единое целое работу старшего начальника и его подчиненных, быть тем аппаратом, который правильно регулирует жизнь и действия войск»⁹³.

Через определенное время, в среднем через 12–13 лет службы в штабах и управлениях, они возвращались в войска в качестве командиров полков⁹⁴. Впоследствии именно офицеры генерального штаба занимали большинство высших командных постов. Так, в 1912 г. из 37 командиров корпусов 23 человека были генштабистами⁹⁵.

В годы Первой мировой войны от 68 до 77 процентов начальников пехотных и кавалерийских дивизий, 62 процента корпусных командиров состояли в списках генерального штаба⁹⁶.

Число офицеров и генералов генерального штаба по-прежнему было невелико: к осени 1917 года их насчитывалось около 1350 человек, в том числе около 500 генералов, 500 полковников и подполковников, 270 капитанов⁹⁷.

Что касается производства в генеральские чины, то оно происходило следующим образом: «Производство полковников в генерал-майоры, генерал-майоров в генерал-лейтенанты, а сих последних в высшие генеральские чины не подчиняется никаким правилам, а зависит единственно от их личных заслуг.»⁹⁸. Однако, как и везде, обязательным условием здесь было предварительное назначение на должность, соответствовавшую чину.

§ 2.2. Взаимоотношения внутри офицерского корпуса

Следует отметить: военное сословие не было однородным. Один из публицистов той поры отмечал, что оно «...представляет собой... весьма неоднородную, разношерстную массу офицеров, расчлененную разнообразием служебных прав на целый ряд групп, сильно отличающихся друг от друга...»⁹⁹. Как уже отмечалось, основных групп было три: армейские офицеры (в свою очередь, делившиеся на подгруппы по родам оружия), офицеры гвардии и офицеры генерального штаба. В основе групповых отличий лежали престижность службы, перспективы служебной карьеры, отношение «высшего света» к той или иной категории офицерства, образование и т. д.

Подавляющее большинство офицерского корпуса составляли армейские офицеры: пехотинцы, кавалеристы, артиллеристы, инженеры, топографы и саперы. Их служба была сопряжена со значительными психологическими и физическими нагрузками, предоставляя при этом гораздо меньшие возможности карьерного роста и повышения материального благосостояния, нежели служ-

ба по гражданскому ведомству. Кроме того, служба армейских офицеров не считалась престижной.

Во многом иной была служба в гвардейских частях. Один из высокопоставленных немецких офицеров, бывавший в России, писал: «В петербургском обществе встречается только с офицерами гвардейских полков... армейский офицер не играет в обществе никакой роли... Выражение «армейский» имеет почти презрительный оттенок»¹⁰⁰.

Части гвардии, получившие наименование «лейб-гвардейских», в свое время проявили выдающееся мужество и стойкость в боях с противником; в этой связи они и были удостоены столь почетных наименований. История гвардейских полков насчитывала по 150–200 лет, они были известны всей армии, служить в них считалось великой честью. Даже в случае успешного окончания академии генерального штаба и вхождения таким образом в корпус офицеров генерального штаба – также особой категории офицерства – выходцы из гвардии не забывали о гвардейском прошлом.

Гвардейские части дислоцировались в столицах, имели особую форму, офицеры были близки к императорскому двору.

В плане карьерного роста гвардейцы имели ряд преимуществ перед армейскими офицерами. «С давних пор существовала рознь между армейским и гвардейским офицерством, вызванная целым рядом привилегий последних по службе – привилегий, тормозивших сильно и без того нелегкое служебное движение армейского офицерства. Явная несправедливость такого положения, обоснованного на исторической традиции, а не на личных достоинствах, была больным местом армейской жизни...»¹⁰¹, – отмечал А. И. Деникин.

Так, обер-офицеры гвардии официально были «одним чином выше армии»¹⁰², то есть подпоручик гвардии соответствовал армейскому поручику, поручик – штабс-капитану, штабс-капитан – капитану; в случае перевода гвардейского офицера в армейскую часть ему присваивался следующий чин¹⁰³.

В гвардии не было чина «подполковник», а был только один штаб-офицерский чин – «полковник»¹⁰⁴; в силу этого обстоятельства капитаны гвардии при переводе в армейские части сразу получали чин полковника и через непродолжительное время становились командирами армейских полков¹⁰⁵.

Для получения чина «полковник» срок службы в гвардейских капитанах, ввиду отсутствия в гвардии чина «подполковник», составлял 6 лет¹⁰⁶ (напомним, в армии он составлял 4 года). Однако, как отмечалось ранее, подавляющее большинство армейских капитанов не дослуживались даже до подполковника, в то время как все гвардейские офицеры, если они не выбыли из гвардейских частей до наступления срока производства в полковники, получали полковничий чин¹⁰⁷.

В целом офицеры гвардии продвигались по службе гораздо быстрее, чем армейские офицеры. Статистические данные той поры показывают, что гвардейцы становились полковниками в среднем на 19 году службы, армейцы – на 29 году¹⁰⁸. В некоторых полках гвардейской кавалерии полковниками становились через 14–16 лет службы¹⁰⁹.

В гвардейской артиллерии генерал в среднем был «моложе годами службы: на 18 лет старейших полковников полевой артиллерии, на 16 лет старших подполковников и на 1–2 года старейших капитанов»¹¹⁰.

В случаях, когда офицер гвардии назначался командовать частью в самой гвардии, это давало дополнительные преимущества: если в армии должность командира батальона соответствовала чину «подполковник», то в гвардии – «полковник», а в отдельных гвардейских стрелковых батальонах – «генерал-майор», хотя батальоны во всех случаях состояли из 4 рот. Армейскими полками командовали полковники, гвардейскими – генерал-майоры, хотя, например, армейский кавалерийский полк был многочисленнее и сложнее по составу¹¹¹.

В течение долгого времени офицерский состав гвардейских частей традиционно состоял из потомственных дворян, в некоторых частях, как, например, в лейб-гвардии Преображенском и Кавалергардском полках, служили представители самых знатных дворянских родов России.

Кроме того, в гвардии служили все великие князья, включая цесаревичей, а шефами гвардейских полков являлись члены императорской фамилии¹¹².

Вплоть до конца XIX века о переводе в гвардию того или иного офицера могли ходатайствовать лишь командиры гвардейских полков (в случае наличия вакансии). В начале XX столетия решение этого вопроса по формальным признакам было упрощено, так как и в гвардию, и в армейские части попадали выпускники одних и тех же училищ. В соответствии со специальным приказом армейские офицеры могли быть удостоены перевода в гвардейскую пехоту и гвардейскую кавалерию: а) для замещения вакансий, б) за отличия в мирное время, в) за боевые отличия¹¹³.

В 1911 г. Военный совет постановил, что в гвардию, как для пополнения вакансий, так и за отличия по службе в мирное время, право на перевод (после предварительного прикомандирования) имели следующие категории офицеров, окончившие:

- курс Пажеского Его Императорского Величества корпуса по первым двум разрядам;
- курс военных училищ или 2-летний курс специальных (артиллерийских и инженерных) училищ по первому разряду;
- 3-летний курс специальных (артиллерийских и инженерного) училищ по первым двум разрядам¹¹⁴.

Однако в реальной жизни нередко возникали сложности. По сложившейся традиции попасть на службу в любой гвардейский полк можно было только «на основании голосования офицеров полка, «извне» на которое никто не мог повлиять»¹¹⁵.

Именно согласие или же несогласие офицеров полка на прием в свою среду нового товарища являлось главным условием, определявшим судьбу претендента на вакансию в полку.

Так, в 1901 г. в один из гвардейских полков были направлены выпускники военных училищ, оказавшиеся выходцами не из дворянской среды. В полку, который дислоцировался в Варшаве, полковой адъютант вручил им заранее заготовленное письмо. В нем говорилось, что командир полка и общество офицеров не считают возможным принять их в свою среду. Выпускники пожаловались военному министру А. Н. Куропаткину, который в это время как раз был в Варшаве. Однако тот ничего не смог сделать: на сторону гвардейцев встал главнокомандующий войсками гвардии, великий князь Владимир Александрович. В конце концов выпускники были направлены в армейские части¹¹⁶.

К чести гвардии следует отметить: подобный подход касался не только происхождения офицеров. Князь В. С. Трубецкой, сам бывший лейб-гвардеец, характеризуя, в частности, Преображенский и Кавалергардский полки, писал: «Это были действительно исключительные аристократические полки, куда принимали офицеров с особенным разбором. Носить громкую старинную дворянскую фамилию и обладать средствами и придворными связями было еще далеко недостаточно, чтобы поступить в один из этих рафинированных полков. Туда мог попасть только безупречно воспитанный молодой человек, о репутации и поведении которого полком собирались тщательные справки. А кавалергарды в некоторых случаях еще и копались в родословной представлявшегося в полк молодого человека... здесь никакие протекции не помогали. Случаи, когда сыновья министров и высших сановников при представлении в эти полки получали отказ, не были исключением»¹¹⁷.

Даже нижними чинами гвардейские части комплектовались особым порядком: с 30-х гг. XIX века их стали подбирать по цвету глаз, волос и чертам лица. Например, в Преображенский полк набирались блондины, в Семеновский – шатены, в Измайловский – брюнеты, в Московский – рыжеволосые, в Кавалергардский – голубоглазые блондины, в Павловский – курносые блондины¹¹⁸ и т. д. Полковник лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка Н. А. Петровский писал: «Гвардия комплектовалась новобранцами со всей России. Новобранцы были христиане, политически благонадежные, здоровые, рослые, красивые, большинство из зажиточных крестьян, а известный процент из ремесленников»¹¹⁹.

В гвардейских частях существовала традиция: величать обер-офицеров от подпоручика до штабс-капитана «ваше высокоблагородие», хотя по уставу они должны были величаться «ваше благородие». Кроме того, вопреки требованиям устава от всех нижних чинов гвардейских полков требовалось отдание чести, становясь во фронт, всем офицерам полка, а не только штаб-офицерам и своему ротному командиру¹²⁰.

Традиция, которую ни при каких обстоятельствах нельзя было нарушать, требовала от офицеров гвардии вести «гвардейский образ жизни». Это означало, что гвардейский офицер не мог жить в дешевой квартире, иметь плохую лошадь, ездить на трамвае (передвигаться можно было только на «шикарных» лихачах), ездить в поездах в вагонах ниже первого класса и т. п. В театре гвардеец был обязан занимать места не далее определенного ряда, отчислять средства на многочисленные приемы гостей, полковые праздники, светские обеды, офицерское собрание, покупку подарков уходящим из полка офицерам, цветов посещавшим полк дамам и т. д.

Гвардейцы могли посещать только «приемлемые» для гвардейского офицера дорогие рестораны, где, «заявив столик для завтрака, обеда или ужина, было обязательно потребовать флакон или «вино», то есть бутылку шампанского (это минимум), которая стоила 12 рублей (в собрании полка – 6 руб.)»¹²¹.

В результате при жаловании обер-офицеров гвардии менее 100 рублей в месяц требовалось тратить в несколько раз больше. Например, служба в кирасирских полках 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии требовала от офицера не менее 3000 рублей в год в дополнение к жалованью, а в лейб-гвардии Гусарском полку вдвое больше¹²². «Служба в гвардии по-прежнему стоила дорого, особенно в гвардейской кавалерии. Большинство же старых дворянских родов к 20 веку прожило настолько, что оплачивать гвардейские расходы сыновей было отцам не по средствам...»¹²³, – писал современник. В силу данного обстоятельства юнкеров, желавших после выпуска из училища служить в гвардии и посещавших для ознакомления полк, а также молодых офицеров после зачисления в списки полка, заранее просили соизмерять свои финансовые возможности с требованиями, предъявляемыми к материальной стороне жизни гвардейского офицера.

В. С. Трубецкой приводит слова старшего начальника, обращенные к молодым офицерам-кирасирам: «Полк требует от своих офицеров, чтобы они жили прилично, но... если у вас нет для этого средств – постарайтесь сами скорее покинуть полк. Жизнь выше средств, неоплаченные счета, долги и векселя – все это в конце концов приводит офицера к совершению неблагоприятных, даже бесчестных поступков. ... Я лично вас предупреждаю: первый же неблагоприятный или неприличный поступок – и даю вам честное слово – вам придется в

двадцать четыре часа покинуть полк... полк этого не потерпит и никому не простит, кто бы он ни был и какими бы связями он ни обладал»¹²⁴.

Особая щепетильность в вопросах этики была характерной чертой гвардейских офицеров. Подчеркнем, что это вызывалось не только безусловной необходимостью сохранения личной чести: тогдашнее общественное мнение любой неблагоприятный поступок офицера приписывало не столько конкретной личности, «сколько всему полку, потому что полк, принявший в свою среду офицера, тем самым гарантирует его порядочность и воспитанность»¹²⁵.

Честь своего полка в глазах офицеров-гвардейцев была неотделима от личной чести, поэтому отстаивать честь полка считалось главнейшей обязанностью офицера: «Во всех вопросах, служебных и частных, достоинство полка стояло для каждого на первом месте»¹²⁶, – подчеркивал офицер лейб-гвардии Егерского полка, впоследствии генерального штаба генерал-майор Б. В. Геруа.

Но при всем при том на фоне служебной и бытовой бесперспективности большинства армейцев привилегии гвардейских офицеров, а также их «светский» образ жизни вызывали раздражение и неприязнь у армейского офицерства. Как правило, внешне это никак не выражалось, но на уровне общения в своем кругу армейцы считали, что справедливость нарушена. Против привилегированного положения гвардии высказывались как рядовые офицеры, так и представители армейского генералитета; однако положение вещей не менялось.

В то же самое время в самой гвардии происходили непростые внутренние процессы. Социально-политические и социально-экономические изменения, происходившие в стране, не могли не затронуть привилегированные части. К началу XX века дворянство обеднело настолько, что в некоторые гвардейские части в нарушение традиций стали попадать офицеры недворянского происхождения (из купеческой и буржуазной среды), имевшие, однако, средства для того, чтобы служить в гвардии.

«Так, в лейб-гвардии Кирасирском Его Величества полку (так называемые “желтые” кирасиры) в 1905 году не было ни одного дворянина; очень много недворян (по происхождению) было в лейб-гусарском полку. Это вторжение недворянского элемента в гвардию вызвало в определенной части гвардейского “родового” офицерства оппозиционное... настроение. В гвардии шло своеобразное “классовое” расслоение. Оно сказывалось и внутри полков, и в междуполковых отношениях: при внешней чрезвычайной корректности отношения эти ... достигли в отдельных случаях большой остроты. “Синие” кирасиры, сохранившие дворянский состав, искренне презирали “желтых”»¹²⁷.

Командир немецкого пехотного полка Г. фон Базедов, посетивший Россию в 1910 г., писал, что полки 2-й гвардейской дивизии «играют в общественном

смысле... меньшую роль», чем полки 1-й гвардейской дивизии; «даже среди полков 1-й гвардейской дивизии – Преображенском, Семеновском, Измайловском и Егерском есть различия между офицерами»¹²⁸.

То есть в рядах самой гвардии неформально существовали категории офицеров, имевшие разный «вес» как в глазах общественного мнения, так и в офицерской среде. Зависело это от двух факторов: является ли офицер потомственным дворянином и в какой именно гвардейской части он служит. Наименее почетной считалась служба в самых «старых» полках – Преображенском, Семеновском, Измайловском, Кавалергардском и некоторых других.

В то же время справедливость требует отметить, что близость к императорскому двору и высшему свету, а также шефство над полками особ императорской фамилии отнюдь не смягчали требования, предъявляемые к гвардии, как воинским частям. Напротив, от гвардейцев требовалось особо четкое несение службы и первенство в боевой подготовке по сравнению с другими полками. Как правило, гвардейская пехота, кавалерия и артиллерия показывали великолепные результаты. «Гвардейская пехота выбивала по стрельбе всегда “сверх отличного”, не отставала и находящаяся под бдительным оком генерал-инспектора артиллерии вел. кн. Сергея Михайловича гвардейская артиллерия, как легкая, так и конная. За подготовкой же гвардейской кавалерии еще со времен своего генерал-инспекторства зорко следил главнокомандующий – вел. кн. Николай Николаевич. Конный спорт вообще получил в Императорской Российской армии в начале XX века широкое распространение. Офицеры-гвардейцы взяли немало призов на международных соревнованиях»¹²⁹.

Кроме того, из состава регулярной армии никто не сражался так доблестно, как гвардейцы. В числе прочего об этом свидетельствуют данные, приведенные участником Первой мировой войны генерал-лейтенантом Н. Н. Головиным¹³⁰ (см. таблицу).

Соотношение между кровавыми потерями и попавшими в плен в различных категориях войск (в годы Первой мировой войны)

	Кровавые потери	Пленные	Итого
Гвардия	91	9	100
Гренадерские части	78	22	100
Пехота (армейская)	65	35	100
Стрелковые части	82	18	100
Кавалерия	79	21	100
Пограничная стража	86	14	100
Артиллерия	56	44	100

Инженерные войска	77	23	100
Ополчение	42	58	100

В составе гвардейских частей воевали и члены Императорской фамилии. Так, с началом Великой войны на фронт ушли пятеро братьев – сыновей великого князя Константина Константиновича. Один из них, Олег Константинович, 21-летний корнет лейб-гвардии Гусарского Его Императорского Величества полка, в ходе кавалерийской атаки на немецкий разъезд в сентябре 1914 г. первым доскакал до врага и был смертельно ранен в бою¹³¹.

Возвращаясь к взаимоотношениям между различными группами офицеров, отметим, что определенное отчуждение существовало также между армейскими офицерами и офицерами генерального штаба. Представляется, что данное явление вызывалось обычными человеческими слабостями. Когда имевший высшее военное образование генштабист в сравнительно молодые годы становился командиром части, это казалось несправедливым ротному или батальонному командиру, долгие годы «тянувшему армейскую лямку».

В какой-то мере понять их настроения можно: бывало, что носившие «серебряный аксельбант и черный бархатный воротник» (отличительные детали формы генштабистов) незаслуженно продвигались по службе¹³².

Иной раз офицеры генерального штаба приходили на должности командиров частей, имея за плечами лишь два года командования ротой (строевой ценз после академии), а после этого – службу в штабах дивизий, корпусов, округов. Иными словами, не имея опыта управления войсками, генштабисты назначались на высокие строевые должности.

При этом следует учесть, что, кроме отсутствия должного опыта службы в строевых частях, генштабисты, по мнению некоторых современников, имели образование, делавшее из них «скорее военных ученых, чем военачальников, военных критиков, но не военных деятелей»¹³³.

Так, Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин следующим образом охарактеризовал офицеров генерального штаба в годы русско-японской войны: «Теоретическая подготовка, способности и самоотверженная служба офицеров генерального штаба стоят высоко. Вместе с тем... офицеры генерального штаба недостаточно слиты с войсками и не обладают в достаточной мере практическими знаниями...»¹³⁴. Подчеркнем: генерал А. Н. Куропаткин сделал свои выводы на основе многочисленных донесений командиров и начальников различного уровня.

В обиходе генштабистов, назначенных на командные должности из штабов и управлений, строевые офицеры называли «пришлым элементом»; чис-

ло таких назначений было весьма заметным. «Если среди подполковников армейской пехоты пришлый элемент в 1912 году составлял 9%, то уже среди полковников – старших штаб-офицеров таковых было 23%. Среди командиров полков... пришлый элемент составлял 38%, а среди бригадных командиров... 59%»¹³⁵.

В то же время служебный рост этой категории офицерского состава нередко был оправданным. В академию генерального штаба попадали наиболее способные офицеры, получавшие за годы учебы глубокие и разносторонние знания. Именно в академии углубленно изучались тактика, стратегия, история военного искусства, геодезия с картографией, съемкой и черчением, военная администрация и т. д.¹³⁶

Как отмечал генерал-майор Д. Парский, «...генеральный штаб в последнюю войну (русско-японскую. – В.С.) дал значительную часть наших лучших начальников от командиров полков до корпусных включительно»¹³⁷.

Немалое количество выпускников академии стали известными военачальниками, в том числе генералы М. И. Драгомиров, А. Н. Куропаткин, Д. А. Милютин, Н. Н. Обручев, Ф. Ф. Радецкий, М. Д. Скобелев и многие другие.

Организаторами и руководителями Белого движения в годы гражданской войны также были в основном выпускники академии, в числе которых генералы М. В. Алексеев, П. Н. Врангель, А. И. Деникин, Л. Г. Корнилов, Н. Н. Юденич. Бывшие генштабисты М. Д. Бонч-Бруевич, И. И. Вацетис, С. С. Каменев, А. К. Климович, А. И. Корк, Б. М. Шапошников стали крупными советскими военачальниками.

В среде собственно армейского офицерства также были некоторые противоречия. Как отмечал А. И. Деникин, «...и в русской армии существовала некоторая рознь между родами оружия – явление старое и свойственное всем армиям. Общими чертами ее были: гвардия глядела свысока на армию; кавалерия – на другие роды оружия; полевая артиллерия косилась на кавалерию и конную артиллерию и снисходила к пехоте; конная артиллерия сторонилась полевой и жалась к кавалерии; наконец, пехота глядела исподлобья на всех прочих и считала себя обойденной вниманием и власти, и общества. Надо сказать, однако, что рознь эта была неглубока и существовала лишь в мирное время. С началом войны – так было и в японскую, и в Первую мировую – она исчезала совершенно»¹³⁸.

Внутри армейского офицерства своего рода водораздел проходил между самой многочисленной группой армейских офицеров – пехотными офицерами – и офицерами других родов войск.

Главной причиной этого явления военные публицисты той поры считали разницу в службе и положении офицеров разных родов оружия.

Служба в пехоте по внешним признакам характеризовалась так: пехотные офицеры шли десятки верст «в пропотевшем насквозь кителе и фуражке, с лицом, покрытым пылью...; пехотный офицер... не может своей внешностью импонировать кому бы то ни было, и в этом первое резко бросающееся отличие его от офицеров остальных родов оружия»¹³⁹.

Вообще, как писали в то время, «пехотный офицер несет на себе исключительный по тяжести труд», незнакомый офицерам других родов оружия. Если «кавалерии и артиллерии даются задачи, где принимаются во внимание лошадь, сбережение ее сил и здоровья», то «пехоте даются всякие задачи, свободные от каких бы то ни было соображений, кроме тактических»¹⁴⁰.

Именно пехота несла самые тяжелые потери в ходе боевых действий, как это было, например, в русско-японскую и Первую мировую войны, когда убыль пехотных офицеров многократно превышала убыль офицеров в артиллерии, кавалерии и инженерных войсках.

При этом, однако, как среди офицеров других родов оружия, так и в обществе служба в пехоте считалась совершенно непрестижной. Как отмечал современник, «в армии и обществе по традиции принято считать службу и сред у артиллерии и инженерных войск выше и чище, нежели в пехоте»¹⁴¹.

К кавалеристам, офицерам артиллерийских и инженерных частей отношение было гораздо более уважительным¹⁴², чем к пехотинцам.

Чрезвычайным почетом пользовались военные летчики (в ноябре 1910 г. была открыта офицерская школа авиации в Севастополе). Уже в августе 1911 г. школа командировала 19 самолетов и 20 летчиков на маневры в Санкт-Петербургский, Варшавский и Киевский военные округа. В ноябре 1911 г. состоялся первый выпуск военных летчиков¹⁴³.

В результате складывалось положение, когда «разница в службе, в степени затраты сил при неодинаковом положении в глазах общества дает одной стороне право на некоторую гордость, а другой – на чувство, близкое к досаде, зависти и недовольству; отсюда – то, что мы называем антагонизмом»¹⁴⁴.

Некоторое отчуждение существовало и между офицерами других родов оружия. В этой связи генерал М. И. Драгомиров писал: «...к несчастью, оно существует в равной мере и между офицерами разных родов оружия: едва ли... например, много кавалерийских офицеров, которые водили бы компанию с пехотными, артиллерийскими и саперными, – и наоборот»¹⁴⁵.

Другой современник, характеризуя отношения между офицерами различных родов войск, писал: «Кавалеристы с высокомерием относились к пехотинцам, морские офицеры – к сухопутным, конные артиллеристы – к артиллеристам крепостей и т. д.»¹⁴⁶. Нельзя, однако, считать, что в основе подобных явлений лежали глубинные межличностные и социальные противоречия. Суть от-

ношений между различными группами офицеров точно подметил один из офицеров, охарактеризовавший их как «профессиональную рознь»¹⁴⁷. По сути, слово «рознь» – слишком громкое слово, и, исходя из того, что писали об этом явлении современники, его скорее можно назвать размолвками на бытовом уровне.

Особо подчеркнем: все эти негативные явления внешне не проявлялись. В редких случаях, когда офицер, считавший себя представителем более «престижного» рода войск, позволял себе уничижительные высказывания по отношению к другим, это приводило к дуэлям со смертельным исходом¹⁴⁸.

Следует отметить любопытный факт: в офицерской среде отсутствовали какие бы то ни было противоречия по национальному признаку. Как вспоминал А. И. Деникин, «национальные перегородки в офицерской... среде стирались совершенно... Статистика офицерского корпуса по признакам национальности или родного языка никогда не велась. Отмечалось лишь вероисповедание...»¹⁴⁹. В главном документе, характеризовавшем прохождение службы офицером, – послужном списке – графы «национальность» не было вообще¹⁵⁰.

Когда в 1908 году в правой прессе начались нападки на «засилье иноплеменников» в командном составе, официальный печатный орган военного министерства газета «Русский Инвалид» ответила на это так: «Русский – не тот, кто носит русскую фамилию, а тот, кто любит Россию и считает ее своим отечеством»¹⁵¹.

Лишь в отношении представителей двух национальностей – евреев и поляков – некоторая дискриминация в офицерском вопросе существовала.

С 1887 г. евреев-вольноопределяющихся перестали допускать к экзамену на офицерский чин; в 1905 году вышел приказ, в котором говорилось о том, что «вольноопределяющиеся-евреи... не допускаются к держанию экзамена на звание прапорщика запаса»¹⁵².

Здесь следует подчеркнуть, что дискриминировались не все евреи, а только те, кто исповедовал иудаизм: эта религия считалась «вредным сектантским учением». Что касается евреев-христиан, то они ограничениям не подвергались и не только производились в офицерский чин, но и учились в академии генерального штаба и даже становились генералами¹⁵³. Например, одним из источников, используемых в данном труде, является книга «Злобы дня в жизни армии», автор которой – генерал-лейтенант русской армии М. В. Грулев, еврей, принявший православие перед поступлением в юнкерское училище. Впоследствии написал книгу «Записки генерала-еврея».

В то же время запрет на получение иудеями офицерского чина соблюдался весьма строго и нарушить его было возможно только в случае личного вмешательства императора. Так, во время Первой мировой войны родная сестра Николая II великая княгиня Ксения Александровна хлопотала о разрешении

поступить в военное училище юноше по фамилии Лихтенталь, мать которого была русской, а отец – евреем, родившимся в иудейской семье, но имевшим гражданский чин статского советника и работавшим в министерстве путей сообщения. Император отказал сестре, и лишь по просьбе протопресвитера русской армии и флота о. Г. Шавельского, лично знавшего эту семью, Николай II разрешил молодому человеку поступать в училище¹⁵⁴.

Поляки могли стать офицерами, но «секретными циркулярами в их отношении был введен ряд ограничений», которые, однако, осуждались в офицерской среде и по возможности обходились¹⁵⁵.

Дискриминация лиц польской национальности в вопросе производства в офицеры была связана с тем, что после неоднократных антироссийских восстаний в Царстве Польском в XIX столетии, а также ввиду устойчивых антирусских настроений в польском обществе правительство не желало допускать поляков к командным должностям.

Существовал еще один фактор, который не способствовал укреплению единства в офицерской среде в целом. Как ни странно, этим фактором являлось желание старших начальников привить офицерам гордость за свой полк. Благое, казалось бы, дело нередко превращалось в стремление «обособить полки в особые уделы со своей историей и прочими признаками автономии»¹⁵⁶.

В результате свой полк и его традиции ставились выше всех остальных, в то время как к другим полкам отношение формировалось равнодушное, иной раз высокомерное. «В прежней Русской Армии... каждый офицер жил лишь узкими интересами своей части»¹⁵⁷, – отмечал современник. В таком же ключе высказывался, уже находясь в эмиграции, один из видных деятелей Белого движения генерал А. Туркул, а также полковник Д. Хитров, который подчеркивал, что «силами и способностью жертвовать русские офицеры никогда не оскудевали», но корпоративное единство у них отсутствовало¹⁵⁸.

Иными словами, существовало положение, когда товарищами считались только члены полкового общества офицеров¹⁵⁹.

Вообще, об отсутствии корпоративного единства в офицерской среде писали многие белоэмигранты, осмысливавшие историческое прошлое русской армии. По нашему мнению, подобное единство вряд ли достижимо вообще, тем более в конкретно-исторических условиях той поры. Справедливость, однако, требует отметить, что именно в офицерской среде поднимался вопрос о необходимости корпоративного единения. Некоторые военные деятели, понимая особую значимость армии в канун политических и военных катаклизмов, пытались сплотить офицерство во имя Отечества. В других профессиональных слоях и группах подобный вопрос даже не обсуждался (например, среди инженеров, врачей, учителей, юристов, банковских работников и т. д.).

§ 2.3. Материальное положение офицерства

В советское время (впрочем, как и сегодня) был широко распространен миф о том, что офицеры русской императорской армии жили в богатстве и роскоши. «Подтверждением» тому служили сцены из кинофильмов, в которых офицеры бесконечно кутили в дорогих ресторанах, непременно с актрисами, балеринами и цыганскими ансамблями.

Подобные измышления не просто не соответствовали действительности, они были вопиющей, чудовищной ложью. Русское офицерство никак не было связано с предпринимательством, банковским делом, торговлей и не имело в собственности ни средств производства, ни финансовых капиталов. Что касается земельной собственности, то она была чрезвычайно редким явлением даже среди генералитета: таковой, например, обладали лишь 2 процента начальников дивизий¹⁶⁰ (категория генерал-лейтенант) и 5 командиров корпусов из 36 генералов этой категории¹⁶¹ (категория «полный» генерал).

Единственным источником доходов практически у всех офицеров являлось содержание, получаемое на службе¹⁶².

По терминологии того времени, «постоянные оклады содержания генералам и офицерам» состояли из жалованья, столовых, добавочных, квартирных и фуражных денег¹⁶³. Кроме того, существовали выплаты в особых случаях:

прогонные деньги (на перемещение к месту службы, командировки и т. п.);
порционные деньги (на разъезды и питание в ходе командировок, полевых поездок, рекогносцировок и т. п.);

суточные деньги (за караулы, походные и лагерные деньги, выплаты командироваемым по казенным надобностям)¹⁶⁴.

Казалось бы, выплат так много, что в совокупности они должны были обеспечивать высокий уровень материального достатка; однако в реальности все обстояло совершенно не так.

Только жалованье и столовые деньги составляли ту сумму, которую офицеры могли тратить на себя и семью.

Всем строевым офицерам жалованье платилось по чинам, в том числе офицерам и генералам, служившим в штабах и управлениях. Исключением были офицеры и генералы, занимавшие т. н. классные должности, то есть должности, которые могли занимать и гражданские чины. Эти офицеры получали жалованье по должностям, независимо от чина. Такие должности были в окружных и главных управлениях, например, у интендантов¹⁶⁵.

Другой частью содержания являлись столовые деньги, которые выплачивались в зависимости от занимаемой должности. При этом, начиная с должности

командира отдельной части, столовые деньги превышали жалование по чинам. На должностях от командира батальона и ниже столовые деньги были меньше жалования, субалтерн-офицеры столовых денег не получали вообще¹⁶⁶.

Остальные части постоянного содержания офицеров – добавочные, фуражные и квартирные деньги имели иное предназначение: добавочные деньги выплачивались буквально нескольким десяткам человек – командирам корпусов и выше и предназначались на представительские расходы, фуражные деньги шли на прокорм лошади, полагавшейся некоторым категориям офицеров по службе, квартирные деньги выплачивались на наем квартиры.

До 1909 г. жалование и столовые деньги составляли следующие суммы:¹⁶⁷

Годовые оклады содержания по характерным должностям (рублей)

Должности	Жалование	Столовые	Добавочн.	Всего
Командир корпуса, полный генерал	2100	5700	1500	9300
			(на представи- тельство)	
Начальник дивизии, генерал-лейт.	1800	4200	–	6000
Командир бригады, генерал-майор	1500	2700	–	4200
Командир полка, полковник	1200	2700	–	3900
Командир батальона, подполковник	1080	660	–	1740
Командир роты, капитан	900	360	–	1260
Младший офицер, подпоручик	660	–	–	660

Младшие офицеры в чине поручика и штабс-капитана получали 720 и 780 рублей в год соответственно¹⁶⁸.

Отметим, что представители обычных мирных профессий зачастую имели большие денежные доходы, нежели обер-офицеры. Так, учителя женской гимназии в провинциальном городке Царевококшайск (ныне г. Йошкар-Ола) получали в месяц до 105 руб. (1260 руб. в год, как ротный командир). Заведующий земской больницей том же городе – 125 руб. (1500 руб. в год). Преподаватель закона божьего в Шуйской женской гимназии – 102 руб. (1224 руб. в год, или в полтора раза больше, чем штабс-капитан). Токари, слесари, фрезеровщики, электротехники на крупных заводах в Санкт-Петербурге – до 120 руб. в месяц (1440 руб. в год, в два раза больше, чем поручик). Начальники почтовых, железнодорожных, пароходных станций в крупных городах имели доходы до 300 рублей в месяц. Например, начальник Орловского почтово-телеграфного округа получал 290 рублей в месяц (3480 руб. в год, то есть гораздо больше, чем подполковник, командир батальона)¹⁶⁹.

Какой уровень материального благосостояния обеспечивало тогдашнее денежное содержание офицерства? Анализ источников показывает, что весьма невысокий. Как отмечал современник, «фраза: офицеру не хватает жалования» стала аксиомой, в которой никто не сомневается¹⁷⁰.

Положение дел было таковым, что денежное содержание офицеров, вплоть до командиров полков, не позволяло в полной мере удовлетворять даже элементарные человеческие потребности¹⁷¹. Например, большинство офицеров из-за недостатка средств не имело возможности полноценно питаться.

Если в кадетских корпусах меню включало бифштексы, пирожки с мясом, котлеты, ватрушки с творогом, супы с клецками и т. д.¹⁷² – разнообразную, но вполне обычную пищу, то для офицеров подобная «роскошь» была недоступна. Сравнивая рацион кадет и офицеров, «Разведчик» писал: «С такими привычками обыкновенный стол в офицерском собрании покажется скверным, и никаких прибавок к содержанию не хватит на удовлетворение подобных привычек»¹⁷³. То есть полноценные, но обычные завтраки, обеды и ужины, как в кадетском корпусе, для офицеров выглядели непозволительной роскошью. Заметим, что это происходило уже после повышения жалования офицерам в 1909 году.

По воспоминаниям современников, младшим офицерам денег на питание более или менее хватало лишь в первый год службы, когда форма, сшитая по выпуску из училища, была новой. Через определенное время им приходилось обращаться к портным и неизбежно «влезать» в долги. Начиная со второго года службы денег на питание не хватало, и офицеры отказывались то от обедов, то от ужинов, «переходя на хлеб с молоком»¹⁷⁴.

Один из кавалерийских офицеров так характеризовал финансовое положение своих сослуживцев: «Если офицер привык ежедневно обедать, ужинать и пить чай, то почти все свое содержание он должен оставить в буфете, а на одежду, обувь... на духовные потребности, денег не хватит»¹⁷⁵.

По мере служебного роста содержание несколько увеличивалось, но материальное положение офицеров, как правило, не улучшалось. «Если в жизни младшего офицера усматриваем драматические эпизоды, то в жизни семейных старших офицеров эпизоды эти принимают трагический характер. Люди эти... отказывают себе в необходимом, переходя постепенно из больших квартир в меньшие, распродавая обстановку, сокращая расходы на кухню, одежду и т. п.»¹⁷⁶. В 1907 г. в печати приводился бюджет одного штабс-капитана, имевшего жену и трех детей. Минимальные расходы в среднем в месяц должны были составлять 110 рублей 90 копеек (квартира и ее отопление, обязательные полковые вычеты, лечение, военное обмундирование, одежда и питание для членов семьи и т. д.), получал же он 89 рублей 50 копеек (учитывая квартир-

ные деньги). При этом даже в раскладе 110 рублей 90 копеек не предусматривались расходы на гостей, театры, концерты, выписку газет, лакомства для детей, игрушки и т. д. «Мы не знаем, что такое именины, рождение, крестины...»¹⁷⁷, – писал офицер. Если учесть, что только на скромное пропитание одного человека в то время в среднем уходило 15 рублей в месяц¹⁷⁸, а в семье 5 человек, то можно представить, насколько стесненно жила семья этого офицера и другие подобные семьи.

«Возможность существовать на эти средства (имеется в виду денежное содержание офицеров. – В.С.), особенно в большом городе, для человека семейного, да еще при необходимости поддерживать некоторую представительность, составляет неразрешимую математическую задачу»¹⁷⁹, – отмечал один из современников.

Известный политический деятель той поры А. И. Гучков в своем докладе на заседании Государственной Думы в мае 1908 г. официально заявил о том, что офицеры живут в бедности, вплоть до того, что «многие из них со своими семьями переходят... на довольствие из ротного котла»¹⁸⁰.

При этом он подчеркнул, что «другие классы» забастовками добились улучшения своего положения, и только офицеры, несмотря на то что «цены выросли на все невероятно», остались с тем же жалованьем¹⁸¹.

При этом даже столь скромное денежное содержание офицеры получали не полностью. Существовали так называемые обязательные вычеты из жалованья, которые делались по разрешению командира части или постановлению общества офицеров. Вычитания производились на Красный Крест, детские приюты, юбилейные подарки, подношения высшим начальникам, призы для нижних чинов за стрельбу, постройку памятников и музеев, офицерское собрание части, библиотеку и т. д.¹⁸²

Приведем лишь один пример из великого множества: в 1902 г. общество офицеров 153-го пехотного Бакинского полка постановило за счет ежемесячных вычетов из жалованья каждого офицера поставить новый памятник павшим в войне 1877–1878 годов офицерам и нижним чинам полка¹⁸³.

То есть нередко вычеты преследовали благородные цели, однако их было так много, что в совокупности они представляли собой «настоящий бич для материального положения офицера»¹⁸⁴. Свидетельством тому является, в частности, тот факт, что в 1909 г. в Петербургском военном округе работала специальная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Мрозовского. Комиссия выясняла, какие вычеты делались из офицерского жалованья; как оказалось, большую часть вычетов составляли подношения и подарки¹⁸⁵.

Комиссия предложила офицерам воздерживаться от подношений и подарков, однако вряд ли это благое пожелание было осуществимо на практике:

существовали обычаи, пойти против которых считалось неприличным. Это могло нанести ущерб чести полка, следовательно, являлось совершенно неприемлемым ни для командования, ни для офицеров части.

Например, «для празднования годового праздника полка, расположенного в каком-нибудь провинциальном городке», было принято «обыкновенно приглашать не только всех старших офицеров и начальствующих лиц всего гарнизона, но и всех гражданских и городских властей города», хотя большинство офицеров полка не имело с ними «ничего общего, ни по службе, ни по жизни»¹⁸⁶. На организацию праздника и угощение приглашенных деньги вычитались из жалованья офицеров, и с уверенностью можно предположить, что общество офицеров любого полка делало все для того, чтобы «не ударить лицом в грязь» и не разочаровать гостей приемом.

Немалая часть офицерского бюджета уходила на оплату военной формы, так как стоимость формы находилась «в разительном противоречии к финансовым возможностям офицера... Мундир стоил 65 рублей (в коннице – дороже), китель – 25 рублей, сапоги – 20 рублей»¹⁸⁷. В результате, как писал современник, большинство офицеров из-за скудного содержания и дороговизны обмундирования «...не только не могут щегольнуть одеждой, но сплошь и рядом показываются в засаленных и заплатаанных сюртуках или мундирах»¹⁸⁸.

Не лучше обстояло положение дел с жильем. На наем квартиры выплачивались т. наз. квартирные деньги, при этом размер этой части содержания устанавливался в зависимости от местности, где стояла часть, а в каждой местности выплаты производились частично по чинам, частично по должностям.

По временным правилам, действовавшим до 1902 г., местности делились на 8 разрядов – от столичных городов (1 разряд) до захолустных местечек (8 разряд). Например, квартирные деньги составляли в год: для генерал-майора в местности 1 разряда – 1000 рублей в год, 8 разряда – 300 рублей. Для командиров отдельных частей – 800 и 250 рублей соответственно, для прочих штаб-офицеров – 600 рублей в местности 1 разряда, 150 – в местности 8 разряда. Обер-офицерам, занимавшим должность ротного командира, полагалось 400 рублей в местности 1 разряда и 100 рублей в местности 8 разряда, прочим обер-офицерам – 250 и 70 рублей соответственно¹⁸⁹.

В 1902 г. выплачивавшиеся на наем квартир суммы были увеличены, и введено 9 разрядов местностей вместо 8. Так, в местности 1 разряда генерал-майор стал получать 1666 рублей в год (ранее – 1000 рублей), командир отдельной части – 1112 рублей (было 800 рублей). Прочие штаб-офицеры стали получать 702 рубля (ранее 600 рублей), ротные командиры – 502 рубля (до этого – 400 рублей). Выплаты младшим офицерам увеличились совсем незначительно – до 266,5 рублей (было 250 рублей)¹⁹⁰.

Значительное неравенство в размерах квартирных денег, выплачивавшихся различным категориям офицеров, существовало, прежде всего, потому, что офицеры, в зависимости от чина, имели право нанимать за казенный счет различное количество комнат. Так, полному генералу полагалось 8 комнат, генерал-лейтенанту – 7, генерал-майору – 6, штаб-офицерам, командовавшим полками или же получавшим квартирные оклады полковых командиров – 5, прочим штаб-офицерам – 3, обер-офицерам, командовавшим ротами или получавшим оклады ротных командиров – 2, прочим обер-офицерам – 1 комната. Площадь каждой комнаты определялась в 6,5 квадратных сажен¹⁹¹.

Современники отмечали, что на деньги, выделявшиеся для найма квартиры, рядовому офицеру снять приличное жилье было невозможно¹⁹².

Так, в Пятигорске обер-офицеры получали 12,5 руб. квартирных денег в месяц, в то время как за квартиру без мебели и отопления хозяева требовали минимум 26 рублей. С началом «лечебного сезона» цена увеличивалась еще более¹⁹³. В Киеве, Одессе, Харькове съемная квартира в 3–4 комнаты стоила 30–50 рублей в месяц; в то же время квартирные деньги в этой местности выплачивались обер-офицерам в размере 22 рублей 69 копеек в месяц¹⁹⁴.

Как уже отмечалось, вне зависимости от того, сколько членов семьи было у обер-офицеров, им полагались деньги только на одну комнату. Понятно, что при наличии жены и детей необходимо более одной комнаты, поэтому доплачивать за более или менее сносное жилье приходилось из скромного жалования и столовых денег.

Во Владивостоке квартира стоила до 80 рублей в месяц; на питание, в силу того что продукты на Дальнем Востоке стоили гораздо дороже, чем в Центральной России, требовалось 75 рублей в месяц; при этом, например, подпоручик со всеми надбавками за службу в отдаленной местности получал около 100 рублей в месяц¹⁹⁵. Чтобы как-то выйти из положения, офицеры, служившие на Дальнем Востоке, жили по 3–4 человека в одной квартире; в ряде Владивостокских фортов и на Русском острове офицеры жили в землянках¹⁹⁶. Бывало, что офицеры получали жилье при казарме, и в таком случае квартирные деньги не выдавались¹⁹⁷.

Незначительное денежное содержание создавало трудности в личной жизни офицеров, в том числе при вступлении в брак. Дело в том, что по сложившейся традиции офицер не должен был жениться на ком угодно: «Для пристойности брака требуется, чтобы невеста была доброй нравственности и благовоспитанности. Кроме того... должно быть принято во внимание общественное положение невесты»¹⁹⁸, – требовал специальный приказ. То есть офицер не должен был жениться, например, на простолюдинке, готовой выйти за него замуж. Мотивировалось это тем, что «доступ в офицерскую семью из

среды чуждой, не военной, отличающейся материализмом взглядов, по возможности должен быть ограничен. Дворянские семьи, богатые высокими традициями, наиболее желательны»¹⁹⁹. Вопрос о пристойности брака решал командир отдельной части, а право окончательного разрешения брака было предоставлено начальнику дивизии²⁰⁰.

Однако пристойность брака была не единственным требованием к офицерам, желавшим создать семью. Кроме этого, существовали официальные требования к ее материальному обеспечению. Молодой офицер, чтобы жениться, должен был положить в полковую кассу т. н. реверс в сумме 5 тысяч рублей²⁰¹. Подобное требование вызывалось тем, что «нищенское положение офицерских семей косвенно роняло престиж офицерского звания в глазах общества»²⁰². Брачный реверс считался источником материальной поддержки офицерских семей на известный период времени, а именно – до достижения офицером возраста 28 лет. Реверсы хранились в полках и выдавались на руки только в случае достижения офицером 28 лет или в случае смерти одного из супругов²⁰³. Большинство офицеров не могли изыскать столь крупную сумму, следовательно, не имели права жениться. Те, кто вступал в брак без разрешения начальства, или подвергались дисциплинарному взысканию, или увольнялись со службы и зачислялись в запас, в зависимости от решения начальника военного округа²⁰⁴.

Нижние чины, юнкера и подпрапорщики, вступившие в брак до определения на действительную военную службу, при производстве их в первый офицерский чин в мирное время увольнялись со службы, если не были соблюдены требования в отношении пристойности брака и его имущественного обеспечения²⁰⁵. Исключение было сделано для вдовых офицеров, имевших малолетних детей. Им могло быть разрешено вступление в брак без предоставления имущественного обеспечения, независимо от размера получаемого ими содержания²⁰⁶. В 1901 г. вышел приказ, который несколько расширил варианты брачного обеспечения. Разрешение на вступление в брак давалось в том случае, если жалование и столовые деньги, получавшиеся офицером, составляли не менее 1200 рублей в год. Если эта сумма составляла менее 1200 рублей, то брак был возможен в случае представления имущественного обеспечения. Имущественное обеспечение могло быть в виде недвижимого имущества, приносящего чистого ежегодного дохода в размере не менее 300 рублей, или же в виде единовременного вклада в 5 тысяч рублей деньгами или процентными бумагами. Деньги и процентные бумаги предоставлялись командиру части и хранились в казенном денежном ящике²⁰⁷.

Из выше приведенных данных о содержании офицеров видно, что жалование и столовые в сумме не менее 1200 рублей в год получали офицеры, начи-

ная с капитана в должности командира роты. Следовательно, официально обзавестись семьей большинство офицеров не имели права. Что касается имущественного обеспечения, то рядовые офицеры предоставить таковое тем более не могли. Невозможность выполнения требований, предъявляемых к материальной стороне брака, вынуждала многих офицеров сожительствовать нелегально, без регистрации брака, «связываться с женщинами, стоящими ниже их по положению». Когда рождались дети, женщины требовали жениться, и офицеры, выполняя нравственный долг, шли за разрешением к командиру полка и начальнику дивизии. Те, в качестве условия для разрешения такого брака, выдвигали требование перевестись в другой полк и в другую дивизию. По свидетельству современников, таких случаев были сотни²⁰⁸.

Положение было явно ненормальным, и в 1909 г. военный совет решил упростить процедуру вступления в брак. Предоставление офицерами имущественного обеспечения при вступлении в брак отменялось. Вопрос о прискорности брака обер-офицеров, предварительно передавался на обсуждение суда общества офицеров. Окончательное же решение о браке предоставлялось командиру части²⁰⁹.

Отметим, что даже у генералитета материальное положение было хуже, чем у гражданских чиновников высшего ранга. Так, по табели о рангах командир корпуса (полный генерал) был равен министру. Однако жалование министра в начале XX века составляло 20 тысяч рублей в год, у членов Государственного совета – 12–18 тысяч рублей, а у командира корпуса, вместе с деньгами на представительские расходы – 9300 рублей. Содержание начальника дивизии составляло 6 тысяч рублей в год, а жалование равных им по рангу губернаторов составляло от 9,6 до 12,5 тысяч рублей²¹⁰.

Вопрос о повышении денежного содержания офицеров неоднократно поднимался руководством военного ведомства, однако этому противодействовали либеральные и левые силы в обществе. Например, в Государственной думе против увеличения содержания офицерам выступали депутаты от трудовиков и социал-демократов²¹¹, которых активно поддерживала либеральная пресса.

В качестве причин, в силу которых не следовало повышать содержание офицерам, называлась их «антинародная сущность», сама военная служба, якобы являвшаяся «сплошным праздником»²¹², и тому подобные нелепицы.

Все же в Государственной думе нашлись силы, сумевшие добиться позитивного решения. После этого, в декабре 1908 г., Николай II утвердил одобренный Государственным советом и Государственной думой закон об увеличении содержания офицерскому составу. С 1 января 1909 г. было увеличено жалование офицеров; кроме того, для некоторых категорий офицеров были введены доплаты за выслугу лет в строевых частях²¹³.

Табель добавочных денег офицерам строевых частей, а также соответствующих строевых штабов и управлений

Наименование чинов	Добавка по чином (руб. в год)	За выслугу лет в строевых частях
Подпоручик (корнет)	180	–
Поручик	240	–
Штабс-капитан (штабс-ротмистр)	300	–
Штабс-капитан (штабс-ротмистр) по выслуге 4-х лет в чине	300	120
Капитан (ротмистр)	360	–
Капитан (ротмистр) по выслуге 4-х лет в чине	360	120
Подполковник	480	–
Подполковник по выслуге 5 лет в чине, кроме младших штаб-офицеров	480	180

Офицерам, имевшим чин полковника, жалование увеличивалось, как и подполковникам – на 480 рублей. В целом же Табель добавочных денег распространялась на офицеров, занимавших должности до командиров неотдельных батальонов в пехоте и соответствовавших должностей в прочих родах войск²¹⁴.

Сравнивая сумму содержания до и после повышения жалования и введения доплат за выслугу лет, становится очевидным, что офицеры, в зависимости от категории, стали получать на 25–35% больше. В определенной мере это смягчило проблему безденежья офицеров, хотя к действительно серьезному повышению уровня жизни привести не могло. В годы Первой мировой войны материальное положение офицерства и членов их семей вновь стало хуже, причем значительно. Так, к октябрю 1916 г. продукты питания выросли в цене в среднем на 300%, при этом, если, например, у рабочих заработок все же несколько вырос (на 100%)²¹⁵, то у офицеров он остался прежним.

Единственной привилегией офицеров, позволявшей уменьшить бытовые нагрузки, являлась возможность иметь денщика. В денщики назначались «слабые по строю и преимущественно из числа желающих» нижние чины, в обязанности которых входило «прислуживать офицеру и его семейству, охранять их имущество и исполнять все возлагаемые на него по дому поручения»²¹⁶. До 1908 г. генералы имели право на 3 человек, штаб-офицеры – на 2 человек, обер-офицеры – на 1²¹⁷. В марте 1908 г. было утверждено новое положение о денщиках, в соответствии с которым в мирное время денщики полагались всем строевым генералам, штаб и обер-офицерам, по 1 человеку²¹⁸, независимо от

чина. Таким образом, совершенно справедливым представляется мнение одного из военных публицистов той поры: «Военная служба, при всей своей почетности, есть самая невыгодная по денежному вознаграждению»²¹⁹.

Не вдаваясь в подробности пенсионного обеспечения, отметим лишь, что пенсии уходивших в отставку офицеров тем более были невелики и в течение длительного времени составляли менее 50 % получавшегося на службе содержания²²⁰. В силу данного обстоятельства на пенсию старались уйти как можно позже, так как не на что было бы жить и содержать семью. «Начальство из жалости держало стариков, ибо увольнение было равносильно разорению семьи и лишению в старости средств к существованию»²²¹, — писал «Военный сборник». Введенный в действие с 1 января 1912 г. новый устав о пенсиях улучшил положение военных пенсионеров, и полная пенсия, выплачивавшаяся за 35 лет службы, составляла 80 % от получавшегося на службе содержания (от жалованья и квартирных, а также положенных по закону добавочных денег). Однако в абсолютных размерах пенсии офицеров за рубежом, например в Германии, были значительно выше. Так, командир роты на пенсии получал в России 1392 рубля в год, а в Германии (в пересчете на рубли) — 2400, командир батальона — 1920 и 2900 рублей, командир полка — 3120 и 3600 рублей соответственно²²².

* * *

Большинство офицеров русской армии проходили службу в условиях, когда производство в чины происходило чрезвычайно медленно. В силу данного обстоятельства карьерный рост для громадного большинства офицеров был невозможен, в то время как служба требовала от каждого офицера максимальной ответственности, значительных психологических и физических усилий, высоких интеллектуальных нагрузок.

Некоторые категории офицеров имели определенные преимущества и льготы при прохождении службы, в первую очередь — офицеры гвардии и генерального штаба. В результате этого, а также в силу разницы условий службы офицеров различных родов оружия в отношениях между различными офицерскими группами существовало определенное напряжение. В основе данного явления лежали психологические причины и обычные человеческие слабости, которые не сказывались на боеспособности армии.

Уровень материального благосостояния офицерства был невысок в силу того, что офицерство не имело никаких иных доходов, кроме небольшого денежного содержания. Поэтому уровень жизни обер-офицеров, составлявших большинство корпуса офицеров, был ниже, чем у многих слоев образованной части общества и большинства квалифицированных рабочих.

Примечания к главе 2

- 1 Приказ от 6 мая № 145 // Приказы по военному ведомству за 1900 год. С. 338, 339.
- 2 Там же. С. 340.
- 3 *Малинко В.И., Голосов В.* Справочная книжка для офицеров // «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/regulations/malinko/03.html> (30.06.2009).
- 4 Приказ от 8 мая № 164 // Приказы по военному ведомству за 1900 год. С. 365.
- 5 Приказ от 8 мая № 166 // Там же. С. 367.
- 6 *Глиноецкий Н.* Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чиновпроизводства в русской армии // «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/02.html> (6.09.2008).
- 7 *Любимов, штабс-ротмистр.* Меры, необходимые для удержания лучших офицеров на службе // ВРК, 1907, № 23. С. 1021.
- 8 «Разведчик», 1908, № 908. С. 197.
- 9 *Бутков Ф.* Капитанский вопрос // «Разведчик», 1903, № 670. С. 734.
- 10 ВС, 1898, № 1. С. 4.
- 11 *Кашкаров Д.* Военно-административные заметки // ВС, 1898, № 11. С. 202.
- 12 «Разведчик», 1913, № 1158. С. 27.
- 13 *Зайончковский П.А.* Офицерский корпус русской армии... С. 25–26.
- 14 «Разведчик», 1906, № 804. С. 229.
- 15 *Бутовский Н.* Военная молодежь... С. 151.
- 16 *Изонов В.В.* Подготовка русской армии накануне Первой мировой войны // ВИЖ, 2004, № 10. С. 35.
- 17 ОЖ, 1909, № 191. С. 1326.
- 18 «Разведчик», 1913, № 1182. С. 393.
- 19 *Геруа А.* После войны. О нашей армии. — СПб., 1906. С. 79.
- 20 *Бутовский Н.* Военная молодежь... С. 137, 144–145.
- 21 Инструкция по увольнению военнослужащих в отпуск // «Разведчик», 1901, № 583. С. 1173.
- 22 *Грулев М.* Указ. соч. С. 210.
- 23 *Семенов А.* Работа командира роты за неделю // «Разведчик», 1907, № 857. С. 172.
- 24 «Бинокль». Армейские беседы // «Разведчик», 1902, № 620. С. 801.
- 25 «Разведчик», 1910, № 1030. С. 460.
- 26 *Безгин В.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века) // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg/06.php (1.10.2009).
- 27 Там же.
- 28 *Безгин В.* Указ. соч.
- 29 *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 90.
- 30 *Рычков В.* Чего не хватает нашим кадетским корпусам? // ВС, 1911, № 4. С. 52.
- 31 ВС, 1908, № 3. С. 96.
- 32 *Галкин М.* Новый путь современного офицера. С. 63.
- 33 *Н.* Война с Японией (итоги) // «Разведчик», 1905, № 783–784. С. 815, 817.
- 34 *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 181.
- 35 Приказ по Кавказскому военному округу № 20 // «Разведчик», 1906, № 814. С. 431.
- 36 «Разведчик», 1906, № 798. С. 99.
- 37 Приказ Верховного Главнокомандующего от 14 ноября № 160 // НИАБ. Инв. № 14990. Приказы Верховного Главнокомандующего 1914 года. Т. 1.
- 38 Приказ Верховного Главнокомандующего от 22 марта № 222 // НИАБ. Инв. № 14992. Приказы Верховного Главнокомандующего 1915 года. Т. 2.
- 39 Приказ от 4 апреля № 246 // Там же.
- 40 Приказ от 25 мая № 432 // Там же.
- 41 «Разведчик», 1910, № 1030. С. 460.
- 42 Там же.
- 43 *Н.* Война с Японией (итоги). С. 817.
- 44 *Волконский А.* Дух времени и военная дисциплина. С. 709.
- 45 «Разведчик», 1910, № 1030. С. 460.
- 46 *Матвеев М.* Дисциплинарно-уголовное указание // «Разведчик», 1903, № 671.

- С. 752–753.
- ⁴⁷ *Грулев М.* Указ. соч. С. 210.
- ⁴⁸ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 85.
- ⁴⁹ Устав дисциплинарный... С. 17–18.
- ⁵⁰ «Разведчик», 1910, № 1034. С. 499.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² *Мартынов Е.И.* Из печального опыта...
⁵³ *Голубев И.* Арест офицеров // «Разведчик», 1913, № 1175. С. 292.
- ⁵⁴ «Разведчик», 1899, № 455. С. 528.
- ⁵⁵ «Разведчик», 1913, № 1180. С. 363.
- ⁵⁶ «Разведчик», 1899, № 455. С. 528.
- ⁵⁷ *Парский Д.* Указ. соч. С. 90.
- ⁵⁸ Приказ по военному ведомству 1912 года № 653 // «Разведчик», 1913, № 1158. С. 14.
- ⁵⁹ *Морозов Н.* Производство в подполковники за отличия и по избранию // «Разведчик», 1912, № 1115. С. 176.
- ⁶⁰ Приказ по военному ведомству 1912 года № 653. С. 14.
- ⁶¹ Там же. С. 15.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ «Разведчик», 1899, № 455. С. 528.
- ⁶⁵ *Мартынов Е.И.* Из печального опыта...
⁶⁶ «Разведчик», 1901, № 578. С. 1020.
- ⁶⁷ Приказ по военному ведомству № 27 // «Разведчик», 1914, № 1215. С. 97.
- ⁶⁸ «Разведчик», 1908, № 898. С. 18.
- ⁶⁹ *Кавтарадзе А.Г.* Некоторые итоги изучения проблемы... С. 152.
- ⁷⁰ «Разведчик», 1914, № 1215. С. 107.
- ⁷¹ *Залесский, полковник.* Немного статистики // «Разведчик», 1906, № 794–795. С. 31.
- ⁷² *Карлович (фон) Максен.* Реорганизация русской армии осенью 1910 года. – Ревель, 1911. С. 5–9.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ «Разведчик», 1912, № 1122. С. 293.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ «Разведчик», 1914, № 1215. С. 107.
- ⁷⁷ «Разведчик», 1906, № 807. С. 306.
- ⁷⁸ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 67.
- ⁷⁹ Заведения военно-учебные. С. 18.
- ⁸⁰ «Разведчик», 1908, № 982. С. 479.
- ⁸¹ «Разведчик», 1911, № 1095. С. 663.
- ⁸² Заведения военно-учебные. С. 29.
- ⁸³ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 67.
- ⁸⁴ «Разведчик», 1903, № 681. С. 982.
- ⁸⁵ «Разведчик», 1913, № 1158. С. 30.
- ⁸⁶ Заведения военно-учебные. С. 35.
- ⁸⁷ «Разведчик», 1913, № 1206. С. 764.
- ⁸⁸ Реформа высшего военного управления (автор не указан) // «Разведчик», 1907, № 849–850. С. 71.
- ⁸⁹ «Разведчик», 1905, № 783–784. С. 808.
- ⁹⁰ «Разведчик», 1907, № 894. С. 733.
- ⁹¹ ВС, 1906, № 6. С. 181.
- ⁹² Приказ войскам Варшавского военного округа № 66 // «Разведчик», 1907, № 857. С. 167.
- ⁹³ «Разведчик», 1913, № 1157. С. 3.
- ⁹⁴ «Разведчик», 1913, № 1206. С. 764.
- ⁹⁵ *Олехно А.* Наши корпусные командиры // «Разведчик», 1912, № 1121. С. 275.
- ⁹⁶ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 67.
- ⁹⁷ *Стирин Л.* Указ. соч. С. 12.
- ⁹⁸ Приказ по военному ведомству от 23 августа № 353 // Приказы по военному ведомству за 1900 год. С. 742.
- ⁹⁹ *Новицкий В.Ф.* На пути к усовершенствованию государственной обороны. – СПб., 1909. С. 119.
- ¹⁰⁰ *Базедов (фон).* Путевые впечатления о военной России // ВС, 1911, № 10. С. 184.
- ¹⁰¹ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты // http://militera.lib.ru/h/denikin_ai2/1_01.html (02.04.2011).
- ¹⁰² Устав внутренней службы. Приложение 2. – СПб., 1909. С. 9.
- ¹⁰³ «Разведчик», 1908, № 898. С. 20.
- ¹⁰⁴ *Глиноецкий Н.* Указ. соч.
- ¹⁰⁵ «Разведчик», 1908, № 898. С. 20.
- ¹⁰⁶ *Шепелев Л.Е.* Указ. соч.
- ¹⁰⁷ *Новицкий В.Ф.* Указ. соч. С. 112.
- ¹⁰⁸ *Залесский, полковник.* Немного статистики... С. 31.
- ¹⁰⁹ *Новицкий В.Ф.* Указ. соч. С. 112.

- ¹¹⁰ *Егоров Е.* Омолождение гвардии // «Разведчик», 1909, № 960. С. 174.
- ¹¹¹ *Залесский, полковник.* Пора обратить внимание // «Разведчик», 1905, № 787. С. 877.
- ¹¹² *Волков В.А., Перевезенцев С.В.* Русская армия в XVIII столетии // Слово. Православный образовательный портал: http://www.portal-slovo.ru/history/35339.php?ELEMENT_ID=35339&PAGEN_2=2 (20.11.2009).
- ¹¹³ Приказ от 27 апреля № 166 // Приказы по военному ведомству за 1901 год. С. 379.
- ¹¹⁴ «Разведчик», 1911, № 1085. С. 506.
- ¹¹⁵ *Врангель А.П.* Генерал Врангель: доверие воспоминаний // Бароны Врангели. Воспоминания. С. 311.
- ¹¹⁶ «Разведчик», 1908, № 898. С. 22.
- ¹¹⁷ *Трубецкой В.С.* Записки кирасира // <http://cuirassier.gatchina3000.ru/chapter01.htm> (17.11.2009).
- ¹¹⁸ *Волков В.А., Перевезенцев С.В.* Указ. соч.
- ¹¹⁹ *Петровский Н.А.* Кирасиры Его Величества. 1902–1914. Последние годы мирного времени // <http://casualrelation2.livejournal.com/128282.html> (20.11.2009).
- ¹²⁰ «Разведчик», 1908, № 898. С. 22.
- ¹²¹ *Марьяняк А.* Быт и традиции Императорской Российской Гвардии // <http://www.liveinternet.ru/users/708893/post58173808/> (17.11.2009).
- ¹²² Там же.
- ¹²³ *Мстиславский С.* Указ. соч. С. 17–18.
- ¹²⁴ *Трубецкой В.С.* Указ. соч.
- ¹²⁵ *Марьяняк А.* Указ. соч.
- ¹²⁶ Цит. по: *Марьяняк А.* Указ. соч.
- ¹²⁷ *Мстиславский С.* Указ. соч. С. 18.
- ¹²⁸ *Базедов (фон).* Указ. соч. С. 185.
- ¹²⁹ *Марьяняк А.* Указ. соч.
- ¹³⁰ *Головин Н.Н.* Указ. соч.
- ¹³¹ *Лазаревский Б.* Князь Олег Константинович // «Нива», 1915, № 40. С. 783–784.
- ¹³² *Домнин И.* Указ. соч.
- ¹³³ «Разведчик», 1911, № 1075. С. 354.
- ¹³⁴ Цит. по: «Разведчик», 1913, № 1157. С. 3.
- ¹³⁵ «Разведчик», 1913, № 1199. С. 651.
- ¹³⁶ Заведения военно-учебные. С. 26.
- ¹³⁷ *Парский Д.* Указ. соч. С. 78.
- ¹³⁸ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 61.
- ¹³⁹ *С-ов С.И.* К вопросу об антагонизме // «Разведчик», 1912, № 1115. С. 178.
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ *Парский Д.* Указ. соч. С. 46.
- ¹⁴² *Базедов (фон).* Указ. соч. С. 184.
- ¹⁴³ «Разведчик», 1912, № 1121. С. 269.
- ¹⁴⁴ *С-ов С.И.* Указ. соч. С. 179.
- ¹⁴⁵ *Драгомиров М.* Одиннадцать лет... С. 405.
- ¹⁴⁶ *Домнин И.* Указ. соч.
- ¹⁴⁷ *Фисенков, капитан.* Из быта кадетских корпусов // «Разведчик», 1906, № 836. С. 793.
- ¹⁴⁸ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 61.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 216, 217.
- ¹⁵⁰ *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. С. 170.
- ¹⁵¹ Цит. по: *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 217.
- ¹⁵² *Усов М.Л.* Евреи в армии. – СПб., 1911. С. 11.
- ¹⁵³ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 217.
- ¹⁵⁴ *Шавельский Г., протопресвитер.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: в 2 т. – Нью-Йорк: издательство им. Чехова, 1954. Т. 2. С. 56–57.
- ¹⁵⁵ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 217.
- ¹⁵⁶ *Модль О.* Государственная оборона // ВС, 1914, № 8. С. 117.
- ¹⁵⁷ *Домнин И.* Указ. соч.
- ¹⁵⁸ Цит. по: *Домнин И.* Указ. соч.
- ¹⁵⁹ *Модль О.* Указ. соч. С. 117.
- ¹⁶⁰ ВС, 1898, № 1. С. 17.
- ¹⁶¹ *Зайончковский П.А.* Офицерский корпус русской армии... С. 27.
- ¹⁶² ВС, 1898, № 1. С. 17.
- ¹⁶³ *Макшеев Ф.* О размерах содержания офицерам и военным чиновникам // ВС, 1901, № 8. С. 125.
- ¹⁶⁴ *Малинко В.И.* Указ. соч.

- ¹⁶⁵ *Макшеев Ф.* Указ. соч. С. 125.
¹⁶⁶ Там же. С. 126.
¹⁶⁷ Там же. С. 126–127.
¹⁶⁸ «Разведчик», 1906, № 800. С. 137.
¹⁶⁹ *Широкогоров В.* Цены и оклады: дореволюционная Россия // Позитивный маркетинг: <http://p-marketing.ru/publications/general-questions/social-dynamics/prices-salaries-before-wwi> (31.03.2011).
¹⁷⁰ *Левинский М.* Офицерский бюджет // ОЖ, 1908, № 101. С. 4.
¹⁷¹ *Любимов, штабс-ротмистр.* Указ. соч. С. 1021.
¹⁷² Полоцкий кадетский корпус // НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 104. С. 3–3об.
¹⁷³ «Разведчик», 1912, № 1117. С. 215.
¹⁷⁴ «Разведчик», 1898, № 387. С. 233.
¹⁷⁵ *Любимов, штабс-ротмистр.* Указ. соч. С. 1021.
¹⁷⁶ «Разведчик», 1898, № 387. С. 234.
¹⁷⁷ «Разведчик», 1907, № 855–856. С. 158.
¹⁷⁸ Российские офицеры...
¹⁷⁹ *Мартынов Е.И.* Из печального опыта...
¹⁸⁰ ВС (приложение), 1908, № 7. С. 9.
¹⁸¹ Там же.
¹⁸² «Разведчик», 1908, № 911. С. 254.
¹⁸³ «Разведчик», 1902, № 632. С. 1075.
¹⁸⁴ *Грулев М.* Указ. соч. С. 22.
¹⁸⁵ «Разведчик», 1909, № 964. С. 223.
¹⁸⁶ *Грулев М.* Указ. соч. С. 22.
¹⁸⁷ Российские офицеры...
¹⁸⁸ *Блюмер, полковник.* Обмундирование // «Разведчик», 1905, № 781–782. С. 784.
¹⁸⁹ *Макшеев Ф.* Указ. соч. С. 127–128.
¹⁹⁰ «Разведчик», 1902, № 632. С. 1072.
¹⁹¹ Приказ по военному ведомству от 4 февраля № 40 // «Разведчик», 1903, № 645. С. 194.
¹⁹² *Мартынов Е.И.* Из печального опыта...
¹⁹³ «Разведчик», 1901, № 544. С. 281.
¹⁹⁴ Российские офицеры...
¹⁹⁵ *Довбор-Мусницкий, генерал-майор.* Почему офицеры бегут с Дальнего Востока? // «Разведчик», 1907, № 847–848. С. 49.
¹⁹⁶ «Разведчик», 1907, № 879. С. 497.
¹⁹⁷ Российские офицеры...
¹⁹⁸ Приказ по военному ведомству от 19 марта № 102 // Приказы по военному ведомству за 1901 год. С. 280.
¹⁹⁹ *Кашкаров Д.* Военно-административные заметки // ВС, 1898, № 11. С. 207.
²⁰⁰ Приказ по военному ведомству от 19 марта № 102. С. 280.
²⁰¹ *Волошинов Ф.* По вопросам о форме одежды и о браках офицеров // ВС, 1898, № 11. С. 197.
²⁰² *Кашкаров Д.* Военно-административные заметки... С. 203.
²⁰³ «Разведчик», 1905, № 741. С. 11.
²⁰⁴ Приказ по военному ведомству от 4 ноября № 718 // Приказы по военному ведомству и циркуляры Главного штаба за 1905 год. С. 1219.
²⁰⁵ Приказ по военному ведомству от 24 августа № 323 // Приказы по военному ведомству за 1902 год. – СПб.: Военная типография, 1902. С. 519.
²⁰⁶ Там же.
²⁰⁷ Приказ по военному ведомству от 19 марта № 102. С. 280–281.
²⁰⁸ Нелегальные браки // «Разведчик», 1902, № 619. С. 782.
²⁰⁹ «Разведчик», 1909, № 964. С. 222.
²¹⁰ *Зайончковский П.А.* Офицерский корпус русской армии. С. 28.
²¹¹ ВС, 1909, № 3. С. 320.
²¹² «Разведчик», 1907, № 896. С. 772.
²¹³ «Разведчик», 1909, № 950. С. 18.
²¹⁴ Там же.
²¹⁵ КА, 1926, Т. 4 (17). С. 11.
²¹⁶ *Гофман Г.Э.* Служебная книжка офицера. Изд. 12-е. – СПб., 1909. С. 225, 226.
²¹⁷ «Разведчик», 1905, № 783–784. С. 805.
²¹⁸ *Гофман Г.Э.* Указ. соч. С. 223.
²¹⁹ Г-ъ. Предельный возраст военнослужащих // ВС, 1898, № 11. С. 180.
²²⁰ Там же. С. 181.
²²¹ Там же. С. 180.
²²² «Разведчик», 1912, № 1134. С. 481.

НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ

§ 3.1. Поход в Китай (1900–1901 гг.)

Вступление крупнейших мировых держав в стадию экономического и политического развития, получившую название «империализм», поставило каждую из них перед необходимостью доступа к новым источникам природных ресурсов и сырья, рынкам сбыта, морским и сухопутным коммуникациям. Мир, однако, уже был поделен на сферы влияния, поэтому противоречия между ними значительно обострились.

Свои нужды были и у России, стремившейся в числе прочего усилить свое влияние на Дальнем Востоке, как в интересах развития экономики и внешней торговли, так и в целях обеспечения военной безопасности своих дальневосточных рубежей.

Для решения этих задач Россия приступила к сооружению Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и арендовала у Китая большую часть Ляодунского полуострова, включая Порт-Артур (1898 год).

Порт-Артур, являясь незамерзающим портом, стал российской военно-морской базой; КВЖД, проходя через Манчжурию (северо-восточная часть Китая), должна была кратчайшим путем соединить Сибирь с Приморьем.

Отметим, что сдать Ляодунский полуостров в аренду Китай согласился под давлением: в декабре 1897 г. в Порт-Артур явочным порядком вошли русские военные корабли, несколько позже туда были переброшены сухопутные войска. Безусловно, это ущемляло интересы Китая, но поступить иначе означало бы поставить под удар интересы России: геополитическая ситуация требовала от российского правительства нейтрализовать угрозы, возникавшие в результате экспансии европейских стран, США и Японии на Дальнем Востоке.

Стремительно развивавшаяся Япония, которая уже пыталась захватить Ляодунский полуостров, представляла чрезвычайно серьезную угрозу национальной безопасности России. После разгрома японцами китайской армии в войне 1894–1895 гг. Пекин был вынужден уступить Токио часть своих территорий, в том числе Ляодунский полуостров с крепостью Порт-Артур. В результате Япония получала плацдарм на материке, а значит, возникала угроза русскому Дальнему Востоку и интересам России в Китае.

Чтобы не допустить эскалации агрессии со стороны Японии, Россия при поддержке Франции и Германии заставила японскую сторону отказаться от полуострова и крепости, предприняла меры, направленные на обеспечение здесь российского присутствия. Подобное развитие событий не могло не вызвать дальнейшего обострения российско-японских отношений.

Следует отметить, что внутривосточная ситуация в Китае была весьма напряженной. Бедственное социально-экономическое положение народа и феодальные порядки, царившие в стране, порождали волнения и выступления, в том числе носившие вооруженный характер. Наиболее масштабным стало восстание «боксеров», которые начали борьбу не только с правительством, но и с иностранцами, так как Китай, будучи отсталым и слабым государством, был поделен на сферы влияния между рядом европейских стран, а также Японией и США.

«Боксеры» стали уничтожать иностранных граждан и китайцев, принявших христианство: погибли 30 тысяч католиков, 2 тысячи протестантов и свыше 300 православных¹. Через некоторое время поддержку восставшим стала оказывать императрица Цы Си, а также китайское правительство, которые таким способом пытались противостоять экономической и геополитической экспансии Европы и США. Кроме того, это позволяло правящим кругам феодального Китая отвлечь внимание населения от насущных социально-экономических проблем.

Интересы европейских стран в Китае оказались под угрозой. В мае 1900 г. российское правительство, а также посланники европейских государств потребовали от императорского правительства Китая пресечь действия «боксеров», однако ответа не последовало. Более того, восставших поддержали части китайской армии.

В начале июня посольство России в Пекине (наряду с посольствами других стран) подверглось нападению со стороны китайских войск и «боксеров», а затем оказалось в осаде, продолжавшейся 75 дней. За это время погибли и были ранены 25 казаков и моряков, защищавших посольство².

К июлю 1900 г. «боксеры» совместно с китайскими войсками захватили КВЖД, почти полностью разрушили железнодорожное полотно (из построенных к тому времени 1400 км осталось только 430 км), срубили телеграфные столбы, сожгли почти все станционные постройки³.

Был осажден Харбин, где проживали российские подданные, обслуживавшие КВЖД, их жизнь и имущество оказались в опасности.

В июле китайцы приступили к осаде Благовещенска, которая длилась 18 суток, но были отбиты⁴. Подчеркнем, что осада города, находившегося на российской территории, была несчастливой: китайское правительство стреми-

лось к колонизации Уссурийского и Приамурского краев⁵, принадлежавших Российской империи.

В этой ситуации в Китай были введены русские войска, которые вели боевые действия на Печилийском побережье, в Южной Манчжурии и Северной Манчжурии⁶, как самостоятельно, так и в составе международной коалиции.

Чтобы обеспечить успех наступления на Пекин, коалиционным войскам было необходимо захватить форты Таку (Дагу) на побережье Желтого моря, защищавшие подступы к городу Тяньцзиню, и сам Тяньцзинь.

При штурме Таку союзными отрядами отличилась русская стрелковая рота, один из офицеров которой – поручик 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка С.Л. Станкевич, а также 4 нижних чина – первыми взобрались на вал укрепления⁷.

При захвате Тяньцзиня выдающуюся храбрость и умение руководить подчиненными войсками проявили командир 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка подполковник М.И. Ширинский, получивший орден Св. Георгия 4-й Степени и чин полковника, и командир 7-й роты того же полка капитан А.В. Полторацкий⁸.

В конце июля началось наступление на Пекин, в котором ведущую роль сыграл русский отряд под командованием генерал-лейтенанта Н.П. Линевица, взявший город штурмом и освободивший дипломатические миссии от осады⁹. Именно русские войска первыми ворвались в Пекин и подняли на стене русский флаг. Вместе с солдатами первыми на стену поднялись начальник авангарда генерал-майор Василевский и командир одного из стрелковых полков полковник Модль¹⁰.

В Манчжурии, непосредственно входившей в зону российских интересов, русским войскам также удалось достигнуть решающих успехов. К концу сентября 1900 г. были разгромлены китайские воинские части, действовавшие совместно с «боксерами» и хунхузами (бандитами), захвачены крупные города, поставлена под контроль трасса КВЖД.

В ходе боевых действий отмечены случаи разгрома противника, значительно превосходявшего русских в численном отношении. Так, полковник Котов в бою под Сипингаем с 400 военнослужащими атаковал и разбил 3-тысячный отряд противника, подполковник генерального штаба Запольский со 150 кавалеристами атаковал и разбил отряд численностью в 1200 человек, есаул Мадритов в деле под Эрнандзянем с 215 бойцами разбил 4-тысячный отряд врага¹¹.

Однако, несмотря на достигнутые успехи, ситуация в Манчжурии оставалась сложной. В официальном правительственном сообщении, опубликованном в ноябре 1900 г., говорилось: «Несмотря на то что китайские войска

разбиты... мелкие и крупные шайки китайских солдат, хунхузов и боксеров продолжают борьбу с нашими войсками...»; при этом руководство одной из группировок хунхузов, насчитывавшей до 15 тысяч человек, поддерживало связи с японцами¹².

Только к середине июля 1901 г. «все более или менее крупные и значимые группы и отряды хунхузов были разгромлены... русскими войсками в ходе проведенных экспедиций. После этого имели место лишь незначительные столкновения и стычки с остатками бродячих шаек»¹³.

Имеются данные о потерях русских войск в период с мая 1900 г. по апрель 1901 г.: офицеров убито 20 человек, ранено – 77 (из них 9 умерли); нижних чинов убито 400 человек, ранено – 1449 (из них 80 умерли)¹⁴.

В мае 1901 г. Высочайшим указом была учреждена «...особая медаль в память подвигов, оказанных войсками нашими во время походов в пределы Китая...». Медаль называлась «За поход в Китай 1900–1901» и имела два вида: серебряная – для награждения всех чинов, непосредственно участвовавших в боевых действиях в Китае и защите Благовещенска; бронзовая – для всех участвовавших в походе, но не участвовавших в боевых действиях¹⁵.

Следует отметить: проявлявшие героизм в бою с вооруженным противником русские войска не участвовали в репрессиях против мирного населения. Военный министр генерал А. Н. Куропаткин считал, что решение задач по «успокоению» Манчжурии могло быть обеспечено только гуманным и доброжелательным отношением к местному населению. В одной из телеграмм, направленной в войска, он подчеркивал: «Действия наших войск ... должны укреплять в сознании местного населения, что мы сильны, непобедимы, но в то же время справедливы и человечны. Мы должны тотчас после боя внушать самое полное доверие со стороны не только мирных жителей, но и побежденных врагов... Этим путем можно и должно облегчить нам, после пролитой крови, возвращение к мирным соседским отношениям между нами и китайцами»¹⁶.

О том, насколько щепетильно соблюдались в русской армии требования военного министра, свидетельствует следующий пример. Подпоручик 1-го Владивостокского крепостного пехотного полка Рахильский был обвинен в том, что в августе 1900 г. приказал произвести нижним чинам обыск в китайской деревне, без участия полицейских властей. После обыска один из китайских крестьян заявил о пропаже своих вещей. Делом занялся Главный военный суд, который выяснил, что хищения не было, а полиция находилась в двух днях пути от места происшествя. Подпоручика оправдали, но прокурор все равно вынес протест, так как заметил в решении суда неточности, носившие формальный характер¹⁷.

§ 3.2. Русско-японская война 1904–1905 гг.

После окончания боевых действий в Китае русские войска остались в Манчжурии, что еще больше обострило российско-японские отношения. В этой ситуации, чтобы вытеснить Россию из Китая и закрепиться на побережье Тихого океана, Токио сделал ставку на силу оружия. Используя политическую и финансовую поддержку США и Англии, в ночь с 26 на 27 января (с 8 на 9 февраля по новому стилю) 1904 г. Япония начала войну против России.

Следует отметить, что военная пресса не оставляла без внимания не только ход боевых действий, но и подоплеку происходивших событий. Так, наиболее популярный в офицерских кругах журнал «Разведчик» публиковал материалы, показывавшие необходимость освоения Россией Дальнего Востока и тихоокеанского побережья, точно формулировал причины, вызвавшие нападение Японии¹⁸. Поэтому русское офицерство, несмотря то что от политики в «чистом» виде было весьма далеко, в военно-политических вопросах являлось достаточно информированным и осознавало государственные интересы.

Об этом свидетельствует, в частности, дневник участника обороны Порт-Артура штабс-капитана А. Н. Люпова, в котором наряду с прочим изложены четкие взгляды на характер войны между Японией и Россией¹⁹.

Один из офицеров писал о своих товарищах: «...Все лучшее, смелое, энергичное хлынуло на войну... перед глазами стояла яркая, светлая цель – защитить Родину, пожертвовать собой ради нее». Патриотические настроения были столь сильны, что многие из служивших в других регионах брали отпуска и самостоятельно уезжали воевать в передовые отряды русских войск; часть из них погибла²⁰.

Известны примеры, когда родители офицеров обращались к вышестоящему командованию с прошением об освобождении их сыновей от командировки на Дальний Восток в связи с тем, что другие их сыновья уже находились в рядах сражавшихся войск (в то время существовал порядок, который позволял решить такой вопрос положительно). С такой просьбой – без ведома сыновей – к командующему войсками Виленского военного округа обратились родители поручика Озевича и подпоручика Бенинсона. Офицерам предложили удовлетворить просьбу их родителей, однако они заявили, что не могут отказаться от участия в боевых действиях и выполняют свой долг перед Царем и Родиной²¹.

Готовность пожертвовать собой во имя высшей нравственной ценности – любви к Отечеству, являлась, по нашему мнению, ярчайшей формой проявления духовности офицерства. Совершенно справедливым представляется

утверждение выдающегося военного ученого генерал-лейтенанта Н. Н. Головина: «...духовная сторона играет в боевой деятельности человека большее значение, чем в какой-либо другой отрасли его деятельности»²².

Именно через призму духовности, прежде всего, надо рассматривать героизм и воинскую доблесть, проявленные русским офицерством на полях сражений, ибо ни что иное не может побудить человека выполнять свой долг, презирая опасность и саму смерть. Другие факторы – стремление сделать карьеру, добиться материального достатка, получить награды, желание прославиться и т. п. – не могли заставить жертвовать жизнью.

Конечно, на войне оказывались разные люди; в их числе были те, кто носил офицерские погоны, но по сути своей офицером не являлся. Прежде всего, речь идет об офицерах запаса, которые были призваны в ходе русско-японской войны. Как отмечал один из участников боевых действий, в их числе было немало «...офицеров, которые значились таковыми только по виду на жительство, а в действительности ушли от службы, потому что или не любили ее, или оказались к ней непригодны»²³. Большинство из них, особенно прапорщики запаса, получившие офицерское звание благодаря имевшемуся гражданскому образованию, не знали элементарных основ военного дела. Хуже всего, однако, было то, что они «по убеждениям своим не соответствовали офицерскому званию», «не скрывали своего отрицательного отношения к военному сословию, к армии, позволяли себе критиковать и осуждать в присутствии нижних чинов действия начальства», вели разговоры о ненужности войны и желании скорее уехать домой²⁴. В бою такие «начальники» вели себя трусливо, старались находиться позади солдат, специально заражались венерическими болезнями, зная, что с таким диагнозом высылают из действующей армии²⁵.

Однако не эти чужеродные элементы определяли лицо русского офицерства, всегда отличавшегося личной доблестью. Вот лишь некоторые примеры исполнения воинского долга в годы русско-японской войны.

Во время боя на реке Ялу весной 1904 года 11-й, 12-й и 22-й Восточно-Сибирские стрелковые полки находились на Тюренгенской позиции и противостояли противнику, более чем в 5 раз превосходившему по силе русские войска. Обойденный с обоих флангов и тыла 11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, чтобы пробиться, несколько раз бросался в штыковую атаку. В рядах атакующих шел полковой оркестр, впереди шел полковой священник о. Щербаковский, раненный двумя пулями. Полку удалось прорваться, но при этом погибли командир полка полковник Лайминг, батальонные командиры подполковники Дометти и Роневский, а также 10 обер-офицеров. В 12-м Восточно-Сибирском стрелковом полку за 2 дня боев были убиты 9 и ранены 11 обер-офицеров, убит командир батальона подполковник Урядов²⁶.

В том же бою капитан Зенкович из 22-го Восточно-Сибирского полка «...присоединил к себе всех оставших, вынес всех раненых и геройской обороной, окруженный неприятелем... задержал японцев и тем именно спас общее положение»²⁷.

В бою под Ляояном в июле 1904 г. командир 2-й батареи 9-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады подполковник Пащенко, раненный в руку и контуженный в голову, оставался в строю в течение всех 14 часов боя, искусно руководя огнем своей батареей²⁸.

В ходе того же боя 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка подполковник Побоевский со своим батальоном отбил 8 атак противника, того же полка подполковник Ахвледзиани со своим батальоном 4 раза ходил в штыки²⁹.

1-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады подпоручик Соболевский, командуя в бою под Ляояном отдельной полубатареей, боролся с артиллерией противника, превосходившей его в 5 раз, и уничтожил 12 орудий врага. Во время атаки противника намеренно вызвал огонь на себя, чем способствовал отражению вражеского наступления³⁰.

В августе 1904 г. штабс-капитан 3-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады Соколовский, вступив за выбитием старших офицеров в командование батареей, несмотря на страшный огонь из 44 орудий противника по его батарее, продолжал действовать длительное время, потерял 75 процентов орудийной прислуги, но огонь не прекращал ни на минуту³¹.

Оборона Порт-Артура, несмотря на то что А. Стессель приказал сдать крепость, не исчерпав при этом всех возможностей для ее защиты, без всякого преувеличения может быть названа героической. К 15 декабря 1904 г. из 10 генералов в Порт-Артуре было убито 2, умерло 1, ранено 2, контужено 1. Из 9 командиров полков убито 2, умерло от ран также 2, ранено 4. Из 8 командиров полевых батарей был убит 1, ранено 4, контужено 2. Большинство прочих штаб-офицеров были убиты, умерли от ран или же по несколько раз ранены. Количество больных и раненых в госпиталях составляло до 14 тысяч человек, то есть более $\frac{3}{4}$ гарнизона³². Один из корреспондентов газеты «Русское слово» писал, что в последние недели осады Порт-Артура госпитали были переполнены настолько, что раненые лежали в коридорах рядами и даже не перевязывались по несколько часов после поступления³³.

Прикрывая отход наших войск под Мукденом, 214-й пехотный Мокшанский полк сдерживал натиск японской дивизии, поддержанной тремя артиллерийскими батареями. Когда в живых осталась горсть солдат (впоследствии выяснилось, что в полку были убиты и ранены 37 офицеров и 1606 нижних чинов), командир полка полковник П. П. Побыванец приказал оставшимся отходить, а сам геройски погиб, бросившись на врага с пашкой в руке³⁴.

В начале февраля 1905 г. ротмистр Бояринов с 90 нижними чинами получил приказание задержать наступление японцев, чтобы можно было вывести артиллерию отряда, в который входили он и его подчиненные. У деревни Янцзитунь русские были окружены 6 эскадронами кавалерии и примерно 1 тысячей пехотинцев, однако, выполнив задачу, ротмистр с отрядом прорвался к своим, забрав при этом с собой всех убитых и раненых³⁵.

Зимой 1905 г. 97-й пехотный Лифляндский полк, которым командовал полковник А. Молотков, для предотвращения прорыва японцев в наш тыл пошел в штыковую атаку. Командир полка в ходе атаки получил 5 ран, но позволил вынести себя с поля боя лишь после закрепления за русскими войсками отбитого участка³⁶.

Следует подчеркнуть: отказ раненых офицеров покидать поле боя был массовым явлением. Например, сохранился список офицеров 1-го Сибирского армейского корпуса, раненных и контуженных в боях 12–15 января 1905 г. и оставшихся в строю. В списке 27 человек, причем, как указывается в документе, легко раненные и легко контуженные в список не включены. Так, отказались уйти с поля боя 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка капитан Евлампиев, который был «ранен в голову с пробитием черепа», 35-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковник Славолинский, дважды раненный пулями и осколком снаряда, того же полка поручик Ягодкин, раненный 3 пулями в руку и не покинувший строя до конца атаки³⁷.

Подполковник Селядцев во время боя принял командование полком, привел его в порядок, отстоял важную позицию. Выполняя свой долг, был тяжело ранен и несколько раз контужен, но остался на поле боя³⁸.

Подпоручик 30-й артиллерийской бригады Арне-Хоранов в бою под селением Инкоу несколько раз ходил в атаки, хотя до этого получил три пулевых ранения – в ногу, руку и лицо³⁹.

2-й батальон 21-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, которым командовал подполковник А. Е. Жданов, в феврале 1905 г. прикрывал отход 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Офицер, до этого неоднократно отличившийся во многих сражениях, был смертельно ранен, но до конца выполнил боевую задачу⁴⁰.

Подобных примеров множество; отметим также, что было немало случаев, когда офицеры, не долечившись после ранений, возвращались в свои части вопреки требованиям врачей. Например, так поступили три офицера 124-го пехотного Воронежского полка – капитан П. А. Носков, капитан Погосский и подпоручик П. Шмидт. Капитану Носкову после ранения выше локтя ампутировали руку, но он не поехал домой, а вместе с другими вернулся в полк, который в это время вел активные боевые действия⁴¹.

Однорукий офицер еще немало лет будет служить Родине, примет участие в Первой мировой войне. В январе 1915 г., будучи уже полковником, Носков по пояс в снегу, в жестокий мороз и под убийственным огнем противника поведет свой полк в атаку. Тогда смерть пощадит его, но в 1917 г. генерал-майор Носков будет убит «своими» же нижними чинами⁴², забывшими о присяге...

В ходе русско-японской войны отличились и будущие вожди Белого движения. Так, в конце февраля 1905 г. подполковник Генерального штаба Л. Г. Корнилов собрал отходивших нижних чинов разных частей и, будучи почти окружен противником, с боем вывел отряд, вынес знамена, пулеметы и всех раненых⁴³. Золотым оружием с надписью «За храбрость» был награжден командир 2-й бригады 5-й стрелковой дивизии Н. Н. Юденич⁴⁴.

Подтверждением личной доблести громадного большинства офицеров является и тот факт, что, например, в 1-й Манчжурской армии процент убитых и раненых офицеров составил 91%, солдат – 67%⁴⁵. Всего потери офицеров сухопутных частей в войне с Японией составили: убитыми – 646, умершими от ран – 194, пропавшими без вести – 417, ранеными – 3689⁴⁶.

Проливая кровь за Отечество, офицерство знало об антигосударственных действиях либеральных и революционных кругов, раскалывавших общество, разлагавших армию и противодействовавших тем самым усилению позиций России на Дальнем Востоке. Интересен в этом плане дневник уже упоминавшегося штабс-капитана А. Н. Люпова, командовавшего артиллерийской батареей в Порт-Артуре. Офицер, описывая ход боевых действий, неоднократно говорит об отрицательном влиянии настроений в тылу на морально-психологическое состояние защитников крепости. Так, он писал, что, судя по газетам, многие в России желают поражения своей стране, что «...любви к своей Родине, там, в сердце России, уже нет...», что газеты выражают сомнение «...в правоте защиты здесь нашего русского дела»⁴⁷.

Задаваясь вопросом, стоит ли в такой ситуации «...проливать свою кровь и терпеть всю эту нравственную и физическую пытку войны...», офицер, несмотря ни на что, приходит к выводу: «...хорошо, что отступать некуда, и все должны биться до последнего»⁴⁸.

Командир 54-й пехотной дивизии генерал-майор М. С. Столица, который также вел дневник, в январе 1905 г. писал: «...В центре России не ладно – всякие стачки и тому подобное! Просто не верится, чтобы русские люди могли... не только не способствовать победить... врага, но еще и всеми мерами противодействовать!»⁴⁹.

Еще один участник боевых действий (судя по содержанию статьи – генерал), опубликовавший статью о русско-японской войне под инициалами В. А. К., также отмечал негативное влияние событий в России на настроения войск⁵⁰.

Снабжение войск также оставляло желать лучшего. «Не хватало даже плохих карт для кавалерийских разъездов, в начале войны не было горных орудий, патроны Луганского завода не держались в обоймах, пулеметы заводились некоторыми полками... на средства офицеров, шанцевые инструменты... ломались о промерзлую землю»⁵¹.

Однако, несмотря ни на что, русские офицеры выполняли свой долг. Свидетельством их героизма являются боевые награды, полученные офицерами. К 1 октября 1905 г. ордена и наградное оружие выдавались 14 886 раз. В числе этих наград имелись все ордена Российской империи, за исключением ордена Св. Андрея Первозванного. Число награжденных самым почетным орденом – орденом Св. Георгия, выдававшимся за доблесть, проявленную исключительно на поле боя – составило 256 человек. 10 человек из них получили орден Св. Георгия 3-й степени⁵².

Золотое оружие «За храбрость», украшенное бриллиантами, было вручено четырем генералам, без украшений – 406 офицерам⁵³.

Поражение России в войне с Японией породило в различных кругах российского общества толки о некомпетентности русского офицерства в военном деле; в советское время это стало утверждаться даже в специальных работах, посвященных русско-японской войне⁵⁴. Но так ли это было на самом деле?

В этой связи отметим: в дореволюционной военной печати и специальных работах (как отечественных, так и зарубежных) этот вопрос обсуждался чрезвычайно активно и весьма подробно. Представляется, что мнение современников тех событий, а также участников русско-японской войны позволяет достаточно объективно оценить профессиональную подготовку русского офицерства.

В качестве главных недостатков, присущих обер-офицерам, отечественные и зарубежные специалисты выделяли «недостаточность знаний в сфере тактической подготовки, современного оружия, неготовность взаимодействовать с разными родами оружия...»⁵⁵. В решающей мере это являлось следствием того, что в высших военных сферах недооценивалась роль современной военной науки и искусства, что, в свою очередь, негативно сказывалось на системе военного образования. Как отмечалось в «Разведчике», «русско-японскую войну начали с тактики войны русско-турецкой и думали, что, способ ведения войны в 1904–1905 гг. таков же, какой он был в 1877–1878 гг.»⁵⁶.

Отмечался также такой недостаток, как неумение молодых офицеров обучать нижних чинов. Один из офицеров писал: «...наших юнкеров обыкновенно учат прекрасно делать ружейные приемы, великолепно маршировать... заставляют их старательно изучать обязанности часового, дежурного по роте, дневальных и т. д., то есть готовят из юнкеров хороших рядовых..., совершенно

забывая, что из них должны выйти... офицеры...». В роли руководителя, обучающего солдат, юнкера в училище не бывали, лишь стояли в строю, поэтому, выйдя из училища, молодые офицеры не имели «ни малейшего представления о том, как и чему надо учить молодых солдат»⁵⁷.

Так, до войны с Японией в юнкерских училищах строевой подготовке уделялось до 8 часов в день, в то время как практическим занятиям по военным наукам посвящались только 1–2 часа в неделю. В результате юнкера слабо знали съемки, подрывное дело, средства связи, обращение с артиллерийскими орудиями и т. д.⁵⁸

В войсках существовало положение, когда командиры всех степеней были вынуждены главное внимание уделять не повышению своей профессиональной подготовки и боевой подготовке войск, а строевой подготовке и хозяйственным вопросам⁵⁹. Пристальное внимание к строевой подготовке вызывалось исторически сложившейся практикой проведения инспекций и проверок. Как правило, они начинались со строевого смотра, при этом результаты смотра и впечатление от него ложились в основу оценки подразделений и частей. Это вызывалось не только пристрастием многих высоких начальников к внешним эффектам, но и тем, что проверка, например, тактической подготовки требовала от них «гораздо больших знаний»⁶⁰.

Значительный урон боевой учебе наносила хозяйственная деятельность, которой были вынуждены заниматься как офицеры, так и нижние чины. Дело в том, что в русской армии отсутствовало централизованное тыловое обеспечение, поэтому части и подразделения сами закупали продовольствие, фураж, шили обмундирование, строили казармы и т. д.

Так, на питание солдат и унтер-офицеров отпускался провиант и так называемые «приварочные деньги». Провиант (мука или же печеный хлеб, или же сухари, а также крупа) по установленным нормам отпускался в натуральном виде, то есть продуктами. На «приварочные» деньги закупались мясо, масло, овощи, соль и другие припасы⁶¹ в количествах, соответствовавших установленным нормам.

Снабжение полка провиантом осуществлял офицер, занимавший должность заведующего хозяйством полка (в кавалерии он именовался помощником командира полка по хозяйственной части), но питание нижних чинов организовывалось в роте. «Приварочные» деньги выдавались из полковой казны ротному командиру, непосредственным приобретением продуктов и их распределением занимался так называемый «артельщик», а приготовлением пищи – кашевар. Оба назначались командиром роты (эскадрона, батареи) по предложению личного состава роты; всю полноту ответственности за питание солдат и унтер-офицеров нес ротный командир⁶².

Следует отметить, что финансирование армии, в том числе выделение средств на питание было недостаточным. В этой связи занимавший в 1905–1909 гг. пост военного министра генерал от инфантерии А. Ф. Редигер отмечал: «...на громадную армию отпускали совершенно недостаточные средства. Поэтому армия и должна была сама себя обслуживать и даже... сама зарабатывать себе средства на свое пропитание и мелкие нужды солдата»⁶³.

Чтобы обеспечить элементарные потребности войск, солдат командировали на частные, а также казенные предприятия и стройки (так называемые «вольные работы»); в войсках функционировали полковые хлебопекарни, сапожные мастерские, шорни, столярные и плотничьи артели.

Хозяйственные работы, их организация и контроль, по утверждению одной из военных газет того времени, отнимали «все силы войск и все внимание начальников». Другая газета отмечала тот факт, что служба, в частности, ротных командиров превратилась во всевозможные покупки и проверку разных отчетностей. «Драгоценное время тратится на ведение пронумерованных, пронумерованных и казенной печатью пропечатанных книг самого разнообразного характера»⁶⁴.

В начале XX века «половина нашей армии» еще не имела своих казарменных помещений. Для решения этой проблемы требовалось 155 млн руб., в то время как государство могло выделить 11 млн руб., и то не сразу, а в течение 5 лет⁶⁵. Заработка средств на покупку стройматериалов, а затем строительство казарм также отнимали много времени.

Негативно сказывались на боевой подготовке войск и многочисленные наряды. В гарнизонный и полковой наряды ежедневно заступали до 2 рот, и еще одна рота отряжалась на полковые работы. То есть 3 роты из 16 строевых рот в пехотном (стрелковом) полку поочередно не занимались боевой учебой. Кроме того, в день, когда подразделение заступало в караул, занятия также не проводились, в праздники и выходные – тоже.

Следует учитывать также то, что во внутренних военных округах в роте по штату состояло 96 рядовых, но по разным причинам налицо имелось не более 60–70 человек. Когда увольнялись старослужащие, в роте оставалось 30–40 человек, которые практически все время несли службу в нарядах; соответственно, занятия с ними не проводились. Так было в течение нескольких месяцев ежегодно, пока новобранцев обучали азам воинской службы (призыв на службу и увольнение старослужащих происходили один раз в год)⁶⁶.

Понятно, что разнообразные хозяйственные работы, многочисленные караулы и внутренние наряды занимали значительную часть служебного времени нижних чинов и не позволяли офицерам уделять должное внимание обучению войск. Как отмечал на собрании офицеров генерального штаба Варшав-

ского военного округа один из докладчиков, «до последней войны на боевую подготовку нижних чинов обращалось вообще мало внимания, а на подготовку одиночного бойца и того меньше»⁶⁷.

При этом современники отмечали также, что одной из причин поражения России в войне являлась низкая общеобразовательная подготовка солдат русской армии, высокий процент неграмотных призывников⁶⁸.

Что касается занятий с офицерами, то, например, тактическая учеба, проводившаяся в соответствии с выпущенной еще в 1882 г. Инструкцией для занятий с офицерами, в большинстве случаев организовывалась по шаблону, рутинно, и нередко сводилась к тому, что «...в полках из года в год велись снотворные занятия по чтению планов и карт»⁶⁹.

Даже в офицерской стрелковой школе, предназначенной для подготовки армейских капитанов к командованию батальоном, на теоретические и практические занятия по тактике в аудитории и поле отводилось совершенно недостаточное время. По программе 1903 г. в школе изучалось три предмета:

- курс теории тактики и практические занятия в аудитории и в поле;
- занятия по чтению планов и карт в аудитории и в поле;
- изучение курса ручного оружия.

При этом на тактику отводилось 24 часа, на занятия по чтению карт – 48 часов, на изучение личного оружия – 144 часа. При этом на изучение сборки и разборки винтовки отводилось 48 часов, и это при том, что учившиеся в школе прослужили по 20 и более лет и сами обучали этому унтер-офицеров; на изучение револьвера отводилось 24 часа. По сути, это время тратилось даром. «На теорию тактики – этот в высшей степени интересно читаемый предмет, не хватает у преподавателя времени»⁷⁰.

В ходе тактических учений, как писал один из ротных командиров, представления о реальном бое не давались, «...мы заботились о стройности наступления, о том, чтобы... не нарушить уставных правил и тем не разгневать старшего начальника и не «провалить» учения или смотра»⁷¹.

Кроме того, учения проводились в основном летом, когда поля уже были засеяны, и окрестную местность использовать было нельзя. Своих полигонов у частей не было, поэтому для учений и маневров нередко использовались учебные плацы площадью 38 десятин⁷², где качественная боевая учеба была невозможна.

«Не только отдельные полковые части, но и целые дивизии лишены всяких земель для лагеря, для стрельбища, для полигона...», – отмечал в своем докладе член Государственной Думы А. Гучков. В качестве одного из примеров он привел Вильно, где находился гарнизон из 5 пехотных полков, вынужденных для обучения стрельбе уходить за 90 верст от места дислокации⁷³.

Однако, несмотря на недостатки в системе подготовки военных кадров, русские офицеры, до ротного и батарейного звена включительно, не уступали японским офицерам, и «в столкновениях с японцами наблюдалась общая характерная черта: наша рота или батарея... не уступали неприятелю и даже часто брали верх...»⁷⁴.

Происходило это за счет того, что русские обер-офицеры были преданы делу, сметливы, храбры⁷⁵ и, как писал офицер генерального штаба германской армии майор фон Теттау, «...ревностно и с воодушевлением относились к своим обязанностям, неся службу с интересом и осмысленно...»⁷⁶.

Фон Теттау, бывший в наших войсках в 1903 г. по приглашению командования Киевского военного округа, подготовил специальный доклад, с которым он по возвращении из России выступил в Берлине. Отметим, что оценки офицерского корпуса русской армии, сделанные фон Теттау, совпали с оценками, которые сделали после русско-японской войны отечественные авторы.

Говоря о старших офицерах и генералах, немецкий генштабист писал: «...среди штаб-офицеров и генералов военная... подготовка не стоит в уровень с занимаемым ими ответственным положением...»⁷⁷. Следует отметить, что среди штаб-офицеров того времени выпускников военных училищ, где давалось среднее образование, было немного (речь идет об офицерах армейской пехоты и кавалерии, составлявших наибольшую часть офицерского корпуса). В основном эта категория офицеров имела за плечами лишь двухлетние юнкерские училища, дававшие, по терминологии того времени, низшее образование. Так, с 1900 по 1905 год из 932 капитанов армейской пехоты, произведенных в подполковники (первый штаб-офицерский чин), лиц с высшим образованием было 22 человека (2,4%), со средним – 102 (10,9%), низшим – 808 (86,7%)⁷⁸. Из 121 ротмистра армейской кавалерии, произведенных в штаб-офицерский чин в эти же годы, лиц со средним образованием было 36 человек (29,8%), низшим – 85 (70,2%)⁷⁹.

Программы обучения в юнкерских училищах не могли заложить прочный фундамент военных знаний, необходимых для занятия должностей от командира батальона и выше. «Разведчик» отмечал, что война показала недостаточность знаний штаб-офицеров и генералов в области современной тактики, вооружения, техники, недооценку ими значения быстро развивавшихся средств связи, отсутствие навыков в управлении войсками в боевой обстановке⁸⁰.

В Николаевской академии генерального штаба по итогам русско-японской войны было подготовлено специальное сообщение, в котором в числе прочего отмечалась неподготовленность генералитета. «Старшие начальники уже в период завязки боя выпускают ведение из своих рук и ограничивают свою роль руководством только одним каким-либо участком, часто же только

присутствуют на поле сражения, разъезжая вдоль цепи и позируя своей храбростью, но отнюдь не вникая в условия... современного боя»⁸¹.

По всей вероятности, подобное положение вещей определялось тем, что многие военачальники не имели должного образования, знаний и умений, соответственно, не могли управлять крупными войсковыми формированиями в условиях современной войны. Так, в 1903 г. полковых командиров с высшим образованием было 29,8%, начальников дивизий – 56,5%, командиров корпусов – 57,1%⁸².

Если не считать незначительных по масштабам боевых действий в Китае, в которых русским войскам пришлось иметь дело со слабо обученными и плохо вооруженными китайскими войсками и повстанцами, русская армия не воевала со времен русско-турецкой войны 1877–1878 гг., то есть более четверти века. Вероятно, это привело к созданию атмосферы самоуспокоенности в правительстве и военном ведомстве. Иначе сложно объяснить то, что до войны 1904–1905 гг. «...начальник, начиная с должности командира полка, мог жить спокойно с тем «научным» багажом, который был вынесен из военного или юнкерского училища; мог не следить вовсе за прогрессом военной науки, и никому в голову не приходило поинтересоваться его познаниями»⁸³.

Недостаточность военной подготовки более всего была заметна в высшем звене, на уровне командиров корпусов и командующих армиями, в результате чего в бою русские «...высшие соединения совершенно не могли идти в... сравнение» с японскими⁸⁴.

Как отечественные, так и зарубежные специалисты отмечали еще один недостаток, присущий старшим строевым начальникам русской армии: отсутствие инициативы и нежелание принимать решения, связанные с риском⁸⁵.

Отметим, что вызывалось это отнюдь не робостью генералитета, ибо личная доблесть являлась обязательным качеством каждого кадрового офицера. Проблема состояла в том, что командиры все степеней, даже самого высокого ранга, по сути были лишены самостоятельности в принятии решений, в их действия постоянно вмешивалось вышестоящее начальство⁸⁶. Действовала «система, подавляющая смелость мысли, инициативу, твердость характера, при которой опека старших над младшими – вплоть до мелочей»⁸⁷.

В войска поступало огромное количество различных документов, содержащих уточнения, дополнения, разъяснения различных сторон и аспектов военной службы, новые требования к ней. Например, во время русско-японской войны в штаб 17-го армейского корпуса в течение года пришло более 20 тысяч документов и лишь несколько меньше – в нижестоящие штабы⁸⁸. В мирное же время поток документов было значительно больше: в корпусные штабы их поступало 30–40 тысяч в год. На каждый документ было необходимо

давать официальный ответ, что отнимало массу времени у большого количества штабных офицеров, в том числе офицеров генерального штаба⁸⁹.

Подобное положение объяснялось прежде всего бюрократическими порядками и рутинной, царившими во всех государственных органах. Как отмечал известный политический и общественный деятель той поры А. Гучков, «люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, во многих случаях в России не только не выдвигались вперед, а преследовались... Наоборот, люди без характера, без убеждений, но покладистые, готовые во всем соглашаться с мнением своих начальников, выдвигались вперед»⁹⁰.

Даже генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин, бывший до войны военным министром, а с началом боевых действий назначенный Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действовавшими против Японии, человек, лично поднимавший полки в атаку, опасался брать на себя ответственность при принятии решений. Как отмечал современник, он «выбирал такое решение, которое никакого решительного успеха дать не могло, но не приводило также и к большому риску»⁹¹.

Именно нерешительность, нежелание нести ответственность и отсутствие инициативы в среде высшего командного состава, по мнению военных специалистов той поры, привели к поражению в бою под Ляояном, где русские войска имели все шансы на победу, в сражении на реке Шахе⁹², сражениях при Сандепу и Мукдене⁹³.

Крайне негативную роль сыграл в ходе войны также фактор, который отметили немецкие военные специалисты: «...военный бюрократизм, присущий России, вполне обнаружился в штабах и в кругу высших начальников. Там царил карьеризм, со всей его неприглядностью... в штабах царила мелочная зависть, интриги...»⁹⁴.

В контексте всего выше сказанного представляется верным мнение офицера оперативного отделения штаба 3-й Маньчжурской армии, полковника Д. П. Парского (впоследствии генерал-лейтенанта): «...у нас много хороших младших офицеров и ротных командиров, гораздо меньше подходящих штаб-офицеров, в особенности командиров частей, совсем уже мало соответственных генералов и почти нет высших руководителей»⁹⁵.

Это и являлось главной причиной того, что «отменно дрались роты, не наступали им батальоны, а иногда и целые полки и небольшие отряды. Но стоило бою распространиться на значительный участок фронта, и... мы отступали»⁹⁶.

Однако не следует возлагать на офицерский корпус главную вину за поражение в войне. Офицеры, независимо от чинов и занимаемых должностей, не могли влиять на военную политику государства. Как отмечал А. Гучков в своем докладе на заседании Государственной Думы в мае 1908 г., «главной

виновницей наших военных неудач была... не армия, по крайней мере, она не виновата в первую голову»⁹⁷.

Основными виновниками докладчик назвал правительство и общество: правительство не озаботилось правильной постановкой военного дела, не отдало себе отчет в серьезности положения на Дальнем Востоке, а общество «действовало во все время войны деморализующим образом на армию», отнимая «последнюю бодрость, остаток энергии, остаток веры»⁹⁸.

К подобным выводам приходили многие современники.

В частности, барон Бильдерлинг, командовавший во время войны 17-м армейским корпусом, отмечал: «...помимо той ответственности, которая тяжелым бременем легла на всех нас, старших войсковых начальников, не меньшая доля вины падает на всю нашу систему, на неподготовленность нашу к войне, на воспитание, обучение и снабжение войск, на весь склад нашей жизни»⁹⁹.

Как отмечал современник, поражение в войне обусловлено «не свойствами народа и даже не качествами армии, а главным образом государственным строем и укладом; в этом отношении мы были уже давно и серьезно нездоровы». Что касается армейских недостатков, то «...они являлись только частью от плоти нашего государственного уклада, из него они исходили...»¹⁰⁰.

Поражение в войне с Японией оказало значительное влияние на дальнейшее развитие русской армии. В мае 1906 г. начал свою деятельность Комитет по образованию войск, определивший, с учетом опыта боевых действий в 1904–1905 гг., основные пути преобразований в армии. В их число входили пересмотр устава полевой службы, строевого устава, устава внутренней службы, гарнизонного устава, наставления для действий в бою отрядов из трех родов оружия, рассмотрение проблем вооружения и снаряжения войск, разработка новых программ занятий с нижними чинами и т. д. При этом подчеркивалось, что «обеспечение армии соответствующим офицерским и командным составом составляет краеугольный камень предположенных преобразований»¹⁰¹.

В пехотных и кавалерийских училищах были введены программы, в которых на изучение тактики отводилось больше времени, чем на любую другую дисциплину (по 8 часов в неделю в первом специальном классе, по 10 часов в неделю во втором специальном классе). Кроме того, в обоих типах училищ стали изучаться артиллерия и фортификация¹⁰².

В 1909 г. в войска поступило новое «Наставление для офицерских занятий», которое при имевшихся недостатках все же представляло собой «...огромный шаг на пути ведения тактической подготовки офицеров...»¹⁰³.

В соответствии с Наставлением, в частях с офицерами стали регулярно проводиться военно-научные (т. е. теоретические) занятия, упражнения в составе воинских частей и особые тактические занятия¹⁰⁴.

Военно-научные занятия (сообщения или лекции) проводились, как правило, при штабах воинских частей. Темы для бесед выбирались наиболее актуальные, непосредственно касавшиеся вопросов обучения и воспитания подчиненных, тактической подготовки различных родов войск. Для их проведения привлекались офицеры генерального штаба, военные инженеры, представители полевой и крепостной артиллерии и др. Беседы обязательно должны были заканчиваться обменом мнений по изложенной проблеме¹⁰⁵.

Улучшилась подготовка слушателей в офицерской стрелковой школе, где командиров рот готовили к исполнению обязанностей командиров батальонов; ее окончание стало обязательным условием для производства в штаб-офицеры¹⁰⁶. Командование округов предпринимало меры, направленные на повышение эффективности занятий с офицерами, при этом особое внимание обращалось на изучение опыта русско-японской войны¹⁰⁷.

Для совершенствования теоретической подготовки и умения управлять войсками военный министр указал командующим войсками округов на необходимость проводить занятия со старшими начальниками – от командиров отдельных частей до командиров корпусов включительно (ранее подобного не было). Проводить их требовалось в форме маневров, тактических занятий, военных игр, сообщений, полевых поездок¹⁰⁸, то есть предусматривались как теоретические занятия, так и практические занятия в поле и в аудитории. Кроме того, от 50 до 80% старших начальников разного уровня (начиная с командиров полков и заканчивая командующими войсками округов) в 1906–1907 гг. было уволено и заменено¹⁰⁹. В промежуток времени между русско-японской и Первой мировой войной вырос уровень образования старших начальников: в 1903 г. полковых командиров с высшим образованием было 29,8%, в 1914 г. – 39%; начальников дивизий соответственно 56,5% и 63,2%; командиров корпусов – 57,1% и 90,1% соответственно¹¹⁰.

В этот период проводилось множество экспериментов с обучением войск, вышел ряд новых уставов и наставлений, «появилось невиданное обилие книг, пытавшихся содействовать делу разумной постановки обучения нашей армии»¹¹¹. Положительную роль в повышении качества подготовки нижних чинов сыграло также запрещение «вольных работ» (1906 год).

Произошло некоторое улучшение тылового обеспечения армии. Так, в декабре 1905 г. Государственный совет принял решение об увеличении окладов жалованья всем нижним чинам – от рядовых до фельдфебелей, введении для них ежедневного чайного довольствия (чай и сахар), установил выдачу одеял, постельного белья, мыла¹¹².

Конечно, в организации боевой подготовки были и недостатки. Не было создано твердой системы боевой учебы войск, планомерной и единообраз-

ной¹¹³. Командиры корпусов, проводившие занятия с командирами полков и бригад, не всегда были подготовлены к выполнению этих обязанностей¹¹⁴, в новом «Наставлении для офицерских занятий» не в полной мере были изжиты шаблоны, рутинные и «нежизненные методы преподавания»¹¹⁵.

Но в общем и целом «в русской армии под влиянием японской войны усовершенствовалось обучение..., было обращено внимание на значение огня, роль пулеметов, связь артиллерии с пехотой, индивидуальное обучение отдельного бойца, на подготовку... офицерского состава»¹¹⁶.

Немецкое военное руководство в этой связи отмечало: «...после войны была проведена коренная реорганизация армии. Она коснулась воинской повинности, повлекла значительные изменения в составе высших войсковых соединений, изменение дислокации с учетом политических и оперативных принципов, затронула подготовку к мобилизации, экономику, подготовку офицерского состава. С реорганизацией подвергались коренному изменению все уставы, был совершенно изменен устав боевой службы и введен новый метод обучения. При этом были учтены французские и в еще большей степени немецкие взгляды, приспособленные к своеобразию русских условий»¹¹⁷.

Результат был очевиден: по оценкам немецких офицеров, русские солдаты-пехотинцы, воевавшие в начале Первой мировой войны, были обучены не хуже германских солдат, а во многом – даже лучше. Русская кавалерия не уступала германской в умении сражаться в пешем строю, была куда лучше обучена езде и владению холодным оружием¹¹⁸.

Русские военные историки отмечали, что всю войну сохранялось превосходство русской артиллерии над германской в искусстве стрельбы, и для решительного успеха немцам надо было иметь по меньшей мере тройное превосходство. Но и тогда успех достигался лишь благодаря превосходству германских старших артиллерийских начальников в тактическом мастерстве – умении создать и правильно использовать «артиллерийский кулак»¹¹⁹.

§ 3.3. В годы Великой войны

Первая мировая война, получившая у современников название «Великая война», стала результатом геополитических и экономических противоречий между великими державами того времени, прежде всего между Германией и Великобританией.

За 25 предвоенных лет Германия сделала такой скачок в развитии экономики, который оказался не по плечу ни одной из европейских стран. Герман-

ские промышленные товары вышли на иностранные, в первую очередь европейские рынки, вытесняя конкурентов при помощи более низких цен. По понятным причинам это вызывало противодействие Великобритании, доминировавшей в мировой торговле. Повсюду – в Европе, Африке, Азии и Южной Америке – англо-германские противоречия приобретали все более и более острый характер, а конкурентная борьба становилась все более ожесточенной.

Помимо противоречий между Германией и Великобританией, существовали острые франко-германские противоречия – по поводу Эльзаса, Лотарингии и колоний в Африке.

Для осуществления дальнейшей геополитической и экономической экспансии Германия нуждалась в источниках сырья, колониях, новых рынках сбыта, однако подавляющая часть мировых ресурсов находилась на территориях английской и французской колониальных империй. В этой ситуации в среде германской элиты рождается идеология, стержнем которой являлись тезисы о том, что Германия не может выполнить свою историческую миссию без расширения сфер влияния и новых территорий, что она «зажата в узких, неестественных границах» и поэтому имеет право на завоевания¹²⁰. Германская стратегия того времени в качестве главных противников определяла Великобританию и Францию, при этом Россия, с которой у Германии не имелось неразрешимых противоречий, определенное время рассматривалась в качестве возможного союзника. «...Многие немцы, в том числе и кайзер, считали, что общие интересы двух самодержцев... делают Германию более подходящим союзником России, чем буржуазно-демократические страны Запада»¹²¹, поэтому в конце XIX – начале XX столетия германское руководство предпринимало усилия, направленные на недопущение франко-русского и англо-русского сближения, а также заключение русско-германского военного союза¹²².

Однако в силу ряда причин Россия и Германия оказались в противостоявших друг другу военных блоках – Антанте и Четверном Союзе. Свою роль в этом в числе прочего сыграло и то, что Россия, традиционно покровительствовавшая славянам, стремилась к усилению своего влияния на Балканах. В свою очередь, Германия поддерживала австро-венгерские притязания на этот регион.

В 1909 г. Австро-Венгрия при политической поддержке Германии захватила Боснию и Герцеговину, а после убийства в июне 1914 г. эрцгерцога Франца-Фердинанда намеревалась поглотить Сербию. Берлин, как известно, в ходе Сараевского кризиса полностью поддержал Вену и заявил, что в случае конфликта с Россией окажет ей всемерную помощь. События развивались таким образом, что остановить надвигавшуюся войну было невозможно, и 19 июля 1914 г. (1 августа по новому стилю) Германия объявила войну России.

Начало войны с Германией было воспринято в широких кругах российского общества совершенно иначе, нежели русско-японская война. Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко вспоминал: «В день манифеста о войне с Германией огромная толпа собралась перед Зимним дворцом. После молебна о даровании победы Государь обратился с несколькими словами, которые закончил торжественным обещанием не кончать войны, пока хоть одна пядь русской земли будет занята неприятелем. Громовое “ура” наполнило дворец и покатилося ответным эхом в толпе на площади. После молебствия Государь вышел на балкон к народу... Флаги, плакаты с надписями “Да здравствует Россия и славянство!” склонились до земли, и вся толпа, как один человек, упала перед царем на колени»¹²³.

«Кто был 20 июля у Зимнего дворца, тот до конца жизни своей не забудет этих священных минут»¹²⁴, – писал очевидец события. «Ни днем, ни ночью не прекращались восторженные манифестации по всей России», «в Главном штабе давно уже начали отказывать добровольцам, ибо их явилось так много, что даже половину принять не было никакой возможности», делались «щедрые, миллионные пожертвования на Красный Крест и в пользу оставшихся семейств запасных»¹²⁵. Генерал А. И. Спиридович в своих мемуарах отмечал: «Взрывом патриотизма ответила Россия на объявление нам войны. Речь Государя в Зимнем дворце, как электрическая искра, пронеслась по России и всколыхнула всех... Объявление войны Францией вызвало манифестации перед французским посольством. Толпы народа всякого звания и положения ходили по улицам с царскими портретами и флагами и пели «Спаси Господи люди Твоя». Кричали бесконечное ура»¹²⁶.

Даже А. Ф. Керенский писал об этом времени так: «В 1914 г. народ сразу расценил конфликт с Германией как свою кровную войну, когда на карту была поставлена судьба России»¹²⁷.

Настроение офицерства носило вполне предсказуемый характер. Не только в первые дни, но даже в тяжелейшем 1915 г., когда офицерский корпус нес самые тяжелые за всю войну потери, офицеры, служившие в тыловых частях, стремились попасть на фронт; об этом свидетельствуют многочисленные рапорта, сохранившиеся в архиве¹²⁸. Развертывание массовой армии обусловило то, что в армию на действительную военную службу были призваны «...офицеры ополчения, то есть лица, уволенные в отставку с действительной военной службы, и из запаса армии, которым еще не исполнилось – генералам и штаб-офицерам – 55 лет, обер-офицерам – 50 лет»¹²⁹.

Резко возросшая потребность армии в командном составе, вызванная мобилизационными мероприятиями и значительными потерями среди кадровых офицеров, заставила значительно сократить сроки обучения в военных учеб-

ных заведениях. Поэтому уже в начале войны военные училища перешли на ускоренную подготовку офицерских кадров. Минимальный срок обучения в пехотных военных училищах составлял 4 месяца, в специальных военно-учебных заведениях (артиллерийских и инженерных) – 8 месяцев¹³⁰. В зависимости от положения дел с обеспеченностью армии офицерами определенных специальностей сроки подготовки могли изменяться – уменьшаться или увеличиваться. Так, например, сроки обучения артиллерийских офицеров реально составляли 6–7 месяцев, в то время как срок обучения в кавалерийских училищах, напротив, неоднократно продлевался. Выпускники имели статус офицеров военного времени, то есть им присваивался чин «прапорщик», они имели право служебного роста только в обер-офицерских чинах и при демобилизации армии подлежали увольнению из рядов офицерского корпуса¹³¹.

Подобные ограничения вводились ввиду невысокой военной подготовки офицеров военного времени, а также для того, чтобы поддержать престиж кадровых офицеров (такowymi, в соответствии с приказом военного министра, считались те офицеры действительной службы, кто был выпущен в подпоручики из военных училищ не позднее 12 июля 1914 г.)¹³².

Кроме того, правами кадровых офицеров пользовались досрочно произведенные в подпоручики (не позднее 1 декабря 1914 г.) юнкера старших курсов¹³³, таких офицеров было выпущено 5026 человек¹³⁴.

Важный вклад в подготовку офицеров военного времени внесли также открытые в годы войны школы прапорщиков пехоты. Срок обучения в школах составлял 3 месяца, но часть из них в 1916 г. была переведена на 4-х месячный срок обучения¹³⁵. Всего из военных училищ и школ прапорщиков в годы войны было выпущено около 225 тысяч офицеров военного времени¹³⁶. Кроме того, в период с начала войны до мая 1917 г. офицерский чин получили свыше 22 тысяч солдат и унтер-офицеров – за боевые отличия¹³⁷.

В ходе войны офицерство, традиционно отличавшееся патриотическими настроениями, показывало образцы исполнения воинского долга.

В ночь с 22 на 23 августа 1914 г. 162-го пехотного Ахалцихского полка поручик В. Емельянов при штурме укрепленных позиций противника первым ворвался в окопы противника, тем самым увлекая роту за собой. В ходе атаки погиб¹³⁸.

2 сентября 1914 г. 50-й артиллерийской бригады капитан А. Ефремов, будучи старшим офицером на батарее, получил приказ об отходе. Снял батарею с позиции, сам же, жертвуя собой, из оставшегося на позиции орудия в упор расстреливал наступающую немецкую пехоту, пока не закончились снаряды. После этого, несмотря на полученное ранение руки, лично снял орудие с позиции¹³⁹.

28 сентября 1914 г. 4-го Сибирского стрелкового полка капитан В. Новиковский в бою у деревни Пасечно, уже будучи дважды ранен – в руку и ногу, принял командование ротой, поднял ее и повел в атаку.

В ходе атаки противник, устремившийся в прорыв между 2-м и 4-м Сибирскими стрелковыми полками, был отбит, и нашим войскам удалось удержаться на своих позициях.

В ночь с 21 на 22 сентября 1914 г. 202-го пехотного Горийского полка полковник А. Пепин, увлекая за собой нижних чинов, первым бросился на штурм укрепленной неприятельской позиции и первым ворвался в неприятельские траншеи, где погиб в штыковом бою¹⁴⁰.

1 ноября 1914 г. Пореченского пехотного полка штабс-капитан Ф. Зенькович командовал взводом пулеметчиков, прикрывавших отход наших частей. Пулеметчики отбили три атаки немцев, но при этом все погибли. Штаб-капитан, оставшись в живых последним, огнем из пулемета сам прикрывал отходивших, пока не погиб под ударами вражеских штыков¹⁴¹.

12–13 ноября 1914 г. 42-го Якутского полка капитан А. Алейников, в бою севернее села Устье-Сольне, под сильным ружейным и пулеметным огнем противника первым перешел со своей ротой, по пояс в воде, реку и овладел противоположным берегом. Удерживая плацдарм, был ранен, но, получив приказание наступать, повел роту в атаку, в ходе которой был ранен еще раз, уже смертельно¹⁴².

26 ноября 1914 г. две роты во главе с 1-го Кавказского стрелкового полка полковником А. Микулинским были окружены у села Режице. Предложение немцев сдаться полковник отверг и приказал ротам пробиваться. Сам же с двумя револьверами в руках стал отходить последним. Отстреливаясь, убил 6 немецких солдат и погиб сам¹⁴³.

В ночь на 18 января 1915 г. 1-го Сибирского саперного батальона подпоручик М. Останкевич у дер. Борхимово по собственной инициативе принял командование ротой другой части, в которой не осталось офицеров, лично повел ее в штыковую атаку и захватил вражеский окоп¹⁴⁴.

21 февраля 1915 г. 159-го пехотного Гурийского полка подпоручик Е. Калецкий в бою у деревни Белины под сильным огнем повел свою роту в атаку, выбил неприятеля из деревни, лично взял в бою вражеский пулемет; повернув его, открыл огонь по врагу. Тем самым способствовал успеху атаки, а затем доставил пулемет к своим¹⁴⁵.

В ночь с 24 на 25 февраля 1915 г. подполковник Валуйского пехотного полка К. Давыдов, временно командуя попавшим в окружение полком, лично водил роты в штыковые атаки, чем дал возможность полку пробиться через неприятельские линии при особо трудных условиях¹⁴⁶.

В феврале того же года 23-го пехотного Низовского полка поручик В. Дергачев и 26-го Сибирского стрелкового полка поручик В. Раkitин под убийственным огнем противника личным примером подняли солдат в штыковую атаку и заняли вражеские позиции¹⁴⁷.

6 июля 1915 г. лейб-гвардии Конно-гренадерского полка корнет В. Брилевич в бою на реке Западный Буг своеручно отбил пулемет (вес около 60 кг), захваченный австрийцами, и под сильным огнем донес его до своих цепей, где был сражен неприятельской пулей¹⁴⁸.

13 августа 1915 г. 4-го гусарского Мариупольского полка прапорщик С. Каринковский в районе села Криче, находясь с взводом в разведке, был окружен противником. Предложение о сдаче в плен отверг, и сам атаковал целый германский эскадрон, поддержанный вражеской пехотой. В ходе атаки погиб¹⁴⁹.

19 августа 1915 г. 12-го стрелкового полка прапорщик С. Дучинский личным примером поднял залегшую под сильным огнем противника роту, тем самым увлек в атаку весь батальон, залегший в ста шагах от окопов немцев. В результате атаки первая линия вражеских окопов была захвачена. Прапорщик был ранен, но, возглавив преследование врага, выбил противника из второго ряда окопов, где и пал смертью героя¹⁵⁰.

В сентябре 1915 г. у деревни Сильно командир 8-й роты Александрийского полка прапорщик Дейкун со своими подчиненными в ходе рукопашного боя захватил знамя вражеского полка, его командира, 3 офицеров и 382 нижних чина¹⁵¹.

В сентябре 1916 г. команду разведчиков 73-го пехотного Крымского полка, которую возглавлял подпоручик Волосатов, окружили превосходящие силы противника. В плен не сдался никто, все 9 человек полегли в неравном бою¹⁵².

Известны случаи поразительной храбрости и мужества, проявившиеся многократно. Так, в одном из приказов Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта излагается боевой путь поручика Т. А. Пудкова, служившего в 167-м пехотном Острожском полку.

5 декабря 1914 г., будучи еще подпоручиком, он прибыл в полк и был назначен командиром роты. 8 декабря получил ранение плеча, но остался в строю. 14 декабря, при овладении позицией противника под городом Тарнов, по собственной инициативе зашел со своей ротой в тыл врагу и захватил вражеские позиции. Еще в начале боя был дважды ранен в бедро, но оставался в строю без перевязки до конца боя. Был эвакуирован для лечения.

8 марта 1915 г. в боях в Карпатах во время атаки был ранен, но остался в строю до конца атаки. Был эвакуирован.

19 июня 1915 г. в бою у деревни Нова-Весь, командуя 7-й ротой, трижды бросался в штыковую контратаку против значительно превосходящих сил

противника, был контужен, но оставался в строю, пока не потерял сознание. Бой был настолько жарким, что 7-я рота потеряла убитыми и ранеными около 117 чел.

21 июня 1915 г. у дер. Турбин для оказания помощи попавшему в критическое положение своему батальону несколько раз водил роту, расстрелявшую все патроны, в штыковые контратаки. В одной из них лично убил германского офицера и лично заколол 7 немецких солдат, пытавшихся выручить своего офицера; рота взяла в плен 96 немцев. В результате этих действий батальон получил возможность выйти из опасного положения. Пудков в ходе боя был контужен, но остался в строю.

Пролежав несколько дней в лазарете, 4 июля в бою у дер. Ченстоборовицы возглавил штыковую атаку, в ходе которой были захвачены вражеские окопы. Увидев, что соседняя рота залегла под огнем противника, а ее командир убит, прошел вдоль цепи всей роты, ободряя солдат, во время чего был дважды ранен пулями в ногу. Не перевязав раны, продолжал обходить залегших бойцов. Солдаты, видя такое мужество, поднялись и захватили окопы противника.

7 октября 1915 г. у дер. Литва рота получила приказание атаковать укрепленный участок обороны противника. Сильным пулеметным огнем было скошено до половины роты, и, несмотря на отдаваемые команды, солдаты прижались к земле. Тогда Пудков встал во весь рост и прошел вдоль цепи, говоря: «Смотрите, меня же не убивает, а я стою во весь рост, и вас всех не убьют, кто-нибудь да добежит до окопов, а добежит – возьмет эти пулеметы и получит крест». Подняв таким образом роту, захватил позиции и пулеметы. Бросился на следующую линию окопов, но был тяжело ранен в живот и без сознания вынесен с поля боя. 13 января 1916 г., не долечившись, явился в полк и приступил к исполнению служебных обязанностей (перед этим отказался от предложенных должностей в тылу и штабе своего корпуса). 21 мая 1916 г. при немецком артобстреле был ранен осколком в голову, но остался в строю.

К моменту издания приказа имел 8 ранений и 1 тяжелую контузию, был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием, чином поручика, английским орденом и всеми очередными боевыми орденами¹⁵³.

Вообще, как и в русско-японскую войну, случаи, когда раненые офицеры оставались на поле боя, были очень частыми. В «Разведчике» была специальная рубрика «Ранены, но остались в строю»; почти в каждом номере журнала в этой рубрике приводились десятки фамилий.

Так, 17 февраля 1915 г. 85-го Выборгского пехотного полка капитан А. Буслаев возглавил атаку батальона и ворвался в окопы противника. В ходе рукопашной схватки был ранен, но остался в строю, сумев удержать при этом захваченные позиции до подхода подкрепления. В тот же день, того же полка

подпоручик И. Станкевич при атаке позиций противника у дер. Вытино, несмотря на ранение в голову, повел роту в штыковую атаку¹⁵⁴.

Бердянского пехотного полка капитан З. Жураковский 1 марта 1915 г. при атаке позиций противника у дер. Буды-Пржески, командуя батальоном, был контужен, но также остался в строю. 38-го Сибирского стрелкового полка подпоручик К. Артемьев, будучи ранен разрывной пулей, повел в штыковую атаку команду разведчиков¹⁵⁵.

Известны случаи, когда в боях за Отечество поочередно погибали родные братья, служившие в одном и том же полку. Так, 13 августа 1914 г. погиб командир эскадрона Ахтырского гусарского полка ротмистр Б. А. Панаев. Раненый в ногу, а затем в живот он продолжал вести гусар в атаку, пока не получил смертельные пулевые ранения в сердце и висок. 29 августа 1914 г. во время конной атаки героически погиб второй из братьев – Ахтырского гусарского полка штабс-ротмистр Г. А. Панаев. 19 января 1915 г. во время атаки погиб третий из братьев – командир эскадрона Ахтырского гусарского полка ротмистр Л. А. Панаев. В указе о его награждении орденом Св. Георгия 4-й степени сказано: «...командуя эскадроном, несмотря на сильный оружейный огонь противника, проявил выдающееся мужество и, увлекая своим примером других, первым бросился на неприятельский окоп, выбил противника и занял господствующую высоту, причем смертью запечатлел свой подвиг»¹⁵⁶.

О героической смерти братьев Панаевых – Бориса, Льва и Гурия – на имя военного министра был дан Высочайший рескрипт, все трое были посмертно награждены орденом св. Георгия 4-й степени¹⁵⁷.

Отмечены случаи, когда офицеры, умирая, поднимали солдат в атаку. Так, командир 2-го батальона лейб-гвардии Гренадерского полка полковник Моравский под сильнейшим пулеметным огнем противника сумел поднять батальон в атаку. Вскоре, однако, он был смертельно ранен и упал. Видя это, гренадеры залегли. Полковника Моравского понесли было на перевязочный пункт, но тот, понимая, что залегшие гренадеры вскоре хлынут назад, приказал поднять его на руках, чтобы было видно всем. Одному из поднявших его нижних чинов Моравский велел громко повторить команду идти в атаку, после чего гренадеры, видя столь мужественное поведение своего командира, вновь атаковали противника. Враг был разбит, офицеру же, которого вслед за наступающими гренадерами несли в сторону вражеских позиций, еще одна пуля попала в голову, и он умер¹⁵⁸.

В среде русского офицерства личная храбрость традиционно считалась наиважнейшим качеством, поэтому идти в атаку впереди солдат считалось делом чести. В свое время к этому обязывали и официальные документы. Так, в 1812 г. для войск 2-й русской армии было издано «Наставление господам пе-

хотным офицерам в день сражения», в котором, в частности, говорилось: «Когда фронтом идут в штыки, то ротному командиру должно также идти впереди своей роты с оружием в руках и быть в полной надежде, что подчиненные, одушевленные таким примером, никогда не допустят его одного ворваться во фронт неприятельский...»¹⁵⁹.

За сто с лишним лет, к началу I Мировой войны, произошли качественные изменения в вооружении армий ведущих держав мира. В частности, появились магазинные винтовки, пулеметы и скорострельная артиллерия, многократно увеличившие огневую мощь войск. В свою очередь, это привело к изменениям в способах ведения боевых действий и военном искусстве в целом. Например, наступать русская пехота должна была не колоннами, как в 1812 г., а рассыпным строем (стрелковыми цепями), перебежками или шагом, сообразуясь с местностью и огнем противника. При этом передвижение могло осуществляться как взводами и отделениями, так и одиночными бойцами, накапливавшимися на новых стрелковых позициях, по возможности за укрытиями¹⁶⁰.

«Наставление для действий пехоты в бою», утвержденное в феврале 1914 г., уже не требовало от офицеров идти впереди своих солдат: «Каждый пехотный начальник должен находиться в районе действий своей части на таком месте, откуда ему удобно *управлять* подчиненными частями и при возможности лично *наблюдать* за их действиями, а также за движениями противника и за соседними частями»¹⁶¹. Однако офицеры, обязанные «...подавать личный пример бодрости духа и беззаветной храбрости... поддерживать своим влиянием и личным примером наступательный порыв в людях...»¹⁶², не считали возможным ограничиться «наблюдением». Не вести солдат в атаку самому считалось бесчестьем, поэтому офицеры, как правило, возглавляли ее, доводя, в соответствии с требованиями Наставления, до штыкового удара.

Нередко так поступали не только офицеры ротного и батальонного звена, но и вышестоящие начальники. В тяжелейших боях 1915 г., подвергаясь смертельному риску, шли в передовых цепях начальник 3-й гренадерской дивизии генерал-майор Н. Киселевский, командир 11-го гренадерского Фанаторийского полка генерал-майор А. Гришинский, командир 183-го пехотного Пултусского полка полковник П. Карпов, командир 298-го пехотного Мстиславского полка полковник В. Субботин¹⁶³ и многие другие. Подобное поведение оказывало сильное моральное воздействие на подчиненных, но одновременно приводило к тяжелым потерям среди офицерского состава.

Так, большое количество кадровых офицеров погибло уже в самом начале войны. «Разведчик», со ссылкой на официальную газету военного ведомства «Русский Инвалид», в августовских и сентябрьских номерах за 1914 год опубликовал списки убитых офицеров. В № 1245 приводятся фамилии 89 уби-

тых, в № 1246 – 125 убитых, в № 1247 – 90 убитых, в № 1248 – 160 убитых, в № 1249 – 167 убитых, в № 1250 – 134 убитых, в № 1251 – 129 убитых, в № 1252 – 80 убитых, в № 1253 – 137 убитых. Практически все – в звании от подпоручика и выше, то есть кадровые офицеры. Отмечается также, что списки убитых неполные, а раненных офицеров втрое больше.

В №№ 1254–1260 приведены фамилии еще 597 убитых офицеров (подсчитано автором). Среди погибших – много участников русско-японской войны, награжденных двумя и более орденами.

«К весне 1915 г. кадрового офицерского состава осталось в пехоте от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$; батальонные командиры и большая часть ротных командиров – кадровые офицеры, но все младшие офицеры – офицеры военного времени. К осени того же года (1915) в пехотных полках остается всего от 10 до 20% кадрового офицерского состава. Уже не все батальонные командиры из кадровых; значительное же большинство ротных командиров – офицеры «военного времени»¹⁶⁴, – писал участник Первой мировой войны генерал-лейтенант Н. Н. Головин.

Убыль кадрового офицерства в ходе войны демонстрируют, в частности, боевые аттестации офицеров 1-го пехотного Невского полка за 1916 год. Изучение аттестаций показало, что из 31 служившего в полку офицера (не считая командира полка) кадровых офицеров было лишь 4. Один из них занимал должность помощника командира полка, двое были командирами батальонов, один – командиром роты¹⁶⁵.

Наибольшие потери, как и всегда, несла пехота. В остальных родах оружия потери были гораздо меньше.

В целом потери убитыми, умершими от ран, ранеными, контуженными, отравленными газами составили 53 тысячи офицеров в 1914–1915 гг., 24,5 тысячи в 1916 г. и 12,5 тысячи в 1917 г.¹⁶⁶ В этой связи напомним, что накануне войны (1 января 1914 г.) офицерский корпус насчитывал всего 43371 человека, из них 1290 генералов, 7506 штаб-офицеров и 38575 обер-офицеров¹⁶⁷.

В. И. Ленин, проживавший вдали от ужасов войны в благополучной Швейцарии, писал о русской армии в марте 1917 г.: «Поражения... истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскорузло-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера...»¹⁶⁸. Действительно, значительная часть кадрового русского офицерства погибла в боях за Отечество. Видимо, в этом и проявилась «гнилость» и «заскорузлость» офицерства...

Особенно тяжелыми потери были среди обер-офицеров. Из общего числа кадровых обер-офицеров в канун мировой войны 38 575 человек офицеров в звании от подпоручика до капитана в ходе войны было убито, умерло от ран и пропало без вести 7115 человек, ранено и контужено около 17,5 тыс. человек¹⁶⁹ (подсчитано автором на основе данных, приведенных С. В. Волковым).

Если подробнее, то было убито и умерло от ран: капитанов – 1187, штабс-капитанов – 927, поручиков – 1324, подпоручиков – 2727. Пропало без вести: капитанов – 126, штабс-капитанов – 109, поручиков – 238, подпоручиков – 477¹⁷⁰. Потери среди генералов в мировую войну составили 33 человека убитыми и умершими от ран, 2 человека – пропавшими без вести, 97 – ранеными и контужеными. Потери штаб-офицеров: полковники – 271 человек убит или умер от ран, 26 пропали без вести, 782 ранено и контужено; подполковники – 480 человек убито, 53 пропали без вести, 1110 ранены или контужены¹⁷¹.

То, что большинство потерь среди обер-офицеров пришлось на кадровых офицеров, подтверждают их воинские чины. Офицеры военного времени, как уже говорилось, начинали службу с чина прапорщика, который они не могли получить ранее конца 1914 – начала 1915 г. Это было связано с необходимостью окончить ускоренный курс обучения в военных училищах или школах прапорщиков, на что требовалось вполне определенное время.

Последующее чинопроизводство прапорщиков происходило следующим образом. Юнкера, окончившие ускоренный курс военно-учебных заведений по 1-му разряду, производились в подпоручики по истечении 8 месяцев со дня производства в прапорщики. Последующее производство в чины происходило аналогично, как у кадровых офицеров.

Окончившие военно-учебные заведения по 2-му разряду зачислялись в войска унтер-офицерами с правом производства в чин прапорщика, в зависимости от успехов в поведении и службе, но не ранее, чем через 4 месяца со дня окончания ускоренного курса военно-учебного заведения¹⁷².

Таким образом, прапорщики первых выпусков, не погибшие в боях, в большинстве своем могли стать подпоручиками лишь в конце 1915 г. Но именно в течение 1914–1915 гг., как уже отмечалось, потери офицеров были гораздо значительнее, чем в последующие годы. Поэтому в названном выше числе убитых, раненых и пропавших без вести обер-офицеров, в чине от подпоручика до капитана, громадное большинство составляли именно кадровые офицеры.

В публиковавшихся списках убитых в 1914 г. офицеров изредка встречаются офицеры в чине прапорщика. Вероятнее всего, это были прапорщики запаса, получившие чин в мирное время и призванные в действующую армию.

В конце 1915 года были изданы приказы, сокращавшие сроки чинопроизводства офицеров действующей армии. Эти приказы касались и прапорщиков.

О прапорщиках пехоты там было сказано, что прапорщики, «фактически пробывшие в строю... 4 месяца непрерывно или же 9 месяцев с перерывами», могли предоставляться к производству в следующий чин¹⁷³.

Несколько позже подобное решение было принято в отношении прапорщиков артиллерии и кавалерии, но сроки выслуги в чине прапорщика у них

составляли 7 месяцев непрерывно или 12 месяцев с перерывами. После этого их также могли предоставлять к производству в следующий чин. За боевые отличия произвести прапорщика в подпоручики могли в любое время¹⁷⁴.

Что касается других категорий пехотных офицеров-фронтовиков, то сроки выслуги в чинах для них также были значительно сокращены. Так, к производству в следующие чины могли быть представлены лица, фактически прокомандовавшие в течение 12 месяцев войны:

- подполковники – батальонами пехотных и стрелковых полков (или же временно полками);
- капитаны – строевыми ротами или батальонами в пехотных или стрелковых полках;
- штабс-капитаны – батальонами, строевыми ротами, пулеметными командами, командами разведчиков в пехотных или стрелковых полках.

Поручики и подпоручики пехотных или стрелковых полков могли представляться к производству в следующий чин после 6 месяцев нахождения в действующей армии¹⁷⁵.

Вскоре были сокращены сроки выслуги в чинах кавалерийским и артиллерийским офицерам, находившимся в действующей армии (хотя у них сроки выслуги сделали несколько большими, чем в пехоте)¹⁷⁶. Подобное решение было вызвано тем, что служба в этих родах войск являлась не столь опасной, как в пехоте, соответственно, и потери офицеров были значительно меньшими.

Характеризуя профессиональную компетентность офицерства, следует отметить: вплоть до командиров полков офицеры были подготовлены на уровне требований современной войны, однако подготовка старших начальников – от начальника дивизии и выше – была недостаточной. Как отмечал А. М. Зайончковский, участвовавший в Первой мировой войне в качестве начальника дивизии и командира корпуса, «...русская армия выступила на войну с хорошими полками, с посредственными дивизиями и корпусами и с плохими армиями и фронтами, понимая эту оценку в широком смысле подготовки, но не личных качеств»¹⁷⁷.

Как известно, в ходе Первой мировой войны русской армии не удалось достичь решающих побед над противником. Брусиловский прорыв на австро-венгерском фронте и успешные действия наших войск на турецком фронте не оказали влияния на исход противоборства, войска противника захватили значительные территории Российской империи: Польшу, Литву, часть Лифляндии (Латвии), Белоруссии, Украины, Бессарабии.

Одной из главных причин неудач русских войск в мировой войне, как и в годы русско-японской войны, явились серьезные недостатки в управлении

войсками со стороны высшего командного состава – главнокомандующих армиями фронтов, командующих армиями, командиров корпусов и начальников дивизий.

Еще накануне войны, в 1913 году, германский генеральный штаб отмечал такие недостатки командования русской армии, как неумение использовать благоприятное оперативное положение, медлительность принятия решений в ходе боя, ожидание «сведений и приказов», стремление действовать по схеме. В результате передвижения русских войск совершались, «как и прежде, с чрезвычайной медлительностью», «...маневры в области собирания сил, стратегического развертывания или приведения в боевую готовность» также происходили крайне медленно. «Более или менее крупное русское войсковое соединение не в состоянии перейти быстро от обороны к наступлению или продолжать в другом направлении уже начатое движение. Поэтому при столкновении с русскими германское командование сможет осмелиться на маневры, которые оно не позволило бы себе против другого равного противника»¹⁷⁸.

К сожалению, в ходе войны стало очевидно, что немецкие генштабисты во многом правы. Так, в ходе боев за Перемышль и в районе реки Сан (1914 г.) выяснилась полная неспособность командира 8-го корпуса генерала Орлова командовать корпусом. Дело дошло до того, что в течение суток он ничего не знал о положении двух дивизий своего корпуса, находясь от них в 10 верстах¹⁷⁹.

Абсолютно не пользовались авторитетом в войсках командиры кавалерийских корпусов генералы Раух, Орановский, Новиков, которые «стяжали себе печальную славу»¹⁸⁰.

Весной 1915 г. в ходе Горлицкой операции потерпела поражение 3-я армия Юго-Западного фронта, которой командовал генерал от инфантерии Р. Д. Радко-Дмитриев. В этой связи командовавший в тот период 8-й армией того же фронта генерал от кавалерии А. А. Брусилов писал, что главная причина проигранного 3-й армией сражения – это «...отсутствие правильного управления армией... Связь штаба армии с корпусами была слабая; получались приказания противоречивые и запоздалые; приказания передавались зачастую не по команде, а прямо дивизиям и даже полкам... много частей войск, перепутанных и перемешанных, бродили, не зная куда идти и что им делать... Вообще, сумбур был полный»¹⁸¹.

Во время летней кампании 1916 г. была запланирована стратегическая операция трех русских фронтов – Северного, Западного и Юго-Западного. 22 мая началось наступление Юго-Западного фронта (Брусиловский прорыв), с целью оттянуть на себя силы противника из полосы соседнего Западного фронта, который должен был наносить главный удар. Однако наступление Западного фронта из-за нерешительности главнокомандующего армиями фрон-

та генерала от инфантерии А. Е. Эверта неоднократно переносилось и вместо 29 мая началось 20 июня. При этом «главный удар» оказался неподготовленным, сосредоточение наступательных группировок во многом не соответствовало поставленным задачам, удары корпусов и дивизий не подкреплялись своевременным вводом армейских резервов. В результате наступление успеха не имело, более того, войска Западного фронта понесли тяжелые потери¹⁸².

Отсутствие своевременных и подготовленных действий Западного фронта привело к тому, что Брусиловский прорыв не привел к возможному стратегическому успеху на всем театре военных действий.

Отметим также, что главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин, войскам которого отводилась вспомогательная роль, лишь 9 июля предпринял запоздалое наступление силами одного корпуса, закончившееся поражением¹⁸³.

Провалу операции способствовало также отсутствие твердого руководства по реализации разработанного плана со стороны начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М. В. Алексева, проявлявшего недопустимую мягкотелость в служебных отношениях с командующими фронтами и в силу этого обстоятельство нередко отдававшего противоречивые директивы. Это повлекло за собой прямое невыполнение главнокомандующим армиями Западного фронта генералом от инфантерии А. Е. Эвертом требований старшего начальника и несогласованность в действиях фронтов¹⁸⁴.

Сохранилось письмо генерального штаба капитана Нарышкина в штаб Верховного главнокомандующего, в котором он изложил свои наблюдения как участник войны. Начав войну ротным командиром, капитан продолжил ее в качестве офицера генерального штаба в штабах трех дивизий поочередно. Доложить о своих наблюдениях капитан Нарышкин как русский офицер считал своим долгом. В числе прочего он отметил, что большинство неудач русской армии связано с неумением высшего командного состава управлять войсками. «...Управление войсками не налаживается благодаря неладам... в работе штабов и начальствующих лиц», многие начальники завоевывают себе славу ежедневным хождением по окопам, забывая о том, что «...храбрость солдата и храбрость генерала – разные вещи»¹⁸⁵.

Одновременно в войска даже в условиях войны приходила масса различных документов, и командиры полков буквально «тонули в бумагах»¹⁸⁶. Командир 5-го армейского корпуса генерал П. С. Балубев писал в мае 1916 г.: «...войска забрасываются инструкциями и руководствами по обороне и атаке укрепленных позиций... указаниями, как надо обучать войска и т. п. Большинство инструкций и руководств – целые курсы по фортификации и по так-

тике, составленные теоретиками, противоречат друг другу... и в конце концов не дают ни одного верного приема...»¹⁸⁷.

Отсутствие конкретных указаний по основным видам боевых действий, учитывающих опыт войны, заставляло командиров и военачальников использовать лишь те знания, которые были накоплены еще в мирное время.

По нашему мнению, высший командный состав сам являлся заложником существовавшей системы. Дело в том, что в начале XX века система военного управления в России была крайне громоздкой и раздробленной, состоявшей из независимых друг от друга органов военного управления, между которыми зачастую происходили трения.

Военными вопросами занимались военное министерство, генеральный штаб (при этом начальник генерального штаба не был подчинен военному министру), Военный совет, являвшийся законосовещательным органом при монархе по вопросам военного законодательства и высшим органом по хозяйственному управлению в армии, Совет государственной обороны, который мог функционировать без военного министра. Кроме того, определенными управленческими функциями обладала высшая аттестационная комиссия. «Такой разрозненности и такого обилия самостоятельных органов не знает ни одна отрасль государственного управления в России, ни одна система военного управления в иностранных государствах»¹⁸⁸, – отмечали современники.

В мирное время в войска нередко приходили распоряжения, взаимоисключающие друг друга. Так, «весной 1908 года штаб Киевского округа получил одновременно два распоряжения: от начальника генерального штаба – о перестройке форта Дубно в Дубненскую крепость и от Военного министра – об упразднении форта Дубно»¹⁸⁹.

В течение 1909–1910 гг. произошло объединение власти в руках одного лица – военного министра, более целесообразно были распределены обязанности между главными управлениями – генерального штаба, Главного штаба, Артиллерийским, Инженерным, Интендантским и т. д. Кроме того, были упразднены комитеты, которые, будучи самостоятельными, тормозили работу главных управлений¹⁹⁰.

В определенной мере это способствовало позитивным изменениям в управлении войсками, но всех проблем решить не могло, прежде всего в силу слабости государственного управления в стране в целом, противоречий и отсутствия взаимодействия в высших эшелонах государственной власти.

Кроме того, атмосфера, царившая в бюрократических кругах, в том числе военных, способствовала, как уже отмечалось, выдвиганию на высшие должности лиц, по своим качествам не отвечавшим требованиям современной войны. В ходе военных действий, однако, несоответствие занимаемым долж-

ностям становилось столь очевидным, что вынуждало вышестоящее командование отрешать таких начальников от занимаемых постов.

Так, в 1915 г. были сняты с должностей Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от инфантерии Н. В. Рузский¹⁹¹, Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от артиллерии Н. И. Иванов¹⁹², командующий X-й армией генерал от инфантерии Ф. В. Сиверс¹⁹³, командир 3-го армейского корпуса генерал от инфантерии Н. А. Епанчин¹⁹⁴ и др.

В июне того же года при штабе Двинского военного округа состояли в резерве 32 отчисленных от должностей по несоответствию генерала¹⁹⁵ и 35 бывших командиров полков¹⁹⁶. В декабре того же года – 2 бывших командира корпуса и 8 бывших начальников пехотных и кавалерийских дивизий¹⁹⁷.

При штабе Киевского военного округа в декабре 1915 г. состояли в резерве отчисленные от должности 1 командир корпуса, 3 начальника дивизии и 9 командиров полков. Кроме того, в резерве состояли 13 генералов и 36 командиров частей, «удаленных от должности по болезни»¹⁹⁸. Значительное количество отчисленных от должностей генералов и командиров частей состояло в этот же период и при штабе Минского военного округа¹⁹⁹. Следует отметить, что по несоответствию должности отчислялись в резерв не только высшие и старшие начальники, но и командиры рот, батарей, батальонов и эскадронов²⁰⁰.

Погибших и отстраненных от должностей кадровых офицеров сменяли офицеры военного времени. Следует подчеркнуть, что офицеры этой категории в большинстве своем воевали доблестно. Н. Н. Головин писал: «Потоками самоотверженно пролитой крови прочно спаялось это новое офицерство с остатками кадровых офицеров. Эта прочная спайка облегчалась причинами социально-психологического характера. К началу 1916 г. создалось такое положение. Первоначальное воодушевление прошло. Впереди виднелись только большие испытания. Все мало патриотичное устраивалось и пристраивалось на тыловые и нестроевые должности... Но вся патриотически-настроенная интеллигентная молодежь шла в армию и пополняла ряды нашего поредевшего офицерства. Происходил своего рода социальный отбор... Этим и объясняется, почему наскоро испеченные прапорщики так скоро сливались со старыми боевыми офицерами в одно духовное целое»²⁰¹.

То, что многие офицеры военного времени воевали, не щадя себя, говорят потери среди прапорщиков: убито и умерло от ран – 6884 человека, ранено и контужено – 21105 человек, пропало без вести – 2722 человека²⁰².

Неслучайно в ходе всей войны потери среди офицерства – как кадрового, так и военного времени – были гораздо выше, чем среди нижних чинов.

Приведенные ниже таблицы, составленные участником войны генерал-лейтенантом Н. Н. Головиным, убедительно свидетельствуют об этом.

Взаимоотношение между кровавыми потерями и попавшими в плен для офицерского и солдатского состава Русской армии²⁰³

		Предполагаемые нами абсолютные величины			Процентное взаимоотношение		
		Кровавые потери	Пленные	Всего	Кровавые потери	Пленные	Всего
1914 и 1915 гг.	Офицеры	53 000	13000	66000	80%	20%	100%
	Солдаты	2 975 000	1 779 000	4 754 000	63%	37%	100%
	Общее число	3 028 000	1 792 000	4 820 000	63%	37%	100%
1916 г.	Офицеры	24 500	2000	26500	92%	8%	100%
	Солдаты	2 035 000	342 000	2 377 500	86%	14%	100%
	Общее число	2 060 000	344 000	2 404 000	86%	14%	100%
1917 г.	Офицеры	12500	2000	14500	87%	13%	100%
	Солдаты	399 000	279000	678 500	41%	59%	100%
	Общее число	412000	281 000	693 000	41%	59%	100%
Для всей войны	Офицеры	90 000	17000	107000	84%	16%	100%
	Солдаты	5410000	2 400 000	7810000	69%	31%	100%

Процент офицерских и солдатских потерь ранеными в различных родах войск²⁰⁴

	Офицеры	Нижние чины
Пехота	56,5%	36,9%
Кавалерия	41,2%	18,3%
Артиллерия	26,3%	7,4%
Инженерные войска	10,6%	5,5%
Пограничная стража	54,1%	45,9%
Прочие части	2,9%	0,7%
Общее среднее	48,8%	32,9%

Конечно, офицеры военного времени во многом отличались от кадровых офицеров: они не принадлежали к военному сословию с его особой этикой и психологией, были далеки от многих традиций кадрового офицерства, имели гораздо меньшие знания и навыки в военном деле; часть из них находилась под влиянием революционных идей.

Значительно различался социально-классовый состав этих категорий офицеров: 80% прибывавших на пополнение офицерского корпуса прапорщиков

происходили из крестьян и лишь 4% из дворян²⁰⁵. Прапорщиками становились также чернорабочие, слесари, каменщики, полотеры, буфетчики и т. д. В немалой степени это было следствием того, что школы прапорщиков комплектовались преимущественно солдатами запасных пехотных полков, прошедшими учебную команду, при этом недостаток образования не являлся серьезным препятствием для зачисления в школу²⁰⁶.

Тем не менее «с этим прапорщиком военного времени и были одержаны победы в Галиции летом 1916 г.», да и в целом ведение боевых действий начинавшая уже с конца 1914 г. было бы невозможно без этой категории офицеров²⁰⁷.

Отдельно хотелось бы остановиться на некоторых негативных факторах, сопровождавших военные (боевые) действия.

Пока офицерство погибало в боях, те, кто способствовал поражению России в войне 1904–1905 гг., вновь активизировались, причем в невиданных ранее масштабах.

Как писал В. В. Шульгин, через некоторое время война подняла «...старую волну ненависти против власти. И надо было понять, что эта волна была старая; что это был рецидив того, что временно дремало под влиянием первого энтузиазма; что действующие лица этого нового штурма... были тоже старые, со старыми взглядами, навыками и программами»²⁰⁸.

По его образному выражению, «...эти люди еще башмаков не износили, в которых они приветствовали победы Японии над своей Родиной...»²⁰⁹. Сказанное относилось как к либералам, так и революционерам, за исключением большевиков, изначально вставшим на путь пораженчества.

Не задаваясь целью раскрыть поистине гигантскую подрывную работу, проделанную революционными партиями, рисуем ее лишь фрагментарно, с целью показать обстановку, в которой приходилось воевать офицерам.

Уже в начале ноября 1914 г. в приказе начальника штаба Верховного Главнокомандующего отмечалось: «По доставленным из департамента полиции сведениям... РСДРП, стремящаяся к ниспровержению существующего государственного строя, с начала открытия военных действий занялась пропагандой идей о необходимости скорейшего окончания войны...»²¹⁰.

В начале декабря того же года начальник штаба Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта сообщил начальникам штабов армий о распространении в воинских эшелонах революционных воззваний²¹¹.

В этот же период о социалистической пропаганде в войсках сообщали штабы 2-й²¹² и 10-й армий²¹³, а штаб Минских военно-окружных управлений на театре военных действий отмечал: агитаторы рекомендуют солдатам сдаваться в плен и уклоняться от боевых действий²¹⁴.

В начале 1915 г. при Петербургском комитете РСДРП (б) была воссоздана «военная организация», которая стала вести пропаганду среди солдат Северного фронта и Петроградского гарнизона. Количество «военных организаций» постепенно увеличивалось, и накануне февральской революции 1917 г. только на Северном фронте их действовало более 40²¹⁵. Осенью 1915 г. было восстановлено т. н. Русское бюро ЦК РСДРП (б), которое координировало деятельность большевистских организаций по всей стране.

В гораздо более значительных, чем во время русско-японской войны, количествах печатались и распространялись листовки, направленные на подрыв морально-психологического состояния войск и тем самым объективно способствовавшие военным поражениям России. За годы войны большевиками было выпущено около 600 листовок общим тиражом несколько миллионов экземпляров²¹⁶. Листовки выпускались с целью распространения «преступных идей, с целью подорвать в нижних чинах твердое сознание долга»²¹⁷, призывали к сдаче в плен, дезертирству, неповиновению командирам, свержению власти и т. д. Листовки отправлялись в армию в посылках, бандеролях, подарках, вкладывались в ящики с двойным дном, кисеты с табаком, зашивались под подкладку пересылаемой одежды²¹⁸.

Кроме распространения печатной продукции, большевики широко использовали устную агитацию. Чаще всего она маскировалась под чтение правительственных газет, особенно в периоды отступления русской армии. Как писал один из агитаторов, «при отступлении... условия для агитации... всегда были благоприятны... в такое время один партийный агитатор в армии ценнее для партии целого партийного комитета в тылу»²¹⁹.

По данным начальника контрразведки 2-й армии Западного фронта, социал-демократы широко использовали в целях агитации и пропаганды летучие продовольственные отряды Союза городов – общественной организации, созданной в целях помощи фронту. «...Таковые отряды очень удобны для этого благодаря своей подвижности в районе передовых позиций»²²⁰, – писал он.

Не были забыты и те, кто попал во вражеский плен. По инициативе В. И. Ленина для ведения революционной работы среди них была создана «Комиссия интеллектуальной помощи военнопленным», которую возглавлял Г. Л. Шкловский. Комиссия организовала широкое распространение большевистской литературы в лагерях военнопленных. Так, в течение 1916 г. в лагерь было отправлено 4 тыс. экземпляров брошюры А. Коллонтай «Кому нужна война», 2200 кг других книг и брошюр, по 500 экземпляров каждого номера газеты «Социал-демократ», по 600 экземпляров журналов «Сборник социал-демократа» и «Коммунист», 4 тыс. экземпляров листовки «Земельный вопрос в России» и т. д.²²¹

Партия социалистов-революционеров также направила свои главные силы на организацию пропаганды в войсках, в том числе среди офицерского состава. Путем «неустанной агитации» эсеры рассчитывали «вызвать в действующей армии массовые проявления бунтовщического характера и тем заставить правительство поспешить с заключением мира». Их расчет заключался в следующем: так как мир, заключенный в подобных условиях, окажется невыгодным для России, это вызовет недовольство в стране, создаст почву для массового революционного движения²²². Для решения этой задачи эсеры склоняли к бунтам, сдаче в плен и дезертирству тех, кто находился на фронте, и тоже вели работу среди военнопленных. Осенью 1915 г. в Гааге был организован «Комитет революционной пропаганды среди русских пленных в Германии», который вступил в прямые контакты с врагом. В результате немецкие власти согласились пропускать без цензуры из Голландии в Германию все издания, скрепленные печатью комитета²²³.

В январе 1916 г. эсеры создали в Женеве «Общество помощи военнопленным в Германии и Австро-Венгрии» и «Комиссию по распространению литературы между русскими военнопленными в Германии и Австрии», которые вели устную агитацию среди пленных, а также распространяли газеты, книги и листовки революционного содержания²²⁴. Характеризуя в целом деятельность революционных организаций, главный начальник Минского военного округа отмечал: «...преступная работа идет внутри воинских частей и вне их, и конечно, работа эта связана между собой»²²⁵.

Спецслужбы армий противника, в свою очередь, предпринимали меры для морально-психологического разложения населения, а также русской армии; об этом в январе 1915 г. говорилось в приказе Верховного Главнокомандующего русской армией²²⁶.

Для организации антиправительственной пропаганды и революционных выступлений в России представители Германии в нейтральных странах склоняли проживавших там российских эмигрантов вернуться, предлагая им подложные паспорта на имя американских граждан²²⁷. Какую роль сыграли предложения немцев, установить не представляется возможным, но, по данным Департамента полиции, многие из революционеров возвращались в страну²²⁸.

Немцы и австрийцы распространяли листовки, содержание которых во многом совпадало с содержанием революционных прокламаций, только вражеские листовки были написаны от имени Николая II. Так, в одной из листовок содержались «призывы царя» к солдатам не подчиняться командирам, потому что война «...вызвана интригами Великого Князя Николая Николаевича...», желающего занять престол²²⁹, в другой от имени «царя» солдатам предлагалось расходиться по домам или же сдаваться в плен²³⁰.

В марте 1916 г. начальник штаба Двинского военного округа сообщал: от военнопленных стали приходиться письма, в которых описываются якобы очень хорошие условия жизни в немецком плену²³¹. Кто автор этой идеи – немецкие спецслужбы или революционеры – неизвестно, но факт налицо: те и другие призывали изменить присяге и Отечеству, способствовали поражениям русских войск.

Известны случаи, когда сдавшиеся в плен засылались немцами на русские позиции, где те за деньги вели среди солдат агитацию, уговаривая их сдаться²³².

Заметим: в действительности условия, в которых немцы содержали наших пленных, были чудовищными. Русских пленных, содержащихся в концентрационных лагерях, использовали для работы на металлургических заводах, заставляя выполнять самые тяжелые и грязные работы. Тех, кто отказывался работать, подвергали разнообразным истязаниям и мучениям: их избивали прикладами, держали на солнце целые дни без воды, на 20–30 минут ставили под ледяной душ, загоняли в горячие печи для просушки глиняных форм, подвешивали к столбу; нередко людей просто расстреливали. Русских военнопленных использовали также для работы в тылу действующей армии. «Люди эти едва стоят на ногах, едва двигаются, изнуренные непосильной работой и истощенные голодом. Это скелеты, обтянутые кожей...»²³³.

Штабс-капитан Самохвалов, будучи раненным, в октябре 1914 г. попал в плен. Впоследствии он бежал, сумел добраться до своего полка, где написал рапорт на имя его командира. В рапорте он доложил, что в присутствии немецких офицеров у него отняли часы и кошелек, за три дня в плену ни его, ни нижних чинов ни разу не кормили. Раненых не перевязывали, отчего умер подпоручик Петров: рана была не тяжелой, но его не перевязывали 9 дней, рана загнила, и развилось общее заражение. Пленников всех категорий оставляли под открытым небом на ночь или же толпой загоняли в сарай, где нельзя было лечь. Двух раненных офицеров заставляли руками убирать отхожее место, а когда те отказались, их закололи штыками²³⁴.

В этой связи следует отметить совершенно иное отношение к немецким пленным в России. Командующий Омским военным округом в своем приказе указал, что «...наблюдаются случаи распушенности среди военнопленных, доходящей до того, что таковые днем и ночью свободно в штатском платье ходят по городам и окрестностям...»²³⁵.

В распоряжении «главноначальствующего Оренбургской губернии» говорится, что немецкие пленные «позволяют себе в публичных местах забывать о своем положении... видимо, только потому, что русское правительство ...предоставило им много льгот и свободу личности и имущества в противоположность варварскому отношению их соотечественников к русским»²³⁶.

После взятия русскими войсками крепости Перемышль в газете «Киевлянин» была напечатана заметка, в которой говорилось: «Некоторые офицеры-перемышльцы едут в плен с любимыми болонками и таксами. У иных на руках кошки, кокетливо украшенные разноцветными атласными лентами. Время пленные офицеры проводят не скучая – все они при крупных деньгах, у некоторых даже золото имеется, и они играют в карты»²³⁷.

В приказах по военным округам приводятся случаи, когда уездные воинские начальники, в чьем подчинении находились пленные, приглашали их к себе на квартиру, обращались к вышестоящему начальству с просьбой разрешить пленным офицерам посещать благотворительные спектакли и концерты²³⁸ и т. п. То есть русские офицеры в отличие от своих противников проявляли благородство по отношению к военнопленным.

Конечно, каждая из сторон – внешние враги Российской империи и революционные партии, пропагандируя сдачу в плен и иными способами разлагая армию, – преследовали свои цели, но формы и методы их действий совпадали.

Следует подчеркнуть: Германия и Австро-Венгрия использовали в борьбе против Российской империи не только революционеров, но и антироссийски настроенных националистов. Еще в конце 1914 г. в Галиции был создан «Союз освобождения Украины», который стремился «...разжечь в населяющих Россию малороссах националистические настроения, подготовить почву для массового противоразправительственного движения, которое должно перерасти в вооруженное восстание». В этой связи один из руководителей Министерства внутренних дел письмом сообщил начальнику штаба Верховного Главнокомандующего генералу М. В. Алексеву об обещаниях немцев и их союзников: после поражения России выделить Украину из ее состава и образовать под эгидой Австро-Венгрии т. н. «Королевство Украинское»²³⁹.

В 1915 г. от имени Национально-демократической, Радикальной и Социалистической украинских партий был выпущен манифест «К украинскому народу». Манифест носил откровенно антироссийский и русофобский характер и содержал призыв к «дружному натиску на Россию»²⁴⁰.

В мае 1916 г. группа деятелей националистического толка, входившая в «Союз притесняемых Россией народов» и «Лигу инородцев России», опубликовала за рубежом весьма пространную телеграмму на имя президента США В. Вильсона. В телеграмме, посланной «от имени притесняемых Россией народов», открыто выражалась ненависть к русскому народу. В частности, русские обвинялись в намерении уничтожить украинцев в Галиции и Буковине, в стремлении «устроить русских крестьян» за счет крестьян других национальностей, еврейских погромах («...дали свободу зверским инстинктам черни...»). Заканчивалась телеграмма так: «Никогда наши потомки не забудут тех муче-

ний, которые Россия нам причинила»²⁴¹. Особо подчеркнем: гнусная клевета на русский народ не нашла порицания у «борцов за народное счастье» из РСДРП, партии эсеров и им подобных.

Российские власти знали о том, что сепаратистские настроения используются противником в своих интересах. Так, товарищ (заместитель) министра внутренних дел С. П. Белецкий в специальном письме генералу от инфантерии М. В. Алексеву предупредил, что немцы стремятся использовать националистические устремления украинцев²⁴².

После отступления русских войск из Польши на ее территории распространялись листовки, в которых говорилось: «Сейчас, когда русские войска бежали, как трусы, как воры из чужого гнезда», необходимо «все свои силы отдать для подавления московской мощи»²⁴³.

В апреле 1916 г. в Департаменте полиции была составлена «Записка по польскому вопросу», в которой отмечалось: «В польских общественных кругах, как за границей, так и в России, наблюдается заметный поворот в пользу разрешения польского вопроса в духе австрофильской ориентации»²⁴⁴.

Среди поляков распространялись слухи о согласии австрийского правительства объединить все три части разделенной Польши под скипетром Габсбургов, а также о возмещении немцами всех убытков, причиненных войной польскому населению²⁴⁵. Представляется, что участие спецслужб противника в распространении подобной дезинформации и нагнетании антироссийских настроений вполне очевидно.

Накладываясь на социально-экономические и политические проблемы, коих в стране было немало, массивная антигосударственная пропаганда либеральных и революционных сил, подкрепленная пропагандой извне, имела немалый успех. В апреле 1916 г. Министерство внутренних дел в специальном меморандуме отметило, что деятельность революционных организаций «оказывает большое влияние на политические настроения в армии и стране»²⁴⁶.

Одной из проблем, которые непосредственно способствовали разложению армии, был кризис боевого снабжения войск, проявившийся в начале 1915 г.

В военном ведомстве предполагали вести войну в расчете только на заготовленные в мирное время запасы, соответственно, предварительно разработанного плана пополнения расхода этих запасов не было. В результате запасов боевого снабжения хватило лишь на первые 4 месяца войны.

Так, война выявила доминирующую роль артиллерии. До ее начала количество орудий в русской и немецкой армиях было сопоставимым, но в годы войны Россия произвела 17,9 тыс. орудий, а Германия – 36,8 тыс.²⁴⁷

В первый период войны количественное превосходство немецкой артиллерии зачастую становилось подавляющим. Например, в ходе Горлицкой

операции в мае 1915 г. австро-германская артиллерия имела 143 батареи с 624 орудиями, в том числе – 40 батарей с 160 тяжелыми орудиями. Наша артиллерия насчитывала 22 батареи со 105 орудиями, из которых тяжелых орудий было всего 4²⁴⁸.

Немцы имели возможность выпустить в течение нескольких часов артиллерийской подготовки до 700 снарядов из каждого легкого и до 250 из каждого тяжелого орудия. В русских войсках все было совершенно иначе: дневной расход боеприпасов, например, в III-й армии был установлен в 10 выстрелов для гаубичной батареи, т. е. менее 2 снарядов на гаубицу²⁴⁹.

Неслучайно 1915 год ознаменовался крупными поражениями русской армии. Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж в этой связи отмечал: «...летом 1915 г. русские армии были потрясены и сокрушены артиллерийским превосходством Германии...»²⁵⁰.

Достаточно сложным было положение и со стрелковым оружием. Так, русская армия уступала своим противникам по насыщенности пулеметами в 1915–1916 гг. более чем в два раза, в 1917 г. разрыв увеличился еще более²⁵¹.

В начале 1915 г. для мобилизованных в армию стало не хватать оружия. Например, на 14 сентября 1915 г. только на Западном фронте недоставало 624 108 винтовок²⁵².

Маршевые роты часто прибывали на фронт с 50% и даже 25% необходимого числа трехлинейек²⁵³; в апреле 1915 г. в V-ю армию Северо-Западного фронта прибыло пополнение в количестве 80 рот, из которых 14 рот были вообще безоружными, а остальные вооружены на одну пятую часть²⁵⁴.

Подобных случаев было немало, что, естественно, вызывало недовольство в войсках. Так, военная цензура отмечала: «Замечается серьезная неудовлетворенность нижних чинов по поводу недостатка винтовок...»²⁵⁵.

В 1916 г. большую часть всех проблем удалось решить за счет напряжения сил русской промышленности и закупок оружия за рубежом, но последствия нехватки вооружения продолжали использоваться в антиправительственной пропаганде.

Одним из проявлений успеха пропаганды и нарастающей деморализации войск была массовая сдача нижних чинов в плен. Если в августе 1914 – апреле 1915 гг. в среднем ежемесячно сдавалось по 60 665 человек, то в мае–декабре 1915 г. – по 125 199 человек²⁵⁶.

В 1916 г. количество ежемесячно сдававшихся в плен уменьшилось до 97 704 человек в среднем в месяц²⁵⁷, но это произошло потому, что 1916 г. на русско-германском фронте был менее насыщен боевыми операциями, чем предыдущий. Война приобрела позиционный характер, и это уменьшило возможности сдаваться в плен.

Безусловно, значительная часть солдат попадала в плен, оказавшись в безвыходной ситуации. Однако немало было тех, кто сдавался при первой возможности. Военная цензура Западного фронта, проверявшая миллионы писем, отмечала, что во всех армиях фронта часть нижних чинов не чурается мысли о сдаче в плен²⁵⁸.

Часть солдат сдавалась в плен, руководствуясь антирусскими мотивами. Департамент полиции в январе 1916 г. отмечал: «Участились случаи сдачи в плен нижних чинов, уроженцев губерний Царства Польского»²⁵⁹. Командование частей Западного фронта неоднократно отмечало побег к противнику групп солдат – уроженцев Гродненской, Ковенской, Виленской губерний. Сдавшись в плен, такие солдаты присылали в Россию письма, в которых описывали якобы очень хорошие условия жизни в немецком плену²⁶⁰.

В результате всего выше изложенного к концу 1916 г. в плену находилось свыше 2 млн нижних чинов²⁶¹. Следует отметить, что нижние чины, призванные из западных губерний империи, сдавались в плен гораздо чаще, чем солдаты из других губерний. Например, соотношение кровавых потерь и сдавшихся в плен среди нижних чинов составляло²⁶²:

– призванных из Варшавской губернии – 42% кровавых потерь и 58% пленных;

– из Виленской губернии – соответственно 38% и 62%;

– из Ковенской губернии – соответственно 33% и 67%;

– из Радомской губернии – 38% и 62% и т. д.

В то же время были губернии, призывники из которых воевали иначе:

– призванных из Астраханской губернии – 64% кровавых потерь и 36% пленных;

– из Владимирской губернии – 63% и 37% соответственно;

– из Елизаветпольской губернии – 72% и 28% соответственно;

– из Харьковской губернии – 67% и 33% соответственно и т. д.

Офицеры также попадали в плен, но, как отмечалось ранее, соотношение взятых в плен солдат и офицеров свидетельствует: офицерство воевало несравненно доблестнее.

Часть нижних чинов предпочитала плену дезертирство. По официальным данным, с начала войны и до Февральской революции 1917 г. официально было зарегистрировано 195 130 случаев дезертирства. Однако, по мнению генерал-лейтенанта Н. Н. Головина, подлинное количество дезертиров было гораздо больше. Так же считал председатель IV Государственной Думы М. В. Родзянко, называвший цифру в 1,5 млн человек²⁶³.

Наряду с индивидуальным дезертирством использовались и более изощренные формы. В документах той поры говорится о том, что активисты рево-

люционных партий агитировали за то, чтобы «...разбежаться полками с позиции в то время, когда нужно идти в атаку» или же «когда идет артиллерийский обстрел». Дополнительно предлагалось «ранить себя в палец, щеку», после чего всей массой садиться «на санитарный поезд, чтобы таким путем избежать наказания», – отмечал в октябре 1915 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего. Подобная агитация иной раз имела успех, и некоторые полки действовали именно таким образом²⁶⁴.

Что касается офицеров, то случаи, когда отдельные из них не являлись к месту службы или самовольно отлучались из расположения части, известны. В одном из приказов по Минскому военному округу (декабрь 1916 г.), находившемуся в прифронтовой полосе, перечисляются 14 таких офицеров, в другом приказе упоминаются еще 6 человек²⁶⁵.

В Киевском военном округе в этот же период в своих частях по неизвестным причинам отсутствовало 72 офицера²⁶⁶. Безусловно, это негативное явление, однако если учесть, что офицерский корпус в это время составлял сотни тысяч человек, то процент тех, кто по тем или иным причинам разыскивался командованием, исчезающе мал.

Еще до 1917 г. наиболее разложившиеся части отказывались участвовать в атаках. Агитаторы распространяли среди нижних чинов слухи о том, что «...некоторые полки и даже дивизии отказывались идти в атаку» и призывали солдат следовать примеру «отказников»²⁶⁷.

В годы Первой мировой войны практиковалось также так называемое «братание» – встречи солдат воюющих стран на нейтральной полосе в период затишья на фронте. Эта, как ее характеризовала революционная пропаганда «форма борьбы, вызванная революционным творчеством солдатских масс» впервые проявилась в 1915 г., получила более широкое распространение в 1916 г. и приобрела массовый характер в 1917 г.

На самом деле «братание», имевшее ярко выраженную политическую подоплеку, являлось результатом «творчества» вовсе не наивных в политическом отношении солдат. По данным отечественных и зарубежных исследователей, организатором «братания» являлось австро-германское командование. Враг преследовал две основные цели. Первая – добыча разведанных, для чего в братании участвовали офицеры спецслужб противника, переодетые в форму рядовых. Существуют многочисленные документальные свидетельства того, что в ходе братания разведка противника осуществляла сотни разведывательных контактов²⁶⁸. Вторая цель – распространение среди русских солдат выгодных противнику идей и взглядов. Пропаганда велась всевозможными путями, но особое значение придавалось словесной передаче обработанной в нужном смысле информации, или же напротив, дезинформации. Известный немецкий

военачальник генерал Э.Людендорф говорил по поводу этого способа: «Мысль существует, а откуда она взялась – неизвестно»²⁶⁹.

Говоря о вражеской пропаганде в странах, воевавших с Германией и ее союзниками, генерал от инфантерии Ю.Н.Данилов писал: «Шла она... двумя путями – с фронта и через тыл, но имела одну цель: угасить в народах и войсках этих государств дух войны и подорвать в них внутреннюю дисциплину... Для России с непрочной государственностью, темной массой и правительством, не пользовавшимся общественным доверием, пропаганда эта оказалась смертельным ядом»²⁷⁰. Именно такое явление, как братание, подходило для вражеской пропаганды как нельзя лучше.

Если первое время во время братания наших солдат могли взять в плен, то позже от такой практики немцы отказались, опасаясь прекращения братания с русской стороны. Для пропаганды взглядов, способных помочь Германии успешно окончить войну, были созданы особые отделения, которые в 1916 г. объединили в единую организацию. Для морально-психологического разложения военнопленных из России немцы издавали газеты на русском языке – «Русский вестник», «Товарищ», «Неделя», «Новости» и др., причем часть из них попадала в русские окопы именно благодаря братанию.

Узкопартийную пользу из братания извлекали также революционные партии, в частности большевики. В.И.Ленин, выступая в феврале 1915 г. на конференции заграничных секций РСДРП, проходившей в Берне (Швейцария), призвал к поддержке «братанья солдат воюющих наций в траншеях и на театре войны вообще», видя в этом явлении «первые шаги по пути превращения современной империалистской войны в гражданскую»²⁷¹.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод: несмотря на социальные потрясения, расшатывание основ традиционного российского общества, идейный и нравственный хаос, царивший практически во всех слоях общества, в офицерской среде сохранялась моральная атмосфера и традиции, соответствовавшие воинской этике.

Даже в годы Первой мировой войны, когда число офицеров увеличилось многократно за счет выходцев из самых разных социальных слоев, революционной работой занималось незначительное количество офицеров. Точное их количество установить не представляется возможным, однако в работах советских историков называются имена около двух десятков человек, имевших офицерские звания и являвшихся членами большевистской партии²⁷².

Особо отметим: как правило, они не являлись кадровыми офицерами и в большинстве своем имели чин прапорщика. Наверняка, их было больше, чем два десятка; безусловно, были офицеры, связанные и с другими радикальными партиями. Однако с учетом того, что погоны офицеров в годы мировой войны

носили сотни тысяч человек, процент причастных к революционному движению был ничтожен; события 1917 г. подтвердили это в полной мере.

Что касается офицеров, подпавших под влияние пропаганды, призывавшей к сдаче в плен или дезертирству, то их число было столь мало, что не могло сказаться на характеристике офицерства в целом. Офицеры Российской императорской армии помнили о присяге и с честью служили Отечеству.

* * *

В начале XX века Российская империя, являясь великой державой, имела собственные интересы в различных регионах планеты. Это не могло не вызывать противодействия со стороны других государств, также заинтересованных в усилении своего влияния в этих регионах. Результатом обострения противоречий стало участие России в войнах и вооруженных конфликтах начала XX века.

Участие в боевых действиях в Китае явилось одним из первых шагов, направленных на закрепление позиций России на Дальнем Востоке. Одним из последствий этого шага стало ухудшение отношений с Японией.

Русско-японская война 1904–1905 гг. стала первым крупным военным конфликтом, в котором русская армия принимала участие после длительного перерыва. Война выявила значительные недостатки в подготовке войск, в том числе офицерского состава. Однако если на уровне рота – батальон – полк русские войска под командованием своих офицеров вполне успешно сражались с японцами, то высшее командование в силу ряда объективных и субъективных причин не могло организовать успешного противостояния противнику.

В период, предшествовавший Первой мировой войне, был осуществлен комплекс мер, учитывавших опыт русско-японской войны и направленных на повышение боеспособности армии. В их числе предпринимались меры, способствовавшие подготовке офицеров к руководству войсками в современной войне. Великая война показала, что русское офицерство и руководимые им части ничуть не уступали германским и австро-венгерским ротам, батальонам и даже полкам. К сожалению, высшее командование русской армии в большинстве своем вновь оказалось не на высоте.

Характерной чертой русских офицеров всех уровней была личная храбрость, неизменно проявлявшаяся во всех военных конфликтах.

Особенностью условий, в которых пришлось воевать и служить русскому офицерству, явилась активная антигосударственная деятельность либеральных и революционных сил, оказывавших дестабилизирующее влияние на положение в стране и разлагавших армию.

Примечания к главе 3

- 1 Ихэтуаньское восстание // Википедия: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (09.10.2008).
- 2 Грибовский В.Ю. Российский флот Тихого океана, 1898–1905. История создания и гибели // <http://keu-ocr.narod.ru/Gribovsky/part1.html#chap9> (10.10.2008).
- 3 Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.) // Азиатская библиотека: http://asiapacific.narod.ru/countries/china/n_e_ablova/1.2.htm (09.10.2008).
- 4 «Разведчик», 1903, № 641. С. 98.
- 5 Максимов А.Я. О внешней политике Российской империи на Дальнем Востоке // <http://www.milresource.ru/Maksimov.html> (09.10.2008).
- 6 Приказ по военному ведомству от 17 сентября № 602 // Приказы по военному ведомству и циркуляры Главного штаба за 1905 год. – СПб.: Военная типография, 1905. С. 966.
- 7 «Разведчик», 1900, № 505. С. 562.
- 8 «Разведчик», 1902, № 609. С. 561.
- 9 Приказ по военному ведомству от 17 сентября № 602 // Приказы по военному ведомству и циркуляры Главного штаба за 1905 год. С. 968.
- 10 «Разведчик», 1900, № 513. С. 737.
- 11 Приказ войскам Южно-Манчжурского отряда от 19 июля 1901 года № 156 // «Разведчик», 1902, № 596. С. 273.
- 12 Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны (очерки истории военно-политических отношений) // <http://www.milresource.ru/Russia-China-10-1.html>. (10.10.2008).
- 13 Там же.
- 14 «Разведчик», 1901, № 555. С. 530.
- 15 «Разведчик», 1901, № 552. С. 459.
- 16 Попов И.М. Указ. соч.
- 17 ВС, 1902, № 1. С. 35–36.
- 18 «Разведчик», 1905, № 746. С. 125.
- 19 Русско-японская война 1904–1905 гг. // РГВИА. Ф. 487. Оп. 1. Д. 65. Л. 95, 96, 116.
- 20 Толузаков С. Настроение в корпусе офицеров... С. 203.
- 21 Приказ войскам Виленского военного округа № 126 // «Разведчик», 1905, № 766. С. 511.
- 22 Цит. по: Краснов П. Душа Армии. Очерки по военной психологии // <http://www.voskres.ru/army/library/armysoul.htm> (20.06.2007).
- 23 В.А.К. Мысли о Мукденских боях // ВРК, 1906, № 14. С. 635.
- 24 ВС, 1906, № 12. С. 131–132.
- 25 Толузаков С. Настроение в корпусе офицеров... С. 203.
- 26 ВС, 1904, № 6. С. 186, 189.
- 27 «Разведчик», 1906, № 812. С. 394.
- 28 ВС, 1904, № 11. С. 246.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 ВС, 1905, № 4. С. 194.
- 32 ВС, 1905, № 2. С. 175–176, 206.
- 33 «Разведчик», 1905, № 746. С. 148.
- 34 «Разведчик», 1905, № 766. С. 516.
- 35 «Разведчик», 1905, № 746. С. 145.
- 36 ВС, 1907, № 2. С. 287.
- 37 Русско-японская война 1904–1905 гг. // РГВИА. Ф. 487. Оп. 1. Д. 258. Л. 254–255об.
- 38 «Разведчик», 1906, № 814. С. 434.
- 39 ВРК, 1907, № 18. С. 811.
- 40 «Разведчик», 1906, № 802. С. 180.
- 41 «Разведчик», 1905, № 768. С. 553.
- 42 Деникин А.И. Очерки русской смуты // http://militera.lib.ru/h/denikin_ai2/1_33.html (12.08.2011).
- 43 Краткий исторический очерк Первого Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса. 1813–1913. – М., 1915. С. 352.

- 44 ВС, 1906, № 4. С. 258.
- 45 «Разведчик», 1906, № 809. С. 345.
- 46 «Разведчик», 1906, № 793. С. 12.
- 47 Русско-японская война 1904–1905 гг. // РГВИА. Ф. 487. Оп. 1. Д. 65. Л. 70, 95, 116.
- 48 Там же. Л. 36, 95.
- 49 ВС, 1908, № 7. С. 82.
- 50 В.А.К. Мысли о Мукденских боях // ВРК, 1906, № 14. С. 597.
- 51 Толузаков С. Настроение в корпусе офицеров армии // «Разведчик», 1906, № 803. С. 203.
- 52 Иванов В.В. Боевые награды российских героев войны 1904–1905 гг. // Россия и АТР, 2005, № 2. С. 26.
- 53 Там же. С. 27.
- 54 Сорокин А.И. Русско-японская война 1904–1905 гг. (военно-исторический очерк). – М.: Воениздат, 1956. С. 22.
- 55 Парский Д. Указ. соч. С. 75.
- 56 С-ов Д. Горе побежденным! // «Разведчик», 1914, № 1214. С. 88.
- 57 М.А.Н. Военные училища // «Разведчик», 1901, № 542. С. 222.
- 58 «Разведчик», 1906, № 825. С. 615.
- 59 Парский Д. Указ. соч. С. 64, 95, 98.
- 60 Там же. С. 64.
- 61 Малинко В.И. Указ. соч.
- 62 Веремеев Ю. Нормы продснабжения Русской армии в 1914–17 гг. // <http://www.almanacwhf.ru/?no=2&art=4> (30.06.2009).
- 63 Редигер Александр Федорович // РГВИА. Ф. 280. Оп. 1. Д. 4. Л. 100.
- 64 Цит. по: Ионов В.В. Подготовка русской армии накануне Первой мировой войны // ВИЖ, 2004, № 10. С. 36.
- 65 «Разведчик», 1901, № 576. С. 982.
- 66 «Разведчик», 1910, № 1028. С. 422–423.
- 67 Цит. по: Ионов В.В. Указ. соч. С. 35.
- 68 Грулев М. Указ. соч. С. 74; «Разведчик», 1906, № 804. С. 229.
- 69 Апухтин А.Н. Тактические занятия с офицерами // ВС, 1911, № 2. С. 3.
- 70 Драгомиров М. Одиннадцать лет... С. 76–
- 77.
- 71 Гусев А.Н. Из воспоминаний участника русско-японской войны // ВС, 1910, № 9. С. 69.
- 72 «Разведчик», 1904, № 715. С. 687.
- 73 ВС, 1908, № 7 (прилож.). С. 14.
- 74 Парский Д. Указ. соч. С. 79.
- 75 Там же. С. 75.
- 76 Теттау (фон). Два месяца в частях русской армии // «Разведчик», 1904, № 695. С. 149.
- 77 Там же.
- 78 Новицкий В.Ф. На пути к усовершенствованию государственной обороны. – СПб., 1909. С. 106.
- 79 Там же.
- 80 «Разведчик», 1906, № 808. С. 332.
- 81 Цит. по: ВС, 1908, № 7 (прилож.). С. 7.
- 82 Зайончковский П.А. Офицерский корпус русской армии... С. 26.
- 83 Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 188.
- 84 Парский Д. Указ. соч. С. 79.
- 85 Баланин Д. Дух и инициатива выше всего // ВС, 1914, № 11. С. 84; Теттау (фон). Указ. соч. С. 149; Парский Д. Указ. соч. С. 78 и др.
- 86 «Разведчик», 1905, № 783–784. С. 807.
- 87 Ночин И. Армейские заметки // «Разведчик», 1909, № 951. С. 40.
- 88 ВС, 1906, № 6. С. 180.
- 89 «Разведчик», 1907, № 894. С. 733.
- 90 ВС, 1908, № 7 (прилож.). С. 8.
- 91 Баланин Д. Указ. соч. С. 84.
- 92 Там же. С. 86.
- 93 Гриненберг О. Истина о Сандепу // «Разведчик», 1906, № 799. С. 132.
- 94 «Разведчик», 1908, № 908. С. 205.
- 95 Парский Д. Указ. соч. С. 94.
- 96 Н. Война с Японией. Итоги // «Разведчик», 1905, № 781–782. С. 787.
- 97 ВС, 1908, № 7 (приложение). С. 5.
- 98 Там же.
- 99 ВС, 1906, № 6. С. 180.
- 100 Парский Д. Указ. соч. С. 1.

- 101 «Разведчик», 1906, № 815. С. 459.
- 102 Приказ по военному ведомству от 31 июля № 459 // Приказы по военному ведомству за 1910 год. – СПб.: Военная типография, 1910. С. 762.
- 103 Апухтин А.Н. Тактические занятия с офицерами... С. 1.
- 104 Комитет по образованию войск при Военном совете // РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 830. Л. 329.
- 105 Ионов В.В. Указ. соч. С. 37.
- 106 «Разведчик», 1913, № 1199. С. 650.
- 107 Приказ по Кавказскому военному округу № 250 // «Разведчик», 1906, № 794–795. С. 24; Приказ войскам Виленского военного округа № 225 // «Разведчик», 1905, № 785. С. 828.
- 108 «Разведчик», 1906, № 808. С. 333.
- 109 Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 188.
- 110 Зайончковский П.А. Офицерский корпус русской армии... С. 26.
- 111 Ушаков Б. Несколько слов о постановке дела подготовки к бою в нашей армии // «Разведчик», 1910, № 1036. С. 542.
- 112 «Разведчик», 1905, № 790. С. 927.
- 113 Ушаков Б. Указ. соч. С. 542.
- 114 «Разведчик», 1908, № 938. С. 673.
- 115 Апухтин А.Н. Тактические занятия с офицерами... С. 1.
- 116 Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг.: В 2-х т.. – М.: Издательство НКО СССР, 1938. Т. 1. С. 23.
- 117 Из секретной докладной записки Германского Большого Генерального штаба // «Родина», 1993, № 8–9. С. 14.
- 118 Смирнов А. Сибирский удар и саксонская сталь. Сравнительная характеристика противников на Восточном фронте // Русская императорская армия: <http://regiment.ru/Lib/C/167.htm> (02.05.2011).
- 119 Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг... С. 23.
- 120 Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. – М.: «АСТ», 1999. С. 49–50.
- 121 Там же. С. 108.
- 122 Там же. С. 46–47.
- 123 Цит. по: Отечественная история // «История». Издательский дом «Первое сентября»: <http://his.1september.ru/article.php?ID=200403604> (05.06.2011).
- 124 Н-чин С. На Руси // «Летопись войны 1914 года», 1914, № 1. С. 23.
- 125 Там же. С. 22.
- 126 Спиридович А.И. Великая война и Февральская Революция 1914–1917 гг. // Русская императорская армия: <http://regiment.ru/Lib/V/29/1.htm> (06.06.2011).
- 127 Цит. по: Первая мировая война и российское общество // <http://www.yspu.yar.ru/hreader/6/?in=3> (05.06.2011).
- 128 Штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта // РГВИА. Ф. 2019. Оп. 2. Д. 19. Л. 1–773.
- 129 От управления воинской повинности // «Разведчик», 1914, № 1241. С. 500.
- 130 «Разведчик», 1916, № 1345. С. 516.
- 131 Курдюк А.А. Правовое регулирование ускоренной подготовки юнкеров в военных училищах (1914–1917 гг.) // Федеральный центр образовательного законодательства: <http://www.lexed.ru/pravo/journ/0506/kurduk.doc> (30.06.2009).
- 132 «Разведчик», 1916, № 1326. С. 213.
- 133 Кавтарадзе А.Г. Некоторые итоги изучения... С. 152.
- 134 Курдюк А.А. Указ. соч.
- 135 «Разведчик», 1916, № 1326. С. 213.
- 136 Курдюк А.А. Указ. соч.
- 137 Бурашечников А.А. Офицерский корпус русской армии накануне Октябрьской революции // Интеллигенция и революция. XX век. – М., 1985. С. 147.
- 138 «Разведчик», 1916, № 1343. С. 490.
- 139 «Разведчик», 1916, № 1360. С. 766.
- 140 «Разведчик», 1916, № 1339. С. 431.
- 141 «Разведчик», 1916, № 1344. С. 509.
- 142 «Разведчик», 1915, № 1265. С. 71.

- ¹⁴³ «Разведчик», 1916, № 1343. С. 491.
- ¹⁴⁴ «Разведчик», 1916, № 1345. С. 525.
- ¹⁴⁵ «Разведчик», 1916, № 1348. С. 575.
- ¹⁴⁶ «Разведчик», 1916, № 1341. С. 460.
- ¹⁴⁷ Там же.
- ¹⁴⁸ Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 440. Л. 8 об.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ Там же.
- ¹⁵¹ *Навоев П.* Герои офицеры и солдаты второй отечественной войны. 1-й выпуск. – Пг., 1916. С. 6.
- ¹⁵² Приказ от 11 октября № 1647 // НИАБ (Минск). Инв. № 15288. Приказы армиям Юго-Западного фронта за 1916 год. Т. 2 (нумерация страниц в деле отсутствует).
- ¹⁵³ Приказ Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта от 25 июня 1916 года № 3941 // «Разведчик», 1916, № 1344. С. 500–501.
- ¹⁵⁴ «Разведчик», 1916, № 1342. С. 475.
- ¹⁵⁵ Там же.
- ¹⁵⁶ *Михаленко А.П.* И жили дружною семьею солдат, корнет и генерал // Военно-исторический клуб «Ахтырские гусары»: <http://www.gusa.ru/glava4.html> (10.07.2009).
- ¹⁵⁷ «Разведчик», 1916, № 1328. С. 243.
- ¹⁵⁸ *Краснов П.Н.* Душа армии...
- ¹⁵⁹ *Воронцов М.С.* Наставление господам пехотным офицерам в день сражения // http://artofwar.ru/k/kamenew_anatolij_iwanowich/nastawleniegospodampehotnuficeram.shtml (11.09.2009).
- ¹⁶⁰ Наставление для действий пехоты в бою // http://www.bergenschild.narod.ru/Reconstruction/archive/pehota_v_boyu/nastavlenie_pehota_v_boyu.htm (11.09.2009).
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² Там же.
- ¹⁶³ «Разведчик», 1916, № 1353. С. 654.
- ¹⁶⁴ *Головин Н.Н.* Указ. соч. // http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/05.html (23.08.2011).
- ¹⁶⁵ 1-й пехотный Невский полк // РГВИА. Ф. 2615. Оп. 1. Д. 208. Л. 2–48.
- ¹⁶⁶ *Головин Н.Н.* Указ. соч.
- ¹⁶⁷ *Кавтарадзе А.Г.* Некоторые итоги изучения проблемы «Октябрь и военная интеллигенция» // Интеллигенция и революция. XX век. С. 152.
- ¹⁶⁸ *Ленин В.И.* Письма из далека // ПСС В.И.Ленина: <http://vilenin.eu/t31/p015> (19.06.2011).
- ¹⁶⁹ *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. С. 357.
- ¹⁷⁰ Там же.
- ¹⁷¹ Там же.
- ¹⁷² Приказ по военному ведомству от 28 января 1915 г. № 42 // НИАБ. Инв. № 14972. Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 124–126.
- ¹⁷³ Приказ по военному ведомству от 24 октября 1915 г. № 563 // Там же. С. 730–731.
- ¹⁷⁴ Приказ по военному ведомству от 24 декабря 1915 г. № 681 // Там же. С. 845–848.
- ¹⁷⁵ Приказ по военному ведомству от 24 октября 1915 г. № 563 // Там же. С. 730–731.
- ¹⁷⁶ Приказ по военному ведомству от 24 декабря 1915 г. № 681 // Там же. С. 845–848.
- ¹⁷⁷ *Зайончковский А.* Мировая война 1914–1918 гг.: В 2-х т. Т. 1. С. 24.
- ¹⁷⁸ Из секретной докладной записки Германского Большого Генерального штаба // «Родина», 1993, № 8–9. С. 14–15.
- ¹⁷⁹ Штаб Верховного Главнокомандующего // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 145. Л. 32.
- ¹⁸⁰ Там же. Л. 144.
- ¹⁸¹ Там же. Л. 80.
- ¹⁸² *Порошин А.А.* О некоторых уроках управления русской армией в 1916 г. // Саратовский ГУ. Информационно-образовательный портал: <http://old.sgu.ru/faculties/historical/departments/oinp/avn2/docs/16.pdf> (02.09.2009).

- ²¹³ 26-й армейский корпус // РГВИА. Ф. 2230. Оп. 1. Д. 315. Л. 63.
- ²¹⁴ Помощник начальника Гродненского губернского жандармского управления // НИАБ (г. Гродно). Ф. 369. Оп. 1. Д. 114. Л. 34.
- ²¹⁵ Военно-боевая работа партии... С. 208.
- ²¹⁶ Там же. С. 211.
- ²¹⁷ Смоленский особый продовольственный магазин // РГВИА. Ф. 741. Оп. 2. Д. 18. Л. 19.
- ²¹⁸ Минское городское полицейское управление // НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 69. Л. 486.
- ²¹⁹ *Пирейко А.* В тылу и на фронте империалистической войны (воспоминания рядового). – Л., 1926. С. 24.
- ²²⁰ Штаб Петроградского в.о. на театре военных действий // РГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 408. Л. 196.
- ²²¹ Ленинский сборник XI. – М.–Л., 1929. С. 216.
- ²²² Гродненское губернское жандармское управление // НИАБ (г. Гродно). Ф. 366. Оп. 1. Д. 449. Л. 33 об.–34.
- ²²³ Там же. Л. 66.
- ²²⁴ Помощник начальника Гродненского губернского жандармского управления // НИАБ (г. Гродно). Ф. 369. Оп. 1. Д. 114. Л. 14.
- ²²⁵ 24-я пехотная дивизия // РГВИА. Ф. 2354. Оп. 2. Д. 700. Л. 50.
- ²²⁶ Штаб Верховного Главнокомандующего // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 783. Л. 18.
- ²²⁷ Помощник начальника Гродненского губернского жандармского управл. Л. 230б.
- ²²⁸ Гродненское губернское жандармское управление // НИАБ (г. Гродно). Ф. 366. Оп. 1. Д. 449. Л. 28, 49, 50, 59, 60, 63, 64.
- ²²⁹ Военно-походная канцелярия е.и.в. при Императорской главной квартире // РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 55. Л. 162.
- ²³⁰ Там же. Л. 163–165.
- ²³¹ Помощник начальника Гродненского губернского жандармского управл. Л. 19.
- ¹⁸³ Там же.
- ¹⁸⁴ Там же.
- ¹⁸⁵ Штаб Верховного Главнокомандующего // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 47. Л. 9, 11.
- ¹⁸⁶ Там же. Л. 9.
- ¹⁸⁷ *Порошин А.А.* Указ. соч.
- ¹⁸⁸ Военная реформа: сб. статей // Издание «Военного голоса». – СПб., 1906. С. 11–12.
- ¹⁸⁹ *Порошин А.А.* Указ. соч.
- ¹⁹⁰ «Разведчик», 1911, № 1063. С. 154.
- ¹⁹¹ Штаб Верховного Главнокомандующего // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 145. Л. 145.
- ¹⁹² Там же. Л. 147.
- ¹⁹³ Там же. Л. 31.
- ¹⁹⁴ Там же. Л. 32.
- ¹⁹⁵ Штаб Верховного Главнокомандующего // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 155. Л. 6–7 об.
- ¹⁹⁶ Там же. Л. 4–4 об.
- ¹⁹⁷ Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 185. Л. 70–76.
- ¹⁹⁸ Там же. Л. 1–6.
- ¹⁹⁹ Там же. Л. 64–66.
- ²⁰⁰ Там же. Л. 44–45, 48–51.
- ²⁰¹ *Головин Н.Н.* Указ. соч.
- ²⁰² *Волков С.В.* Русский офицерский корпус... С. 357.
- ²⁰³ *Головин Н.Н.* Указ. соч.
- ²⁰⁴ Там же.
- ²⁰⁵ *Головин Н.Н.* Указ. соч.
- ²⁰⁶ *Буравченков А.А.* Офицерский корпус русской армии... С. 147–148.
- ²⁰⁷ *Головин Н.Н.* Указ. соч.
- ²⁰⁸ *Шульгин В.В.* Указ. соч. С. 56.
- ²⁰⁹ Там же. С. 54.
- ²¹⁰ 19-й армейский корпус // РГВИА. Ф. 2216. Оп. 3. Д. 243. Л. 3.
- ²¹¹ 26-й армейский корпус // РГВИА. Ф. 2230. Оп. 1. Д. 315. Л. 67.
- ²¹² 4-й армейский корпус // РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 570. Л. 4.

- ²³² 26-й армейский корпус // РГВИА. Ф. 2230. Оп. 1. Д. 315. Л. 329.
- ²³³ Наши военнопленные в Германии и Австро-Венгрии. – Пг., 1917. С. 11–13, 19.
- ²³⁴ «Разведчик», 1915, № 1265. С. 66.
- ²³⁵ Приказ войскам Омского военного округа № 66 // «Разведчик», 1915, № 1270. С. 147.
- ²³⁶ «Разведчик», 1915, № 1263. С. 33.
- ²³⁷ Цит. по: «Разведчик», 1915, № 1273. С. 209.
- ²³⁸ «Разведчик», 1915, № 1264. С. 47; «Разведчик», 1915, № 1278. С. 289.
- ²³⁹ Помощник начальника Гродненского губернского жандармского управл. Л. 5.
- ²⁴⁰ Там же. Л. 5 об.
- ²⁴¹ Там же. Л. 185, 185 об., 186 об.
- ²⁴² Там же. Л. 5.
- ²⁴³ Канцелярия минского гражданского губернатора // НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8591 б. Л. 553, 555.
- ²⁴⁴ Канцелярия витебского гражданского губернатора // НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 54203. Л. 11.
- ²⁴⁵ Там же. Л. 12, 47.
- ²⁴⁶ Помощник начальника Гродненского губернского жандармского управл. Л. 35.
- ²⁴⁷ *Зайончковский А.* Мировая война 1914–1918 гг.: В 2-х т. Т. 2. С. 270.
- ²⁴⁸ Там же. Т. 1. С. 308.
- ²⁴⁹ *Верховский Д.В., Ляхов В.Ф.* Первая мировая война 1914–1918 гг. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1964. С. 121.
- ²⁵⁰ Цит. по: *Зайончковский А.* Мировая война 1914–1918 гг.: В 2-х т. Т. 1. С. 377.
- ²⁵¹ *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. – М.: «Наука», 1986. С. 82.
- ²⁵² Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 2. Д. 91. Л. 157.
- ²⁵³ *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. – М.: Л.: Госиздат, 1930. С. 124.
- ²⁵⁴ Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 2. Д. 79. Л. 138.
- ²⁵⁵ Штаб Верховного Главнокомандующего // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 60.
- ²⁵⁶ *Чаадаева О.* Армия накануне Февральской революции. – М.–Л., 1936. С. 52.
- ²⁵⁷ *Гаркавенко Д.А.* Партия, армия и флот в Февральской революции. – Л.: Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище, 1972. С. 66.
- ²⁵⁸ Штаб Верховного Главнокомандующего // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 49.
- ²⁵⁹ Помощник начальника Гродненского губернского жандармского управл. Л. 10.
- ²⁶⁰ 26-й армейский корпус // РГВИА. Ф. 2230. Оп. 1. Д. 315. Л. 417, 419; НИАБ (г. Гродно). Ф. 369. Оп. 1. Д. 127. Л. 19.
- ²⁶¹ *Головин Н.Н.* Указ. соч.
- ²⁶² Там же.
- ²⁶³ *Мартынов Е.И.* Царская армия в Февральском перевороте. – Л., 1927. С. 19.
- ²⁶⁴ 26-й армейский корпус // РГВИА. Ф. 2230. Оп. 1. Д. 315. Л. 282.
- ²⁶⁵ Канцелярия могилевского гражданского губернатора // НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 2114. Л. 60, 170.
- ²⁶⁶ Там же. Л. 82–82 об., 84.
- ²⁶⁷ Штаб Верховного Главнокомандующего // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 227.
- ²⁶⁸ *Базанов С.Н.* Немецкие солдаты стали... переползать к русским «товарищам» и брататься с ними // Русская императорская армия: <http://regiment.ru/Lib/C/26.htm> (07.03.2011).
- ²⁶⁹ Там же.
- ²⁷⁰ Цит по: там же.
- ²⁷¹ Там же.
- ²⁷² *Буравченко А.А.* Офицерский корпус русской армии... С. 149; *его же.* В ногу с революцией. Демократической офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. – Киев, 1988. С. 18, 21.

ОФИЦЕРСТВО В 1917 ГОДУ

§ 4.1. Разложение армии

Февральская революция 1917 г. привела к гибели Российской империи. Монархия, как модель государственного устройства, была разрушена, в стране начался хаос, усугублявшийся политикой новой власти, уничтожавшей, по сути, историческую Россию.

Русская армия была одним из главнейших столпов, на которых зиждилась русская государственность. Именно поэтому революционеры постоянно твердили о необходимости разрушения «царской» армии и, прежде всего, ее основы – корпуса офицеров. Как писал В. Ленин, «первой заповедью всякой победоносной революции – Маркс и Энгельс многократно подчеркивали это – было: разбить старую армию, распустить ее, заменить ее новой»¹.

По многим причинам в ходе Мировой войны армия перестала быть опорой самодержавия, но пришедшие к власти Советы делали все, чтобы окончательно разложить и уничтожить русское воинство. Либералы из Временного правительства были настроены не так радикально, как вожди революционных партий, однако на практике их деятельность в отношении армии и офицерства мало чем отличалась от действий большевиков, эсеров, меньшевиков, анархистов и др. Одним из первых шагов временщиков стало опубликование уже 2 марта 1917 года так называемого «приказа № 1».

«Приказ», исходивший от имени Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, создавал все условия для разложения армейского организма. Примечательно, что непосредственным автором документа, по имеющимся сведениям, был Н. Д. Соколов, адвокат, еще до революции оказывавший юридические услуги боевикам-террористам.

Небольшой по объему «приказ» содержал положения, до основания разрушавшие фундамент вооруженных сил – воинскую дисциплину, основанную на строгой субординации и безусловном подчинении младших старшим.

В подразделениях и частях «приказывалось» немедленно выбрать комитеты из нижних чинов, которые наделялись функциями управления и контроля. «Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам»².

Иными словами, предусматривалось, что войска, которые вели боевые действия на оккупированной противником территории, будут участвовать в неких политических выступлениях! В ходе этих «выступлений» солдаты должны были подчиняться самим себе в лице комитетов, а также политическим авантюристам из состава столичного Совета.

Просто поразительным являлся еще один пункт «приказа»: «Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам даже по их требованиям»³. Напомним: шла война, противник находился на территории Белоруссии, Украины, Прибалтики...

Далее в «приказе» говорилось: «Вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане... О всех недоразумениях между офицерами и солдатами последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов»⁴. Заметим: офицерам подобных прав никто не предоставлял, и «жаловаться» на солдат им было некуда. Несколько позже власти стали делать заявления о том, что приказ № 1 распространяется только на войска Петроградского военного округа, но это не возымело никакого воздействия на «революционные солдатские массы». По воспоминаниям министра Временного правительства А. Верховского, приказ № 1 был отпечатан в гигантском количестве – девять миллионов экземпляров – и разослан как в войска Петроградского гарнизона, так и в действующую армию⁵.

В конце марта приказом Верховного Главнокомандующего было объявлено «Временное положение об организации чинов действующей армии и флота». Во многом оно дублировало приказ № 1, но, кроме того, здесь излагалась организация всей системы комитетов в войсках.

«Организация состоит из: а) комитетов ротных, полковых, дивизионных и армейских и б) сходов корпусных, фронтовых и центрального при штабе Верховного Главнокомандующего». В ротные комитеты избирались нижние чины, по одному от взвода (в роте, батарее, эскадроне), всего не менее 3 человек, и 1 офицер. Члены комитета должны были быть «посредниками между ротным командиром и солдатами во всех вопросах внутреннего быта роты...». Боевые вопросы в ротном комитете обсуждению не подлежали, но в «случае злоупотреблений... комитеты должны немедленно и совершенно секретно извещать полковой комитет...»⁶.

Вскоре стало очевидно, что «злоупотреблениями» разложившиеся нижние чины считали стремление командиров сохранить боеспособность армии и обеспечить выполнение боевых задач.

По всей действующей армии число комитетов достигло почти 50 тысяч. Для примера: на Западном и Юго-Западном фронтах в комитеты входило около 130 тысяч солдат на 16 тысяч офицеров⁷.

В апреле вышел еще один приказ по военному ведомству, декларировавший незыблемость основ боевой подготовки и боевой деятельности войск, но подчеркивавший, что «новое устройство вооруженных сил вводит систему выборных войсковых организаций, обеспечивающих каждому воину осуществление его гражданских и политических прав». В приказе указывалось, что комитеты имели право наблюдать за поддержанием дисциплины и порядка в своих частях, контролировать хозяйственную деятельность, принимать меры «против злоупотреблений и превышения власти со стороны должностных лиц своей части»⁸.

Иными словами, преимущественное право управления сложнейшим армейским организмом, да еще в боевой обстановке, было дано не профессионалам в лице офицеров, а зачастую не умевшим даже читать «рабочим и крестьянам, одетым в солдатские шинели».

Все выше перечисленное внесло в армейскую жизнь «...двоевластие, трения, непрошенное и преступное вмешательство»⁹, разрушило субординацию, лишило офицеров возможности выполнять свои функции, способствовало быстрому разложению войск.

Серьезный ущерб и без того падавшему с катастрофической быстротой морально-психологическому состоянию войск нанес приказ, касавшийся боевых знамен. «Частям войск, имеющим знамена... с вензелем отрешенного императора Николая II (то есть получившие таковые за период времени с 1895 по 1917 год), доставить означенные знамена... (без соблюдения церемонии, установленной для отвоза знамен) в Петроград... для выполнения работы по снятию означенных вензелей»¹⁰.

Пренебрежительное отношение новой власти к полковым святыням, олицетворявшим воинскую честь, не могло не сказаться на отношении солдат к выполнению воинского долга. Если знамена, которые ранее защищали даже ценой жизни, вдруг приказали перевозить как обозное имущество, то о какой службе Отечеству могла идти речь...

6 марта Временное правительство объявило общую политическую амнистию, которая была распространена на деяния, предусмотренные военными и военно-морскими уголовными законами¹¹, 17 марта приняло постановление о повсеместной отмене смертной казни, в том числе за убийство начальника, измену, побег к неприятелю, уход с поля боя и другие воинские преступления.

В этом контексте происходила «реабилитация» даже тех, кто совершил воинские преступления еще до февральской революции. Так, в январе 1917 г.

отказался идти в атаку 223-й пехотный Одоевский полк. Бунтовщиков усмирили, 8 зачинщиков расстреляли по законам военного времени. В апреле 1917 г. делегация нижних чинов полка представила Временному правительству петицию с требованием расследовать произошедшие события. По указанию военного министра А. Гучкова была создана комиссия, которая в отказе от выполнения боевого приказа «признаков измены» не нашла, и семьи расстрелянных бунтовщиков были уравнены в правах с семьями погибших в боях¹².

9 мая А. Ф. Керенский, ставший военным и морским министром, утвердил «Приказ по армии и флоту» (т. н. «декларацию прав солдата»), вскоре введенную в действие специальным приказом Верховного Главнокомандующего. В соответствии с «декларацией», каждый военнослужащий мог быть членом любой политической, национальной, религиозной и т. п. организации, имел право открыто высказывать устно или в печати свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды¹³.

В условиях, когда шла война, когда в стране действовало множество конкурировавших и даже враждовавших между собой партий, когда активизировались националистические и сепаратистские движения, это означало только одно: «разрыв» армии на сегменты, противостоявшие друг другу по идеологическим, этническим и иным причинам.

Этим же приказом начальники были лишены права наложения дисциплинарных взысканий на подчиненных, и отменено даже внешнее проявление уважения к старшим по чину – обязательное отдавание воинской чести¹⁴.

«Эта «декларация прав», давшая законное признание тем большим явлениям, которые распространились в армии... окончательно подорвала все устои... Она внесла безудержное политиканство и элементы социальной борьбы в неуравновешенную и вооруженную массу, уже почувствовавшую свою грубую физическую силу. Она... отняла у начальников дисциплинарную власть, передав ее выборным коллегиальным организациям, и лишней раз, в торжественной форме... унизила и оскорбила их»¹⁵.

В результате подобной политики властей и действий агитаторов из среды революционных партий, приносивших интересы нации и государства в жертву «идеям революции», армия в кратчайшие сроки превратилась в разнузданное, неуправляемое сборище асоциальных элементов, представлявших угрозу для своего же населения.

Обычным явлением стали грабежи, мародерство и бесчинства в отношении сограждан. «Пехота, сменявшая нас, шла по белорусским деревням, как татары шли по покоренной Руси. Огнем и мечом солдаты отнимали у жителей все съестное, для потехи расстреливали из винтовок коров, насиловали женщин, отнимали деньги...»¹⁶, – писал очевидец.

Начались погромы винокуренных заводов и винных складов. В марте в городе Рогачев (Белоруссия, прифронтовая полоса Западного фронта) солдаты проникли на винокуренный завод, разгромили цистерны со спиртом и большое его количество унесли с собой. Попытки командования восстановить порядок ни к чему не привели. Напротив, грабежи в городе приняли такой размах, что 14 марта из Рогачева на имя военного министра была направлена телеграмма, в которой говорилось: «Часть войск приступила к разгрому частного имущества»¹⁷.

Это был далеко не единственный случай: в штаб Минского военного округа многократно приходили просьбы из разных мест выслать охрану для защиты винокуренных заводов от разграбления¹⁸.

Подобное на Западном фронте (равно как и на других фронтах) творилось весь 1917 год, а не только в первые дни после падения монархии. 23 октября были разгромлены и разграблены лавки в г. Молодечно, 26 октября – в м. Глубокое¹⁹ и т. д.

Аналогичная картина наблюдалась и на Украине. «...Контратаки немецких войск превратили армии Юго-Западного фронта в бегущую толпу, которая убивала попадавшихся по дороге офицеров, грабила... местных жителей, совершала насилия над женщинами... О власти офицеров, о повиновении солдат офицерам уже не было и речи, уговоры и убеждения – не действовали, на них отвечали угрозами и выстрелами... Попутно шел грабеж и разорение помещиков и крестьян. У них отбирали все: домашнюю птицу, скот, хлеб, посуду, деньги и пр.»²⁰.

Многократно увеличилось количество дезертиров. Если с начала войны в июле (по ст. стилю) 1914 г. до революции в феврале 1917 г. число зарегистрированных дезертиров составило немногим более 195 тыс. человек, то к ноябрю 1917 г. явных и «скрытых» дезертиров насчитывалось более 2 млн человек²¹.

По свидетельству председателя Госдумы М. В. Родзянко, пополнения из тыловых батальонов прибывали на фронт уже с «25%-ной утечкой солдат, разбегавшихся по дороге»²².

Как отмечалось в документах того времени, «озверелые вооруженные банды дезертиров грабят в тылу деревни и местечки, избивая жителей и насилая женщин»²³. Дошло до того, что на правобережной Украине было создано т. н. Вольное казачество, как организация самообороны крестьян от банд дезертиров. Несколько позже Вольное казачество возникло на Волыни, Херсонщине и левобережной Украине²⁴.

В увеличении числа дезертиров немалую роль сыграли немецкие листовки, в которых провокационно утверждалось, что крестьян начали наделять землей, причем получают ее только те, кто присутствует при дележе²⁵.

Следует подчеркнуть, что немцы очень верно использовали нерешенность земельного вопроса в России. Владение достаточным количеством земли являлось давней крестьянской мечтой, но перенаселенность европейских губерний, действовавшее законодательство и помещичье землевладение не позволяли решить его в нужном русле. Поэтому пущенный слух о дележе земли сыграл свою роль: количество дезертиров еще более увеличилось. В качестве противодействия провокации Временное правительство приняло решение о срочной разработке воззвания к народу и армии о порядке передела земли²⁶.

Огромных размеров достигло «братание», до февральской революции носившее ограниченный характер. При этом, как отмечают иностранные исследователи, документы германской и австро-венгерской разведок пестрят сведениями об использовании ими братания в своих интересах. По подсчетам одного из зарубежных историков, только за май 1917 г. австро-венгерская разведка 3-й и 7-й армий осуществила через братание с русскими солдатами 285 разведывательных контактов. Австро-германское командование в своих секретных приказах весной 1917 г. предписывало «вступать в разговоры с представителями противника только уполномоченным на это офицерам разведки»²⁷.

Германия и Австро-Венгрия, находившиеся ввиду войны на два фронта в тяжелейшем положении, пошли на неординарный шаг: учитывая антивоенные настроения солдат в русской армии, весной они прекратили боевые действия на русском фронте. Для чего это было сделано? Как вспоминал в своих мемуарах М. Гофман, один из немецких генералов, воевавших на Восточном фронте, «поскольку русская революция не оправдала германских надежд на немедленное заключение мира... мы имели... полное право использовать... все средства пропаганды»²⁸.

О том, как велась эта пропаганда, вспоминал А. И. Деникин: «...немецкий генеральный штаб поставил это дело широко, организованно и по всему фронту, с участием высших штабов и командного состава, с подробно разработанной инструкцией, в которой предусматривались: разведка наших сил и позиций...; убеждение в бессмысленности войны; натравливание русских солдат против правительства и командного состава, в интересах которого якобы исключительно продолжается эта «кровавая бойня». Груды пораженческой литературы, заготовленной в Германии, передавались в наши окопы»²⁹.

Расчет делался на то, что нежелающие воевать солдаты русской армии поверят, будто немцы желают мира, в то время как их собственные офицеры мешают примирению. Более того, немцы стали посылать на русскую сторону офицеров, которые обращались с предложением передать русскому командованию просьбу о мире. Например, 23 апреля в распоряжение 151-го пехотного Пятигорского полка 38-й дивизии явился немецкий полковник-переговор-

щик, выразивший желание, чтобы его отправили в штаб армии. Ему отказали, и среди солдат полка началось недовольство, что «...не допускают переговорщиков сговориться о мире...»³⁰.

Естественно, немцы знали, что с предложениями о мире надо обращаться к правительству, а не к войскам. Провокация была организована для того, чтобы еще больше противопоставить солдат офицерскому составу. Подобное организовывалось многократно, на разных участках русско-германского фронта.

22 мая произошла провокация небывалого масштаба: в этот день «наши радиотелеграфные станции... приняли германскую радиотелеграмму, в которой Главнокомандующий армиями германского Восточного фронта принц Леопольд Баварский предлагает мир, помимо союзников»³¹.

Таким образом, слух о том, что немцы предлагают мир, разошелся по всему русско-германскому фронту, при этом солдаты, неискушенные в дипломатии, не знали, что заключение мира – прерогатива политиков, а не военного командования. Однако подобные провокации позволяли противнику усугублять раскол в рядах русской армии.

Массовым явлением стали случаи, когда одни воинские части отказывались сменять другие на позициях. Участник событий той поры, генерал от кавалерии П. Н. Краснов, так описывал один из эпизодов: «...пехота, шедшая на смену кавалерии, шла с громадными скандалами. Солдаты расстреляли на воздух данные им патроны, а ящики с патронами побросали в реку Стырь, заявивши, что они воевать не желают и не будут»³².

22 мая отказались сменять другие части 26-й и 27-й Сибирские стрелковые полки (2-я армия Западного фронта)³³. О множестве подобных ситуаций вспоминал впоследствии один из большевиков: «При сменах часть с частью взаимно переругивались, разводили бесконечные вычисления, кто больше стоял на позиции, кто больше потерял в боях, у кого позиция лучше и т. д.»³⁴. Исчезла даже солдатская взаимовыручка. Приведем лишь один пример: рота не вышла из окопов для поддержки своих же разведчиков, попавших в беду³⁵.

Сводка событий, происшедших в частях Западного фронта всего лишь за неделю – с 8 по 15 июня 1917 г., пестрит сообщениями об отказах выполнять боевые задачи. Так, 2-я Кавказская гренадерская пехотная дивизия, 2-й кавалерийский корпус и 134-я пехотная дивизия отказались занять исходное положение. 203-й пехотный полк также отказался занять исходное положение, 61-й пехотный Сибирский полк не выполнил приказ командира корпуса о перегруппировке войск, при этом нижние чины угрожали убить командира полка и других офицеров³⁶.

В этот же промежуток времени командир 10-го армейского корпуса докладывал командующему 10-й армией: «...169-я пехотная дивизия как боевая

единица не существует»³⁷. 24 июня отказались занимать позиции «очень многие части» 5-й армии Северного фронта³⁸.

В последующие недели сводки со всех фронтов носили аналогичный характер, свидетельствуя о чудовищном разложении, царившем в войсках.

Обычным явлением стал уход с занимаемых позиций. Приведем лишь некоторые выдержки из донесений с Юго-Западного фронта: 7 июля в двух батальонах одного из пехотных полков осталось несколько солдат и все офицеры. В районе реки Збруч 19 июля один пехотный полк должен был сменить другой, но ко времени смены в окопах не было ни одного солдата; остался лишь командир полка, который и сдал участок. В тот же день в районе Гусятина при отражении атаки противника в одной из сибирских дивизий в цепях были одни офицеры и ничтожное количество стрелков³⁹.

В ходе попытки наступления русской армии летом 1917 г. происходили события, которые ранее невозможно было даже представить. Так, на Юго-Западном фронте «дивизии 11-й армии и частью 7-й армии бежали под давлением в пять раз слабейшего противника... сдаваясь в плен ротами и полками... зарегистрированы случаи самосуда над офицерами и самоубийств офицеров, дошедших до полного отчаяния... сообщены возмутительные факты, когда дивизия отступала перед двумя ротами»⁴⁰.

В Галиции в ходе летних боев 1917 г. погибло до 80% офицеров, в то время как солдаты почти все бежали. «...На полях, которые нельзя было назвать полями сражений, царил сплошной ужас, позор и срам, каких русская армия еще не знала с самого начала своего существования»⁴¹.

Когда после артподготовки противник атаковал наши части на участке в 130 верстах южнее Броды (Юго-Западный фронт), 607-й пехотный Млыновский полк позорно бежал с позиции, вследствие чего отошли и соседи. Противник стал развивать успех, но многие части русской армии, получив боевой приказ о поддержке атакованных частей, собирались на митинги и обсуждали, подлежит ли приказ выполнению, причем некоторые полки отказались его выполнять и уходили с позиций без всякого давления противника⁴².

По рассказам участников боев в Галиции, бывали случаи, когда в атаку шли все офицеры, не исключая командиров полков, бригад и начальников дивизий, а также двух-трех сотен солдат из состава дивизии, тогда как все другие, числом свыше 15 тысяч, дезертировали с поля боя⁴³. В докладе комиссара Временного правительства на Юго-Западном фронте приводится пример, когда офицер на коленях умолял свою роту пойти в атаку, и когда никто не откликнулся, пошел один. За ним поднялись еще два смельчака, которые погибли вместе с офицером. Во время атаки 18 июня в районе Конюхов в атаку пошли все офицеры во главе с начальником дивизии генералом В. З. Май-Маевским⁴⁴.

В результате бегства 11-й, а затем 7-й армий Юго-Западного фронта противник захватил Галицию, Буковину и Молдавию.

22 июня отказались идти в наступление части 13-го армейского корпуса (Северный фронт)⁴⁵. В боях под Крево и Сморгонью (Западный фронт) летом 1917 г. все офицеры, в отличие от солдат, ходили в атаки, показывая примеры доблести. Потери среди них были громадными, а в 204-м полку из строя вы были все офицеры⁴⁶.

В донесении командования 38-го армейского корпуса описывалась следующая ситуация: «Тщетно офицеры, следовавшие впереди, пытались поднять людей... тогда 15 офицеров с небольшой кучкой солдат двинулись одни... Судьба их неизвестна – они не вернулись». В другом донесении говорится об аналогичном случае: «Цепь поднять не удалось. Все офицеры, рассыпавшись в цепь (около 20 человек), пошли в атаку на редут. Никто из них не вернулся...»⁴⁷.

С 1 по 30 сентября 1917 г. в действующей армии было зарегистрировано 160 случаев самовольного оставления позиций и неисполнения частями боевых и не боевых приказов⁴⁸. 9 октября в районе Витебска солдаты 1-го и 4-го артиллерийских парков, несмотря на предупреждения, что приказа об увольнении нет, самовольно оставили свои части и все уехали домой⁴⁹.

25 октября 217-й и 218-й полки на Западном фронте не выполнили приказ о перегруппировке и смене на позиции других частей, 27 октября 2-й гренадерский Ростовский полк «бртался» с противником⁵⁰ и т. д.

После Октябрьской революции положение вещей стало еще более ухудшаться. Так, в сводке сведений о настроении в частях Румынского фронта от 8 ноября отмечалось, что «настроение частей армии в связи с петроградскими событиями значительно ухудшилось... Ухудшению настроения... способствовала безнаказанность отказа от работ 120-го полка. Случаи неисполнения боевых приказов участились и выражаются как в отказе от работы, так и в отказе от занятия окопов. Особенно обращает на себя внимание неисполнение боевого приказа 159-м полком, категорически отказавшимся сменить на позиции 157-й полк. Никакие уговоры – ни командного состава, ни комиссара, ни комитетов – не действуют. Полк по-прежнему упорствует в своем нежелании стать на позиции. Другие случаи отказа имели место в 119-м, 494-м, 495-м и 38-м стрелковых полках...»⁵¹.

Резко обострилась проблема сепаратизма. Так, в мае в Киеве был созван 1-й Всеукраинский войсковой съезд, в котором принимал участие С. Петлюра. В кулуарах съезда делегаты говорили, что они ни в коем случае не пойдут из Киева на фронт и останутся здесь, ибо это украинский город, а не русский, и они должны защищать его от «москалей»⁵².

Это были не просто слова: стали создаваться войсковые части, состоявшие только из украинцев. Уже в начале апреля был сформирован Первый украинский казачий полк имени Б. Хмельницкого, в 33-м и 34-м пехотных полках 9-й пехотной дивизии Западного фронта «...украинцы явочным порядком выделились в отдельную группу...», «...сорганизовались в отдельный батальон» и не желали присоединяться к другим батальонам⁵³; на Румынском фронте некоторые офицеры-украинцы требовали «украинизации» полка и угрожали великороссам⁵⁴ и т. д.

Не может не возникнуть вопрос: как могло случиться, что солдаты русской армии, чья слава гремела по всему миру, повели себя столь позорно и предательски? Представляется, что причин тому несколько. Но, вне всякого сомнения, одна из них – действия Временного правительства и революционных партий по разрушению воинских устоев, которые, как сорное семя, пали на почву накопившихся в стране политических и социально-экономических проблем, а также усталости от войны. Ситуация обострялась еще и тем, что либералы и революционеры всех мастей умело играли на человеческих инстинктах, откровенно спекулировали на болезненных проблемах, действительно имевших место в стране. В подобной атмосфере нигилизм, стремление «взять свое» и гипертрофированный эгоизм восторжествовали в настроениях большинства нижних чинов.

Генерал от кавалерии А. А. Брусилов в июле 1917 г. писал: «Солдат вообразил, что вопрос войны и мира зависит от его решения и что вообще нет предела его власти. Солдату дали огромные права..., а между тем обязанностей на солдата возложено не было. При подобных условиях развал армии был неминуем»⁵⁵. Далее генерал совершенно правильно, по нашему мнению, оценил ошибочность действий властей, стремившихся поддерживать воинскую дисциплину исключительно «на доводах разума, чести и совести». Он отметил, что воины, способные соблюдать дисциплину только на подобных основаниях, есть, но их немного. «Потрясающие картины боя и ужас надвигающейся смерти заглушают в значительной массе бойцов и разум, и честь, и совесть, порождая животный страх. Поэтому необходим закон, суровый и беспощадный, карающий за неисполнение долга»⁵⁶.

Но такие законы были отменены, и наказание за неисполнение воинского долга уже не грозило. Кроме того, прежняя система моральных ценностей публично отвергалась новой властью, предоставляя тем самым возможность «нравственного самооправдания» распоясавшейся массе; понятно, что в таких условиях большинство солдат предпочли заботу о своих личных интересах.

«Фронт представлял зрелище небывалое. Загипнотизированный немецко-большевистской речью он забыл все: и честь, и долг, и Родину, и горы трупов

своих братьев, погибших бесцельно и бесполезно. Беспощадная рука вытравляла в душе русских солдат все моральные побуждения, заменяя единственным, доминирующим над всем, животным чувством – желанием сохранить свою жизнь»⁵⁷, – отмечал А. И. Деникин.

Один из офицеров генерального штаба – полковник Костяев, в обязанности которого входили поездки в полки, отказывавшиеся выполнять боевые приказы, докладывал в штаб Западного фронта: «Глубокое моральное разложение... объясняется психологией малосознательных масс. Полученная свобода, обещанная земля и другие блага сделали массы солдат очень чуткими к сохранению своей жизни, и, как говорят сами солдаты, выдвинули так называемый “шкурный вопрос”»⁵⁸. Подобное отмечал и Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии В. Н. Клембовский: «У солдата одухотворенные и сознательные глаза, пока не затронут шкурный вопрос. Но как только он затрагивается, тогда совсем другое дело. Большевики именно и бьют в эту струнку, вот почему они и имеют такое влияние»⁵⁹.

Следует отметить, что большевики действительно вели активную пропаганду в войсках, но не они были главной причиной распада армии. Главнокомандующий армиями Западного фронта А. И. Деникин в письме на имя Верховного Главнокомандующего А. А. Брусилова писал: «Позволяю себе не согласиться с мнением, что большевизм явился решительной причиной развала армии: он нашел лишь благоприятную почву в систематически разлагаемом и разлагающемся организме. Причины развала совершенно определены: полное упразднение дисциплины и внутреннего порядка в войсках; оплевание офицерского состава... безнаказанность тягчайших преступлений – бунта, измены...». Несколько позже он отметил: «Я слышал, что большевизм разрушил армию. Я это отвергаю. Разрушили армию другие, проводившие разрушавшее армию военное законодательство последнего времени, люди, не понимающие быта и условий существования армии»⁶⁰.

Так же считал и сам А. А. Брусилов: «Вина большевиков в развале армии есть..., но... главная причина все-таки кроется в разрушении старой воинской дисциплины»⁶¹. Подобным образом рассуждали и военачальники менее высокого ранга. Например, начальник 42-й пехотной дивизии генерал-лейтенант А. К. Байов в донесении командиру 9-го армейского корпуса писал: «Пропаганда большевиков, вместе с немецким провокаторством не является основной причиной той разрухи, того совершенного развала армии, который мы наблюдаем теперь. Эта пропаганда – лишь последний толчок...». Главной причиной развала армии начдив называет «демократизацию» армии, которая «...в корне противоречит природе вещей, не согласуется с историческим опытом и не имеет под собой никакого научного основания»⁶².

Говоря о причинах небывалого поведения солдат, необходимо учитывать также следующее: по мнению психологов, война и участие в ней оказывают весьма серьезное воздействие на психику, подвергая его серьезным качественным изменениям. «Диапазон воздействия факторов войны на человеческую психику... чрезвычайно широк. Он охватывает многообразный спектр психологических явлений, в которых изменения человеческой психики колеблются от ярко выраженных, явных патологических форм до внешне малозаметных, скрытых, пролонгированных, как бы “отложенных” во времени реакций»⁶³, — отмечается в труде, посвященном психологии войны в XX веке.

Отметим, что попытки изучения воздействия войны на психику делались в России еще до революции. При этом военные психологи отмечали, что длительное пребывание в условиях интенсивной опасности деформирует психику у части военнослужащих настолько, что они становятся пациентами психиатрических лечебниц. Так, было выяснено, что за время относительно небольшой по масштабам русско-японской войны 1904–1905 гг. через Харбинский психиатрический госпиталь прошло около 3 тыс. человек, ставших психически ненормальными, но не имевших при этом физических травм. В годы Первой мировой войны количество потерь, связанных с психическими расстройствами, резко увеличилось по сравнению с русско-японской войной и составило 6–10 случаев на 1000 человек⁶⁴.

То есть, если учесть, что во время Первой мировой войны в России было мобилизовано 15,8 млн человек, из которых большая часть участвовала в боевых действиях, то количество заболевших психически можно оценить более чем в 100 тыс. человек. Вполне вероятно, что в условиях войны такого масштаба многие из них продолжали оставаться в рядах армии.

Кроме того, с большой долей уверенности можно предположить, что у многократно большего количества военнослужащих нарушения психики были не столь явными, но все же оказывавшими влияние на их поведение. Каково число таких военнослужащих, чья психика в той или иной степени пострадала от ужасов войны, неизвестно. Данные по психогенным потерям в русской армии в открытых источниках отсутствуют. Однако подобные исследования проводились за рубежом. Ученые отмечали, что на всем протяжении XX века прослеживалась тенденция к нарастанию психогенных расстройств военнослужащих в каждом последующем вооруженном конфликте. Наверняка подобное происходило и в русской армии, ибо человеческая природа и возможности психики русских солдат вряд ли так уж сильно отличались от подобных качеств солдат других армий.

Согласно подсчетам специалистов, из всех солдат, непосредственно участвовавших в боевых действиях в годы Второй мировой войны, 38% имели

различные психические расстройства⁶⁵. С учетом того, что в годы Первой мировой войны процент психогенных потерь был меньше (по подсчетам специалистов, в три раза)⁶⁶, такие потери могли составлять 12–13% от общего числа воевавших. Исходя из уже приводившегося числа мобилизованных в русскую армию, можно предположить, что психическими расстройствами, вызванными войной, могли страдать свыше миллиона человек.

По всей видимости, «отложенные по времени реакции» этой категории военнослужащих проявились именно в 1917 г., когда в стране и армии воцарился хаос. Разрушение прежнего государственного устройства, дискредитация офицерского корпуса, отмена наказаний (прежде всего смертной казни) за неисполнение воинского долга способствовали тому, что инстинкт самосохранения восторжествовал над всем остальным. Все, что так или иначе было связано с участием в боевых действиях и возникновением угрозы жизни, категорически отвергалось, вызывало асоциальное, неадекватное поведение. Небывалая по масштабам война, невиданное до того количество убитых и искалеченных стали главнейшим источником деморализации весьма значительного числа людей.

Их поведение наверняка оказывало существенное влияние на солдат с более устойчивой психикой. Мы имеем в виду т. н. «синдром толпы», когда люди впадают в коллективный транс, когда на время меняется психофизическая структура личности и духовное в человеке оказывается подчиненным животным инстинктам. По нашему мнению, свою роль в небывало позорном и преступном поведении огромного количества нижних чинов сыграло и то качество нашего народа, о котором известный философ Ф. А. Степун, воевавший на фронтах Первой мировой войны, писал следующим образом: «Наряду с высочайшими духовными прозрениями Россия все время не оскудевает сумрачными вспышками душевного подполья. Нет вопроса, — слова о «Святой Руси» никогда не станут пустым звуком... Но верно и то, что в недрах народных таится еще много вулканической, языческой мистики, а где-то и темный звериный лик»⁶⁷. Особенно ярко «звериный лик» проявился в отношении к офицерству.

§ 4.2. Террор в отношении офицерства

Безудержная «демократизация» армии и последовавший хаос крайне отрицательно сказались на положении офицерского состава. Этому способствовало и то, как офицерство относилось к войне. По оценке Департамента полиции, сделанной в начале 1917 г., «настоящую войну офицерство, за малым исклю-

чением, принимает и оправдывает, ее продолжение находит необходимым до победного конца...»⁶⁸. О противоположном отношении солдат к этой проблеме мы уже говорили.

В результате в условиях, когда армия перестала быть армией, русское офицерство оказались в трагическом и противоестественном положении. Вот лишь некоторые факты, характеризующие обстановку того времени.

Уже во время февральского переворота в Петрограде офицеров начали убивать, смещать с должностей и арестовывать. В частности, об этом свидетельствует телеграмма председателя Государственной Думы М. В. Родзянко от 27 февраля, в которой говорилось: «...войска становятся на сторону населения и убивают своих офицеров»⁶⁹.

27 февраля в Петрограде был убит генерал-майор Н. А. Забудский, крупный ученый, член-корреспондент Парижской академии наук⁷⁰. 28 февраля арестован и заключен в Петропавловскую крепость командующий войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенант С. С. Хабалов⁷¹.

В первые дни марта «солдатские депутаты» под угрозой убийства вынудили уехать из Воронежа командира 8-й пехотной запасной бригады генерал-майора К. Д. Тимковского⁷². В то же время в Луге был арестован, а затем убит солдатами генерал Г. Г. Менгден, в Выборге – арестован комендант генерал-лейтенант А. К. Петров. Тогда же были арестованы командующие войсками Московского, Иркутского, Омского, Приамурского и Казанского военных округов. В Казанском военном округе, кроме того, были отстранены от должности 8 из 13 начальников запасных бригад (один из них, генерал-майор М. А. Бем, был убит, 5 арестованы)⁷³.

3 марта на Западном фронте и в Минском военном округе были арестованы начальник округа Рауш фон Траубенберг, начальник штаба округа генерал-лейтенант А. А. Мориц, комендант Смоленска генерал-майор А. Р. Дунтен, инспектор запасных войск Западного фронта генерал-лейтенант М. М. Рындин⁷⁴. В течение нескольких последующих дней в округе и на фронте солдатами были арестованы десятки командиров полков, бригад, начальников гарнизонов, большое количество других штаб-офицеров и обер-офицеров⁷⁵.

Только в 14-ти губерниях центральной России к 10 марта лишились своих постов не менее 25 командиров полков и 5 начальников бригад. К июлю в этих губерниях командование было сменено не менее чем в 68 полках, 18 бригадах; кроме того, от должностей отстранили 30 генералов⁷⁶.

28 марта взбунтовалась 2-я Кавказская гренадерская дивизия, где нижние чины арестовали командира корпуса, героя обороны Порт-Артура и боев под Ивангородом осенью 1914 г. генерала от артиллерии С. Б. Мехмандарова, а также начальника дивизии, георгиевского кавалера генерал-майора К. В. Ни-

кольского⁷⁷. Дикость и чудовищность атмосферы, царившей в армии в тот период, ярко характеризует следующий пример. Одного из командиров батальонов, капитана Русова, солдаты «отчислили» от должности батальонного командира и назначили кашеваром. Причина в том, что капитан «до революции был строг с солдатами», называл «трусливым стадом» тех, кто отказывался от участия в боевых действиях, и вообще был «старорежимным»⁷⁸.

Общее количество офицеров всех рангов, смещенных солдатами, установить вряд ли возможно, но, по нашему мнению, оно было весьма значительным. Об этом свидетельствует то, что 15 мая в войска был направлен специальный циркуляр, в котором говорилось: «Военный министр приказал, чтобы строевые штаб и обер-офицеры, присутствие коих в своих частях вследствие нового уклада быта войск, является нежелательным, безотлагательно представлялись к переводу ... в резерв чинов при штабах военных округов...»⁷⁹.

Еще одним показателем масштаба репрессий в отношении офицеров, прежде всего фронтовых, является приказ по военному ведомству, в котором требовалось «всех офицеров, занимающих нестроевые и административные должности, могущих по здоровью быть в строевых частях», отправить в «...строевые части действующей армии»⁸⁰.

Бессилие военных властей демонстрирует тот факт, что незаконные и преступные действия нижних чинов по смещению командиров оформлялись вышестоящим командованием как нечто законное. Для этого использовалась следующая формулировка: «По обстоятельствам современных событий...»⁸¹.

Временное правительство, в свою очередь, также организовало масштабную «чистку» в рядах офицерского корпуса. Безусловно, в армии были генералы и офицеры, не соответствовавшие занимаемым должностям, однако поочередно возглавлявшие военное министерство сугубо штатские люди – А. И. Гучков (политик) и А. Ф. Керенский (адвокат) – вряд ли могли оценить профессиональные качества военачальников. Вероятнее всего, критерием увольнений являлись идеологические мотивы.

19 марта военный министр А. И. Гучков обратился к генералу от инфантерии М. В. Алексееву, занимавшему в то время должность Верховного Главнокомандующего, с письмом, в котором заявил о неподготовленности командного состава и необходимости увольнения вначале высшего комсостава, от командующих фронтами до командиров корпусов, затем – до командиров отдельных частей. «Эту меру нужно провести быстро и беспощадно, что вызовет доверие армии своим вождям...»⁸².

В тот же день 19 марта А. И. Гучков прислал М. В. Алексееву еще одно письмо. В нем уже назывались конкретные фамилии тех, кого, по мнению А. И. Гучкова, необходимо было увольнять от должности. В их числе – один

командующий фронтом, три начальника штаба фронта, четыре командарма, тридцать два командира корпуса. Кроме того, в письме давались советы, кого следует назначить на освобождавшиеся должности⁸³.

Вскоре письмо М. В. Алексееву прислал также министр-председатель Временного правительства Г. Е. Львов, в котором также предлагалось не медлить с «чисткой»⁸⁴.

Генерал П. К. Кондзеровский, бывший в тот период дежурным генералом Ставки, вспоминал в этой связи: «Первые перемены в командном составе были решены в Ставке, а затем, по мере посещения каждого фронта, мы получали телеграммы о новых переменах, решенных Гучковым с Главнокомандующим каждого фронта. Тут началось что-то невероятное: пошли массовые отчисления от должностей и, соответственно с этим, замещения высших должностей и следующих за ними и т. д. — другими словами, пошла, в полном смысле этого слова, чехарда... Перемены были массовые, так что почти ни один начальник дивизии не остался на своем посту; весь командный состав армии был переменен, все переезжали с одной должности на другую или были выброшены по «непригодности», и все это незадолго до готовившегося большого весеннего наступления»⁸⁵.

В одном из списков офицеров и генералов Западного фронта, подлежавших отчислению (документ составлен в конце марта), — 192 человека, от Главнокомандующего армиями Западного фронта генерала от инфантерии А. Е. Эверта до командиров бригад⁸⁶.

По всем вооруженным силам к 12 апреля были отчислены от должностей 2 главнокомандующих армиями фронта, 6 командармов, 32 командира корпуса, 40 начальников дивизий, 17 командиров бригад⁸⁷. В апреле—мае только генералов было уволено 143 человека, в том числе 70 начальников дивизий⁸⁸.

Генерал-майор Э. А. Верцинский, бывший в то время начальником штаба гвардейской стрелковой дивизии, вспоминал: «Приказ военного министра А. И. Гучкова о массовом одновременном увольнении из армии до 150 старших начальников и замене их более молодыми... был во всех отношениях неудачным... Попутно с небольшим числом слабых начальников было уволено значительное число средних и даже хороших. Хотя непосредственное замещение их должностей не представляло особых затруднений, но нахождение дальнейших заместителей за общим недостатком... опытных офицеров... вызывало осложнения. В итоге армия потеряла ряд опытных начальников и понесла прямой ущерб»⁸⁹.

Одним из подтверждений слов Э. А. Верцинского является следующий факт. 23 марта военный министр в очередном письме М. В. Алексееву потребовал уволить 14 начальников дивизий, в том числе начальника 101-й пехотной

дивизии генерал-лейтенанта К. Л. Гильчевского. Это был тот самый генерал, который летом 1916 г. в ходе знаменитого Брусиловского прорыва стал известен всей России как командир, добившийся целого ряда блестящих побед. М. В. Алексеев лично знал начальника дивизии, поэтому на полях письма начертал: «Генерала Гильчевского назначить командиром корпуса. Это доблестный начальник дивизии, умеющий вести, а не посылать дивизию в бой...»⁹⁰.

«Чистка» продолжалась, и к 1 мая 1917 г. были отстранены от занимаемых должностей 3 из 5 главнокомандующих армиями фронта, 7 из 14 командующих армиями, 39 из 77 командиров корпусов, т. е. более половины высшего командного состава армии⁹¹.

Отчисления от должности коснулись и командиров полков: 2 марта только на Западном фронте было назначено 17 новых полковых командиров, 23 марта — еще 40, 13 апреля — 9 полковых командиров⁹².

В марте-апреле десятки полковых командиров были отстранены от должности на Северном фронте⁹³.

В условиях стремительной морально-психологической деградации войск подобное отношение к офицерам со стороны власти провоцировало нападки нижних чинов на командный состав. Обращения Временного правительства к солдатам, призывавшие тех повиноваться командирам и соблюдать дисциплину, носили, по сути, формальный характер и никакой роли не играли. Положение офицерства становилось невыносимым.

Военная цензура Западного фронта отмечала: «Письма офицеров из действующей армии полны отчаяния. Таких писем — подавляющее большинство... жалуются на постоянные и незаслуженные оскорбления со стороны солдат»⁹⁴.

В сводке военно-цензурного отделения Румынского фронта за март 1917 г. отмечалось: «Солдаты видят в офицерах приверженцев старого строя, из-за этого происходят эксцессы, вплоть до арестов и оскорблений»⁹⁵.

«Ежедневные публичные аресты генеральских и офицерских чинов... производимые при этом в оскорбительной форме, ставят командный состав армии, нередко георгиевских кавалеров, в безвыходное положение... Вместе с арестами продолжается, особенно на железнодорожных станциях, обезоруживание офицеров, в том числе едущих на фронт...»⁹⁶, — телеграфировал начальнику штаба Верховного Главнокомандующего М. В. Алексееву Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии Н. В. Рузский.

Обычным явлением стало неповиновение комсоставу. «Полное безобразия. Дисциплина пала и ее не восстановить во веки веков...»⁹⁷, — писал один из офицеров 2-й армии Западного фронта.

На основе анализа солдатских и офицерских писем, проведенного цензорами 3-й армии Западного фронта, ими был сделан вывод: «Офицеры в гро-

мадном большинстве растерялись и потеряли возможность приказывать даже в боевой обстановке»⁹⁸.

Военная цензура Румынского фронта отмечала, что в большинстве солдатских писем высказываются мысли о неповиновении командирам⁹⁹. Один из офицеров, воевавших на Румынском фронте, писал: «Боже, что делается с солдатами. Как больно на них смотреть. Из них большая половина ровно ничего не понимает, и ими другие ворочают, как хотят. ...Я считаю, что войска нет, а лишь вооруженная толпа»¹⁰⁰.

Среди нижних чинов распространялись самые невероятные слухи об «утаиваемых начальством свободах». Один из ротных командиров писал в марте 1917 г., что солдаты «...были уверены..., от них скрываются какие-то новые приказы..., они мучились тем, что свободу отнимут..., они верили каждому нелепому слуху самого темного происхождения...». Например, «...передавался лист для подписки на полковой жетон..., а такой лист могут подписывать только офицеры, прослужившие в полку пять лет, а солдаты утверждали, что рассыпалась какая-то бумага политического содержания, которую некоторые офицеры отказались подписать»¹⁰¹.

Военная цензура, анализируя письма с фронта, отмечала: «Офицерский состав, как элемент, привыкший к дисциплине, порядку и повиновению, ждал объявления новых реформ через свое начальство», в то время как солдаты, пользуясь слухами, стали требовать от офицеров изменить все немедленно¹⁰², как правило, используя насилие в отношении командного состава.

Вот строчки из писем нескольких фронтовых офицеров:

«При встречах со знакомыми офицерами разговор каждый раз вертится по вопросам о настроении на фронте и в частях, и почти у всех чувствуется подавленность и растерянность..., куда ни повернись, комитет или депутат, и везде делаются выступления против офицеров»¹⁰³;

«В батальоне кавардак ужасный..., только бы не избili или не убили случайно»¹⁰⁴;

«На каждом шагу солдат старается оскорбить офицера или просто задеть»¹⁰⁵;

«Наше положение в отношении подчиненных мне напоминает первый месяц юнкерства на верховой езде, когда я, сидя на лошади, делал вид, что управляю ею, но на самом деле боялся ей перечить»¹⁰⁶.

В сводке о настроениях в действующей армии с 1 по 9 июля 1917 г., составленной в генеральном штабе, говорилось: «В донесениях всех высших начальников указывается на крайне тяжелое положение... офицеров, их самоотверженную, протекающую в невыносимых условиях работу, в стремлении поднять дух солдат..., сплотить вокруг себя всех, оставшихся верными долгу

перед родиной. Подчеркнута явная агитация провокаторов-большевиков, натравливающая солдат на офицеров»¹⁰⁷.

Один из офицеров описывал картину, увиденную им на железнодорожных станциях при поездке в поезде из Ясс до Одессы. Солдаты с повязками проверяли документы, но только у офицеров; нижними чинами были переполнены все станции, они лежали и сидели на платформах, во всех станционных помещениях. Вид у нижних чинов был такой: «...обросшие длинными волосами, без поясов, с расстегнутыми воротниками, многие без погон... Почти на каждом шагу встречаются солдаты, увешанные дамскими юбками, чулками и материями или же носящие ящики с какой-то галантереей, спичками и папиросами»¹⁰⁸.

У офицеров отняли все: положение в армейской иерархии и обществе, дисциплинарную власть, оружие, право высказывать свое мнение, возможность честно выполнять свой долг перед Родиной. Избиения и угрозы убийством стали обычным явлением. Приведем лишь несколько примеров, характеризующих положение офицерства в то время.

«...Полк был застигнут праздником пасхи на походе. Солдаты потребовали, чтобы им было устроено разговенье, даны яйца и куличи. Ротные и полковой комитет бросились по деревням искать яйца и муку, но в разоренном войною Полесье ничего не нашли. Тогда солдаты постановили расстрелять командира полка за недостаточную к ним заботливость. Командира полка поставили у дерева, и целая рота явилась его расстреливать. Он стоял на коленях перед солдатами, клялся и божился, что он употребил все усилия, чтобы достать разговенье, и ценою страшного унижения и жестоких оскорблений выторговал себе жизнь. Все это осталось безнаказанным...»¹⁰⁹.

7 апреля командир 26-го корпуса генерал-лейтенант Е. К. Миллер проводил смотр ротам, прибывшим для пополнения. На многих были красные банты, которые командир корпуса приказал снять, как не соответствовавшие форме одежды. Когда солдаты отказались выполнить приказ, стал срывать их. Толпа арестовала генерала и отвела на гауптвахту. Е. К. Миллер характеризовался вышестоящим командованием как военачальник, который работал сутками, постоянно бывал на позициях в тех местах, где не бывали даже ротные, выходил за проволочные заграждения, проверял секреты. Требовал такой же службы от всех подчиненных¹¹⁰.

«4 апреля ротного нашего чуть не убили. Дело вышло из-за пустяков. Ротный – Георгиевский кавалер, воюет с начала войны, был несколько раз ранен...», – писал один из солдат; «если офицер какой или генерал не хочет повиноваться республике, то немедленно солдаты его арестуют», – говорится в письме другого солдата¹¹¹.

22 мая во время панихиды в церкви по убитому офицеру, во время коленопреклонения, один из нижних чинов не встал на колени, стоял, демонстративно глядя на молившихся людей. Присутствовавший начальник гарнизона Кишинева генерал-лейтенант Скорский положил руку на плечо солдату, просил опуститься на колени. Тот стал пререкаться. По выходе из церкви генерал был встречен толпой, которую нижний чин провоцировал на нападение; генерала схватили и поволокли по улице на гауптвахту. Вскоре его освободили, но «события с арестом так тяжело отразились на здоровье генерал-лейтенанта Скорского», что он стал производить «впечатление психически расстроенного человека»¹¹².

Доходило до того, что нижние чины во многих частях самоуправно упраздняли символ офицерской чести – погоны, а также насильственно срывали их с офицеров¹¹³.

Приведем строки из донесений командиров частей и соединений:

«18 мая с командира роты 85-го пехотного полка прапорщика Удачина сорваны погоны, 19 мая арестованы начальник 7-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Богданович, командир 26-го Сибирского стрелкового полка полковник Шершнев и командир батальона этого полка...»;

«23 мая возбужденная толпа солдат 650-го полка арестовала командира полка и 7 офицеров, сорвав с них погоны, причем штабс-капитану Мирзе были нанесены несколько ударов по лицу, а подпоручика Улитко жестоко избили и оставили на дороге, лежащим без сознания...»;

«7 июня в Уфе арестованные офицеры 103-го полка жестоко избиты и ограблены... 18 июня в 671-м пехотном полку арестован подполковник Курчин, в 58-м Сибирском стрелковом полку – командир полка, 23 июня в 16-м пехотном полку – полковник Михайлов...»

В одном из документов 1-го гвардейского корпуса отмечалось: «Положение офицеров чрезвычайно тяжелое. Офицеры подвергаются глумлению, постоянно живут под угрозой смерти. В Финляндском полку у офицеров отобраны лошади и личные вещи; за то, что офицеры высказывались за наступление, они были в течение двух дней лишены всякой пищи». В донесении командующего 12-й армией подчеркивалось, что «с усилением большевистской пропаганды растет злобное отношение к офицерам, в которых видят единственное сдерживающее в армии начало и поборников порядка»¹¹⁴.

Эпизод, «весьма характерный для тогдашнего настроения» и, как представляется, в чем-то объясняющий подобное поведение, описывает А. И. Деникин: «Один из полков 4-й стрелковой дивизии искусно, любовно, с большим старанием построил возле позиций походную церковь. Первые недели революции... Демагог поручик решил, что его рота размещена скверно, а храм – это

предрассудок. Поставил самовольно в нем роту, а в алтаре вырыл ровик для... Я не удивляюсь, что в полку нашелся негодяй..., что начальство было терроризовано и молчало. Но почему 2–3 тысячи русских православных людей, воспитанных в мистических формах культа, равнодушно отнеслись к такому осквернению и поруганию святыни?»¹¹⁵. Очевидно, что люди, способные на такое, не останавливались ни перед чем, в том числе перед убийствами офицеров.

Немалую лепту в разжигание ненависти к офицерству вносило Временное правительство. Только один пример: военный министр А. Керенский, выступая перед солдатами, заявил, что «при царях вас гнали в бой кнутами и пулеметами. Начальники водили вас на бойню». В этой связи А. Деникин вспоминал: «Я... слушал, и сердце сжималось от обиды, потому что это была неправда»¹¹⁶.

В официальной газете военного министерства «Армия и Флот свободной России» писали, что в старой армии была каторжная дисциплина, опиравшаяся исключительно на угрозу физической расправы, а в солдате видели бессловесное животное. Далее газета делала вывод: дисциплина опиралась на офицеров, поэтому они и виновны во всех «ужасах старого режима»¹¹⁷.

В этой связи «Разведчик» писал, что военное ведомство ведет борьбу не с «истинными виновниками разрухи армии, не с распущенными и забывшими свой долг солдатами, а с офицерами, никогда не отказывавшимися от исполнения своего долга. Солдатская масса прекрасно понимает и чувствует это отношение к офицерам, и конечно, учитывает это в своих выступлениях»¹¹⁸.

Главной и непосредственной причиной ненависти к офицерам был уже упоминавшийся «шкурный интерес». Начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Н. Н. Стогов, отмечая в своем рапорте крайне негативное отношение солдат к офицерам, подчеркивал: «Мотив: офицеры – враги солдат, ибо они за войну...»¹¹⁹.

На Западном фронте наблюдалась такая же картина: «Всякое требование, направленное к оздоровлению армии, рассматривается как желание продолжать войну, нужную, по мнению солдат, только офицерам и капиталистам»¹²⁰. Военная цензура Румынского фронта в этом контексте отмечала, что в большинстве солдатских писем говорилось о готовности к расправе над офицерами¹²¹.

«Какая нонче война? – нонче свобода!» – эти разухабистые словечки, получившие самое широкое хождение среди нижних чинов, напрочь заглушали голоса тех, кто говорил о возможной гибели России.

Но война продолжалась, враг находился на нашей территории и по-прежнему стремился разгромить российское государство. В такой ситуации боевые столкновения были неизбежны, чего любой ценой стремилась избежать разложившаяся солдатская масса. Так, в начале июля на Западном фронте «революционные войска» не желали оказывать помощь своим же «единомышлен-

никам», «целыми полками... отказывались заменить и поддержать части, брошенные в атаку и потерявшие половину состава...»¹²².

Из-за нежелания вступать в бой совершались чудовищные преступления. Вот лишь некоторые из них.

2 июля был убит солдатами командир гренадерского Суворовского полка подполковник Рыков за то, что уговаривал солдат исполнить свой долг. В этом же полку от «своих» пуль погибли многие другие офицеры¹²³.

31 июля в 299-м пехотном Дубненском полку были зверски убиты командир полка генерал-майор А. А. Пургасов и три офицера. Их трупы, изуродованные донельзя, лежали долгое время, так как солдаты не позволяли их убрать. Командир полка и офицеры требовали исполнения служебных обязанностей, а солдаты не пожелали идти на занятия, «заявив, как один человек, что полк драться с немцем не будет»¹²⁴. Две «революционные» роты, явившиеся в полковой штаб, беспричинно и безнаказанно убили однорукого генерал-майора П. А. Носкова. В январе 1915 г., будучи еще полковником, он по пояс в снегу, в жестокий мороз и под убийственным огнем противника вел свой полк в атаку на неприступную высоту¹²⁵. Это был тот самый П. А. Носков, капитан во время русско-японской войны, которому после ранения выше локтя ампутировали руку. Однако П. А. Носков поехал не домой, а вернулся в полк, активно участвовавший в боевых действиях.

Один из солдат так описывал ситуацию в своей части: «Здесь у нас здорово бунтуют, вчера убили офицера из 22-го полка и так много арестовывают и убивают». В 243-м пехотном полку солдаты убили командира, после чего устроили массовое избиение офицеров. В Пскове был убит полковник Самсонов, в Москве – полковник Щавинский, труп которого был сброшен толпой в р. Язу, в Петрограде – офицер 18-го драгунского полка кн. Абашидзе¹²⁶.

Вот характерные строки из донесений той поры: «17 мая солдатами 707-го полка убит начальник 177-й пехотной дивизии генерал Я. Я. Любицкий»; «в районе Пернова убиты командир 539-го полка полковник Остапенко и один из командиров позиционных батарей Балтийского побережья...», в 540-м полку ранен командир полковник Селиванов...»; «2 июля толпа солдат учинила самосуд над поручиком 78-го Сибирского стрелкового полка Антоновым... в 673-м полку часть офицеров подверглась насилию и, опасаясь расправы, ушла в штаб дивизии, в 699-м полку офицерам заявляют в лицо, что их ожидает кровавая расправа»; 12 июля убит комиссар 1-го Сибирского корпуса поручик Романенко (когда он уезжал, раздались выстрелы, он упал с лошади, разъяренная толпа набросилась и прикончила штыками, изуродовав труп), 18 июля убит прикладами подполковник 463-го полка Фрейлих... в 56-м запасном пехотном полку убит полковник Стрижевский»¹²⁷.

31 июля на станции Калинковичи солдаты насмерть забили трех офицеров, 1 августа в лейб-гвардии 1-м стрелковом полку были убиты его командир полковник Быков и командир 2-го батальона того же полка капитан Колобов, 16 августа брошена бомба в офицерское помещение 479-го пехотного полка¹²⁸.

Немецкая пресса с удовлетворением отмечала факты убийства русских офицеров своими же солдатами. В этой связи 17 офицеров генерального штаба подписали письмо, в котором говорилось о том, что убиты десятки офицеров, а «сотни и тысячи убиты нравственно»¹²⁹.

После попытки Л. Г. Корнилова захватить Петроград и установить твердую власть, ситуация еще более обострилась. В войсках стали распространяться воззвания – следить за офицерами и доносить комитетам¹³⁰.

29 августа в Выборге солдаты 42-го армейского корпуса учинили самосуд над офицерами. По подозрению в сочувствии выступлению Л. Г. Корнилова были расстреляны 11 человек, в том числе командир корпуса генерал от кавалерии В. А. Орановский. Перед смертью офицеры подверглись истязаниям, их тела сбросили в залив¹³¹.

В сентябре в 34-й пехотной дружине убили поручика Смеречинского и прапорщика Вильдта, в 60-м Сибирском полку бомбой, брошенной в офицерское собрание, ранено 17 офицеров, в 132-м полку избит полковник Макаревич¹³² и т. д. Всего же с 1 по 30 сентября 1917 года в действующей армии было зарегистрировано 90 случаев убийств офицеров и насилия над ними¹³³.

В начале октября солдаты 217-го и 218-го полков, окружив офицеров, оскорбляли их и закидывали камнями. 20 октября в Боровичах был убит командир 174-го пехотного полка полковник Буланов, 22 октября в 31-м полку избит ротный командир поручик Чуб, в 272-м полку – капитан Заметнов, в 3-й Заамурской пехотной дивизии убит прапорщик Сорокин. В 227-м полку на глазах командира и офицеров убит прапорщик Баранов, рядовой 43-го полка убил двумя выстрелами из винтовки подпоручика 123-го полка. Во 2-й батарее 39-го корпуса в землянку командира была брошена бомба, которой контужено три офицера; в 1-й Кавказской артиллерийской бригаде выстрелом через окно ранен командир батареи и т. д.¹³⁴

В целом обстановка была такой, что каждый офицер мог быть убит, растерзан, избит и унижен в любое время, по любому поводу. Впоследствии один из офицеров в эмоциональной форме так описывал тогдашнюю ситуацию: «Из тюрем и каторги явились вожди. Они пожалы руки шпионам и предателям и повели легионы дезертиров, шкурников и рабов. Они срывали ордена, политые кровью, и грязными каблуками топтали кресты, они забивали гвозди в плечи и кромсали ножами просветы и лампы. Они радостно, как самых лютых врагов, душили, топтали, вешали, кололи штыками тех, кто продолжал

звать, любить Родину, сражаться за честь и славу России»¹³⁵. Именно тогда появились стихи неизвестного автора, несовершенные по форме, но отражающие настроение офицерства.

Христос всеблагой, всесвятой, бесконечный,
Услыши молитву мою.

Услыши меня, мой заступник предвечный,
Пошли мне погибель в бою...

Смертельную пулю пошли мне навстречу, –
Ведь благодать безмерна Твоя.

Скорее пошли мне кровавую сечу,
Чтоб в ней успокоился я.

На Родину нашу нам нету дороги,
Народ наш на нас же восстал.

Для нас он воздвиг погребальные дроги
И грязью нас всех закидал.

Товарищи наши, в бою погибая,
Без меры, числа и конца,

Нам всем завещали одно, умирая:
Войну довести «до венца».

Пока здесь грохочет гроза боевая,
Мы все на местах, не уйдем,

И край наш родимый от немцев спасая,
За Родину нашу умрем.

За наши страдания, жертвы и муки
Нам русский народ заплатил,

На нас в ослеплении поднял он руки,
Своих офицеров убил.

Спешите ж в окопы, товарищи-братья,
Семьей офицерской своей.

Нам смерть широко раскрывает объятия,
И мы успокоимся в ней.

Христос всеблагой, всесвятой, бесконечный,
Услыши молитву мою.

Услыши меня, мой заступник предвечный,
Пошли мне погибель в бою...

Масштаб разложения армии был таким, что Временное правительство, несмотря на перманентную «революционную» демагогию, было вынуждено реагировать на происходившие события. Так, в войсках был объявлен приказ, в соответствии с которым дезертиры лишались права участвовать в выборах в учредительное собрание и органы местного самоуправления, а их семьи лишались пайка, до возвращения в свои части. Те, кто возвращался в части, могли быть освобождены от ответственности¹³⁶.

12 июля была восстановлена смертная казнь за некоторые тягчайшие преступления: военную и государственную измену, побег к неприятелю, бегство с поля сражения, сдачу в плен без сопротивления, насильственные действия против начальников. Выносить приговор могли военно-революционные суды, создававшиеся в дивизиях в составе трех солдат и трех офицеров¹³⁷.

Однако уже 9 августа был издан приказ по военному ведомству, в котором объявлялось постановление Временного правительства о необходимости утверждения смертных приговоров за эти преступления командующим армией и состоявшим при нем комиссаром Временного правительства¹³⁸.

В реальности же положение было таким, что боевые генералы не знали, как привести такой приговор в исполнение, если бы он был вынесен¹³⁹.

Катастрофическое положение в армии стало предметом обсуждения на совещании в Ставке 16 июля 1917 г. На нем присутствовал А. Керенский, ставший к тому времени министром-председателем (с сохранением за собой поста военного и морского министра), некоторые другие члены Временного правительства и часть высшего генералитета. В ходе прений некоторые генералы (А. Брусилов, А. Деникин, М. Алексеев) высказались в том смысле, что причина всех бед – безудержная «демократизация» армии. Так, генерал М. Алексеев заявил: «Безусловно, меры правительства расшатали армию. Сперва приказ № 1, затем декларация». А. Брусилов подчеркнул, что «работа комитетов и комиссаров не удалась, так как они заменить начальников не могут»¹⁴⁰.

А. И. Деникин потребовал отменить институт комиссаров, упразднить комитеты в войсках, вернуть всю власть командирам и начальникам. Однако А. Ф. Керенский заявил, что это невозможно, так как надо верить в разум, совесть и патриотизм народа, и что «...все это нельзя приносить в жертву ради железной дисциплины»; дисциплину надо вводить, «...но так, чтобы не были затронуты основные завоевания революции...»¹⁴¹.

Отстаивая свою точку зрения, А. И. Деникин привел в качестве примеров два случая. Пример первый: когда военный министр был в 28-й и 29-й пехотных дивизиях, то все клялись идти в бой. Когда он уехал, войска «...вынесли резолюцию не наступать». Пример второй: «Я присутствовал при трогательной картине передачи Потийскому пехотному полку красного знамени, когда

солдаты на нем клялись идти на смерть; этот же самый Потийский полк за час до наступления ушел назад за 15 верст»¹⁴².

Совещание не имело никаких реальных последствий, в армии все осталось по-прежнему. В конце августа новый Верховный Главнокомандующий Л. Корнилов попытался силой оружия восстановить порядок в стране и армии, но его попытка оказалась безуспешной. Более того, в войсках усилилось влияние наиболее радикальных элементов в лице большевиков.

§ 4.3. Реакция офицерства на события в стране и армии

Представляется, что в первые дни и недели февральской революции масштаб и смысл происшедших событий офицерами просто не осознавался. Это естественно, ибо человек устроен таким образом, что большие события даже в личной жизни – рождение детей, головокружительный карьерный взлет, смерть близких и т. п. – в полной мере осознаются им не сразу. Тем более это относится к таким грандиозным социальным катаклизмам, как гибель империи, радикальное изменение государственного устройства, коренная ломка бытия огромной страны.

По всей вероятности, не представляла последствий смены государственного строя и та часть генералов, которая участвовала в отстранении от власти последнего русского императора. Их политическую близорукость (равно как и близорукость либеральных политических деятелей) точно охарактеризовал известный русский философ и теолог С. Н. Булгаков: «Рассуждали о том, насколько безболезненно пройдет для армии и страны “перемена шофера”... Они вообразили, что переменить помазанника Божия можно и впрямь, как извозчика, и что, переменив, они и поедут, куда желают. Вот и поехали!»¹⁴³.

Иными словами, переворотом руководили люди, не знавшие подлинной политической ситуации в России, и тем более не способные прогнозировать последствия своих действий.

Одним из организаторов отстранения российского монарха от власти оказался генерал М. В. Алексеев, начальник штаба Верховного Главнокомандующего (Главкомверхом был сам император). Очевидец событий той поры, по некоторым данным, офицер контрразведки, писавший под псевдонимом М. де Ноблемонт, обвинял М. В. Алексеева в сговоре с либеральными политиками, готовившими переворот (М. В. Родзянко, П. Н. Милюков, А. Ф. Керенский, А. И. Гучков и др.), а также в преступном бездействии в период массовых беспорядков в Петрограде. По мнению автора, беспорядки, поначалу имевшие

место лишь в столице, можно было пресечь, если бы М. В. Алексеев выполнил свой долг: арестовал высокопоставленных заговорщиков и разогнал «...дезертиров, уклоняющихся от мобилизации подонков... и... бастующих, распропагандированных шпионами, рабочих». Однако вместо этого М. В. Алексеев вел переговоры по прямой линии из Могилева с М. В. Родзянко, председателем Государственной думы и одним из главных заговорщиков¹⁴⁴.

Именно М. В. Алексеев 2 марта послал телеграмму в адрес всех главнокомандующих армиями фронтов, в которой, в частности, говорилось: «наступила одна из страшных революций», «...войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола...». Далее в телеграмме высказывалась мысль, что «обстановка... не допускает иного решения...», и содержалась просьба к главнокомандующим армиями фронта «телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу Его Величеству» об отречении¹⁴⁵.

В тот же день, 2 марта, М. В. Алексеев послал императору телеграмму, в которой «обобщил» телеграммы, полученные от главнокомандующего Кавказским фронтом великого князя Николая Николаевича, главнокомандующих армиями фронтов А. А. Брусилова (Юго-Западный фронт), А. Е. Эверта (Западный фронт), В. В. Сахарова (Румынский фронт). Все они призывали императора отречься от престола¹⁴⁶.

В Пскове, куда прибыл поезд Государя, главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Н. В. Рузский оказывал на него моральное давление, уговаривая отречься от Престола «во благо России». В промежутках Н. В. Рузский рассылал телеграммы командармам и командирам корпусов, в которых описывал «в самых темных красках гибельное положение в стране и указывал, что единственное спасение России – в отречении царя». Поэтому «даже искренно преданные Государю генералы посылали телеграфные ответы, что они коленопреклоненно умоляют Его последовать этому пути»¹⁴⁷.

Свою негативную роль в февральском перевороте сыграли также другие генералы, в том числе генерал от инфантерии В. И. Гурко и генерал от кавалерии А. А. Брусилев.

4 марта во всех газетах был опубликован Высочайший манифест, в котором Николай II передавал «наследие» в пользу великого князя Михаила Александровича, своего брата. Однако до настоящего времени достоверно не доказано, что Государь отрекся от престола. В наши дни все большую поддержку получает гипотеза о том, что манифест об отречении был фальшивым и Николай II не отрекся от престола.

Вскоре императора арестовали. Судебный следователь по важнейшим делам Н. А. Соколов (не путать с либеральным адвокатом Н. Д. Соколовым,

автором приказа № 1) так описывает арест Николая II: «...в Могилев прибыли члены Государственной Думы Бубликов, Вершинин, Грибунин и Калинин. В ставке ждали их, думая, что они командированы Временным Правительством «сопровождать» Императора в Царское. Но когда Государь сел в поезд, эти лица объявили ему через генерала Алексеева, что он арестован»¹⁴⁸.

Императора, Верховного Главнокомандующего, арестовали четыре невооруженных гражданских лица в Ставке, имевшей свой гарнизон. И сообщил об этом Николаю II не кто-нибудь, а его собственный генерал-адъютант...

Наверняка генералы, причастные к перевороту, не желали зла своей стране. Скорее всего, они предполагали, что таким образом спасут армию от развала, а Россию от надвигавшегося хаоса и революции. Видимо, понимание того, что спасти страну путем измены присяге и государственного переворота, да еще в ходе войны – невозможно, было им недоступно.

Вероятно, уже вскоре генералы поняли, к какому злодеянию они оказались причастны. М. В. Алексеев и Л. Г. Корнилов стали вождами Белого движения, снискавший сомнительную славу заговорщика Н. В. Рузский был убит большевиками, В. Гурко в эмиграции активно участвовал в деятельности белоэмигрантских кругов.

К сожалению, присягу нарушили даже члены императорской фамилии. 1 марта, то есть еще до отречения (мнимого или подлинного), великий князь Кирилл Владимирович привел к Таврическому дворцу Гвардейский морской экипаж и доложил, что предоставляет экипаж в распоряжение Госдумы. Один из вождей Белого движения в Приморье генерал-майор В. М. Молчанов вспоминал, что великий князь Кирилл «ходил по Петрограду с красным бантом»¹⁴⁹.

Казалось бы, опубликование манифеста об отречении Николая II от престола, последовавшее вслед за этим отречение от престола Михаила Александровича, смена государственного строя освобождали офицеров от ранее принятой присяги, и ничто не должно было мешать их переходу на службу новой власти.

Более того, назначенный 2 марта Верховным Главнокомандующим великий князь Николай Николаевич в своем приказе отметил: «Установлена власть в лице нового правительства. Для пользы нашей родины я, Верховный Главнокомандующий, признал ее, показав тем пример нашего воинского долга. Повелеваю всем чинам славной нашей армии и флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямых начальников. Только тогда Бог нам даст победу»¹⁵⁰. Новую власть признали также все пятеро главнокомандующих армиями фронта и начальник штаба Верховного Главнокомандующего М. В. Алексеев.

Казалось бы, переходу на службу новой власти способствовало и то, что прежняя государственная система была в значительной мере дискредитиро-

вана в глазах офицерства. «Своего рода естественной пропагандой служило неустройство тыла и дикая вакханалия хищений, дороговизны, наживы и роскоши, создаваемая на костях и крови фронта»¹⁵¹, – писал А. И. Деникин.

В. М. Пуришкевич, убежденный монархист, один из создателей «Союза русского народа» с горечью писал: «...правительство наше все сплошь калейдоскоп бездарности, эгоизма, погони за карьерой; лиц, забывших о родине и помнящих только о своих интересах, живущих одним лишь сегодняшним днем. Как мне бесконечно жаль Государя, вечно мятущегося в поисках людей, способных занять место у кормила власти, и не находящего таковых...»¹⁵².

В докладе Петроградского охранного отделения особому отделу Департамента полиции в октябре 1916 г. отмечалось, что ряд причин, в том числе бессистемная и противоречивая политика правительства, а также «недобросовестность местной администрации», привели к «неравномерному распределению продуктов питания и предметов первой необходимости, невероятно прогрессирующей дороговизне...». Далее в документе указывалось, что «среди самых широких и различных слоев» населения отмечена «исключительно повышенная оппозиционность и озлобленность настроений» и что недовольство проводимой в стране политикой высказывают даже те, кто ранее никогда не выражал своего недовольства. В качестве примера приводились «отдельные круги даже гвардейского офицерства». В докладе в числе прочего отмечается, что цены на продукты за годы войны выросли на 300%, в то время как заработок рабочих и иных слоев населения увеличился лишь на 100%¹⁵³.

Особо подчеркнем: денежное содержание офицеров за годы войны вообще не увеличивалось, и офицерство вместе с семьями страдало от роста дороговизны больше всех.

Немалую роль в дискредитации высшей власти сыграл Г. Распутин, имевший неограниченное влияние на императорскую семью. Отношение офицерства к Г. Распутину характеризует ситуация, описанная протопресвитером русской армии и флота (главой российского военного духовенства) о. Г. Шавельским. 1 мая 1916 г. в районе 4-й армии (Западный фронт, г. Молодечно) он освящал знамена 65-й пехотной дивизии, входившей в состав 26-го корпуса. На торжестве были командующий армией генерал от инфантерии А. Ф. Рагоза, командир корпуса генерал от инфантерии А. А. Гернгросс, начальники всех трех дивизий корпуса и все офицеры корпуса. На общем завтраке, после торжества, где были сотни людей, А. А. Гернгросс громко сказал: «Я согласился бы 6 месяцев отсидеть в Петропавловской крепости, если бы мне позволили выдрать Распутина. Уж и выдрал бы я этого мерзавца». В ответ – хохот сотен офицеров. Если воспитанный в традициях верности императору старый боевой генерал решился на такую выходку в отношении близкого царю человеку,

и офицеры хохотали, и ни одного возражения не было, «...не значило ли это, что... звучали не только ненависть и презрение к Распутину, но и грозное предостережение Государю?»¹⁵⁴.

Свою роль в дискредитации власти играла и Александра Федоровна, жена Николая II. Как вспоминал о. Г. Шавельский, в обществе ее считали «неумной женщиной», обладавшей, однако, «наступательным характером». Еще до начала войны императрицу обвиняли во вмешательстве в государственные дела, давлении на императора, который под влиянием жены отклонял все разумные преобразования в политической сфере и назначал на высшие должности ее протеже (они же – протеже Распутина)¹⁵⁵. В. М. Пуришкевич в этой связи писал: «Императрица Александра Федоровна, глядящая на все, на всех и на вся глазами Распутина, делит служащих во всех правительственных учреждениях на две группы: «наши» и «не наши». Первая поощряется всеми мерами, вторую исподволь сплавляют, замещая... «нашими»¹⁵⁶.

С началом войны вмешательство царицы в государственные дела значительно возросло. «Император царствует, но правит императрица, инспирируемая Распутиным», – записал в июле 1916 г. в своем дневнике французский посол М. Палеолог¹⁵⁷.

Один из современных исследователей феномена слухов кануна революции, главным объектом которых была императрица Александра Федоровна, отмечает, что она никогда не была популярной в России. Во всех слоях общества – от крестьян до членов императорской фамилии – к ней относились негативно. С началом мировой войны молва стала обвинять царицу, по национальности наполовину немку, наполовину англичанку, в шпионаже в пользу Германии. «Даже штабные генералы и гвардейские офицеры передавали невероятные слухи. В дни приезда царицы в Ставку принимались особые меры безопасности: от нее прятали секретные документы – утверждали, что после каждого такого визита русская армия терпела поражения. Генерал М. В. Алексеев заявил, что у царицы находилась секретная карта, которая должна была существовать лишь в двух экземплярах, хранящихся у него и у императора. Генерал А. А. Брусилов якобы уклонился от вопроса царицы о сроках наступления – он также опасался «утечки» информации. Другие слухи сообщали о конфликте императора с генералом В. И. Гурко, исполнявшим обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего во время болезни М. В. Алексеева. Он якобы отказался показать царю план военных действий в присутствии императрицы»¹⁵⁸.

В докладе военной цензуры в начале 1917 г. говорилось, что офицеры все неустройство приписывают влиянию «немецкой партии», многие относятся к царице враждебно, считая ее «активной германofilкой». Нередко офицеры

не скрывали своих настроений от нижних чинов. Многие солдаты считали царицу «чистокровной немкой, играющей в руку Германии» (военная цензура оценивала ситуацию так: царя солдаты любят, но считают, что «до него ничего не доходит, а то бы он искоренил немецкое влияние»). Как «бессознательное орудие германских агентов» оценивал императрицу британский посол лорд Дж. Бьюкенен¹⁵⁹.

Следует подчеркнуть: предательство императрицы не было доказано ни тогда, ни в нынешнее время. По нашему мнению, она не могла «работать» на вражескую разведку. Однако в канун революции, когда в государстве и обществе стремительно усиливались разрушительные процессы, слухи и вымыслы были чрезвычайно важными факторами, формировавшими общественное сознание, в том числе отношение к династии и государственному устройству. Безусловно, слухи, циркулировавшие в обществе, сыграли свою роль, как в ходе февральской революции, так и в последовавших событиях.

Наверняка, большая часть слухов об императрице являлась измышлениями «злых языков», но губительное вмешательство Александры Федоровны в государственные дела действительно имело место. «Пожалуй, ничто другое так не подрывало авторитет власти, как эти слухи об императрице. Даже идейные монархисты под их влиянием превращались в оппозиционеров»¹⁶⁰.

В. М. Пуришкевич писал: «Я не в состоянии без боли видеть все это и мысленно задаю себе вопрос: «Неужели Государь не в силах заточить в монастырь женщину, которая губит Его и Россию, являясь злым гением русского народа и династии Романовых. Неужели Государь не видит, куда она толкает нас? Как дискредитирует она монархический принцип и позорит самое себя...»¹⁶¹.

Подобным образом оценивал деятельность Александры Федоровны и о. Г. Шавельский, имевший непосредственный доступ к императору. «Политическая слепота и непреклонная самоуверенность Императрицы Александры Федоровны... подчинение Императора Николая Александровича своей жене были одною из не последних причин, приведших великое Российское государство к неслыханной катастрофе»¹⁶².

Все это распатывало российскую государственную систему, не позволяло наладить эффективную систему управления. Великий князь Николай Николаевич говорил в этой связи: «Уберите ее, посадите ее в монастырь, и Государь станет иным... а пока всякие меры бесполезны!»¹⁶³.

В глазах современников влияние Александры Федоровны на государственные дела было настолько отрицательным, что Л. Г. Корнилов в случае успеха своего выступления предполагал предание ее суду за измену Отечеству¹⁶⁴.

Безусловно, все это ослабляло авторитет Николая II в глазах общества, в том числе офицерства. Более того, системный кризис, охвативший к концу

1916 – началу 1917 гг. экономическую, политическую и общественные сферы страны, сказывался на настроениях офицеров, вызывая у многих чувство неудовлетворенности и разочарования.

Казалось бы, какие сомнения могут быть в такой ситуации – признавать или не признавать революцию и новую власть, о каких моральных терзаниях можно было говорить? Однако настроенное в массе своей патриотично и консервативно кадровое офицерство, равно как и часть офицеров военного времени, весьма сдержанно восприняли перемены в стране: об этом свидетельствуют письма офицеров с фронта, просматривавшиеся военной цензурой¹⁶⁵.

Вспоминая то время, А. И. Деникин писал: «Офицерство, несомненно, переживало тяжелую драму, став между верностью присяге... и велением целесообразности. Часть офицеров, очень небольшая, оказала вооруженное противодействие восстанию и в большинстве погибла, часть уклонилась от фактического участия в событиях, но большая часть в рядах полков, сохранивших относительный порядок, в лице Государственной Думы искала разрешения вопросов мятущейся совести»¹⁶⁶.

Отказались присягать Временному правительству командир гвардейского кавалерийского корпуса генерал от кавалерии Гусейн хан Нахичеванский и командир 3-го конного корпуса генерал от кавалерии Ф. А. Келлер, пославший Николаю II телеграмму, в которой выразил готовность защитить императора.

Во время февральской революции полковник А. П. Кутепов, находившийся в краткосрочном отпуске в Петрограде, пытался организовать сопротивление восставшим, возглавив по поручению командующего Петроградским военным округом генерала С. С. Хабалова сводный отряд. Попытка не удалась, ибо отряд А. П. Кутепова не был поддержан другими находившимися в Петрограде воинскими частями.

Сохранили личную преданность последнему русскому императору все офицеры Собственного Его Императорского Величества Конвоя, не принявшие революцию ни в феврале, ни в октябре 1917 г.¹⁶⁷

Часть офицеров пыталась предпринять меры, направленные на локализацию революционных событий в столице. Такие попытки предпринимали даже некоторые из тех, кто вскоре будет посылать государю телеграммы о необходимости отречения от престола. Так, главнокомандующий армиями Западного фронта генерал от инфантерии А. Е. Эверт, получив сведения о происходивших с 23 февраля массовых демонстрациях и забастовках в Петрограде, отправил Главному начальнику Минского военного округа специальную телеграмму. В ней говорилось: «...ввиду возможности переброски происходящих ныне в Петрограде беспорядков в большие центры и железные дороги... подготовить... надежные части, преимущественно из учебных команд»¹⁶⁸.

На следующий день, 1 марта, начальник штаба фронта генерал-лейтенант М. Ф. Квевцинский указал, в какие именно населенные пункты необходимо будет послать эти части. Назывались Гомель, Орша, Могилев, Витебск, Брянск, Смоленск, Вязьма и др. Кроме того, предусматривалась возможность переброски частей из одного населенного пункта в другой¹⁶⁹.

Однако события развивались столь стремительно, что указанные мероприятия не были осуществлены.

В этой ситуации, несмотря на то что на имя генерала А. Е. Эверта 1 марта пришла телеграмма за подписью председателя Государственной Думы М. Родзянко о переходе власти к Временному комитету Госдумы¹⁷⁰, командование фронта не стало спешить с опубликованием этой вест.

По всей вероятности, расчет делался на восстановление прежнего порядка. В ночь с 1 на 2 марта штаб Западного фронта отправил в штабы армий и управление Минского военного округа приказание, в котором говорилось: «До выяснения внутреннего положения в стране представляется крайне нежелательным проникновение в войска тех телеграмм, которые рассылаются членами Временного правительства, равно как... газет, в которых названные телеграммы могут быть напечатаны»¹⁷¹.

В течение 2 марта в штаб фронта пришло еще 8 пространных телеграфных сообщений, подробно раскрывавших масштаб событий в столице. Около 19 часов того же дня генерал-лейтенант М. Ф. Квевцинский вынужден был сообщить начальнику Минского военного округа и командующим 2-й, 3-й и 10-й армий о том, что «фактическая власть в столицах перешла в руки Временного правительства...»¹⁷².

С утра 3 марта вест о революции получила широкую огласку через московскую газету «Русское слово»¹⁷³, но генерал А. Е. Эверт обратился к войскам фронта со специальным приказом, где говорилось о смене власти, только 4 марта¹⁷⁴.

В ряде частей офицеры не доводили нижним чинам информацию о революционных событиях в стране, равно как и приказы высшего командования, изданные в связи с этими событиями¹⁷⁵. В условиях, когда отношения между солдатами и офицерами резко обострились и начались аресты командного состава, подобное поведение требовало немалого мужества. Отдельные случаи говорят о весьма упорном сопротивлении «революционным веяниям». Например, 365-я Гродненская пешая дружина до 18 марта не была приведена к новой присяге¹⁷⁶, хотя приказ по Минскому военному округу обязывал командиров сделать это не позже 10 марта¹⁷⁷.

Некоторые офицеры отказывались признавать смену государственной власти. Так, нижние чины 63-го Сибирского стрелкового полка подали жало-

бу в Минский Совет рабочих депутатов на то, что офицеры полка совершенно не признавали новых порядков и что подобное положение во всей 16-й Сибирской стрелковой дивизии (Западный фронт). Начальник этой дивизии генерал Бунин отказался признавать Временное правительство и требовал от подчиненных петь гимн «Боже, царя храни». О столкновениях с офицерами на почве неприятия последними «нового уклада военной жизни» сообщали нижние чины 61-го Сибирского стрелкового полка¹⁷⁸.

В солдатских письмах с Румынского фронта, которые военная цензура просматривала миллионами, отмечались характерные строчки: «У нас уже есть офицеры... даже арестованные за неподчинение новым правилам», «вчера у нас была присяга, часть офицеров долго упорствовала... а один полковник упал в обморок. Многие офицеры от горя пьянствовали»¹⁷⁹ и т. п.

В офицерских письмах говорилось о том же: «13 марта мы присягали Временному Правительству с неохотой... Настроение мое и многих офицеров очень плохое, это все оттого, что делается у вас в тылу...»¹⁸⁰.

В то же время некоторые стали приспосабливаться к «революционным веяниям» и повели себя недостойно.

Например, В. Ф. Новицкий «при царском режиме» сумел дослужиться до чина генерал-лейтенанта. Однако, став после февральского переворота помощником военного министра, он заявил: «Революция для России была насущна и необходима. Страна была поставлена в тупик, и народ своей властной рукой стер то, что сгнило и устарело»¹⁸¹. После того как Временное правительство также было свергнуто, он не растерялся и пошел на службу к третьей по счету власти – большевистской, и добровольно вступил в Красную Армию.

Подобным образом поступил и генерал-майор П. Д. Бурский, который пошел в услужение Временному правительству, а после октября 1917 года – Советской власти. Одним из первых заявил о своей лояльности Временному, а затем и Советскому правительству генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич, при всех властях занимавший крупные посты.

Недоброй «славой» покрыл себя подполковник генерального штаба Б. А. Энгельгардт, активный участник февральских событий, возглавивший военную комиссию Временного комитета Госдумы и ставший первым военным комендантом «революционного» Петрограда. В первые дни февральской революции, когда начался террор в отношении офицеров, он издал приказ, грозивший «всякими репрессиями офицерам за якобы отбирание оружия у солдат, что совершенно не имело места, а было как раз наоборот»¹⁸².

Однако вскоре после прихода к власти большевиков сей господин вынужден был бежать из Петрограда и, по всей видимости, желая спастись, стал работать в отделе пропаганды Добровольческой армии!

Полковник М. Свечников весной 1917 г. вступил в РСДРП (б) и в день совершения Октябрьской революции – 25 октября – рапортом доложил командиру корпуса о готовности защищать Совет рабочих и солдатских депутатов¹⁸³.

Были и другие «перевертыши» из среды офицерства, коим, думается, было все равно, чему и кому служить, главное – «работать на себя». «...Неистово махая красными флагами, ползают на брюхе перед богами революции, как некогда ползали при царях...»¹⁸⁴, – говорил о таких А. И. Деникин.

Среди обер-офицеров также нашлись те, кто изменил высокому званию русского офицера. Некоторые из них являлись сторонниками революции, как правило, состоявшими в той или иной партии, и, по сути, были не офицерами, а профессиональными революционерами. Привести точные данные о количестве таких лиц в 1917 г. не представляется возможным, но число их явно было невелико.

Так, например, в ходе июльских событий в Петрограде, когда большевики предприняли первую попытку свержения Временного правительства, на их стороне находились лишь около 10 офицеров, все в чине прапорщика¹⁸⁵.

В одном из исследований советской поры называются фамилии десятка офицеров, вступивших в большевистскую партию в 1917 г., и говорится о существовании большевистских ячеек в школах прапорщиков в Москве, Петергофе, Киеве¹⁸⁶.

В целом же количество лиц, имевших офицерский чин и являвшихся членами революционных партий или же просто авантюристами, составляло, по оценкам С. В. Волкова, не более 2–3 тысяч по всей армии; часть из них, призванных из запаса, состояла в партии большевиков еще до войны¹⁸⁷. Вероятно, это число было гораздо меньше: советский исследователь А. А. Буравченков перечисляет лишь по 10–12 фамилий офицеров на каждом фронте, ведших работу в пользу большевиков¹⁸⁸. Общую цифру «революционных офицеров» исследователь не приводит, возможно, ввиду их малочисленности.

Другая часть изменивших воинскому долгу никаких идеологических постулатов не придерживалась, а просто всячески стремилась угодить бунтовавшим нижним чинам. Прежде всего, в целях самосохранения.

Так, были офицеры, которые поддерживали солдат, отказывавшихся ходить в атаки, при этом и сами они в атаки не ходили. В июле 1917 г. за подобные действия в 5-й армии привлекли к ответственности 35 человек. По данным контрразведки, «...главными агитаторами этого направления... явились те лица из офицерского состава, которые раньше не отличились мужеством и храбростью и уклонялись от строевой службы под различными предлогами»¹⁸⁹.

Группа офицеров 12-й армии представила Временному правительству записку, в которой отмечалось «реакционное настроение высшего состава армии»

и предлагалось назначить правительственных комиссаров при каждой армии, а также окончательно утвердить «формы воинского самоуправления»¹⁹⁰.

Известны случаи, когда офицеры военного времени, вошедшие в состав полковых комитетов, требовали отчисления от должности кадровых офицеров – командиров частей. Так, в мае депутат полкового комитета 2-го Карского крепостного пехотного полка подпоручик Вяченко потребовал, чтобы отчислили от должности командира полка полковника Гаджаева. В июне на заседании дивизионного комитета 6-й Кавказской дивизии, 21-го Кавказского стрелкового полка подпоручик Кванталиани заявил о нежелании нижних чинов иметь командиром полка полковника Херхоулидзе. В обоих случаях полковых командиров отчислили от должностей¹⁹¹.

Об уровне морального разложения некоторых лиц, носивших офицерские погоны, свидетельствуют факты, когда офицеры призывали нижних чинов не повиноваться офицерам! Так, к неисполнению приказаний призывали 650-го пехотного Тотемского полка подпоручик Филиппов, 80-го Сибирского стрелкового полка штабс-капитан Михайлов, 11-го Особого пехотного полка капитан Собецкий¹⁹².

Сколь жалкими и никчемными были люди, незаслуженно получившие офицерский чин, свидетельствует такой факт. В октябре собрание 26-го стрелкового полка приняло постановление, в котором наряду с требованиями выдать хлеб полностью, не считаясь с продовольственным кризисом, уменьшить жалованье офицерам и т. п. содержалось требование отменить занятия для солдат (имелись в виду занятия по боевой подготовке). Постановление подписали председатель собрания прапорщик Сырнев и секретарь собрания прапорщик Клячкин¹⁹³. То есть «командиры» выступили за отмену боевой подготовки! Кроме того, собрание этого же полка постановило «в окопы не идти, работ по обороне не производить». «Вдохновителями» этих решений тоже являлись Сырнев и Клячкин, по их же инициативе были посланы агитаторы в другие части. Начальник 7-й стрелковой дивизии генерал В. И. Зиборов выехал в этот полк своей дивизии для расследования, но был убит толпой¹⁹⁴.

Следует отметить, что даже в обстановке, когда офицеров, честно выполнявших свой долг, терроризировали, офицерская среда отторгала негодяев. Так, решением офицеров 12-го инженерного полка был исключен из товарищеской среды, а затем исключен из списков полка и отчислен в резерв некий поручик Смирнитский, председатель полкового комитета. Данный господин отличился тем, что на заседании комитета оскорблял командира полка, других офицеров и позволял то же самое делать нижним чинам. Более того, на полковом митинге он сорвал с себя погоны, топтал их ногами; на корпусном съезде заявил, что войска в атаку не пойдут¹⁹⁵.

Что могли сделать офицеры, оставшиеся верными воинскому долгу в условиях, когда власть «сверху», а солдаты «снизу» сокрушали воинские устои и разваливали армию?

Перед тем, как попытаться ответить на этот вопрос, следует отметить: офицеры составляли явное меньшинство армии. Так, в октябре 1917 г. численность действующей армии составляла свыше 6 млн человек, из них офицеров – несколько более 138 тыс. человек¹⁹⁶ (при общей численности офицерского корпуса примерно в 250 тыс. человек)¹⁹⁷.

В общем же по всей армии численность офицеров и солдат в 1917 г. соотносилась как 1:50¹⁹⁸.

Понятно, что силовую борьбу при таких условиях вести было невозможно. Более того, невозможно представить, чтобы в боевой обстановке офицеры начали стрелять по своим же солдатам. В отличие от разложившейся солдатской массы, офицеры в большинстве своем не были способны на преступные и незаконные деяния.

Поэтому оставалось проявлять личную доблесть и жертвенность. О том, что это было характерным для офицеров, продолжавших выполнять воинский долг, сказано выше.

Часть офицеров тем или иным путем пыталась убедить власть в необходимости изменения политики, проводимой в отношении армии и корпуса офицеров. Одним из таких путей были публичные собрания, на которых офицеры высказывали свое мнение по поводу происшедшего в армии и принимали обращения к власти. В качестве примера можно привести постановление собрания офицеров генерального штаба Особой армии от 25 марта. В принятом документе участники собрания отметили, что считают своим нравственным долгом заявить следующее: «Большинство касающихся армии распоряжений Временного правительства, объявленных ... под давлением Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, ведут к разрушению основ организации боевой силы государства...». Далее в постановлении говорилось, что в распоряжениях правительства ничего не говорится об обязанностях солдат, «солдатская масса противопоставляется корпусу офицеров...», а отношения между солдатами и офицерами представляются как эксплуатация офицерами «бесправного положения» нижних чинов. В результате «в солдатской массе вышли на первый план личные счеты, и разыгрываются страсти на почве сознания своей силы, безнаказанности и отсутствия у офицеров средств воздействия...»¹⁹⁹.

Офицеры авиационного отряда гвардии в июне приняли постановление, в котором говорилось: «В виду того, что последние постановления военного министра не только не вводят в армии обещанную железную дисциплину, но и

уничтожают ее последние остатки, мы... считаем своим долгом открыто признать как нетерпимость настоящего положения, так и свое бессилие... содействовать восстановлению порядка... а потому просим ходатайства о переводе в союзную армию на правах офицеров или о лишении нас офицерского звания и определении на службу в качестве рядовых... Мы, будучи не согласны в основе с духом сих псевдореформ, снимаем с себя несправедливую ответственность за позор самоуничтожения армии, а следовательно, и гибель родины»²⁰⁰.

В июле начальник штаба главнокомандующего армиями Западного фронта представил Верховному Главнокомандующему рапорты трех офицеров 43-го Сибирского стрелкового полка, где они, говоря о крайне тяжелом положении офицеров вследствие пропаганды и падения дисциплины, невозможности взять на себя ответственность в бою при таких условиях, просят разжаловать их в рядовые. Главковерх наложил резолюцию, которую приказал довести до всех офицеров на фронтах: «Всем тяжело., но уходить нельзя... Нехорошо офицеру терять гражданское мужество, без которого Россия может погибнуть»²⁰¹.

Делались попытки изменить положение вещей путем самоорганизации, то есть создания офицерских организаций. Уже в середине марта в 12-й армии была развернута деятельность организации офицеров, имевшей свой печатный орган – «Известия офицеров 12 армии». Организация ставила своими целями защиту родины от внешнего врага, подготовку армии к сознательным выборам в Учредительное собрание, объединение с солдатами на почве нового свободного быта и основанной на нем воинской дисциплины²⁰².

В конце марта в Петрограде была создана офицерская организация, называвшаяся «Военная лига». Цель организации – «всемерное содействие и самая широкая поддержка к охранению, закреплению и усилению боеспособности российской армии и флота...». Организация ставила также своей целью способствовать более сознательному отношению к своим обязанностям со стороны офицеров и солдат, «полному единению их работы на почве взаимного доверия и уважения». «Лига» требовала создать в противовес декларации прав военнслужащих декларацию их обязанностей, предоставить дисциплинарную власть начальникам, прекратить пораженческую пропаганду, а также формировала ударные батальоны на Северном фронте²⁰³.

Еще одна организация – «Союз воинского долга», также находившаяся в Петрограде – по воспоминаниям ее председателя полковника Ф. В. Винберга, преследовала цель «...способствовать всеми доступными... мерами возрождению былого доблестного духа русской армии, ее старых боевых заветов...». Для этого организация стремилась «...к созданию образцовых добровольческих отрядов, к установлению прочной связи наших членов-офицеров с ниж-

ними чинами различных частей, к поддержанию контакта с другими однородными офицерскими организациями...». В ходе выступления Л. Г. Корнилова «все наиболее даровитые и толковые офицеры» Союза поддержали генерала. Офицеры, заранее распределенные по группам, должны были решать вполне конкретные задачи: захват броневых автомобилей, арест Временного правительства, аресты и казни наиболее влиятельных членов Совета рабочих и солдатских депутатов и т. д. «К приходу войск Крымова главные силы революции должны были уже быть сломленными...»²⁰⁴. Отметим, что по убеждениям члены Союза были монархистами. Помешало выступлению то, что части Л. Г. Корнилова были остановлены на дальних подступах к Петрограду.

Вместе с этими организациями в Петрограде выступали союз «Честь Родины», «Союз добровольцев народной обороны», «Союз спасения Родины»²⁰⁵ и др.

В мае в Ставке (г. Могилев) прошел организационный съезд Союза офицеров армии и флота, самой крупной офицерской организации. Цель съезда – восстановление воинской дисциплины, единение в армии на почве того, что враг находится на территории России и стране грозит опасность. С речью при открытии съезда, на котором присутствовало 298 делегатов, выступил занимавший в тот момент пост Верховного Главнокомандующего М. В. Алексеев, который, судя по его словам, уже осознал, что несет революция армии и России.

Генерал сказал: «...упал воинский дух русской армии; еще вчера грозная и могучая, она стоит сейчас в каком-то роковом бессилии перед врагом... в ней заговорили низменные инстинкты о сохранении жизни каждого...». Далее он отметил: «Целые классы, честно выполнявшие свой долг перед Родиной, взяты под подозрение, и на этой почве возникла глубокая пропасть между... офицерами и солдатами»²⁰⁶.

М. В. Алексеев заявил, что Россия стоит на краю пропасти, и открыто обвинил Временное правительство в слабости. «Мы все должны объединиться на одной великой платформе: Россия в опасности. Нам надо, как членам великой армии, спасти ее».

Следует отметить, что за эту речь на генерала начались нападки в прессе, телеграмму с выражением недовольства прислал А. Ф. Керенский²⁰⁷.

На съезде был учрежден устав Союза офицеров армии и флота. В уставе говорилось: «Союз не имеет никакой политической платформы и не преследует никаких политических целей. Каждому члену Союза предоставляется право политического самоопределения».

Целью Союза офицеров декларировалось поднятие боеспособности армии и флота, а в число задач организации входили:

- а) «организованное единение всех офицеров... и установление единства взглядов на основные вопросы для... проведения в жизнь необходимых мер по укреплению силы и боеспособности армии»;
- б) «установление единения между офицерами и солдатами...»;
- в) «содействие переустройству армии и флота на новых правовых демократических началах...»;
- г) «укрепление дисциплины...»;
- д) поддержание авторитета начальника;
- ж) «борьба со всякой пропагандой, имеющей целью расстроить основу армии и флота»;
- з) «защита корпуса офицеров от беспочвенных... выпадов со стороны различных лиц и групп»²⁰⁸.

Центральный орган Союза находился при Ставке, отделы, подотделы и отделения организовывались в действующей армии и в тылу.

Съезд принял резолюцию под названием «Армия близка к состоянию полного развала», в которой констатировалось, что развал подтверждается стремлением войск к миру любой ценой, даже за счет национальных интересов. Учитывая оккупацию части российского государства, делегаты призывали продолжать войну, быть верными союзникам, не допускать вмешательства комитетов в строевые и учебные дела²⁰⁹.

На закрытии съезда с речью выступил А. И. Деникин, который, в частности, сказал: «Я имею право бросить тем господам, которые... с первых же дней революции совершили свое каиново дело, над офицерским корпусом... вылете, русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником. Влача полунищенское существование, наш армейский офицер сквозь бедную трудовую жизнь свою донес..., как яркий светильник, жажду подвига для счастья родины». Обращаясь к Временному правительству, генерал потребовал: «Берегите офицера, ибо от века и до ныне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности»²¹⁰.

Следует отметить, однако, что проводились съезды и совершенно другой направленности. Почти одновременно со съездом в Могилеве проходил еще один съезд офицеров, собранный в столице Петроградским советом офицерских депутатов. В совет входили депутаты, придерживавшиеся эсеро-меньшевистских взглядов²¹¹.

На открытии съезда выступили некоторые члены Временного правительства, от имени Петроградского Совета делегатов приветствовал меньшевик Нахамкис (партийный псевдоним – Стеклов). О том, что представляли собой делегаты этого съезда, свидетельствует следующий факт: товарищ (заместитель. – В.С.) председателя съезда, штабс-капитан С. К. Бржозек зая-

вил о том, что издание приказа № 1 «диктовалось исторической необходимостью: солдат был подавлен, и настоятельно нужно было освободить его». Это заявление часть делегатов встретила продолжительными аплодисментами²¹². Иными словами, они аплодировали разрушению армии...

Большинство делегатов (около 80%) были обер-офицерами военного времени, причем 151 человек из них (29% от общего числа обер-офицеров) имели чин прапорщика²¹³.

Многие из них, в том числе прапорщики М. А. Майкапар, Г. Г. Шахвердов, поручик И. П. Смирнов, штабс-капитан П. К. Мармузов и др., выступая, заявили о своей «революционности», призывали к поддержке Временного правительства, некоторые – даже Советов²¹⁴.

Это были офицеры «главным образом из недоучившихся студентов, еще с университетской скамьи зараженных социализмом и политиканством», требовавшие прежде всего выяснить отношение офицерства к революции. В результате прений, где «каждый старался блеснуть красноречием и преданностью «завоеваниям революции», делегаты разделились три группы: первая стояла на платформе Временного правительства, вторая – на платформе Совета рабочих и солдатских депутатов, третья – в основном кадровые офицеры – вне политики. На обсуждение платформы ушла большая часть времени, и на остальную программу, касавшуюся жизненно важных для армии вопросов, осталось всего три дня. Она оказалась скомканной, многие делегаты к тому времени уже разъехались. «Съезд кончился ничем. Он только внес в души многих офицеров горькое разочарование в возможности единения офицерства»²¹⁵.

Приходится констатировать, что такие офицеры были не только в Петрограде. Телеграммы о проведении съезда офицеров в Могилеве были посланы в штабы фронтов, армий, корпусов, дивизий, полков. Однако если офицеры штаба Северного и Западного фронтов решили послать делегатов в Ставку, а не в Петроград, то, например, офицеры штаба Омского военного округа телеграмму не получили. Причина была в том, что командовавший войсками Омского военного округа генерал Г. В. Григорьев, сочувствовавший эсерам, задержал телеграмму, ибо решил послать делегатов в Петроград, а не в Ставку²¹⁶.

По всей видимости, это был не единственный случай, так как съезд офицеров в Могилеве выразил протест против действий старших начальников, препятствовавших распространению телеграмм, касавшихся проведения съезда при Ставке²¹⁷.

Часть офицеров была против создания Союза офицеров армии и флота, считая, это вызовет недовольство солдат. В их числе оказался ряд офицеров 170-й пехотной дивизии, 15-й Сибирской стрелковой дивизии, 169-й пехотной дивизии, собрание офицеров штаба 1-й армии Западного фронта²¹⁸.

Возникает вопрос: что служило причиной недостойного поведения этой части офицеров, среди которых были, пусть и в относительно небольшом числе, кадровые офицеры? Не могли же они, всю жизнь не имевшие никакого отношения к политике, в одночасье стать «пламенными революционерами»?

По нашему мнению, все достаточно просто. Есть люди, которые в период более или менее стабильной обстановки в стране, являясь частью государственного аппарата, добросовестно выполняют свои обязанности. Но когда происходят экстраординарные события, например революция, привычный жизненный уклад рушится. В этой ситуации они начинают подстраиваться к новым политическим реалиям; таковым оказался и определенный процент офицеров. Отсутствие гражданского мужества в сочетании с беспринципностью не позволяли им даже критиковать анархию, захлестнувшую армию и страну. О том же, чтобы противодействовать хаосу и подвергнуться тем самым обвинениям в контрреволюционности, не могло быть и речи: это грозило опасностью для жизни.

Хотя большинству из них вряд ли нравилось то, что происходило в стране и армии.

В этом плане показательна позиция, занятая генералом от кавалерии, генерал-адъютантом императора, потомственным дворянином и потомственным военным А. А. Брусиловым. Один из участников Белого движения, будучи уже в эмиграции, писал в своих воспоминаниях: «Брусилов, шестидесяти четырех лет от роду, решил делать революционную карьеру. Подлаживаясь к солдатским комитетам и Советам, он проявил себя после переворота крайним оппортунистом...». Далее автор приводит слова А. И. Деникина: «Назначение Брусилова Верховным Главнокомандующим и приезд его в Ставку... знаменовало собой окончательное обезличие Ставки ...безудержный и ничем не объяснимый оппортунизм Брусилова, его погоня за революционной репутацией лишали командный состав армии даже той, хотя бы чисто моральной опоры, которую он видел в прежней Ставке. Обходя почетный караул георгиевцев, он не поздоровался с доблестным, израненным командиром их полковником Тимановским и офицерами и долго жал руки солдат – посыльного и ординарца, у которых от неожиданности и неудобства такого приветствия в строю выпали из рук ружья, взятые на караул... Передал... написанный им собственноручно приветственный приказ армиям для отправки... на предварительное одобрение Керенскому...»²¹⁹.

Генерального штаба генерал-майор А. В. Геруа относил А. А. Брусилова к людям, которые «перекрашивались в соответственные модные цвета, не останавливаясь даже перед разложением государственной вооруженной силы». Кроме того, А. В. Геруа утверждал, что заслуга организации знаменитого про-

рыва 1916 г. принадлежит не А. А. Брусилову, а его начальнику артиллерии, выдающемуся артиллерийскому генералу М. В. Ханжину. Сам же А. А. Брусилов «...не сумел даже эксплуатировать без личного труда доставшуюся ему победу и не справился с задачей массового кавалерийского преследования...»²²⁰.

А. А. Брусилов осудил выступление Л. Г. Корнилова в августе 1917 г., отказался возглавить выступление офицеров и юнкеров в Москве против большевиков (октябрь того же года); с мая 1920 г. А. А. Брусилов возглавил Особое совещание при главнокомандующем всеми вооруженными силами Советской Республики, выработывавшее рекомендации по укреплению Красной Армии.

В период последних боев за Крым А. А. Брусилову предложили написать воззвание к белым с призывом прекратить сопротивление, обещая сохранить им жизнь. Такое обращение было написано, и многие офицеры и солдаты, поверив генералу, сложили оружие. Как известно, большая часть их была расстреляна. Считается, что генерал очень переживал свою причастность к гибели тысяч людей. Вполне возможно, что это правда, но службу новой власти он не прекратил.

О людях, преследовавших только собственные интересы, очевидец и участник событий той поры генерал-майор Э. А. Верцинский писал следующее: «...беспринципные начальники стали заигрывать с солдатами в явный ущерб для армии и строить свое преуспевание на показной революционности»²²¹.

Например, в Гельсингфорсе проходило общее собрание морских и сухопутных офицеров, посвященное вопросу о «снятии погон» с офицерской формы (этого требовали солдаты и матросы). В ходе собрания «генерал-майор Алексеевский, говоря с эстрады, сорвал с себя погоны и бросил их на пол со словами: «Довольно! Я не могу больше носить царских погон: они давят мне плечи... Если вы думаете, что они для меня что-нибудь значат, то жестоко ошибаетесь...». Не менее позорным было выступление подполковника корпуса гидрографов А. Ножина. Он не только сорвал с себя погоны и бросил их на пол, но и стал топтать. «Эта проклятая эмблема царской власти жжет меня, – истерически выкрикивал он, ударяя себя в грудь. – Я всегда стыдился этой ливреи и краснел за нее, встречая товарищей – борцов за свободу...»²²².

Очевидно: так легко отречься от того, чему служили всю жизнь, могли только бесчестные люди. С учетом того, что в зале находились депутаты местного Совета, это было тем более понятно.

Офицерство оказалось расколотым; кроме того, «единства не было не только в среде офицерства, но и в среде близких по составу и программным целям офицерских организаций». Так, в июле возник конфликт Союза Офицеров и «Военной Лиги», которая была одной из первых организаций правого направления, появившихся в Петрограде сразу после февральской революции.

Конфликт возник на почве решения вопроса об отпуске сорокалетних солдат на полевые работы. «Лига» выступала за то, чтобы удовлетворить требования нижних чинов. И хотя конфликт был исчерпан, сам факт его возникновения между близкими по духу офицерами свидетельствовал об отсутствии столь необходимого единства даже в среде тех, кто хранил верность офицерскому долгу²²³.

В еще большей степени раскол офицерства, в том числе в среде высших чинов, проявился в период выступления Л. Г. Корнилова. «Генерал Корнилов рассчитывал на полное сочувствие своему плану всего генералитета... Но... ошибся... Он был моложе многих. Были другие, которым тоже хотелось играть роль...». Например, генерал В. Н. Клембовский, командовавший Северным фронтом, вместо помощи или хотя бы нейтралитета по отношению к Л. Г. Корнилову, снесся с А. Ф. Керенским и покинул Псков. Генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич, оставшийся за В. Н. Клембовского, принял сторону А. Ф. Керенского, как и В. Н. Клембовский. Здесь следует учесть, что штаб Северного фронта находился в Пскове, через который на Петроград шли эшелоны с войсками Л. Г. Корнилова. Но рельсы за Псковом были разрушены сторонниками большевиков, и штаб фронта отнюдь не помог в восстановлении путей²²⁴.

Командовавший Московским военным округом полковник А. И. Верховский с началом выступления Л. Г. Корнилова объявил Московский военный округ на военном положении, выделил части для нанесения удара по Могилеву, где находилась Ставка верховного главнокомандующего Л. Г. Корнилова. По его приказу были арестованы или смещены со своих должностей сторонники Л. Г. Корнилова в Москве, проведены обыски в Московском отделе Союза офицеров армии и флота²²⁵.

Обыски были неслучайны: Союз офицеров армии и флота поддерживал Л. Г. Корнилова и перебрасывал офицеров в Петроград для поддержки наступления корниловских войск. Выступления в столице не произошло – в силу малочисленности и разрозненности офицеров, но вскоре Союз был распущен²²⁶.

Выступление генерала Л. Г. Корнилова сыграло весьма важную роль в судьбах патриотически-настроенной части офицерства. Тем, кто был готов бороться за Родину, стало ясно: появился человек, который может возглавить эту борьбу. После провала выступления последовали новые аресты и расправы над офицерами, многочисленные отстранения от должностей (по некоторым данным, из войск было изгнано около 10 тыс. человек)²²⁷, но у офицеров появились вера в то, что не все еще потеряно.

То, как много значил для офицеров-патриотов Л. Г. Корнилов, демонстрирует встреча офицера-корниловца поручика Карташова и А. Ф. Керенского. «Доложите мне, поручик, – говорит он, – это очень интересно, – и протягивает

руку Карташову. Тот вытягивается, стоит смирно и не дает своей руки. Поручик, я подаю вам руку, – внушительно заявляет Керенский. Виноват, господин верховный главнокомандующий, – отчетливо говорит Карташов, – я не могу подать вам руки. Я – корниловец! Краска заливает лицо Керенского. Он пожимается и выходит из купе»²²⁸.

Подчеркнем: генерал Корнилов не был политиком. «...Никогда, ни до выступления, ни во время его, ни официально, ни в порядке частной информации, Корнилов не ставил определенной политической программы. Он ее не имел...». Корнилов был отличным боевым генералом, человеком безумной храбрости, но являлся «совершенным ребенком в делах политических. Упрощенным способом, напрямик, как солдат, искал он выхода из того лабиринта сложных вопросов, в котором после революции очутилась Россия»²²⁹.

Несмотря на это, уже вскоре после назначения Л. Г. Корнилова Верховным Главнокомандующим (19 июля) генерал и его помощники подготовили для Временного правительства доклад. В нем требовалось:

- определить точную компетентность войсковых комитетов всех уровней перед законом, их ответственность за превышение власти;
- восстановить строжайшую дисциплину в армии и на флоте;
- объявить железные дороги на военном положении, в крупных узловых центрах учредить военно-революционные суды;
- объявить на военном положении угольные копи, а также все заводы, работающие на оборону;
- запретить на заводах митинги и собрания, установить контроль над производительностью труда²³⁰.

Однако А. Ф. Керенский отказался внести доклад на рассмотрение правительства.

Ситуация в стране продолжала осложняться с каждым днем, катастрофа виделась неминуемой, поэтому в конце августа Л. Г. Корнилов двинул войска на Петроград. Предполагалось решить три конкретные задачи: ликвидировать большевиков, разогнать Советы и преобразовать Временное правительство в сильную национальную власть²³¹.

Стремясь очернить генерала, А. Ф. Керенский и большевики обвинили его в стремлении к диктаторству. Однако люди из ближайшего окружения генерала утверждали: Корнилову была совершенно чужда идея объявления себя единоличным диктатором²³².

После провала выступления Л. Г. Корнилова и его соратников (А. И. Деникина, И. Г. Эрдели, И. П. Романовского, С. Л. Маркова, А. С. Лукомского и др.) заключили в тюрьму в г. Быхов Могилевской губернии; в результате возникла опасность самосуда над узниками. Чтобы предотвратить подобное развитие

событий, начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенант Н. Н. Духонин разместил в Быхове надежные воинские части. Особую роль в охране арестованных генералов сыграли польские части, входившие в состав образованного в июле Польского корпуса под командованием генерал-лейтенанта И. Р. Довбор-Мусницкого. Все военнослужащие корпуса были уроженцами той части Польши, которая до революции входила в состав Российской империи.

И. Р. Довбор-Мусницкий признавал власть Ставки, но считал свои войска иностранными. Поэтому он отдал приказ не вмешиваться во внутренние распри России, но одновременно не допускать насилия над быховскими узниками, защищать их, вплоть до вступления в бой. А. И. Деникин впоследствии писал: «Действительно, два-три раза, ввиду выступления проходивших (воинских) эшелонов, поляки выставляли сильные дежурные части с пулеметами, начальник дивизии и командир бригады приходили к нам уславливаться с Корниловым относительно порядка обороны». В целом же «отношение поляков к быховским узникам было поистине рыцарское...»²³³.

После провала выступления Л. Г. Корнилова положение в стране продолжало ухудшаться: лавинообразно нарастали социально-экономические и финансовые проблемы, ширилось забастовочное движение и аграрные беспорядки, практически полностью разложилась армия. Правительство, несмотря на все попытки, изменить что-либо было не в состоянии, его власть все более и более слабела. Большинство в Советах Петрограда и Москвы получили радикальные революционные элементы – большевики и левые эсеры.

§ 4.4. Ликвидация офицерства как социального института

В условиях углублявшегося кризиса 25 октября в Петрограде произошла революция, в ходе которой к власти пришли большевики вкупе с временным союзником – левым крылом эсеровской партии.

Небольшая часть офицеров попыталась выступить против них с оружием в руках. 26 октября на Петроград выступили некоторые части 3-го конного корпуса во главе с П. Н. Красновым, к которым присоединились несколько артиллерийских батарей, около 900 юнкеров и бронепоезд.

29 октября в Петрограде произошло выступление юнкеров, в задачу которого входило оказание помощи 3-му конному корпусу в овладении столицей.

27 октября – 1 ноября против большевиков выступили юнкера московских Александровского и Алексеевского военных училищ. Кроме того, в конце ок-

тября – начале ноября произошли вооруженные выступления в Киеве, Омске, отрядах оренбургских и забайкальских казаков. В Петрограде и Москве, по подсчетам А. Г. Кавтарадзе, против советской власти сразу выступили лишь четыре сотни офицеров. Представляется, что их могло быть гораздо больше, но даже люди, готовые к борьбе, не хотели защищать Временное правительство. Всего же, по мнению исследователя, в борьбу против новой власти в стране сразу же включились примерно 5,5 тыс. офицеров²³⁴.

Как известно, все выступления против большевиков, произошедшие сразу после революции, оказались неудачными, прежде всего в силу численного превосходства сторонников большевиков. Например, в Зимнем дворце находились около 2 тыс. юнкеров с небольшим количеством офицеров против 12 тыс. атакующих, в Москве в ходе октябрьских боев у большевиков было более чем 4-кратное превосходство²³⁵.

Численное превосходство было неслучайным. В. Ленин и его сторонники знали, как привлечь солдатские массы на свою сторону. Одновременно с захватом Зимнего дворца в Смольном начал работу II Всероссийский съезд Советов, большинство делегатов которого составляли большевики и их союзники. Первыми же декретами, принятыми съездом, стали популистские Декрет о мире и Декрет о земле, побудившие значительную часть солдат и крестьян поддержать большевиков. И хотя уже вскоре пришлось вновь воевать с немцами, в стране на долгие годы разгорелась гражданская война, а крестьянство вместо земли получило небывалые повинности, на тот момент принятие *таких* декретов было безошибочным ходом.

Уже на второй день после Октябрьской революции (26 октября) съезд Советов принял постановление, в соответствии с которым предписывалось создавать во всех армиях временные революционные комитеты, решениям которых обязаны были подчиняться главнокомандующие армиями фронта²³⁶.

9 ноября Совнарком уволил от должности Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта Н. Н. Духонина «...за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран, и в особенности армиям»²³⁷. Вскоре (20 ноября) генерал был зверски убит «революционными» матросами, прибывшими в Могилев.

Интересный факт: некоторые школы прапорщиков выпускали офицеров и после Октябрьской революции. Так, 23–26 ноября состоялся выпуск в 1-й школе прапорщиков пехоты Юго-Западного фронта, всего 535 человек. В этой связи 29 ноября начальник штаба Верховного Главнокомандующего получил телеграмму от товарища наркома по военным делам Легарна с требованием о немедленной приостановке всех дел по чинопроизводству; копии были направлены в штабы фронтов²³⁸.

30 ноября председатель военно-революционного комитета при Ставке Верховного Главнокомандующего А. Ф. Боярский подписал приказ, в соответствии с которым вся полнота власти в войсках передавалась соответствующим солдатским комитетам. Комитеты могли смещать командиров на низшие должности, вплоть до рядового; офицерские чины, звания и ордена упразднены. Ношение орденов и погон отменялось, вводилась выборность командного состава; те из бывших командиров (то есть офицеров), кто увольнялся в отставку, и те, кто был уволен ранее, пенсии за службу не получали, за исключением потерявших трудоспособность, кои поступали в ведение органов государственного призрения²³⁹.

16 декабря был принят декрет Совнаркома об уравнивании всех военнослужащих в правах, во многом дублировавший приказ А. Боярского. В частности, декрет гласил: «Все чины и звания в армии, начиная с ефрейторского и кончая генеральским, упраздняются. Армия Российской Республики отныне состоит из свободных и равных друг другу граждан, носящих почетное звание солдат революционной армии». Кроме того, в документе отмечалось, что наряду «с уничтожением офицерского звания уничтожаются все отдельные офицерские организации», еще раз подчеркивалась отмена «всех орденов и прочих знаков отличия...»²⁴⁰.

В тот же день, 16 декабря, был принят еще один декрет Совнаркома – о выборном начале и об организации власти в армии. В документе в числе прочего вновь объявлялось, что «вся полнота власти в пределах каждой войсковой части и их соединений принадлежит соответствующим солдатским комитетам и Советам». В то же время декрет вводил совершенно новое для армии явление: то, что разложившиеся солдаты в период власти Временного правительства делали самовольно – выбирали командиров – было введено официально. «Вводится выборность командного состава и должностных лиц. Командиры до полкового включительно избираются общим голосованием своих отделений, взводов, рот, команд, эскадронов, батарей, дивизионов и полков. Командиры выше полкового, до верховного главнокомандующего включительно, избираются соответствующими съездами или совещаниями при соответствующих комитетах»²⁴¹.

Начальники штабов должны были избираться съездами лиц со специальной подготовкой, все остальные работники штаба – назначаться начальниками штабов и утверждаться «соответствующими съездами». При этом все лица со специальным образованием, в том числе бывшие офицеры генерального штаба, подлежали особому учету²⁴².

Таким образом, произошли нововведения, невиданные в истории: офицеров «упразднили», а командиров стали выбирать (впрочем, жизнь очень

быстро покажет, к чему ведут революционные «эксперименты»: уже летом 1918 г. выборность командиров в Красной Армии была отменена).

Бывших офицеров и генералов, особенно имевших специальную подготовку (техническую, а также по линии генерального штаба), в принципе, могли выбрать на ту или иную должность, но установить, скольких из них и на какие должности выбрали, вряд ли возможно. Представляется, что если такие случаи и были, то в крайне незначительном количестве.

Тем же, кого отстранили от должности и не выбрали на другой пост, то есть смещали на должности рядовых, предоставлялось право, если их возраст превышал максимальный призывной возраст солдат (39 лет), уходить в отставку на общих с солдатами основаниях. Вместе с тем бывшие генералы и офицеры, не достигшие предельного возраста солдат, должны были подвергнуться медицинскому освидетельствованию на установленных для солдат основаниях. Если их признавали годными к службе, то должны были переводить в другие части и рядовыми отправлять на фронт²⁴³.

Десятки тысяч бывших офицеров, снятых с должностей и не избранных на них солдатами, оказались не у дел. При этом если офицеры военного времени, чаще всего молодого возраста, нередко имели гражданскую профессию и могли найти работу, то у бывших кадровых офицеров положение было иным.

Одним из самых болезненных вопросов в их судьбе было лишение при увольнении выслуженных ими пенсий, в том числе эмеритальной ее части, представлявшей собой сбережения, вычитавшиеся из денежного содержания офицеров. Интересно то, что в декретах Совнаркома, принятых в 1917 г., не требовалось увольнять комсостав старой армии без пенсий. Но в них и не отменялись положения о лишении пенсий бывших офицеров, содержащиеся в приказах Н. В. Крыленко²⁴⁴, с 12 ноября занимавшего должность Верховного Главнокомандующего (самому Н. В. Крыленко было в то время 32 года). В результате вопросы социального обеспечения бывших кадровых офицеров не были решены, и они, прослужив всю сознательную жизнь в армии и состарившись на службе, были вынуждены начинать все заново.

Отметим, что подобное положение сохранилось навсегда. В качестве примера приведем разъяснение Министерства социального обеспечения РСФСР за № 402349 от 24.10.1956: «Служба в старой русской армии и флоте, независимо от занимаемых должностей, не включается в стаж, дающий право на пенсию».

Новая власть не ограничилась ликвидацией только корпуса офицеров: была ликвидирована вся великая русская армия. Славные победы, вековые традиции, память о бесчисленных погибших, воинская честь – все было признано ненужным, более того – вредным.

Уже 10 ноября был принят декрет Совнаркома, в котором говорилось: «Приступить к постепенному сокращению численности армии; для этого немедленно уволить в бессрочный запас солдат – граждан призыва 1899 г. Об увольнении призывных других сроков предписание последует в дальнейшем»²⁴⁵. 28 ноября – 1 декабря состоялось совещание по демобилизации армии, в котором приняли участие представители ряда гарнизонов и фронтовых частей. Присутствовали также «комиссар по демобилизации армии т. Кедров, помощник комиссара Ф. Ягода, народный комиссар по военным делам т. Подвойский». В постановлении совещания предписывалось «отпустить 4 срока службы призывов 1900, 1901, 1902 и 1903 гг. и тех, кому 1 декабря исполнится 35 лет»²⁴⁶.

18 декабря начальник штаба Верховного Главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевич издал приказ о создании на театре военных действий новых организаций по проведению демобилизации. Приказ предписывал создать специальные управления по демобилизации в составе штаба Верховного главнокомандующего и в штабах главнокомандующих фронтами, а также отделы по демобилизации в составе штабов армий²⁴⁷.

С 15 декабря 1917 г. по 3 января 1918 г. в Петрограде проходил I общеармейский съезд по демобилизации армии, ведущую роль на котором играли большевики. Съезд принял постановление о порядке демобилизации старой армии и рассмотрел вопрос о создании новой, Социалистической армии на добровольных началах. «Общеармейский съезд... считает единственно возможным и полезным для страны при общей демобилизации увольнение производить в порядке старшинства сроков призыва, начиная со старшего; во вторых, принимая во внимание необходимость более быстрой разгрузки фронта, необходимо, чтобы при общей демобилизации преимущество на перевозочные средства предоставить частям фронта перед тыловыми...». В постановлении отмечалось также, что «Правительство Народных Комиссаров ставит на место постоянной прежней армии всеобщее вооружение народа». При этом предусматривалось некоторое разделение тыла и фронта: «при организации корпусов Социалистической армии в тылу принцип добровольчества проводится в жизнь немедленно», в то время как «на фронте принцип добровольчества проводится в жизнь постепенно, по мере замены всех демобилизуемых элементов социалистическими формированиями из тыла»²⁴⁸.

Что же касается дня начала всеобщей демобилизации, то он был объявлен 29 января 1918 г. радиотелеграммой Верховного Главнокомандующего Н. В. Крыленко об окончании войны и демобилизации армии. В ней говорилось, что «война окончена, Россия больше не воюет» и что «демобилизация армии настоящим объявляется»²⁴⁹. Как известно, бывший прапорщик, на-

значенный большевистским правительством на должность Главковерха, выдал желаемое за действительное. России придется воевать еще несколько лет – в гражданской войне, а менее чем через месяц после объявления об «окончании войны» начнется немецкое наступление...

Таким образом, корпус офицеров и русская армия в целом прекратили свое существование как социальный институт. Однако это не означало, что офицеры перестали служить Отечеству – конечно же, имеются в виду те, кто ставил будущее страны выше личной судьбы.

Такие офицеры вскоре вступили в Белое движение, которое со 2 ноября в Новочеркасске стал создавать генерал М. В. Алексеев. Полных сведений о численности офицеров в Белых армиях нет, но ряд специалистов сходятся в следующем: в армии А. В. Колчака было примерно 30 тыс. офицеров, у А. И. Деникина – до 50 тыс., в остальных Белых армиях (Н. Н. Юденича, П. Н. Краснова, Е. К. Миллера) – до 20 тыс. офицеров²⁵⁰.

Это о них современник сказал прекрасные слова: «И когда над Россией сменилось трехцветное знамя знаменем кровавой борьбы за космополитические начала, за уничтожение России, первый, кто встал за родную землю, был русский офицер. И только вера в свою страну, только любовь к ней могли заставить пойти горсть людей против волны разрушения...»²⁵¹.

Были и те, кто пошел служить большевикам. Один из ближайших помощников А. В. Колчака – генерал-майор А. И. Андогский, в 1921 г. написавший книгу «Как создавалась Красная армия Советской России: уроки недавнего прошлого», выделял среди этих людей шесть групп:

– добровольно пришедшие весной 1918 г. для «отпора германцам, во что бы то ни стало»;

– «слабые люди», не устоявшие под давлением тяжелых условий общественной или семейной жизни;

– оказавшиеся умышленно для расстройств и разложения армии;

– «выжидающие, трусливо ждавшие: чья возьмет»;

– идейно вошедшие в орбиту большевизма (в основном офицеры военного времени);

– из сознания долга содействовавшие образованию военной силы России, «но не связанные с большевиками никакими идейными принципами»²⁵².

Не оправдывая тех, кто пошел на службу большевикам, все же отметим: генерал А. И. Андогский делал вывод о том, что военспецов нельзя осуждать огульно, ибо причины их службы большевикам различны, и «в массе они переживали неподдающуюся описанию трагедию»²⁵³.

В период добровольного комплектования Красной Армии в нее, по данным советских историков, поступило около 8 тыс. бывших офицеров. Однако

С. В. Волков считает эту цифру «вполне мифической», не подтвержденной никакими реальными данными. По некоторым сведениям, их было всего 765 человек. В любом случае, «почти все они поступили в связи с необходимостью дать отпор немецкому наступлению во второй половине февраля 1918 г. и не могут считаться более симпатизирующими советской власти, чем призванные позже по мобилизации»²⁵⁴.

С. В. Волков приводит еще один факт, характеризующий отношение кадрового офицерства к новой власти. В докладе одного из высокопоставленных большевистских руководителей (июль 1918 г.) говорилось: «Бывшие кадровые офицеры в подавляющем числе воздерживаются от поступления в новую армию, и количество изъявивших желание служить не составляет, по некоторым донесениям, и 10% зарегистрированных»²⁵⁵.

Некоторые попытались «отсидеться» в спокойных местах, но Советское правительство мобилизовало их в армию. До конца 1918 года было призвано 22 315 бывших офицеров, до 1 октября 1919 г. – 35 102, к 15 августа 1920 г. – 48 409²⁵⁶. Подчеркнем, что значительное количество мобилизованных офицеров впоследствии перешли в Белые армии.

По данным советского историка В. Д. Поликарпова, к концу гражданской войны в Красной Армии служили около 75 тыс. бывших офицеров и генералов, из которых свыше 65 тыс. человек составляли бывшие офицеры военного времени²⁵⁷.

Однако, по подсчетам С. В. Волкова, служить у большевиков никак не могли более 68 тыс. офицеров, даже если принять на веру добровольное поступление в Красную Армию 8 тыс. человек, речь о которых шла несколько выше²⁵⁸.

То есть к чести кадрового офицерства у большевиков служила меньшая его часть. Так, весной 1919 г. в Красной Армии находилась примерно $\frac{1}{5}$ часть старого генералитета (чуть более 200 человек) и $\frac{1}{15}$ штаб-офицеров старой армии (около 400 человек)²⁵⁹.

То, что большая часть штаб-офицеров служила в Белых армиях, подтверждается еще одним фактом: в эмиграции оказались около 700 офицеров Генерального штаба, оставшихся в живых после сражений гражданской войны. Даже это число, не учитывающее погибших, вдвое больше числа служивших большевикам бывших генштабистов²⁶⁰.

Что касается кадровых обер-офицеров, то М. Н. Тухачевский, сам бывший кадровый офицер, из конъюнктурных соображений перешедший к большевикам, писал: «Хорошо подготовленный командный состав, знакомый основательно с современной военной наукой и проникнутый духом смелого ведения войны, имеется лишь среди молодого офицерства. Участь последнего такова. Значительная его часть, как наиболее активная, погибла в империалистической войне.

листической войне. Большая часть из оставшихся в живых офицеров, наиболее активная часть, дезертировала после демобилизации и развала царской армии к Каледину, единственному в то время очагу контрреволюции. Этим и объясняется обилие у Деникина хороших начальников»²⁶¹.

Таким образом, громадное большинство кадровых русских офицеров, несмотря на тектонические сдвиги в жизни страны, не перешло на службу к победителям и сохранило воинскую честь.

* * *

1917 год ознаменовался бурными политическими событиями, оказавшими судьбоносное влияние на судьбы русского офицерства. Падение монархии и приход к власти Временного правительства способствовали воцарению хаоса в войсках и стремительному разложению армии.

Офицерство оказалось в положении изгоя, лишено элементарных прав и возможности выполнять свои обязанности. Террор в отношении офицерства – оскорбления, избиения и даже убийства привели к потере управления войсками, а также поражениям в противостоянии с немецкой армией.

Февральская революция расколола ряды офицерства. Большинство офицеров стремились тем или иным образом способствовать сохранению боеспособности частей, другие стали приспосабливаться к «революционным веяниям времени», третьи старались не вмешиваться ни во что и остаться в стороне от происходивших событий.

Октябрьская революция и принятые советской властью решения юридически и фактически ликвидировали офицерство как социальный слой. Некоторая часть из офицеров пошла на службу к новой власти, но большая часть оказалась в Белом движении и начала борьбу против большевиков.

Белые не сумеют победить, и десятки тысяч офицеров в ходе гражданской войны погибнут. Но это будет смерть воинов, погибших за Отечество.

Примечания к главе 4

- ¹ Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // ПСС В.И.Ленина: <http://vilenin.eu/t37/p295> (05.08.2011).
- ² Приказ №1 // http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=&ob_no=13578 (08.06.2011).
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Верховский А.И. На трудном перевале // «Военная литература»: http://militera.lib.ru/memo/russian/verhovsky_ai/08.html (08.06.2011).
- ⁶ Приказ Верховного Главнокомандующего от 30 марта № 51 // НИАБ (Минск).

- Инв. № 14994. Приказы Верховного Главнокомандующего за 1917 год.
- ⁷ Голуб П.А. Партия, армия и революция. Отвоение партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918. – М., 1967. С. 33, 35.
- ⁸ Приказ по военному ведомству от 16 апреля № 213 // НИАБ (Минск). Инв. № 14971. Приказы по военному ведомству за 1917 год. С. 189–190.
- ⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты // http://militera.lib.ru/h/denikin_ai2/1_33.html (08.06.2011).
- ¹⁰ Приказ по военному ведомству от 4 апреля № 182 // НИАБ (Минск). Инв. № 14971. С. 160.
- ¹¹ Приказ Верховного Главнокомандующего от 15 мая № 284 // НИАБ (Минск). Инв. № 14994.
- ¹² Ахун М.И., Петров В.А. Большевики и армия... С. 181–187.
- ¹³ Приказ Верховного Главнокомандующего от 17 мая № 293 // НИАБ (Минск). Инв. № 14994.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты // http://militera.lib.ru/h/denikin_ai2/1_22.html. (08.06.2011).
- ¹⁶ Краснов П.Н. На внутреннем фронте. – Л.: Изд-во «Прибой», 1927. С. 16.
- ¹⁷ Штаб Минского военного округа на театре военных действий // РГВИА. Ф. 1915. Оп. 2. Д. 9. Л. 118, 302.
- ¹⁸ Там же. Л. 274, 277, 281.
- ¹⁹ Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1123. Л. 298, 310.
- ²⁰ Полетика Н. Воспоминания // <http://bookz.ru/authors/poletika-nikolai/wospominaiya/page-8-wospominaiya.html> (11.06.2011).
- ²¹ Головин Н.Н. Указ. соч. // «Военная литература»: http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/06.html (23.03.2011).
- ²² Цит. по: Базанов С.Н. К истории развала русской армии в 1917 году // «Август 1914-го»: <http://www.august-1914.ru/bazan.pdf> (09.07.2011).
- ²³ Революционное движение в русской армии в 1917 году. 27 февраля – 24 октября 1917 года. Сб. документов. – М.: «Наука», 1968. С. 213.
- ²⁴ Полетика Н. Указ. соч.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 822. Л. 93, 116–117.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1755. Л. 96.
- ²⁷ Базанов С.Н. К истории развала русской армии в 1917 году // <http://www.august-1914.ru/bazan.pdf> (09.07.2011).
- ²⁸ Цит. по: Базанов С.Н. К истории развала...
- ²⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты // http://militera.lib.ru/h/denikin_ai2/1_23.html (08.06.2011).
- ³⁰ Приказ Верховного Главнокомандующего от 29 апреля № 207 // НИАБ (Минск). Инв. № 14993. Приказы Верховного Главнокомандующего за 1917 г. (нумерация страниц отсутствует).
- ³¹ Приказ Верховного Главнокомандующего от 5 июня № 380 // НИАБ (Минск). Инв. № 14994.
- ³² Краснов П.Н. На внутреннем фронте // «Русская императорская армия»: <http://regiment.ru/Lib/V/18/1.htm> (10.06.2011).
- ³³ Революционное движение в русской армии в 1917 году... С. 111–112.
- ³⁴ Буйский А. Военная подготовка Октября. – М.–Л.: Государственное издательство, 1930. С. 56.
- ³⁵ Приказ Верховного Главнокомандующего от 11 июня № 438 // НИАБ (Минск). Инв. № 14994.
- ³⁶ Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1121. Л. 1, 143.
- ³⁷ Там же. Л. 48.
- ³⁸ Революционное движение в русской армии... С. 157.

- ³⁹ «Разведчик», 1917, № 1399–1400. С. 487.
- ⁴⁰ Революционное движение в русской армии... С. 213.
- ⁴¹ Бурский П.Д. Революция и офицеры. – М.: Издательство преподавателей Московского университета, 1917. С. 13.
- ⁴² Удар в спину // «Разведчик», 1917, № 1391–1392. С. 411.
- ⁴³ Бурский П.Д. Указ. соч. С. 16.
- ⁴⁴ «Разведчик», 1917, № 1399–1400. С. 487.
- ⁴⁵ Революционное движение в русской армии... С. 145.
- ⁴⁶ Там же. С. 212.
- ⁴⁷ «Красная летопись», 1923, № 6. С. 26, 62.
- ⁴⁸ Кизрин И.Г. Распад старой армии. – Воронеж: Изд-во «Коммуна», 1931. С. 92–93.
- ⁴⁹ Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 621. Л. 2.
- ⁵⁰ Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1350. Л. 161.
- ⁵¹ 8 ноября. Сводка сведений о настроении в частях Румынского фронта // «Военная литература»: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/06.html (05.09.2011).
- ⁵² Полетика Н. Указ. соч.
- ⁵³ Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1123. Л. 282, 297.
- ⁵⁴ Штаб помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта // РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 141. Л. 47.
- ⁵⁵ Цит. по: Бурский П.Д. Революция и офицеры. – М.: Изд-во преподавателей Московского университета, 1917. С. 14.
- ⁵⁶ Бурский П.Д. Указ. соч. С. 15.
- ⁵⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты // http://militera.lib.ru/h/denikin_ai2/1_23.html (08.06.2011).
- ⁵⁸ Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1121. Л. 154.
- ⁵⁹ «Красная летопись», 1923, № 6. С. 12.
- ⁶⁰ Там же. С. 12, 24.
- ⁶¹ Бурский П.Д. Указ. соч. С. 15.
- ⁶² Революционное движение в русской армии... С. 265.
- ⁶³ Сенявская Е. Психология войны в XX веке: исторический опыт России // «Библиотека Я. Кротова»: http://krotov.info/library/18_s/en/yavvskaya_02.htm (15.06.2011).
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Сенявская Е. Указ. соч.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Степун Ф.А. Из писем прапорщика-артиллериста // Проект «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/db/stepun/03.html> (13.07.2011).
- ⁶⁸ Буравченков А.А. В ногу с революцией... С. 17.
- ⁶⁹ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Телеграммы и разговоры по прямому проводу // Библиотека Гумер: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/otrech/15.php (18.07.2011).
- ⁷⁰ Большая биографическая энциклопедия // Академик: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/133714/%D0%97%D0%B0%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9 (24.07.2011).
- ⁷¹ Дзагурова Г.Т. Хабалов Сергей // <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=140> (13.07.2011).
- ⁷² Штаб верховного главнокомандующего (Ставка) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 186. Л. 242.
- ⁷³ Жебровский С.С. Высший командный состав русской армии весной 1917 г. // Русская армия в Великой войне: http://www.grwar.ru/library/Zhebrovsky_1/ZH_02.html (13.07.2011).
- ⁷⁴ Штаб Минского военного округа на театре военных действий // РГВИА. Ф. 1915. Оп. 1. Д. 58. Л. 44, 350.
- ⁷⁵ Штаб Главнокомандующего армиями

- Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1337. Л. 40, 43, 95; Штаб Минского военного округа на театре военных действий // РГВИА. Ф. 1915. Оп. 1. Д. 58. Л. 350 об.
- ⁷⁶ *Протасов Л.Г.* Солдаты гарнизонов центральной России в борьбе за власть Советов. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1978. С. 40.
- ⁷⁷ *Жебровский С.С.* Указ. соч.
- ⁷⁸ *Домнин И.* Указ. соч.
- ⁷⁹ Штаб главнокомандующего войсками Кавказского фронта // РГВИА. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 14. Л. 3 об.
- ⁸⁰ Там же. Л. 10.
- ⁸¹ Штаб главнокомандующего войсками Кавказского фронта // РГВИА. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 20. Л. 176.
- ⁸² Штаб верховного главнокомандующего (Ставка) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 202. Л. 1.
- ⁸³ Штаб верховного главнокомандующего (Ставка) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 201. Л. 5 об., 6 об., 7, 8–8 об.
- ⁸⁴ Там же. Л. 9.
- ⁸⁵ Цит по: *Жебровский С.С.* Высший командный состав русской армии весной 1917 г. // http://www.grwar.ru/library/Zhebrowsky_1/ZH_02.html (13.07.2011).
- ⁸⁶ Штаб Верховного Главнокомандующего (Ставка) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 201. Л. 47–49 об.
- ⁸⁷ Там же. Л. 69.
- ⁸⁸ *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства // <http://swolkov.narod.ru/tro/021.htm> (01.07.2011).
- ⁸⁹ *Верцинский Э.А.* Год революции // http://militera.lib.ru/memo/russian/vertsinsky_ea02/index.html (24.07.2011).
- ⁹⁰ Штаб верховного главнокомандующего (Ставка) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 201. Л. 12–12 об.
- ⁹¹ *Жебровский С.С.* Указ. соч.
- ⁹² Штаб верховного главнокомандующего (Ставка) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 199. Л. 101–106, 113–114.
- ⁹³ Штаб верховного главнокомандующего (Ставка) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 202. Л. 140, 176–177.
- ⁹⁴ Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 55.
- ⁹⁵ Штаб помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта // РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139. Л. 23.
- ⁹⁶ Революционное движение в русской армии... С. 213.
- ⁹⁷ Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 38.
- ⁹⁸ Там же. Л. 54 об.
- ⁹⁹ Штаб помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта // РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139. Л. 41.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 33.
- ¹⁰¹ «Красный архив», 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 199, 200.
- ¹⁰² Штаб помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта // РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139. Л. 31.
- ¹⁰³ «Разведчик», 1917, № 1389. С. 388.
- ¹⁰⁴ Штаб помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта // РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139. Л. 35.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 36.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 37.
- ¹⁰⁷ Революционное движение в русской армии... С. 211.
- ¹⁰⁸ «Разведчик», 1917, № 1397–1398. С. 467–468.
- ¹⁰⁹ *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте // Русская императорская армия: <http://regiment.ru/Lib/V/18/1.htm> (10.06.2011).
- ¹¹⁰ Штаб помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта // РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 141. Л. 1.
- ¹¹¹ Штаб помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта // РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139. Л. 41–42.

- ¹¹² Штаб помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта // РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 141. Л. 6, 17.
- ¹¹³ Приказ по военному ведомству от 17 апреля № 219 // НИАБ (Минск). Инв. № 14971. С. 210.
- ¹¹⁴ Убийство генералов Русской армии, офицеров, юнкеров и кадет // <http://www.osvag.ru/army.html> (02.07.2011).
- ¹¹⁵ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты // http://militera.lib.ru/h/denikin_ai2/1_01.html (08.06.2011).
- ¹¹⁶ Протокол совещания, бывшего 16 июля 1917 года в Ставке // «Красная летопись», 1923, № 6. С. 25.
- ¹¹⁷ Цит по: *Лазаревич Ю.* В защиту русского офицера // «Разведчик», 1917, № 1393–1394. С. 429–431.
- ¹¹⁸ Поднятие боеспособности армии (передовая статья) // «Разведчик», 1917, № 1393–1394. С. 428.
- ¹¹⁹ Революционное движение в русской армии... С. 508.
- ¹²⁰ Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1123. Л. 18–19.
- ¹²¹ Штаб помощника Главнокомандующего армиями Румынского фронта // РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139. Л. 41.
- ¹²² Революционное движение в русской армии... С. 208.
- ¹²³ «Разведчик», 1917, № 1399–1400. С. 487.
- ¹²⁴ «Разведчик», 1917, № 1397–1398. С. 465.
- ¹²⁵ «Красная летопись», 1923, № 6. С. 25.
- ¹²⁶ *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства // <http://swolkov.narod.ru/tro/021.htm> (01.07.2011).
- ¹²⁷ Убийство генералов Русской армии, офицеров...
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1115. Л. 4.
- ¹³⁰ Революционное движение в русской армии... С. 394.
- ¹³¹ Там же. С. 590.
- ¹³² Убийство генералов Русской армии, офицеров...
- ¹³³ *Кизрин И.Г.* Распад старой армии. – Воронеж: Издательство «Коммуна», 1931. С. 92–93.
- ¹³⁴ Убийство генералов Русской армии, офицеров...
- ¹³⁵ *Колесников Н.* Война и офицеры // Военная литература: <http://militera.lib.ru/science/vs17/32.html> (06.06.2011).
- ¹³⁶ Приказ Верховного Главнокомандующего от 4 июля № 371 // НИАБ (Минск). Инв. № 14994.
- ¹³⁷ Приказ по военному ведомству от 14 июля № 441 // НИАБ (Минск). Инв. № 14971. С. 538–539.
- ¹³⁸ Приказ по военному ведомству от 9 августа № 504 // Там же. С. 607.
- ¹³⁹ *Верцинский Э.А.* Указ. соч.
- ¹⁴⁰ Протокол совещания, бывшего 16 июля 1917 года в Ставке // «Красная летопись», 1923, № 6. С. 20, 34.
- ¹⁴¹ Там же. С. 41, 43.
- ¹⁴² Там же. С. 21
- ¹⁴³ *Булгаков С.* На пиру богов // «Наше наследие», 1991, № 1 (19). С. 82.
- ¹⁴⁴ *Ноблемонт (де) М.* Какая причина толкнула генерал-адъютанта Алексева предать своего Императора? // <http://lib.russian.sumy.ua/down/open/noblemont.html> (31.07.2011).
- ¹⁴⁵ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Телеграммы и разговоры по прямому проводу // Библиотека Гумер: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/otrech/15.php (18.07.2011).
- ¹⁴⁶ Там же.
- ¹⁴⁷ *Ноблемонт (де) М.* Указ. соч.
- ¹⁴⁸ *Соколов Н.А.* Убийство Царской Семьи // http://gatchina3000.ru/literatura/sokolov_na/murder_imperial_family03.htm (05.07.2011).
- ¹⁴⁹ Ген. Молчанов: другие Романовы запятали себя // <http://d-m-vestnik.livejournal>

- nal.com/406611.html (18.07.2011).
- ¹⁵⁰ Цит. по: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты // http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/1_04.html (06.06.2011).
- ¹⁵¹ Там же. // http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/1_02.html (06.06.2011).
- ¹⁵² *Пуришкевич В.* Дневник (смерть Распутина) // <http://oko-planet.su/history/historydiscussions/19576-vladimir-purishkevich-dnevnik-smert-rasputina.html> (15.07.2011).
- ¹⁵³ «Красный архив», 1926. Т. 4 (17). С. 5–7.
- ¹⁵⁴ *Шавельский Г., протопресвитер.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2-х т. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. Т. 2. С. 22.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 223, 262.
- ¹⁵⁶ *Пуришкевич В.* Указ. соч.
- ¹⁵⁷ Цит. по: *Колоницкий Б.И.* Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914–1917) // <http://es-dejavu.ru/r/Rumour-2.html> (12.07.2011).
- ¹⁵⁸ *Колоницкий Б.И.* Указ. соч.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ Там же.
- ¹⁶¹ *Пуришкевич В.* Указ. соч.
- ¹⁶² *Шавельский Г., протопресвитер.* Указ. соч. С. 293.
- ¹⁶³ Там же. С. 223.
- ¹⁶⁴ *Чаадаева О.* Указ. соч. С. 76.
- ¹⁶⁵ Штаб помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта // РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139. Л. 23.
- ¹⁶⁶ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты // http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/1_04.html (06.06.2011).
- ¹⁶⁷ *Плотников Н.Д.* Собственный Его Императорского Величества Конвой // <http://www.vojnik.org/army/2> (06.06.2011).
- ¹⁶⁸ Штаб Минского военного округа на театре военных действий // РГВИА. Ф. 1915. Оп. 2. Д. 9. Л. 2.
- ¹⁶⁹ Там же. Л. 3.
- ¹⁷⁰ Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. доп. Д. 1352. Л. 54–55.
- ¹⁷¹ Штаб Минского военного округа на театре военных действий // РГВИА. Ф. 1915. Оп. 2. Д. 9. Л. 22.
- ¹⁷² Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. доп. Д. 1352. Л. 31, 58.
- ¹⁷³ Штаб Минского военного округа на театре военных действий // РГВИА. Ф. 1915. Оп. 1. Д. 58. Л. 361.
- ¹⁷⁴ Канцелярия могилевского гражданского губернатора // НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 2114. Л. 351.
- ¹⁷⁵ Штаб Минского военного округа на театре военных действий // РГВИА. Ф. 1915. Оп. 1. Д. 58. Л. 291.
- ¹⁷⁶ Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1337. Л. 10.
- ¹⁷⁷ Штаб Минского военного округа на театре военных действий // РГВИА. Ф. 1915. Оп. 1. Д. 58. Л. 190.
- ¹⁷⁸ Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1337. Л. 1, 3, 11.
- ¹⁷⁹ Штаб помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта // РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139. Л. 24.
- ¹⁸⁰ Там же. Л. 36.
- ¹⁸¹ Цит. по: *Бурский П.Д.* Армия свободной России. – М., 1917. С. 28.
- ¹⁸² *Верцинский Э.А.* Указ. соч.
- ¹⁸³ Рапорт начальника 106-й пехотной дивизии М.С.Свечникова командиру 42-го армейского корпуса Д.Н.Надежному о готовности дивизии защищать Совет рабочих и солдатских депутатов // http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/01.html (13.08.2011).
- ¹⁸⁴ «Красная летопись», 1923, № 6. С. 26.
- ¹⁸⁵ *Ахун М.И., Петров В.А.* Большевики и армия... С. 248–249.
- ¹⁸⁶ *Буравченков А.А.* Указ. соч. С. 21.

- ¹⁸⁷ *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства // <http://swolkov.narod.ru/tro/06.htm> (01.07.2011).
- ¹⁸⁸ *Буравченков А.А.* Указ. соч. С. 41.
- ¹⁸⁹ Цит. по: *Ахун М.И., Петров В.А.* Большевики и армия... С. 261–262.
- ¹⁹⁰ Там же. С. 211.
- ¹⁹¹ Штаб главнокомандующего войсками Кавказского фронта // РГВИА. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 20. Л. 93–93 об. 107–107 об.
- ¹⁹² Революционное движение в русской армии... С. 116, 131.
- ¹⁹³ Штаб помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта // РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 141. Л. 58.
- ¹⁹⁴ Там же. Л. 59.
- ¹⁹⁵ Там же. Л. 32, 35, 36.
- ¹⁹⁶ *Гаврилов Л.М., Кутузов В.В.* Перепись русской армии 25 октября 1917 г. // «История СССР», 1964, № 2. С. 87–91.
- ¹⁹⁷ *Гребенкин И.Н.* Офицерство российской армии в годы первой мировой войны // Август 1914-го: <http://august-1914.ru/grebenkin.html> (23.07.2011).
- ¹⁹⁸ *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства // <http://swolkov.narod.ru/tro/app01.htm> (01.07.2011).
- ¹⁹⁹ Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1115. Л. 2.
- ²⁰⁰ Помогите офицерам (передовая статья) // «Разведчик», 1917, № 1386. С. 332.
- ²⁰¹ Штаб верховного главнокомандующего (Ставка) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 201. Л. 31.
- ²⁰² *Ахун М.И., Петров В.А.* Большевики и армия... С. 209.
- ²⁰³ *Чаадаева О.* Указ. соч. С. 9–10.
- ²⁰⁴ Цит. по: *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. – М.: «Наука», 1990. С. 374, 375.
- ²⁰⁵ *Чаадаева О.* Указ. соч. С. 13.
- ²⁰⁶ Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 621. Л. 63.
- ²⁰⁷ Там же. Л. 63, 67.
- ²⁰⁸ «Разведчик», 1917, № 1389. С. 379.
- ²⁰⁹ Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 621. Л. 72, 75.
- ²¹⁰ Там же. Л. 82.
- ²¹¹ *Буравченков А.А.* Указ. соч. С. 55.
- ²¹² *Деникин А.И.* Очерки русской смуты // http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/1_26.html (06.06.2011).
- ²¹³ *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. С. 145.
- ²¹⁴ Там же. С. 146–147.
- ²¹⁵ *Граф Г.К.* На «Новике» // http://militera.lib.ru/memo/russian/graf_gk/23.html (24.07.2011).
- ²¹⁶ Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 621. Л. 122, 136, 138.
- ²¹⁷ Там же. Л. 123.
- ²¹⁸ Там же. Л. 142–143, 145, 151, 197.
- ²¹⁹ Цит. по: *Лехович Д.* Белые против красных // <http://bibliotekar.ru/rusDenikin/7.htm> (25.07.2011).
- ²²⁰ *Геруа А.* Полчища // http://artofwar.ru/k/kamenew_anatolij_iwanowich/tabudljapolkowodca.shtml (08.08.2011).
- ²²¹ *Верцинский Э.А.* Указ. соч.
- ²²² *Граф Г.К.* Указ. соч.
- ²²³ *Маслаков А.С.* Русский офицерский корпус и офицерские организации летом 1917 г. // <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1154123&s=121301000%29> (25.07.2011).
- ²²⁴ *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте... С. 51.
- ²²⁵ *Верховский А.И.* В событиях 1917 года // http://www.hrono.ru/biograf/bio_we/verhovski_ai.php (26.07.2011).
- ²²⁶ *Буравченков А.А.* Указ. соч. С. 53.
- ²²⁷ Там же. С. 54.
- ²²⁸ *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте // http://militera.lib.ru/memo/russian/krasnov_pn1/01.html (25.07.2011).
- ²²⁹ *Лехович Д.* Белые против красных //

- Библиотекарь.Ру: <http://bibliotekar.ru/rusDenikin/12.htm> (25.07.2011).
- ²³⁰ Чаадаева О. Указ. соч. С. 40–42.
- ²³¹ Лехович Д. Указ. соч.
- ²³² Чаадаева О. Указ. соч. С. 77.
- ²³³ Цит. по: Лехович Д. Указ. соч.
- ²³⁴ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. – М.: «Наука», 1988.
- ²³⁵ Голуб П.А. Указ. соч. С. 232, 236.
- ²³⁶ Постановление Второго Всероссийского съезда Советов об образовании в армии временных революционных комитетов // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-10-26.htm> (05.08.2011).
- ²³⁷ Радиграмма армии и флоту об увольнении Верховного главнокомандующего генерала Духонина, с предложением выбирать уполномоченных для переговоров о перемирии // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-11-09.htm> (05.08.2011).
- ²³⁸ Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 2. Д. 213. Л. 195, 213.
- ²³⁹ Там же. Л. 223.
- ²⁴⁰ Декрет об уравнивании всех военнослужащих в правах // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-16-3.htm> (05.08.2011).
- ²⁴¹ Декрет о выборном начале и об организации власти в армии // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-16-4.htm> (05.08.2011).
- ²⁴² Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты...
- ²⁴³ Там же.
- ²⁴⁴ Там же.
- ²⁴⁵ Декрет Совета Народных Комиссаров о сокращении численности армии // http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/07.html (12.08.2011).
- ²⁴⁶ Протокол совещания по демобилизации армии // http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/16.html (12.08.2011).
- ²⁴⁷ Приказ начальника Штаба верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевича о создании на театре военных действий новых организаций по проведению демобилизации // http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/23.html (12.08.2011).
- ²⁴⁸ Из постановления I Общеармейского съезда по демобилизации армии // http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/25.html (13.08.2011).
- ²⁴⁹ Радиотелеграмма верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко об окончании войны и демобилизации армии // http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/30.html (13.08.2011).
- ²⁵⁰ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты... С. 170.
- ²⁵¹ Круговской А. Русский офицер // <http://militera.lib.ru/science/vs17/31.html> (08.08.2011).
- ²⁵² Цит. по: Домнин И. Указ. соч.
- ²⁵³ Там же.
- ²⁵⁴ Волков С.В. Трагедия русского офицерства // <http://swolkov.narod.ru/tro/06.htm> (05.09.2011).
- ²⁵⁵ Цит. по: Волков С.В. Трагедия русского офицерства // <http://swolkov.narod.ru/tro/061.htm>.
- ²⁵⁶ Спириин Л. В. И. Ленин и создание советских командных кадров // ВИЖ, 1965, № 4. С. 12.
- ²⁵⁷ Поликарпов В.Д. Указ. соч. С. 356.
- ²⁵⁸ Волков С.В. Трагедия русского офицерства // <http://swolkov.narod.ru/tro/061.htm> (05.09.2011).
- ²⁵⁹ Спириин Л. Указ. соч. С. 12.
- ²⁶⁰ Домнин И. Указ. соч.
- ²⁶¹ Цит. по: Дурнев Е. Белые офицеры на службе Республики Советов // Актуальная история: <http://actualhistory.ru/articles-white-rkka> (03.09.2011).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Думается, правы были древние, когда утверждали, что история развивается по спирали. Пройдет не так уж много лет, и потомки тех, кто погубил империю и Русскую Армию, начнут разрушать уже Советский Союз и Советскую Армию.

Возможно, кто-то удивится: разве СССР и Российская империя хоть чем-то были похожи друг на друга? Нет, конечно. Но *со временем* Советский Союз стал великой державой, трансформировался в каком-то смысле в инобытие империи.

Безусловно, во времена СССР всё было иначе, нежели до 1917 года. Но и мир ко времени советской великодержавности стал иным, если не считать того, что недруги России по-прежнему стремились всемерно ее ослабить, разрушить, поставить на колени.

В этой ситуации главным побудительным мотивом советской внешней политики стали уже не утопические постулаты мировой революции и коммунизма, а железные законы геополитики и национально-государственные интересы.

Автор, бывший офицер Советской Армии, хорошо помнит 1980-е годы. Уже тогда инициатор «перестройки» напоминал своими повадками А. Керенского, а «свободная» печать писала о советских офицерах то же самое, что дореволюционные либеральные издания – о царских офицерах. Сходство было просто поразительным!

Отчего бы это либеральная интеллигенция начала XX века и часть советской интеллигенции 1980-х гг. оказались столь едиными в своих взглядах? Отчего разрушали как империю, так и советское государство?

Мы точно знаем: подобные рассуждения в среде «просвещенных западников» назовут замшелыми, даже реакционными. Мол, есть общечеловеческие ценности, есть цель, единая для всех стран – торжество демократии (естественно, в либеральном понимании), есть даже маяки, на которые следует равняться. Не вступая в дискуссию с прирожденными русофобами, отметим лишь одно: анализ современных геополитических реалий показывает всю лживость рассуждений о демократии западного «разлива». Любому человеку, мыслящему не ангажировано, очевидны истинные цели тех, кто стремится приспособить для своих нужд всю планету, в том числе – Россию. «По плодам их узнаете их», – сказано в Писании.

Устранить Россию как экономического и геополитического конкурента стремятся не только в наши дни: нечто подобное было и во времена, о которых говорится в данной книге.

Русские офицеры, будучи далеки от политики, тем не менее, самым родом своей деятельности участвовали в решении важнейших внешне- и внутривопросов, в том числе – в обеспечении безопасности страны.

На жизнь и службу офицерства влияли серьезные негативные факторы:

- нарастание политического, экономического и социального кризиса в стране, оказывавшего крайне негативное воздействие на офицерскую службу и положение офицерства;

- значительные изменения в психологии народных масс, вызванные наступлением эпохи капитализма. На службу стали приходиться иные, нежели прежде, призывники, уже не придерживающиеся традиции честно нести «царскую службу»;

- усиление морально-психологического давления на офицерство со стороны либеральных кругов и революционных партий;

- низкий уровень материального благосостояния большинства офицеров и их семей, что приводило к уходу из армии немалой части молодого офицерства;

- бездействие властей, не предпринимавших реальных шагов для морально-психологической и социальной поддержки офицерства;

- падение престижа офицерской службы, обусловленное в конечном итоге прогрессирующей духовной деградацией общества.

При этом факторы иного рода, которые могли бы нейтрализовать или ослабить негативное воздействие на офицерство как социальный слой, отсутствовали.

В целом же развитие и состояние офицерского корпуса в начале XX столетия характеризовали следующие тенденции:

- уменьшение количества потомственных дворян и, соответственно, постепенное увеличение доли выходцев из недворянских сословий в рядах кадрового офицерства. В годы Первой мировой войны, когда численность офицерского корпуса достигла небывалых размеров (за счет офицеров военного времени), процент разночинцев в офицерской среде стал подавляющим;

- сохранение консервативного начала в мировоззрении большинства кадровых офицеров, их приверженность специфической воинской этике, формирование в офицерской среде личностей особого социально-психологического типа, значительно отличавшегося от остальных социальных страт общества;

- стремление одних политических сил подчинить офицерский корпус своему влиянию, других – дискредитировать его в глазах общества и нижних чинов;

- повышение профессиональной подготовки офицеров, прежде всего младшего и среднего звена, обусловленное участием России в войнах и вооруженных конфликтах;

- разочарование некоторой части кадрового офицерства и значительной части офицеров военного времени в существовавшей системе власти, раскол на этой почве офицерского корпуса, проявившийся в 1917 году.

Тектонические сдвиги в жизни России обусловили трагическую судьбу русского офицерства. Однако даже в период упадка и гибели Российской империи офицерство с честью служило Отечеству и достойно сошло с исторической арены. Не помнить об этом – постыдно.

Много воды утекло с тех пор, и мир стал иным. Однако профессия военного по-прежнему остается не такой, как все остальные: только воинская служба подразумевает обязанность умереть, если этого потребует исполнение долга.

Как и в начале XX века, ныне говорят о том, что готовность военных умереть – варварский атавизм, и надо воевать так, чтобы все выжили. Но война подразумевает смерть, и кто назовет хотя бы одну войну, в которой не было погибших?

Воинское служение имеет сакральный смысл, ибо умирать из-за денег не будет никто. Осознанно погибнуть можно во имя высоких целей, за идею, подобную той, что *одухотворяет* воинскую службу. Это всей своей жизнью доказали офицеры императорской армии, а впоследствии – Советской Армии.

Ныне, когда наряду с традиционными угрозами существуют новые вызовы и опасности военной безопасности Родины, офицерский корпус России оказался достойным своих предшественников. Вооруженные конфликты в Чечне, Дагестане и Южной Осетии, равно как и повседневная служба нынешнего российского офицерства, отчетливо показывают: славная традиция прежних поколений офицеров служить Отечеству с честью отнюдь не утеряна. Значит, офицеров Русской Императорской армии, Советской армии и Вооруженных Сил Российской Федерации через века и десятилетия связывает духовное единство, стержень которого – служение Отечеству.

Использованная литература

Источники:

- 1-й пехотный Невский полк // РГВИА. Ф. 2615. Оп. 1. Д. 208.
4-й армейский корпус // РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 570.
19-й армейский корпус // РГВИА. Ф. 2216. Оп. 3. Д. 243.
24-я пехотная дивизия // РГВИА. Ф. 2354. Оп. 2. Д. 700.
26-й армейский корпус // РГВИА. Ф. 2230. Оп. 1. Д. 315.
А.А.Н. Солдат и «свободы» // ВРК, 1906, № 8. С. 335–337.
Агитация в войсках (автор не указан) // ВРК, 1906, № 23.
А.К. Офицеры и публика // «Разведчик», 1916, № 1313.
Аничков Д. Офицерский вопрос в современной армии // ОЖ, 1908, № 141 [332]; см. также: «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/21.html> (28.06.2007).
Апухтин А. Искусство командования // «Общество ревнителей военных знаний», 1907, кн. 3; см. также: «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/06.html> (4.07.2007).
Апухтин А.Н. Тактические занятия с офицерами // ВС, 1911, № 2.
Ахун М.И., Петров В.А. Большевики и армия в 1905–1917 гг. – Л.: «Красная газета», 1929.
Ахун М.И., Петров В.А. Восстание инженерных войск в Киеве // «Красная летопись», 1925, № 3 (14).
Базедов (фон). Путевые впечатления о военной России // ВС, 1911, № 10.
Баланин Д. Дух и инициатива выше всего // ВС, 1914, № 11.
Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России: сб. статей 1909–1910 / Сост. Н. Казакова. – М.: «Молодая гвардия», 1991.
«Бинокль». Армейские беседы // «Разведчик», 1902, № 620.
Блюмер, полковник. Обмундирование // «Разведчик», 1905, № 781–782.
Брожение в армии и средства к его устранению (автор не указан) // «Разведчик», 1905, № 791.
Буйский А. Военная подготовка Октября. – М.–Л.: Госиздат, 1930.
Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России: сб. статей 1909–1910 / Сост. Н. Казакова. – М.: «Молодая гвардия», 1991.
Булгаков С. На пиру богов // «Наше наследие», 1991, № 1 (19).
Бурский П.Д. Армия свободной России. – М., 1917.

- Бурский П.Д. Революция и офицеры. – М.: Издательство преподавателей Московского университета, 1917.
Бутков Ф. Капитанский вопрос // «Разведчик», 1903, № 670.
Бутовский Н. Военная молодежь и ее неудачи // ВС, 1902, № 1.
Бутовский Н. Еще раз о дерзости хулиганов // «Разведчик», 1904, № 693.
Бутовский Н. Очерки современного офицерского быта. – СПб.: типография Тренке и Фюсно, 1899.
Бутовский Н. Чувство порядочности в офицерской среде (очерк военного быта) // ВС, 1898, № 11.
«Былое», 1918, № 1 (29).
В.А.К. Мысли о Мукденских боях // ВРК, 1906, № 14.
Варшавский военный журнал, 1901, № 1.
Варяжский К. Новый закон о судах чести // «Разведчик», 1912, № 1115.
Верховский А.И. На трудном перевале. – М.: Воениздат, 1959; см также: «Военная литература»: http://militera.lib.ru/memo/russian/verhovsky_ai/08.html (08.06.2011).
Верцинский Э.А. Год революции // «Военная литература»: http://militera.lib.ru/memo/russian/vertinsky_ea02/index.html (24.07.2011).
«Вестник русской конницы», за 1906: № 8, 14, 16, 19, 23; за 1907: № 18.
Вехи. Интеллигенция в России: сб. статей 1909–1910 / Сост. Н. Казакова. – М.: «Молодая гвардия», 1991.
Виш Н. Телесные наказания в войсках и их отмена // ВС, 1904, № 12.
Вишняков Н. Пять лет военной публицистики // Помни войну! Сборник статей на современные военные темы / Под редакцией В.Ф. Новицкого. – М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1911.
Военная реформа: сб. статей. – СПб.: издание «Военного голоса», 1906.
Военно-походная канцелярия е. и. в. при Императорской главной квартире // РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 55.
«Военный сборник», за 1898 г: № 1, 11; за 1901 г: № 8; за 1902 г: № 1; за 1904 г: № 12, 6; за 1905 г: № 2, 4; за 1906 г: № 4, 6; за 1907 г: № 2; за 1908 г: № 3; за 1908 г: № 7 (прил.); за 1909 г: № 3; за 1910 г: № 9; за 1911 г: № 2, 4, 10; за 1914 г: № 1, 5, 8, 11.
Волковицкий В. Все законные средства хороши для поддержания дисциплины // «Разведчик», 1910, № 1024.
Волконский А.М. Дух времени и военная дисциплина // «Разведчик», 1906, № 831.
Волконский А.М. Присяга или партийность // «Разведчик», 1906, № 842.
Волошинов Ф. По вопросам о форме одежды и о браках офицеров // ВС, 1898, № 11.

- Воронцов М.С.* Наставление господам пехотным офицерам в день сражения // ArtOfWar. Сайт им. В. Григорьева: http://artofwar.ru/k/kamenew_anatolij_ivanowich/nastawleniegospodampehotnymoficeram.shtml (11.09.2009).
- Врангель Н.Е.* Воспоминания: от крепостного права до большевиков // Бароны Врангели. Воспоминания / Под общ. ред. В. А. Благово и С. А. Сапожникова. – М.: «Центрполиграф», 2006.
- Галкин М.* К познанию армии // ВС, 1914, № 1.
- Галкин М.* Новый путь современного офицера. – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1906.
- Галкин М.* Рознь или братство? // ВС, 1914, № 5.
- Ген. Молчанов: другие Романовы запятнали себя // <http://d-m-vestnik.livejournal.com/406611.html> (18.07.2011).
- Геруа А.В.* К познанию армии // ВИЖ, 1998, № 3.
- Геруа А.* Полчища // «Artofwar»: http://artofwar.ru/k/kamenew_anatolij_ivanowich/tabudljapolkowodca.shtml (08.08.2011).
- Геруа А.* После войны. О нашей армии. – СПб., 1906.
- Глиноецкий Н.* Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чиновпроизводства в русской армии (М.: «Русский путь», 2000) // «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/02.html> (6.09.2008).
- Глинский С.* Боевые традиции армии // «Разведчик», 1907, № 862.
- Глинский С.* Честь или позор // «Разведчик», 1906, № 834.
- Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне // «Военная литература»: http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/index.html (23.03.2011).
- Голубев И.* Арест офицеров // «Разведчик», 1913, № 1175.
- Гофман Г.Э.* Служебная книжка офицера. Изд. 12-е. – СПб., 1909.
- Граф Г.К.* На «Новике» // «Военная литература»: http://militera.lib.ru/memo/russian/graf_gk/23.html (24.07.2011).
- Гриненберг О.* Истина о Сандепу // «Разведчик», 1906, № 799.
- Гродненское губернское жандармское управление // НИАБ (Гродно). Ф. 366. Оп. 1. Д. 449.
- Грулев М.* Злобы дня в жизни армии. – Брест-Литовск, 1911.
- Гусев А.Н.* Из воспоминаний участника русско-японской войны // ВС, 1910, № 9.
- Г-в.* Предельный возраст военнослужащих // ВС, 1898, № 11.
- Декрет об уравнении всех военнослужащих в правах // Электронная библиотека историч. ф-та МГУ: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-16-3.htm> (05.08.2011).
- Декрет о выборном начале и об организации власти в армии // Электронная библиотека историч. ф-та МГУ: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-16-4.htm> (05.08.2011).

- Декрет Совета Народных Комиссаров о сокращении численности армии // «Военная литература»: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/07.html (12.08.2011).
- Деникин А.И.* Очерки русской смуты (Париж, 1921) // «Военная литература»: http://militera.lib.ru/h/denikin_ai2/index.html (17.08.2011).
- Деникин А.И.* Путь русского офицера. – М.: «АСТ», 1991.
- Дерюжинский В.Ф.* Полицейское право. Пособие для студентов (СПб., 1903) // «Все о праве». Информационно-образовательный юридический портал: <http://allpravo.ru/library/doc76p0/instrum3732/item3911.html> (6.02.2008).
- Дневник капитана Лиле // «Наука и жизнь», 1964, № 6.
- Дневник полковника С. А. Рашевского: (Порт-Артур, 1904) // «Военно-историческая библиотека»: <http://www.militarylib.com/ww1/ww1-history-book/2444-dnevnik-polkovnika-sa-rashevskogo-portartur-1904.html> (02.09.2011).
- Довбор-Мусницкий, генерал-майор.* Почему офицеры бегут с Дальнего Востока? // «Разведчик», 1907, № 847–848.
- Домнин И.* Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции // «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/37.html> (28.06.2008).
- Драгомиров М.* Одиннадцать лет. 1895–1905 гг.: в 2 т. – СПб.: «Русская скоропечатня», 1909. Т. 2.
- Драгомиров М.И.* Офицерская памятка // Военная разведка: <http://www.vrazvedka.ru/main/main-idea/dragomirov.shtml> (9.07.2007).
- Дрозд-Бонячевский А.* «Поединок» Куприна с точки зрения строевого офицера // Сайт «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/26.html> (17.03.2008).
- Егоров Е.* Омоложение гвардии // «Разведчик», 1909, № 960.
- Елисаветградское кавалерийское училище // РГВИА. Ф. 861. Оп. 1. Д. 4.
- Жебровский С.С.* Высший командный состав русской армии весной 1917 г. // «Русская армия в Великой войне»: http://www.grwar.ru/library/Zhebrovsky_1/ZH_02.html (13.07.2011).
- Заведения военно-учебные // Свод военных постановлений 1869 года. Издание третье (по 1 января 1907 года). Книга XV. – СПб., 1907.
- Задачи военных организаций: резолюция первой конференция военных и боевых организаций РСДРП, 29 ноября–5 декабря (16–22 ноября) 1906 г. // ВКП (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 2 ч. – М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. Ч. I.
- Залесский, полковник.* Немного статистики // «Разведчик», 1906, № 794–795.
- Залесский, полковник.* Пора обратить внимание // «Разведчик», 1905, № 787.
- Заустинский П.* Защита чести (ответ Драгомирову) // «Разведчик», 1904.

- № 708.
Из постановления I Общеармейского съезда по демобилизации армии // «Военная литература»: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/25.html (13.08.2011).
Из секретной докладной записки Германского Большого Генерального штаба // «Родина», 1993, № 8–9.
Инструкция по увольнению военнослужащих в отпуск // «Разведчик», 1901, № 583.
Канцелярия витебского гражданского губернатора // НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 54203.
Канцелярия минского гражданского губернатора // НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 85916.
Канцелярия моголевского гражданского губернатора // НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 2114.
Карлович (фон) Максен. Реорганизация русской армии осенью 1910 года. – Ревель, 1911.
Кашкаров Д. Военно-административные заметки // ВС, 1898. № 11.
Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. – М., 1989. Т. VI: Специальные курсы.
Колбе С. В добрый час // «Разведчик», 1906, № 800.
Колбе С. Дума и армия // «Разведчик», 1907, № 866.
Колбе С. Повесть господина Куприна «Поединок» // «Разведчик», 1905, № 788.
Колесников Н. Война и офицеры // «Воин», 1922, № 3–4; см. также: «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/32.html> (06.06.2011).
Комитет по образованию войск при Военном совете // РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 830.
«Красная летопись», 1923, № 6.
Краснов П. Душа Армии. Очерки по военной психологии // «Русское Воскресение»: <http://www.voskres.ru/army/library/armysoul.htm> (28.06.2007).
Краснов П.Н. На внутреннем фронте (1922) // Русская императорская армия: <http://regiment.ru/Lib/B/18/1.htm> (10.06.2011).
«Красный архив», 1926. Т. 4 (17).
«Красный архив» 1932. Т. 1–2 (50–51).
Краткий исторический очерк Первого Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса. 1813–1913. – М., 1915.
Круговской А. Русский офицер // «Пути России (Ростов-на-Д.)», 1919, № 1. [398]; см. также: «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/31.html> (08.08.2011).
Кульчицкий В.М. Советы молодому офицеру // ArtOfWar. Сайт им. В. Григорьева: http://artofwar.ru/k/kazakow_a_m/text_0260.shtml (7.07.2007).

- Куропаткин А.Н.* Русская армия. – СПб.: «Полигон», 2003.
Лазаревич Ю. В защиту русского офицера // «Разведчик», 1917, № 1393–1394.
Лазаревский Б. Князь Олег Константинович // «Нива», 1915, № 40.
Латышско-эстонское восстание (автор не указан) // «Разведчик», 1906, № 798.
Левинский М. Офицерский бюджет // ОЖ, 1908, № 101.
Ленин В.И. Государство и революция (1917) // ПСС. Т. 33. С. 1–120; см. также: <http://www.marxists.org/russkij/lenin/works/lenin007.htm> (21.03.2011).
Ленин В.И. Письма из далека // Полное собрание сочинений В.И. Ленина: <http://vilenin.eu/t31/p015> (19.06.2011).
Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полное собрание сочинений В.И. Ленина: <http://vilenin.eu/t37/p295> (05.08.2011).
Ленинский сборник XI. – М.–Л., 1929.
Лыкошин А.С. К отмене телесных наказаний в войсках // «Разведчик», 1904, № 734.
Любимов, штабс-ротмистр. Меры, необходимые для удержания лучших офицеров на службе // ВРК, 1907, № 23.
Максимов А.Я. О внешней политике Российской империи на Дальнем Востоке // *Максимов А.Я.* Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды. Изд. 4-е М.К. Максимовой. – СПб., 1901; см. также на сайте Военная история и футурология: <http://www.milresource.ru/Maksimov.html> (9. 10.2008).
Макшеев Ф. О размерах содержания офицерам и военным чиновникам // ВС, 1901, № 8.
Малинко В.И., Голосов В. Справочная книжка для офицеров (М., 1902) // «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/regulations/malinko/03.html> (30.06.2009).
М.А.Н. Военные училища // «Разведчик», 1901, № 542.
Мариюшкин А. Трагедия русского офицерства (1923) // «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/33.html> (14.03.2008).
Мартынов Е. Защита армии от оскорблений // «Разведчик», 1903, № 681.
Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны // «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/19.html> (7.07.2007).
Матвеев М. Дисциплинарно-уголовное указание // «Разведчик», 1903, № 671.
М.Г. «Отмена» пыток в австро-венгерской армии // «Разведчик», 1904, № 689.
Месснер Е., Вакар С., Вербицкий Ф. и др. Российские офицеры. – Буэнос-Айрес: Южно-Американский отдел Института по исследованию проблем войны и мира им. генерала, профессора Н. Головина, 1959; см. также: «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/05.html> (28.06.2007).
Минское городское полицейское управление // НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 69.
Модль О. Государственная оборона // ВС, 1914, № 8.

- Морозов В. Советы молодому офицеру // «Военный вестник», 1943. № 19–20.
- Морозов Н. Производство в подполковники за отличия и по избранию // «Разведчик», 1912, № 1115.
- Мстиславский С. Отрывки о пятом годе // «Каторга и ссылка», 1928, № 2 (39).
- Н. Война с Японией (итоги) // «Разведчик», 1905. № 781–782; № 783–784.
- «Народная армия», 1907, № 1–2.
- Навоев П. Герои офицеры и солдаты второй отечественной войны. – Первый выпуск. – Пг., 1916.
- Наставление для действий пехоты в бою // Военно-историческое объединение «49-я пехотная дивизия»: http://www.bergenschild.narod.ru/Reconstruction/archive/pehota_v_boyu/nastavlenie_pehota_v_boyu.htm (11.09.2009).
- Наши военнопленные в Германии и Австро-Венгрии. – Пг., 1917.
- Наши герои на Дальнем Востоке. Примеры их доблестных подвигов. – Пг., 1915.
- Нелегальные браки // «Разведчик», 1902, № 619.
- Ноблемонт (де) М. Какая причина толкнула генерал-адъютанта Алексеева предать своего Императора? // Электр. биб-ка русской общины Сумщины: <http://lib.russian.sumy.ua/down/open/noblemont.html> (31.07.2011).
- Новицкий В.Ф. На пути к усовершенствованию государственной обороны. – СПб., 1909.
- Ночин И. Армейские заметки // «Разведчик», 1909, № 951.
- Н-чин С. На Руси // «Летопись войны 1914 года», 1914, № 1.
- Олехно А. Наши корпусные командиры // «Разведчик», 1912, № 1121.
- Олехно А. Наши начальники дивизий // «Разведчик», 1912, № 1122.
- Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Телеграммы и разговоры по прямому проводу // «Библиотека Гумер»: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/otrech/15.php (18.07.2011).
- От управления воинской повинности // «Разведчик», 1914, № 1241.
- «Офицерская жизнь», за 1907: № 51; за 1908: № 101, 102, 141; за 1909: № 191, 209.
- Орловский Д. Дуэли // «Разведчик», 1900, № 528.
- Офицерство и биржевой азарт // «Разведчик», 1913, № 1187.
- Панков П. Революционная пропаганда в войсках // «Разведчик», 1905, № 790.
- Парский Д. Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. – СПб.: изд-во В. Березовского, 1908.
- Петровский Н.А. Кирасиры Его Величества. 1902–1914. Последние годы мирного времени // «Memento mori»: <http://casualrelation2.livejournal.com/128282.html> (20.11.2009).
- Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны (воспоминания рядового). – Л., 1926.

- П.Н.К. Намеренность или упущение? // «Разведчик», 1906, № 805.
- Поднятие боеспособности армии // «Разведчик», 1917, № 1393–1394.
- Полетика Н. Воспоминания // <http://bookz.ru/authors/poletika-nikolai/wospominaiya/page-8-wospominaiya.html> (11.06.2011).
- Полоцкий кадетский корпус // НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 104.
- Помогите офицерам // «Разведчик», 1917, № 1386.
- Помощник начальника Гродненского губернского жандармского управления // НИАБ в г. Гродно. Ф. 369. Оп. 1. Д. 114; Д. 127.
- Португалов Н. Этика офицера // ОЖ, 1909, № 209; см. также: «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/23.html> (6.07.2007).
- Постановление II Всероссийского съезда Советов об образовании в армии временных революционных комитетов // Декреты Советской власти. Том I: 25 окт. 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М., 1957. С. 21; см. также: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-10-26.htm> (05.08.2011).
- Приказ №1 // Российский общеобразовательный портал: http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=&ob_no=13578 (08.06.2011).
- Приказ начальника Штаба верховного главнокомандующего М.Д.Бонч-Бруевича о создании на театре военных действий новых организаций по проведению демобилизации // «Военная литература»: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/23.html (12.08.2011).
- Приказы армиям Юго-Западного фронта за 1916 год. Т. 2. // НИАБ (Минск). Инв. № 15288 (нумерация страниц в деле отсутствует).
- Приказы Верховного Главнокомандующего 1914 года. Т. 1 // НИАБ (Минск). Инв. № 14990 (нумерация страниц отсутствует).
- Приказы Верховного Главнокомандующего 1915 года. Т. 2 // НИАБ (Минск). Инв. № 14992 (нумерация страниц отсутствует).
- Приказы Верховного Главнокомандующего за 1917 г. // НИАБ (Минск). Инв. № 14993 (нумерация страниц отсутствует).
- Приказы Верховного Главнокомандующего за 1917 год // НИАБ (Минск). Инв. № 14994 (нумерация страниц отсутствует).
- Приказы по военному ведомству за 1900 г. – СПб.: Военная типография, 1900.
- Приказы по военному ведомству за 1901 г. – СПб.: Военная типография, 1901.
- Приказы по военному ведомству за 1902 г. – СПб.: Военная типография, 1902.
- Приказы по военному ведомству за 1910 г. – СПб.: Военная типография, 1910.
- Приказы по военному ведомству за 1913 г. – СПб.: Военное издательство, 1913.
- Приказы по военному ведомству за 1915 г. // НИАБ (Минск). Инв. № 14972.
- Приказы по военному ведомству за 1917 г. // НИАБ (Минск). Инв. № 14971.
- Приказы по военному ведомству и циркуляры Главного штаба за 1905 год. – СПб.: Военное издательство, 1905.

- Протокол совещания по демобилизации армии // «Военная литература»: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/16.html (12.08.2011).
- Пуришкевич В. Дневник (смерть Распутина) // «Око планеты»: <http://oko-planet.su/history/historydiscussions/19576-vladimir-purishkevich-dnevnik-smert-raspulina.html> (15.07.2011).
- Радиограмма армии и флоту об увольнении Верховного главнокомандующего генерала Духонина, с предложением выбирать уполномоченных для переговоров о перемирии // Электронная библиотека историч. ф-та МГУ: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-11-09.htm> (05.08.2011).
- Радиотелеграмма верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко об окончании войны и демобилизации армии // «Военная литература»: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/30.html (13.08.2011).
- «Разведчик», за 1898 г.: № 387; за 1899 г.: № 455; за 1900 г.: № 495, 505, 513, 528; за 1901 г.: № 542, 552, 554, 555, 576, 578; за 1902 г.: № 596, 599, 600, 609, 610, 616, 617, 619, 621, 626, 630, 632; за 1903 г.: № 641, 645, 655, 670, 671, 681, 688; за 1904 г.: № 689, 693, 694, 708, 715, 731, 734; за 1905 г.: № 741, 742–743, 746, 754, 759, 763, 766, 768, 769, 770, 779, 781–782, 783–784, 785, 787, 788, 790, 791; за 1906 г.: № 793, 794–795, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 812, 814, 815, 816, 821, 822, 823, 825, 828, 831, 832, 834, 836, 837, 842, 844; за 1907 г.: № 847–848, 854, 855–856, 857, 858–859, 862, 865, 866, 874, 879, 880, 881, 883, 893, 894, 896; за 1908 г.: № 898, 906, 908, 911, 935, 938; за 1909 г.: № 950, 951, 960, 962, 964, 982, 995; за 1910 г.: № 1024, 1026, 1028, 1030, 1034, 1036; за 1911 г.: № 1062, 1063, 1067, 1075, 1085, 1095; за 1912 г.: № 1115, 1117, 1121, 1122, 1125, 1134; за 1913 г.: № 1157, 1158, 1175, 1180, 1182, 1199, 1206; за 1914 г.: № 1214, 1215, 1233, 1235, 1241; за 1915 г.: № 1263, 1265, 1270; за 1916 г.: № 1313, 1326, 1328, 1339, 1341, 1342, 1343, 1344, 1345, 1348, 1353, 1360; за 1917 г.: № 1386, 1389, 1391–1392, 1393–1394, 1397–1398, 1399, 1411–1412.
- Райковский В. Военное воспитание. – М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1908.
- Рапорт начальника 106-й пехотной дивизий М. С. Свечникова командиру 42-го армейского корпуса Д. Н. Надежному о готовности дивизии защищать Совет рабочих и солдатских депутатов // «Военная литература»: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/01.html (13.08.2011).
- Революционное движение в русской армии в 1917 году. 27 февраля – 24 октября 1917 года. Сб. документов. – М.: «Наука», 1968.
- Редигер Александр Федорович // РГВИА. Ф. 280. Оп. 1. Д. 4.

- Режено П. Офицерский вопрос в начале XX века. // «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/science/vs17/04.html> (4.12.2009).
- Росс. Прогулки по садам российской словесности // «Разведчик», 1907, № 858–859.
- Росс. Прогулки по садам российской словесности-2 // «Разведчик», 1907, № 874.
- «Русская мысль», 1905. Книга III.
- Русско-японская война 1904–1905 гг. // РГВИА. Ф. 487. Оп. 1. Д. 65.; Ф. 487. Оп. 1. Д. 258.
- Рычков В. Чего не хватает нашим кадетским корпусам? // ВС, 1911, № 4.
- Светлов Н. Пресса и армия // «Разведчик», 1905, № 770.
- Сводка сведений о настроении в частях Румынского фронта // «Военная литература»: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/06.html (05.09.2011).
- Семенов А. Работа командира роты за неделю // «Разведчик», 1907, № 857.
- Сиваков Ф. К. Анонимные доносы // «Разведчик», 1906, № 822.
- Синодальная комиссия по канонизации святых. Император Николай II и события 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге // «Православная газета»: <http://orthodox.etel.ru/2003/32/nikolaj.shtml> (27.02.2011).
- Смоленский особый продовольственный магазин // РГВИА. Ф. 741. Оп. 2. Д. 18.
- С-ов Д. Горе побежденным! // «Разведчик», 1914, № 1214.
- С-ов С. И. К вопросу об антагонизме // «Разведчик», 1912, № 1115.
- Солдатская памятка // http://www.bergenschild.narod.ru/Reconstruction/archive/soldier_book/soldier_book.htm (14.07.2008).
- Степун Ф. А. Из писем прапорщика-артиллериста (1914–1917) // «Военная литература»: <http://militera.lib.ru/db/stepun/03.html> (13.07.2011).
- Столыпин А. Слово об отце // Фонд «Русская цивилизация»: <http://www.rustrana.ru/article.php?nid=24479> (28.07.2008).
- Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Интеллигенция в России: сб. статей 1909–1910 / Сост. Н. Казакова. – М.: «Молодая гвардия», 1991.
- Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины // Российский правовой портал: библиотека Пашкова: <http://constitutions.ru/archives/5028> (20.03.2011).
- Тетмай (фон). Два месяца в гостях в русской армии // «Разведчик», 1904, № 695.
- Толузаков С. Будний или «Блудный»? // «Разведчик», 1907, № 883.
- Толузаков С. Настроение в корпусе офицеров армии // «Разведчик», 1906, № 803.

- Трубецкой В.С.* Записки кирасира // <http://cuirassier.gatchina3000.ru/> (01.09.2011).
- Удар в спину // «Разведчик», 1917, № 1391–1392.
- Усов М.Л.* Евреи в армии. – СПб., 1911.
- Устав внутренней службы. Приложение 2. – СПб., 1909.
- Устав дисциплинарный. Книга XXIII Свода военных постановлений 1869 года. Издание 4-е (по 1 января 1913 г.) // <http://voennizdat.com/ystav.php>
- Ухач-Огорович Н.А.* Удушливая атмосфера // «Разведчик», 1909, № 995.
- Ушаков Б.* Несколько слов о постановке дела подготовки к бою в нашей армии // «Разведчик», 1910, № 1036.
- Ф.* Статистика офицерской библиотеки // «Разведчик», 1911, № 1067.
- Фисенков, капитан.* Из быта кадетских корпусов // «Разведчик», 1906, № 836.
- Шавельский Г., протопресвитер.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: в 2 т. – Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1954. Т. 2.
- Шавельский Г., протопресвитер.* Мы для дела, а не дело для нас // «EVXpress»: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/5137719> (30.08.2011).
- Швейковский П.А.* Суд чести и дуэль в войсках Российской армии (действующее законодательство со всеми комментариями). 3-е изд. – СПб., 1912.
- Шевяков Т.Н.* Знамена и штандарты Российской императорской армии конца XIX – начала XX вв. // Русская императорская армия: <http://regiment.ru/Lib/A/25/2.htm> (29.12.2010).
- Штаб Верховного Главнокомандующего (Ставка) // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486.; Д. 1755; Оп. 2. Д. 47; Д. 145; Д. 155; Д. 186; Д. 199; Д. 201; Д. 202; Д. 783; Д. 822;
- Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта // РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905; Д. 1115; Д. 1121; Д. 1123; Д. 1337; Д. 1350; Д. 1352; Оп. 2. Д. 157.
- Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта // РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 185; Д. 440; Д. 621.
- Штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта // РГВИА. Ф. 2019. Оп. 2. Д. 19.
- Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта // РГВИА. Ф. 2067. Оп. 2. Д. 213.
- Штаб главнокомандующего войсками Кавказского фронта // РГВИА. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 14; Д. 20.
- Штаб Минского военного округа на театре военных действий // РГВИА. Ф. 1915. Оп. 1. Д. 58; Оп. 2. Д. 9.
- Штаб Петроградского военного округа на театре военных действий // РГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 408.

- Штаб помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта // РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 141; Д. 139.
- Эл-Эс.* Час испытания // ВРК, 1906, № 19.
- Ярушевич Е.* О лучших традициях русского офицерства // «Военный вестник», 1943, № 15–16.

Исследования:

- Абельская Е.Ф.* Типоведческое исследование психического склада личности: автореф. дис. ... канд. психолог. наук; Уральский государственный университет им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2006.
- Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). – М.: «Русская панорама», 2005; см. также: Азиатская библиотека: http://asiapacific.narod.ru/countries/china/n_e_ablova/1.2.htm (9.10.2008).
- Алексеев А.* Особенности реформ в «Серебряном веке» // «Наука и жизнь»: <http://www.nkj.ru/archive/articles/9316/> (4.08.2008).
- Базанов С.Н.* К истории развала русской армии в 1917 г. // «Август 1914-го»: <http://www.august-1914.ru/bazan.pdf> (09.07.2011).
- Базанов С.Н.* «Немецкие солдаты стали... переползать к русским «товарищам» и брататься с ними» // ВИЖ, 2002, № 6; см. также: «Русская императорская армия»: <http://regiment.ru/Lib/C/26.htm> (7.03.2011).
- Безгин В.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) (2004) // «Библиотека Гумер – гуманитарные науки»: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg/06.php (1.10.2009).
- Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. – М.: «Наука», 1986.
- Буравченков А.А.* В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. – Киев: «Высшая школа», 1988.
- Бируля Д.Н.* Творцы революции 1905 года (2005) // «Веди»: http://www.vedikz.narod.ru/main/tvorcy_revologii.html (26.02.2011).
- Буравченков А.А.* Офицерский корпус русской армии накануне Октябрьской революции // Интеллигенция и революция. XX век. – М., 1985.
- Василенко В.О.* Офицеры в рясах. – М., 1933.
- Веремеев Ю.* Нормы снабжения Русской армии в 1914–17 гг. // «Войны, история, факты»: <http://www.almanacwhf.ru/?no=2&art=4> (30.06.2009).
- Волков В.А., Перевезенцев С.В.* Русская армия в XVIII столетии // Слово. Православный образовательный портал: <http://www.portal-slovo.ru/history/>

- 35339.php?ELEMENT_ID=35339&PAGEN_2=2 (20.11.2009).
- Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М.: «Воениздат», 1993.
- Волков С.В. Трагедия русского офицерства // Сайт историка С.В. Волкова: <http://swolkov.narod.ru/tro/021.htm> (01.07. 2011).
- Гаврилов Л.М., Кутузов В.В. Перепись русской армии 25 октября 1917 г. // «История СССР», 1964, № 2.
- Гаркавенко Д.А. Партия, армия и флот в Февральской революции. – Л.: Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище, 1972.
- Голуб П.А. Партия, армия и революция. Отвоение партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917– февраль 1918. – М.: Политиздат, 1967.
- Гребенкин И.Н. Офицерство российской армии в годы первой мировой войны // ВИ, 2010, № 2; см. также: «Август 1914-го»: <http://august-1914.ru/grebenkin.html> (23.07.2011).
- Грибовский В.Ю. Российский флот Тихого океана, 1898–1905. История создания и гибели // <http://keu-ocg.narod.ru/Gribovsky/part1.html#chap9> (10.10.2008).
- Дзагурова Г.Т. Хабалов Сергей // Проект «Осетины»: <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=140> (13.07.2011).
- Дугин А.Г. Философия войны. – М.: «Арктогея центр», 2004.
- Дурнев Е. Белые офицеры на службе Республики Советов // Актуальная история: <http://actualhistory.ru/articles-white-rkka> (03.09.2011).
- Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: «Высшая школа», 1983.
- Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг.: в 2 т. – М.: Издательство НКО СССР, 1938. Т. 1.
- Зайончковский П.А. Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной // ВИ, 1981, № 4.
- Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. – М.: «Мысль», 1973.
- Иванов В.В. Боевые награды российских героев войны 1904–1905 гг. // «Россия и АТР», 2005, № 2.
- Изонов В.В. Подготовка русской армии накануне Первой мировой войны // ВИЖ, 2004, № 10.
- Император Николай II и события 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге // «Покаяние.ru»: http://www.pokaianie.ru/article/monarchy_history/read/5410 (26.02.2011).
- Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. – М.: «Наука», 1988; см. также: http://lost-empire.ru/index.php?option=com_books&Itemid=2&task=viewB&id=17663&page=3 (05.08.2011).

- Кавтарадзе А.Г. Некоторые итоги изучения проблемы «Октябрь и военная интеллигенция» // Интеллигенция и революция. XX век. – М.: «Наука», 1985.
- Каморников В.Ф. Учебная и воспитательная работа в военных и юнкерских училищах России (1863–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук; Институт военной истории Министерства обороны РФ. – М., 2008.
- Кизрин И.Г. Распад старой армии. – Воронеж: издательство «Коммуна», 1931.
- Ковтуненко П.О. Уголовный террор в Прикамье накануне революции 1905–1907 гг. (по материалам неофициальной части «Пермских губернских ведомостей») // «Вестник Самарского государственного университета», 2008, № 4 (63).
- Кожин В.В. Правда о погромах // «Русский переплет»: <http://www.pereplet.ru/text/kogin4.html> (28.07.2008).
- Колоницкий Б.И. Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914–1917) // Энциклопедия культур: <http://ec-dejavu.ru/g/Rumour-2.html> (12.07.2011).
- Королев В.И. Полиция Крыма и северной Таврии во второй половине XIX – начале XX вв. (кадровый состав и условия службы) // Крым в составе Российской империи: <http://www.sevastopol.ws/Pages/?aid=67> 28.07.2008).
- Курдюк А.А. Правовое регулирование ускоренной подготовки юнкеров в военных училищах (1914–1917 гг.) // Федеральный центр образовательного законодательства: <http://www.lexed.ru/pravo/journ/0506/kurduk.doc> (30.06.2009).
- Курков К.Н. Российское дворянство в контексте модернизации в начале XX в. (экономический и социокультурный аспекты): автореф. дис. ... доктора ист. наук; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2006.
- Лехович Д. Белые против красных // «Библиотекарь.Ру»: <http://bibliotekar.ru/rusDenikin/> (25.07.2011).
- Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. – Л., 1927.
- Марьяняк А. Быт и традиции Императорской Российской Гвардии // <http://www.liveinternet.ru/users/708893/post58173808/> (17.11.2009).
- Маслаков А.С. Русский офицерский корпус и офицерские организации летом 1917 года // «NatureWeb.ru. Научная сеть»: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1154123&s=121301000%29> (25.07.2011).
- Михаленко А.П. И жили дружною семьею солдат, корнет и генерал // Военно-исторический клуб «Ахтырские гусары»: <http://www.gusa.ru/glava4.html> (10.07.2009).
- Морозов С.Д. Военное образование в России на рубеже XIX–XX вв. // ВИЖ, 1998, № 5.

- Мосин О., Мосина С. Российское дворянство. Вехи истории // <http://baza.vgd.ru/11/62488/?st=1> (9.08.2007).
- Набатов Г.В. Нижегородская организация социалистов-революционеров // <http://www.hist.nnov.ru/history/partis/11.html> (4.08.2008).
- Оберучев К.М. Офицеры в русской революции // ВИЖ, 1998, №2.
- Панкратов Н.Р. и др. Военно-боевая работа партии большевиков. 1903–1917 / Под общ. ред. Н.Р.Панкратова. – М.: «Воениздат», 1973.
- Петров В.А. Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 году. – М.–Л.: «Наука», 1964.
- Плотников Н.Д. Собственный Его Императорского Величества Конвой // «Национальное возрождение России»: <http://www.vojnik.org/army/2> (06.06.2011).
- Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. – М.: «Наука», 1990.
- Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны (очерки истории военно-политических отношений) // «Военная история и футурология»: <http://www.milresource.ru/Russia-China-10-1.html> (10.10.2008).
- Порошин А.А. О некоторых уроках управления русской армией в 1916 г. // Саратовский государственный университет. Информационно-образовательный портал: <http://old.sgu.ru/faculties/historical/departments/oinp/avn2/docs/16.pdf> (2.09.2009).
- Постников Н.Д. Террор польских партий против представителей русской администрации в 1905–1907 гг. // «Дискуссии о терроре»: <http://www.memo.ru/history/terror/postnikov.htm> (4.08.2008).
- Протасов Л.Г. Солдаты гарнизонов центральной России в борьбе за власть Советов. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1978.
- Рунов В.А. Престижность профессии офицера в русской армии // ВИЖ, 1991, № 6.
- Савченко М.В. Провинциальная хроника революций начала XX века в России: алкогольный аспект (по материалам Пензенской губернии) // Пензенский Государственный Педагогический Университет: <http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/1omweb01/savchen.htm> (4.08.2008).
- Сенявская Е. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М.: РОССПЭН, 1999; см. также: «Библиотека Я. Кротова»: http://krotov.info/library/18_s/en/yavskaya_02.htm (15.06.2011).
- Смирнов А. Сибирский удар и саксонская сталь. Сравнительная характеристика противников на Восточном фронте // «Родина», 2004, № 9; см. также: «Русская императорская армия»: <http://regiment.ru/Lib/C/167.htm> (02.05.2011).
- Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. – М.: «Советский писатель», 1991; см.

- также: http://gatchina3000.ru/literatura/sokolov_n_a/murder_imperial_family03.htm (05.07.2011).
- Сорокин А.И. Русско-японская война 1904–1905 гг. (военно-исторический очерк). – М.: Военное издательство, 1956.
- Спиридович А.И. Великая война и Февральская Революция 1914–1917 гг. (Нью-Йорк, 1960–62) // Русская императорская армия: <http://regiment.ru/Lib/B/29/1.htm> (06.06.2011).
- Спирин Л. В. И. Ленин и создание советских командных кадров // ВИЖ, 1965, № 4.
- Суворов А.И. Политический терроризм в России XIX – начала XX веков. Истоки, структура, особенности // Федеральный образовательный портал ЭСМ: <http://www.ecsocman.edu.ru/socis/msg/16402883.html> (4.02.2011).
- Сушанский А.С. Духовно-нравственное воспитание в военно-учебных заведениях России XVIII – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. пед. наук; Военный университет. – М., 2002.
- Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. – М.: «АСТ», 1999.
- Убийство генералов Русской армии, офицеров, юнкеров и кадет // ОСВАГ: <http://www.osvag.ru/army.html> (02.07.2011).
- Уткин А. К великому океану // «Красная звезда»: http://www.redstar.ru/2005/02/19_02/5_02.html (17.08.2011).
- Чаадаева О. Армия накануне Февральской революции. – М.–Л., 1936.
- Чувардин Г.С. Русская императорская гвардия в событиях революции 1905–1907 гг. // <http://www.oiros.org/publick/p04/004.htm> (28.07.2008).
- Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи // «Библиотекар.Ру»: <http://www.bibliotekar.ru/CentrTitul/4.htm> (19.09.2007).
- Широкогоров В. Цены и оклады: дореволюционная Россия // «Позитивный маркетинг»: <http://p-marketing.ru/publications/general-questions/social-dynamics/prices-salaries-before-wwi> (31.03.2011).
- Шульгин В.В. Что нам в них не нравится... – СПб.: «Хорс», 1992.

Справочная литература:

- Верховский А.И. В событиях 1917 года // «Хронос»: http://www.hrono.ru/biograf/bio_we/verhovski_ai.php (26.07.2011).
- Дворянство в России // Словари и энциклопедии на Академик: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/889543#D0.9A.D0.BB.D0.B0.D1.81.D1.81.D0.B8.D1.84.D0.B8.D0.BA.D0.B0.D1.86.D0.B8.D1.8F> (10.05.2011).
- Забудский Н.А. // Большая биографическая энциклопедия // «Академик.ру»: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/133714/%D0%97%D0%B0%

- D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9 (24.07.2011).
 Ив-ко Н. Полиция (дополнение к статье) // Словарь Брокгауза и Ефрона://
 gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedic-dictionary/081/
 81239.htm (28.07.2008).
 Ихэтуаньское восстание // Википедия. Свободная энциклопедия: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (9. 10.2008).
 Найденов М.Е. Революция 1905–1907 годов – первая народная революция эпохи империализма // «Biografia.Ru»: <http://www.biografia.ru/cgi-bin/quotes.pl?oaction=show&name=revol6> (4.08.2008).
 Отечественная история // «История». Издательский дом «Первое сентября»: <http://his.1september.ru/article.php?ID=200403604> (05.06.2011).
 Офицерский корпус России // «На службе Отечеству». Военно-информационный портал: http://armyus.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=58&Itemid=1486 (26.06.2007).
 Первая мировая война и российское общество: <http://www.yspu.yar.ru/hreader/6/?in=3> (05.06.2011).
 Россия и СССР в войнах XX века // «Русское небо»: <http://www.rus-sky.com/history/library/w/w01.htm> (31.08.2011).
 Русская дуэль. Феномен русской дуэли // «История России»: <http://rushistory.stsland.ru/Statie/Statie24.html> (2.08.2007).
 Чин прапорщика в Русской армии // «Русский портал»: <http://www.ороссии.com/prapor.htm> (16.08.2011).

Список сокращений названий периодики и архивов

ВИЖ	Военно-исторический журнал;
ВРК	Вестник русской конницы;
ВС	Военный сборник;
ВИ	Вопросы истории;
КА	Красный архив;
НИАБ	Национальный исторический архив Беларуси;
ОЖ	Офицерская жизнь;
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив

Именной указатель

- А**
 А.А.Н. 89, 90, 246
 А.К. 89, 246
 Абашидзе, кн. 204
 Абельская Е.Ф. 87, 257
 Аблова Н.Е. 177, 257
 Акаси М., полк-к 72
 Алейников А., к-н 153
 Александр I, рос. имп. 177, 250
 Александр II, рос. имп. 14, 17
 Александра Федоровна, рос. имп. 212, 213, 240, 259
 Алексеев А. 90, 257
 Алексеев А.П., полк-к 29
 Алексеев М.В., ген. от инф., главковерх 15, 113, 162, 170, 171, 197–199, 207–210, 212, 221, 233, 239, 252
 Алексеевский, ген.-м. 225
 Андогский А.И., ген.-м. 233
 Аничков Д., полк-к 9, 49, 83, 87, 246
 Антонов, поруч. 204
 Апухтин А.Н., ген.-лейт. 9, 24, 84, 178, 179, 246
 Арзубьев П. (Губер П.К.) 60
 Арне-Хоранов, п/поруч. 138
 Артемьев К., п/поруч. 156
 Арцыбашев М.П. 54
 Ахвледиани Я.А., п/полк. 137
 Ахун М.И. 89, 90, 236, 240, 241, 246
- Б**
 Базанов С.Н. 182, 236, 257
 Базедов (фон) Г., полк-к 110, 128, 129, 246
 Байов А.К., ген.-лейт. ГШ, проф. 193
 Баланин Д.В. 178, 246
 Балуев П.С., ген. от инф. 162
 Баранов, прап. 205
 Безгин В. 127, 257
 Белецкий С.П. 171
 Бем М.А., ген.-м. 196
 Бенинсон А.И., п/поруч. 135
 Бердяев Н.А. 51, 87, 246
 Березовский В. 85
 Бескровный Л.Г. 11, 12, 16, 82, 83, 182, 257
 Биен Г., ряд. 41
 Бильдерлинг А.А., бар., ген. от кав. 147
 Бинокль 127
 Бируля Д.Н. 91, 257
 Благово В.А. 87, 248
 Блюмер, полк-к 130, 246
 Богданович, ген.-м., начдив 202
 Бонч-Бруевич М.Д., ген.-м. 113, 216, 226, 232, 242, 253
 Боярский А.Ф., рев-р 230
 Бржозек С.К., шт.-кап. 222
 Брилевич В., корнет 154
 Брокгауз Ф.А. 91, 262
 Брусилов А.А., ген. от кав., главковерх 161, 192, 193, 207, 209, 212, 224, 225
 Бубликов А.С., депутат ГД 210
 Будний 54, 88
 Буйский А. 236, 246
 Буланов, полк-к 205
 Булатов И.И., полк-к 56, 77
 Булгаков С.Н. 51, 87, 208, 239, 246
 Бунин, ген., начдив 216
 Буравченков А.А. 11, 82, 179, 181, 182, 217, 237, 240, 241, 257
 Бурский П.Д., ген.-м. 216, 237, 240, 246, 247
 Буслаев А., к-н 155
 Бутков Ф. 127, 247
 Бутовский А.Д., ген.-лейт. 23
 Бутовский Н.Д., ген. от инф. 9, 10, 33, 48, 85, 87, 88, 94, 127, 247

Быков, полк-к 205
 Бьюкенен Дж., брит. посол 213

В
 В.А.К. 88, 139, 177, 178, 247
 Вакар С. 251
 Варяжский К. 86, 247
 Василевский Н.А., ген.-лейт. 133
 Василенко В.О. 85, 257
 Васильев, п/поруч. 38
 Васильев, полк-к 28
 Вацетис И.И., командарм 2 р. 113
 Вербицкий Ф. 251
 Веремеев Ю.Г. 178, 257
 Вержховский Д.В. 182
 Верховский А.И., ген.-м., в. министр ВП 184, 226, 235, 241, 247, 261
 Верцинский Э.А., ген.-м. 9, 198, 225, 238, 239, 240, 247
 Вершинин, депутат ГД 210
 Вильгельм II, нем. кайзер 39
 Вильдт, прап. 205
 Вильсон В. 170
 Винберг Ф.В., полк-к 220
 Витгенштейн Г.Ф., светл. кн., сотник 45
 Витте С.Ю. 77, 78
 Виш Н. (Вишняков Н.П.) 86, 247
 Вишняков Н.П. 88, 247
 Владимир Александрович, вел. кн., ген. от инф. 108
 Водяной В., ряд. 97
 Волков В.А. 129, 257
 Волков С.В. 10, 82, 87, 88, 129, 158, 180, 181, 217, 234, 238, 239, 241, 242, 258
 Волковицкий В. 88
 Волконский А.М., кн. 65, 66, 88, 89, 98, 127, 247
 Волосатов, п/поруч. 154
 Волошинов Ф. 130, 247
 Вонлярлярский Н.М., ген. от кав. 56
 Воронцов М.С., светл. кн., ген.-фельдм. 180, 248

Воронцов-Дашков И.И., гр., ген. от кав. 33
 Врангели, бароны 87, 129, 248
 Врангель А.П. 9, 129
 Врангель Н.Е. 9, 87, 248
 Врангель П.Н., бар., ген.-лейт. 9, 113, 129
 Вяченко, п/поруч. 218

Г

Г-ъ 130, 248
 Габсбурги, династия 171
 Гаврилов Л.М. 84, 241, 258
 Гаджаев, полк-к 218
 Галкин М.С., полк-к ГШ 9, 10, 52, 83, 85–87, 89, 90, 127, 248
 Гапон Г.А., священник 78, 79
 Гаркавенко Д.А. 182, 258
 Герасимов А.В., жанд. ген. 73, 80
 Гернгросс А.А., ген. от инф. 211
 Геруа А.В., ген.-м. 9, 87, 127, 224, 241, 248
 Геруа Б.В., ген.-м. ГШ 110
 Герцулин, поруч. 38
 Гильчевский К.Л., ген.-лейт. 199
 Глиноецкий Н.П. 127, 128, 248
 Глинский С. 84, 91, 248
 Головин Н.Н., ген.-лейт. 8, 26, 27, 84, 111, 129, 136, 158, 164, 173, 180–182, 236, 248, 251
 Голосов В. 127, 251
 Голуб П.А. 11, 236, 242, 258
 Голубев И. 128, 248
 Голубев, поруч. 29
 Гофман Г.Э. 130, 248
 Гофман М., нем. ген. и дипломат 188
 Граф Г.К., к-н 2 р., впоследствии контр-адм. 241, 248
 Гребенкин И.Н. 11, 241, 258
 Грибовский В.Ю. 177, 258
 Грибунин, депутат ГД 210
 Григорьев В. 85, 248
 Григорьев Г.В., ген. 223
 Гриненберг О. 178, 248

Гришинский А.С., ген.-м. 157
 Грулев М.В., ген.-лейт. 9, 84, 85, 87, 115, 127, 128, 130, 178, 248
 Гурко В.И., ген. от инф. 209, 212
 Гусев А.Н. 9, 178, 248
 Гучков А.И., в. министр ВП 120, 143, 146, 186, 197, 198, 208

Д

Давыдов К., п/полк. 153
 Данилов Ю.Н., ген. от инф. 175
 Девдориани, поруч. 38
 Дейкун, прап. 154
 Деникин А.И., ген.-лейт. 8, 15, 23, 50, 51, 67, 84, 87, 89, 91, 102, 106, 113, 115, 127–129, 177–179, 188, 193, 202, 203, 207, 211, 214, 217, 222, 227, 228, 233, 235–237, 239–241, 249
 Дергачев В., поруч. 154
 Дерюжинский В.Ф. 88, 249
 Дзагурова Г.Т. 237, 258
 Диривянкин С.М. 11
 Добровольский, п/полк. 56
 Довбор-Мусницкий И.Р., ген.-лейт. 228, 249
 Довбор-Мусницкий И.Р., ген.-м. 130
 Долгорукий П.Д., кн. 71
 Дометти И.А., п/полк. 136
 Домнин И. 9, 89, 129, 238, 242, 249
 Домусчи Д.И., поруч. 64
 Драгомиров М.И., ген. от инф. 9, 31, 34, 36, 57, 58, 84–88, 113, 114, 129, 178, 249
 Дрозд-Бонячевский А.И., ген.-м. 88, 249
 Дугин А.Г. 67, 89, 258
 Дунтен А.Р., ген.-м. 196
 Дурнев Е. 242, 258
 Духонин Н.Н., ген.-лейт. ГШ, главно-верх 228, 229, 242, 254
 Дучинский С., прап. 154

Е

Евлампиев, к-н 138

Егоров Е. 129, 249
 Екатерина II Великая, рос. имп. 44
 Емельянов А.П., п/поруч. 64
 Емельянов В., поруч. 152
 Епанчин Н.А., ген. от инф. 164
 Ерошкин Н.П. 83, 258
 Ефремов А., к-н 152
 Ефрон И.А. 91, 262

Ж

Жадановский Б.П., п/поруч. 63
 Жданов А.Е., п/полк. 138
 Жебровский С.С. 237, 238, 249
 Жирнов, к-н 28
 Житовецкий А., ряд. 97
 Жураковский З., к-н 156

З

Забудский Н.А., ген.-м., проф. 196, 261
 Зайончковский А.М., ген. от инф. 11, 160, 179, 180, 182, 258
 Зайончковский П.А. 11, 82, 83, 87, 127, 129, 130, 178, 179, 258
 Залесский П.И., полк-к 128, 129, 249
 Заметнов, к-н 205
 Запольский Б.Ф., п/полк. 133
 Заустинский П. 88, 249
 Зенкович А.Ф., к-н 137
 Зенькович Ф., шт.-кап. 153
 Зиборов В.И., ген., начдив 218
 Золотарев Н.А., прап. 63

И

Ив-ко Н. 91, 262
 Иванов В.В. 178, 258
 Иванов Н.И., ген. от арт. 15, 164
 Игнатъев А., п/поруч. 29
 Изонов В.В. 11, 127, 178, 179, 258

К

Кавтарадзе А.Г. 11, 82, 83, 128, 179, 180, 229, 242, 258, 259

- Казакова Н. 87, 246, 247
 Каледин А.М., ген. от кав. 235
 Калецкий Е., п/поруч. 153
 Калинин, депутат ГД 210
 Каменев С.С., командарм 1 р. 113
 Каморников В.Ф. 83, 259
 Карангозов К.А., ген.-м. 56
 Каринковский С., прап. 154
 Карлович (фон) М. 128, 250
 Карпов П., полк-к 157
 Карташов, поруч. 226, 227
 Каутский К. 235, 251
 Кашкаров Д. 127, 130, 250
 Кванталиани, п/поруч. 218
 Квещинский М.Ф., ген.-лейт. 215
 Кедров М.С., рев-р, чекист 232
 Келлер Ф.А., ген. от кав. 214
 Керенский А.Ф., председатель и в. министр ВП 151, 186, 197, 203, 207, 208, 221, 224, 226, 227, 243
 Кизрин И.Г. 237, 239, 259
 Кирилл Владимирович, вел. кн. 210
 Киселевский Н.М., ген.-лейт. 157
 Клембовский В.Н., ген. от инф. 193, 226
 Климович А.К., ген.-м. 113
 Ключевский В.О. 17, 83, 250
 Клячкин, прап. 218
 Коваленские 58
 Ковтуненко П.О. 73, 90, 259
 Кожин В.В. 91, 259
 Колбе С. 88, 90, 91, 250
 Колесников Н. 239, 250
 Коллонтай А.М. 167
 Колобов, к-н 205
 Колоницкий Б.И. 240, 259
 Колчак А.В., адмирал 233
 Кондзеровский П.К., ген.-лейт. 198
 Коновкин Г.П., п/полк. 64
 Константин Константинович, вел. кн. 112
 Корк А.И., командарм 2 р. 113
 Корнилов Л.Г., ген.-лейт., главком

- 15, 113, 139, 205, 208, 210, 213, 221, 225–228
 Королев В.И. 91, 259
 Костюк К., ст. унтер-офицер 41
 Костяев Ф.В., ген.-м. ГШ 193
 Котов, полк-к 133
 Коханский Е.Л., п/поруч. 64
 Краснов П.Н., ген. от кав. 8, 28, 84, 177, 180, 189, 228, 233, 236, 238, 241, 250
 Кротов Я. 237, 260
 Круговской А. 242, 250
 Крутовский В.М. 55
 Крыленко Н.В., прап., главком 231, 232, 242, 254
 Крымов А.М., ген.-лейт. 221
 Ксения Александровна, вел. кн. 115
 Кублицкий, п/поруч. 57, 58
 Кульчицкий В.М., ротм. 85, 86, 250
 Куприн А.И. 54, 88, 249, 250
 Купчинский Ф.П., военкор 55
 Курдюк А.А. 179, 259
 Курков К.Н. 83, 259
 Куропаткин А.Н., ген. от инф. 8, 39, 48, 82, 88, 108, 112, 113, 134, 146, 162, 251
 Курчин, п/полк. 202
 Кутепов А.П., полк-к 214
 Кутузов В.В. 84, 241, 258

Л

- Лазаревич Ю. 239, 251
 Лазаревский Б.А. 129, 251
 Лайминг Н.А., полк-к 136
 Левинский М. 130, 251
 Легарн 229
 Лемкул, полк-к 30
 Ленин В.И. 82, 158, 167, 175, 180, 183, 229, 235, 242, 251, 261
 Леопольд Баварский, нем. главком 189
 Лехович Д. 9, 241, 242, 259
 Лилье М.И., к-н 9, 53, 88, 249
 Линевич Н.П., ген.-лейт. 133
 Липинский, полк-к 41

- Лиснер Г. 85, 248
 Лихтенталь 116
 Ллойд-Джордж Д. 172
 Лукомский А.С., ген.-лейт. ГШ 227
 Лыкошин А.С., проф. 86, 251
 Львов Г.Е., мин.-председатель ВП 198
 Любимов А.Г., шт.-ротм. 127, 130, 251
 Любицкий Я.Я., ген., начдив 204
 Людендорф Э., нем. ген.-полк. 175
 Люксембург Р. 39
 Люпов А.Н., шт.-кап. 9, 135, 139
 Ляхов В.Ф. 182

М

- М.А.Н. 178, 251
 М.Г. 86, 251
 Мадритов А.С., есаул, позже ген.-лейт. 133
 Май-Маевский В.З., ген.-лейт. ГШ 190
 Майкапар М.А., прап. 223
 Макаревич, полк-к 205
 Максимов А.Я., к-н 2 р. 177, 251
 Максимов, п/полк. 45
 Макуха А. 97
 Макшеев Ф.А., ген.-м. 129, 130, 251
 Малинко В.И., полк-к 127, 129, 178, 251
 Маниковский А.А. 182
 Мариюшкин А.Л., полк-к 87, 251
 Марков С.Л., ген.-лейт. ГШ 227
 Маркс К. 183
 Мармузов П.К., шт.-кап. 223
 Мартынов Е.И., ген.-лейт. 9, 33, 47, 85, 87, 88, 91, 128, 130, 182, 251, 259
 Марыняк А.В. 129, 259
 Маслаков А.С. 11, 241, 259
 Маслов А.В. 11
 Матвеев М. 127, 251
 Менгден (фон) Г.Г., гр., ген.-лейт. 196
 Месснер Е.Э., полк-к 82, 251
 Мехмандаров С.Б., ген. от арт. 196
 Микулинский А., полк-к 153
 Миллер Е.К., ген.-лейт. 201, 233
 Милюков П.Н., министр ВП 71, 208
 Милютин Д.А., гр., ген.-фельдм. 113
 Мин Г.А., ген.-м. 56
 Мирза, шт.-кап. 202
 Михаил Александрович, вел. кн. 209, 210
 Михайлов, полк-к 202
 Михайлов, шт.-кап. 218
 Михаленко А.П. 180, 259
 Модль О.А., ген.-м. 129, 133, 251
 Молотков А.А., полк-к 138
 Молчанов В.М., ген.-м. 210, 239, 248
 Моравский, л.-гв. полк-к 156
 Морозов В. 85, 252
 Морозов Н. 128, 252
 Морозов С.Д. 87, 259
 Мосин О. 82, 260
 Мосина С. 260
 Мрозовский И.И., ген. от арт. 120
 Мстиславский С., библиотекарь ГШ, рев-р 62, 63, 89, 90, 129, 252

Н

- Н-чин С. (Недачин С.В.) 179, 252
 Н. 127, 178, 252
 Набатов Г.В. 90, 260
 Навоев П.Е., шт.-кап. 180, 252
 Надежный Д.Н., ген.-лейт. 240
 Найденов М.Е. 91, 262
 Нарышкин, к-н ГШ 162
 Нахамкис О.М. (Стеклов), рев-р 222
 Неплюев Н.А., шт.-кап. 63
 Нижний чин 36, 85
 Николаев, гв. полк-к 56
 Николай I, рос. имп. 44
 Николай II, рос. имп. 4, 25, 26, 29, 31, 39, 65, 66, 77, 91, 95, 115, 116, 124, 168, 185, 209, 210, 212–214, 237, 239, 252, 255, 258
 Николай Николаевич, вел. кн., ген. от кав. 29, 111, 168, 209, 210, 213
 Никольский К.В., ген.-м. 196

- Ноблемонт (де) М. (Эдельберг Г.А.?) 208, 239, 252
 Новаковский В., к-н 153
 Новиков 52
 Новиков, ген., ком. кав. корпуса 161
 Новицкий В.Ф., ген.-лейт. 88, 128, 178, 216, 247, 252
 Новицкий, к-н 59
 Ноги М., яп. ген. 24, 25
 Ножин А., п/полк. 225
 Носков П.А., к-н (ген.-м.) 138, 139, 204
 Ночин И. (Деникин А.И.) 178, 252
- О**
 Оберучев К.М., полк-к 63, 89, 260
 Обручев Н.Н., ген. от инф., нач. ГШ 113
 Озевич, поруч. 135
 Олег Константинович, вел. кн., корнет 112, 129, 251
 Олехно А. 128, 252
 Орановский В.А., ген. от кав. 161, 205
 Орлов Н.А., ген. от инф. 161
 Орловский Д. 87, 252
 Осберг, поруч. 64
 Останкевич М., п/поруч. 153
 Остапенко, полк-к 204
- П**
 П.Н.К. 90, 253
 Палеолог М., фр. посол 212
 Панаев Б.А., ротм. 156
 Панаев Г.А., шт.-ротм. 156
 Панаев Л.А., ротм. 156
 Панаевы, братья 156
 Панасюк П., мл. унтер-оф. 97
 Панков П. 90, 252
 Панкратов Н.Р. 90, 260
 Парский Д.П., ген.-лейт. 9, 85, 88, 113, 128, 129, 146, 178, 252
 Пашков М. 82, 255
 Пащенко А.Г., п/полк. 137
 Пепин А.М., полк-к 153
- Первушин М.Г., полк-к 28
 Перевезенцев С.В. 129, 257
 Петлюра С.В. 191
 Петр I Великий, рос. имп. 44
 Петров А.К., ген.-лейт. 196
 Петров В.А. 89, 90, 236, 240, 241, 246, 260
 Петров, п/поруч. 169
 Петровский Н.А., полк-к 108, 129, 252
 Пильский П. 53
 Пирейко А. 181, 252
 Плотников Н.Д. 240, 260
 Побоевский, п/полк. 137
 Побыванец П.П., полк-к 137
 Погосский, к-н 138
 Подвойский Н.И., рев-р 232
 Полетика Н.П. 9, 236, 237, 253
 Поликарпов В.Д. 11, 234, 241, 242, 260
 Полторацкий А.В., к-н 133
 Попов И. 97
 Попов И.М. 177, 260
 Порошин А.А. 180, 181, 260
 Португалов Н.С. 84, 85, 253
 Постников Н.Д. 91, 260
 Протасов Л.Г. 238, 260
 Пудков Т.А., поруч. 154, 155
 Пургасов А.А., ген.-м. 204
 Пуришкевич В.М., депутат ГД 9, 211, 212, 213, 240, 254
- Р**
 Рагоза А.Ф., ген. от инф. 211
 Радецкий Ф.Ф., ген. от инф. 113
 Радко-Дмитриев Р.Д., ген. от инф. 161
 Райковский В. 47, 49, 87, 254
 Ракитин В., поруч. 154
 Распутин Г.Е. 211, 212, 240, 254
 Раух Г.О., ген. от кав. 161
 Рауш фон Траубенберг Е.А., бар., ген. от кав. 196
 Рахильский, п/поруч. 134
 Рашевский С.А., полк-к 9, 53, 87, 249

- Редигер А.Ф., ген. от инф., в. министр 9, 142, 178, 254
 Режепо П.А., полк-к 9, 10, 83, 255
 Родзянко М.В. 151, 173, 187, 196, 208, 209, 215
 Роиевский А.К., п/полк. 136
 Романенко, поруч. 204
 Романовский И.П., ген.-м. 227
 Романовы, династия 14, 239, 248
 Росс 53, 88, 255
 Рузский Н.В., ген. от инф. 69, 164, 199, 209, 210
 Румянцев П.А., ген.-фельдм. 23
 Рунов В.А. 82, 260
 Русов, к-н 197
 Рутенберг П. 79
 Рыков, п/полк. 204
 Рындин М.М., ген.-лейт. 196
 Рычков В. 127, 255
 Рюрик, кн. 72
 Рюрикович 71
- С**
 С-ов Д. 178, 255
 С-ов С.И. 129, 255
 Савинков Б.В., рев-р 62
 Савченко М.В. 90, 260
 Самохвалов, шт.-кап. 169
 Самсонов, полк-к 204
 Сапожников С.А. 87, 248
 Сахаров В.В., ген.-ад., в. министр 56, 209
 Светлов Н.Е., ген. от инф. 87, 255
 Свечников М.С., полк-к 217, 240, 254
 Секурай Т. 52
 Селиванов, полк-к 204
 Селядцев, п/полк. 138
 Семенов А. 127, 255
 Сеньявская Е. 237, 260
 Сергей Михайлович, вел. кн., ген.-инсп. арт. 111
 Сиваков Ф.К. 85, 255
 Сиверс Ф.В., ген. от инф. 164
- Симашенков П.Д. 11
 Скобелев М.Д., ген. от инф. 113
 Скорский, ген.-лейт. 202
 Славолинский, полк-к 138
 Смерчинский, поруч. 205
 Смирнитский, поруч. 218
 Смирнов А. 179, 260
 Смирнов И.П., поруч. 223
 Смирнов К.Н., ген.-лейт. 45
 Снегирева А.И. 87, 254
 Собоцкий, к-н 218
 Собко Д. 85, 248
 Соболевский, п/поруч. 137
 Соколов Н.А. 209, 260
 Соколов Н.Д. 183, 209
 Соколов, о., полк. священник 30
 Соколовский, шт.-кап. 137
 Сорокин А.И. 178, 261
 Сорокин, прап. 205
 Спасович В.Д. 46
 Спиридович А.И., жанд. ген. 9, 151, 179, 261
 Спирин Л. 11, 82, 128, 242, 261
 Станкевич И., п/поруч. 156
 Станкевич С.Л., поруч. 133
 Степун Ф.А., прап. 9, 195, 237, 255
 Стессель А.М., ген.-лейт. 24, 25, 137
 Стогов Н.Н., ген.-лейт. 203
 Столица М.С., ген.-м. 139
 Стольпин А.П. 9, 91, 255
 Стольпин П.А. 9, 79
 Стрижевский, полк-к 204
 Строевой 57
 Струве П.Б. 51, 87, 255
 Субботин В., полк-к 157
 Суворов А.И. 90, 91, 261
 Сушанский А.С. 83, 261
 Сырнев, прап. 218
 Сытин И.Д. 88, 247
- Т**
 Такман Б. 179, 261

Тетгау, нем. майор 21, 83, 144, 178, 255
 Тимановский Н.С., полк-к 224
 Тимковский К.Д., ген.-м. 196
 Толузаков С.А. 88, 89, 90, 177, 178, 255
 Трубецкой В.С., кн., корнет 9, 38, 41, 86, 108, 109, 129, 256

Туркул А.В., ген.-м. 116
 Тухачевский М.Н., маршал 234
 Тучков, к-н 38

У
 Удалых, п/прап. 28, 29
 Улитко, п/поруч. 202
 Урядов К.В., п/полк. 136
 Усов М.Л. 129, 256
 Уткин А. 90, 91, 261
 Ухач-Огорович Н.А., ген.-м. 88, 89, 256
 Ушаков Б. 179, 256

Ф
 Ф. 86, 256
 Филиппов, п/поруч. 218
 Фисенков, к-н 129, 256
 Фок А.В., ген.-лейт. 45
 Франц-Фердинанд, австр. эрцгерц. 150
 Фрейлих, п/полк. 204
 Фурман, полк-к 85

Х
 Хабалов С.С., ген.-лейт. 196, 214, 237, 258
 Хан Нахичеванский Г., ген. от кав. 214
 Ханжин М.В., ген.-лейт. 225
 Херхоулидзе, полк-к 218
 Хитров Д., полк-к 116
 Хмельницкий Б.М. 192
 Хондажевский, поруч. 28
 Хондзинский, п/полк. 41

Ц
 Церетели И. 80
 Цы Си, кит. имп. 132

Ч
 Чаадаева О.Н. 182, 240, 241, 242, 261
 Чайковский Н.А. 72
 Чуб, поруч. 205
 Чувардин Г.С. 91, 261

Ш
 Шавельский Г.И., протопресвитер 7, 116, 129, 211, 212, 213, 240, 256
 Шапошников Б.М., маршал 113
 Шарапов, п/полк. 36, 85
 Шахвердов Г.Г., прап. 223
 Швейковский П.А. 24, 84, 85, 86, 88, 256
 Шевяков Т.Н. 84, 256
 Шепелев Л.Е. 82, 83, 128, 261
 Шершнев, полк-к 202
 Ширинский М.И., п/полк. 133
 Широкогоров В. 130, 261
 Шкловский Г.Л., дипломат 167
 Шмидт П., п/поруч. 138
 Шульгин В.В. 50, 54, 87, 88, 166, 181, 261

Щ
 Щавинский, полк-к 204
 Щербаковский, о., полк. свящ. 136
 Щербачев Д.Г., ген. от инф. 79

Э
 Эверт А.Е., ген. от инф. 162, 198, 209, 214, 215
 Эл-Эс 56, 88, 89, 257
 Энгельгардт Б.А., п/полк. 216
 Энгельс Ф. 183
 Эрдели И.Г., ген. от кав. 227

Ю
 Юденич Н.Н., ген. от инф. 113, 139, 233

Я
 Ягода Ф., рев-р 232
 Ягодкин, поруч. 138
 Ярушевич Е. 84, 257

Список сокращений в именованном указателе

арт.	артиллерия	к-н	капитан
бар.	барон	кав.	кавалерия, кавалерийский
в.	военный	кн.	князь (княгиня)
вел.	великий(-ая)	ком.	командир
ВП	Временное правительство	комбриг	командир бригады
гв.	гвардии	л.-гв.	лейб-гвардии
ген.	генерал	мл.	младший
ген.-ад.	генерал-адъютант	нач.	начальник
ген.-инсп.	генерал-инспектор	начдив	начальник дивизии
ген.-лейт.	генерал-лейтенант	полк-к	полковник
ген.-м.	генерал-майор	п/полк.	подполковник
ген.-полк.	генерал-полковник	п/поруч.	подпоручик
ген.-фельдм.	генерал-фельдмаршал	п/прап.	подпрапорщик
ген. от арт.	генерал от артиллерии	полк-к	полковник
ген. от инф.	генерал от инфантерии	полк.	полковой
ген. от кав.	генерал от кавалерии	поруч.	поручик
главковерх	верховный главнокомандующий	прап.	прапорщик
		проф.	профессор
гр.	граф	рев-р	революционер
ГД	Государственная Дума	ротм.	ротмистр
ГШ	Генеральный штаб	светл.	светлейший
жанд.	жандармский	ст.	старший
имп.	император, императрица, императорский	штг.-кап.	штабс-капитан
		штг.-ротм.	штабс-ротмистр

Источники иллюстраций:

Изображения орденов знаков (форзац, с. I–II) взято с сайтов: Википедия.ru (<http://ru.wikipedia.org/>), «Награды Императорской России 1702–1917 гг.» (<http://medalirus.narod.ru/>), из интернет-каталогов фирмы «Знак» (<http://www.znak-auction.ru/>) и АД «КабинетЪ» (<http://www.kabinet-auktion.com/>), а также с сайта фирмы «Монеты и медали» (<http://medalirus.ru/>).

Изображения знаков различия (форзац, с. III–IV) взяты с сайта Алексея Худякова (<http://semiryak.my1.ru/>). Издатели приносят искреннюю благодарность Алексею за любезное разрешение использовать эти изображения.

Изображения для вклейки взяты с сайтов: «Александровское военное училище» (<http://babal5919.narod.ru/>), «Добровольческий корпус» (<http://www.dk1868.ru/>), «Записки скучного человека» (<http://humus.livejournal.com/>), с сайта «andcvet» (<http://andcvet.narod.ru/>), Википедия.ru и др.

Суряев Валерий Николаевич

ОФИЦЕРЫ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

1900–1917

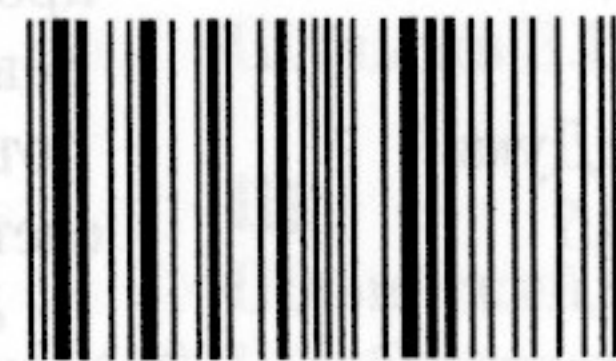
Научное издание

Утверждено к печати редколлегией

серии «Страницы российской истории»:

президент НП ИД «Русская панорама» *Ю.В.Яшнев,*
директор ЦКИ МГИМО-У МИД РФ *проф. В.В.Дегоев,*
директор ОИ ПСИЧКР *проф. В.А.Захаров,*
гл. ред. НП ИД «Русская панорама» *И.А.Настенко,*
зав. кафедрой Липецкого ГПУ *проф. В.В.Фомин*

ISBN 978-5-93165-288-7

Редактор *Ю.Я.Яшнев*

Выпускающий редактор *И.А.Настенко*

Корректор *О.Е.Пугачева*

Художественное оформление,
макет ООО «СПСЛ»

НП ИД «Русская панорама», АНО «Русское историческое общество»,

ООО «СПСЛ»: 109028, Москва, Серебряническая наб., 27.

Тел.: (495) 917 59 83, (495) 917 70 94.

E-mail: in@rus-pan.ru; web: www.rus-pan.ru

Подписано к печати 1.09.2012. Формат 70x100/16. Гарнит. PeterburgC.

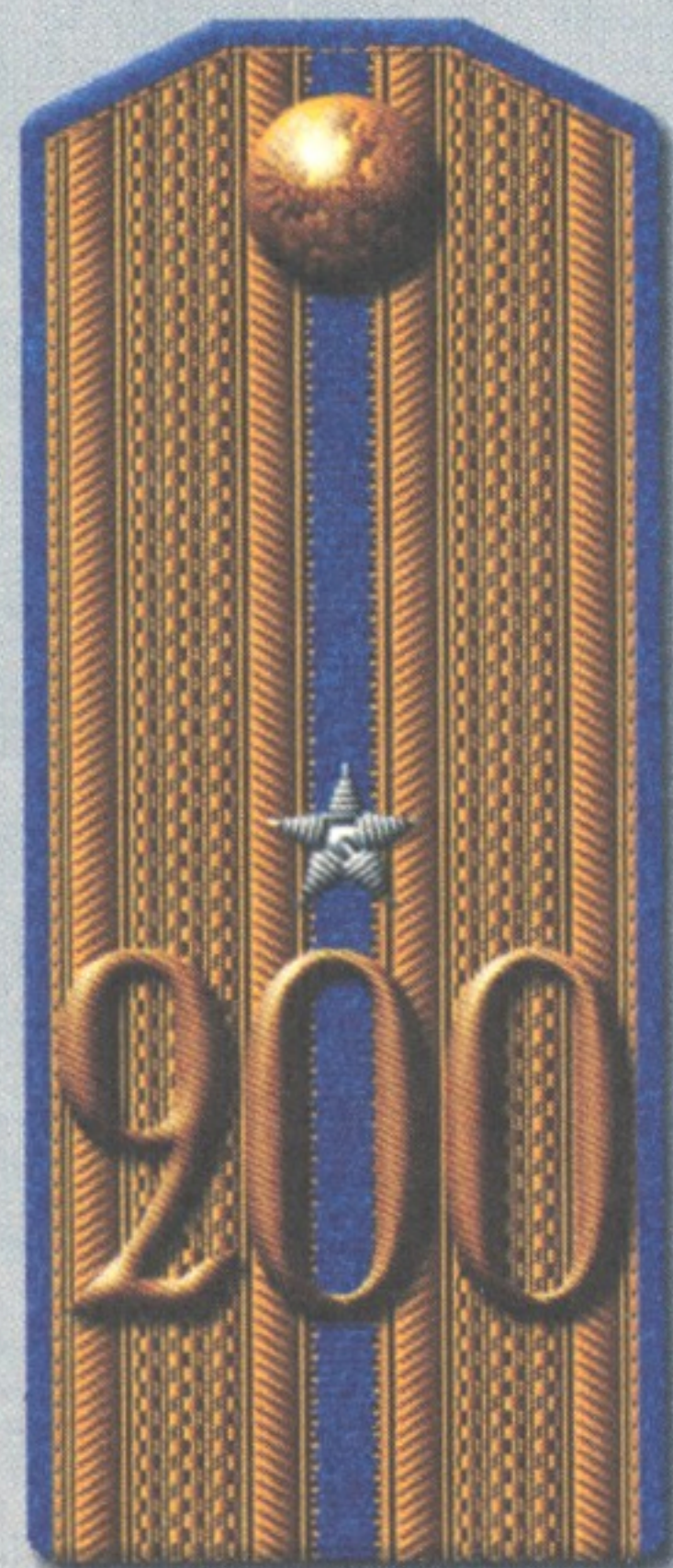
Ролевая струйная печать. Объем: 17 п/л + вклейка 1 п/л. (23,3 уч.-изд./л.).

Бумага офсетная № 1. Тираж 2000 экз. Зак. 1551

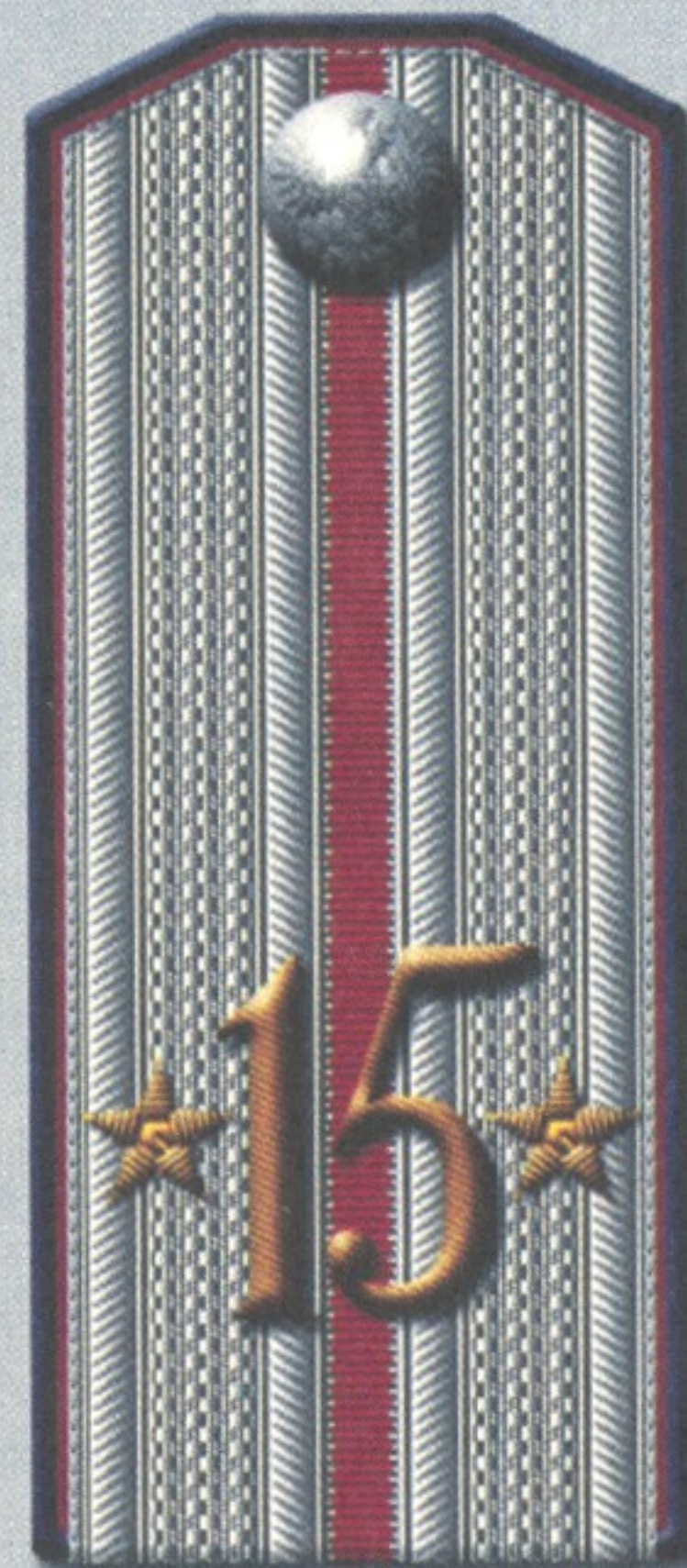
Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал макетом в ОАО
«Первая Образцовая типография» Филиал «Чеховский Печатный Двор».

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1

ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

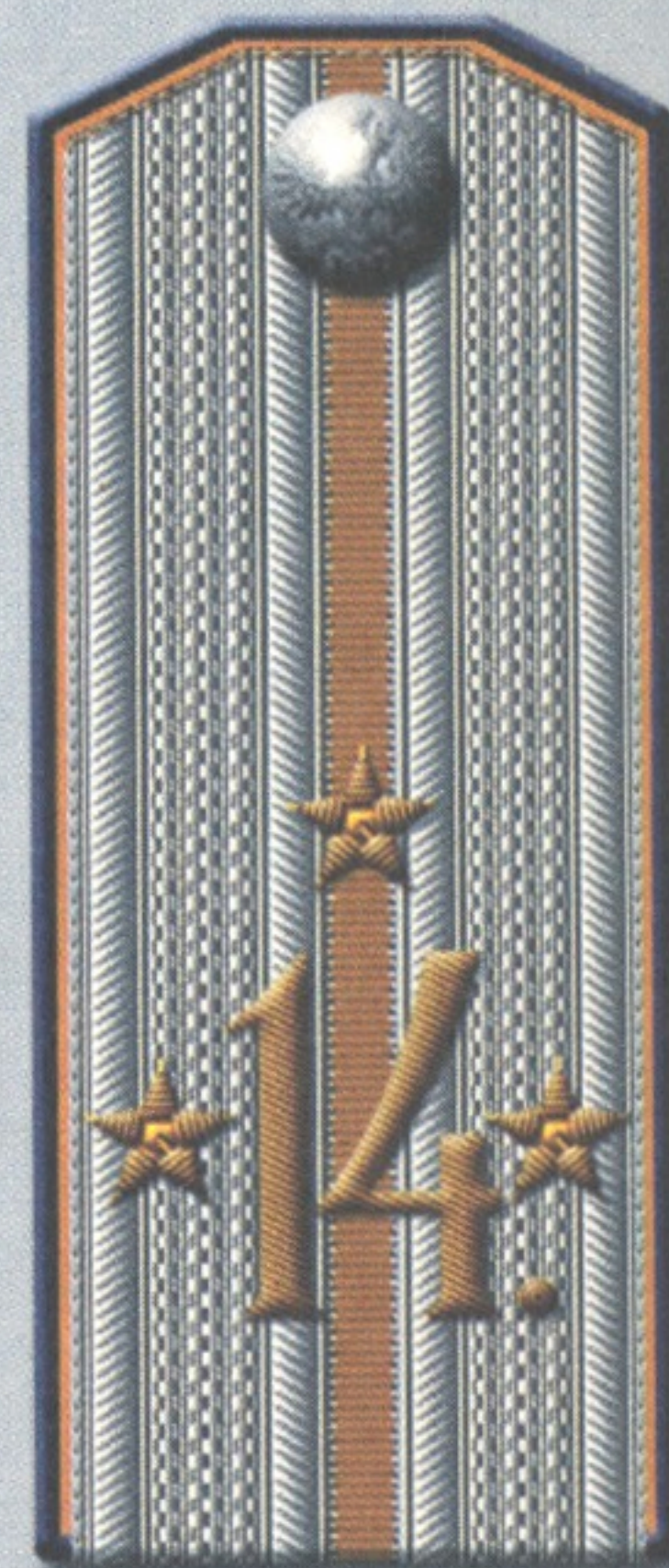
Прапорщик 200-го пехотного Кроншлотского полка

Корнет 15-го уланского Татарского полка

Подпоручик 1-го железнодорожного полка

Поручик 14-го уланского Ямбургского полка

Подполковник 11-го гусарского Изюмского полка

Полковник л.-гв. С.-Петербург., короля Фридриха Вильгельма III полка

Полковник, флигель-адъютант Свиты Е.И.В. имп. Николая II

Генерал-майор Свиты Е.И.В. имп. Николая II

Штабс-капитан Омского кадетского корпуса

Штабс-капитан Собственного Е.И.В. Конвоя

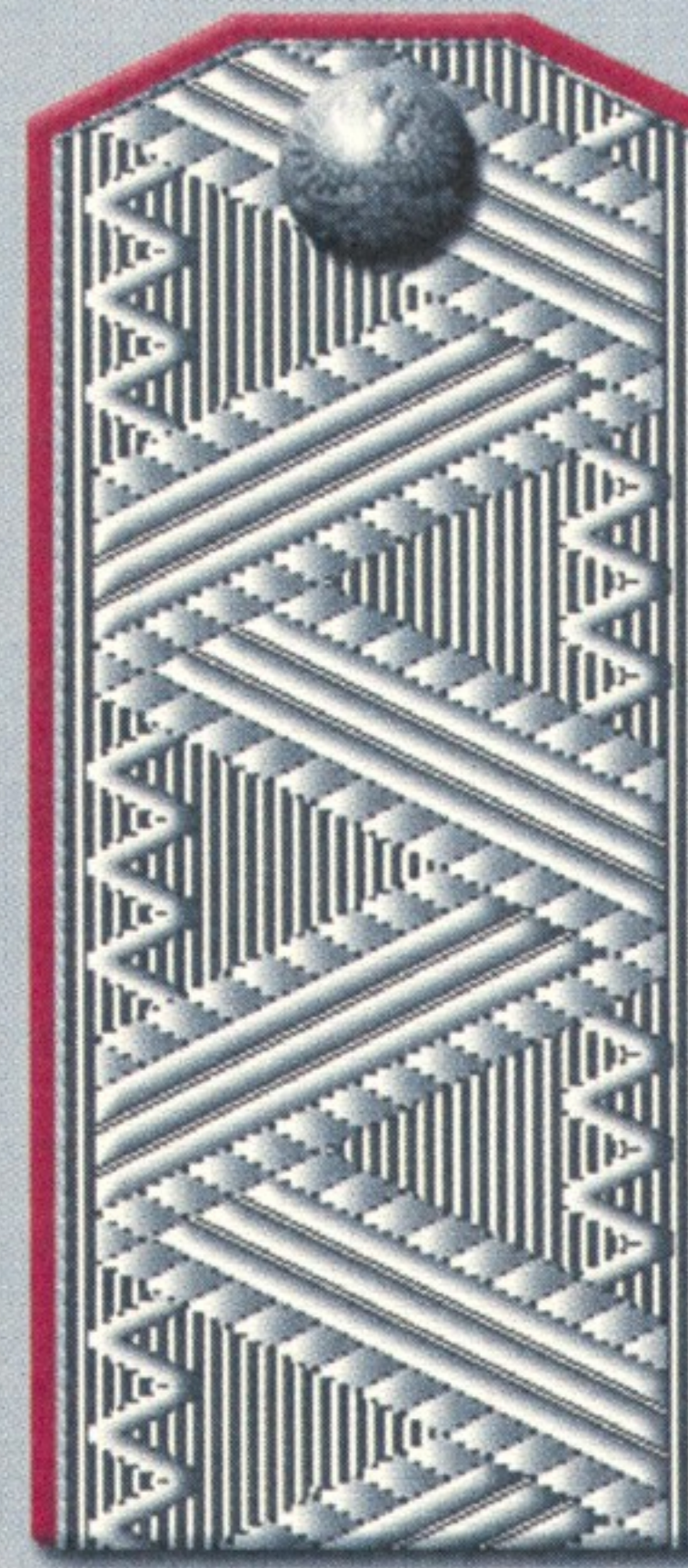
Капитан 84-го пехотного Ширванского Е.И.В. полка

Капитан Гренадерского саперного вел. кн. Петра Николаевича бат.

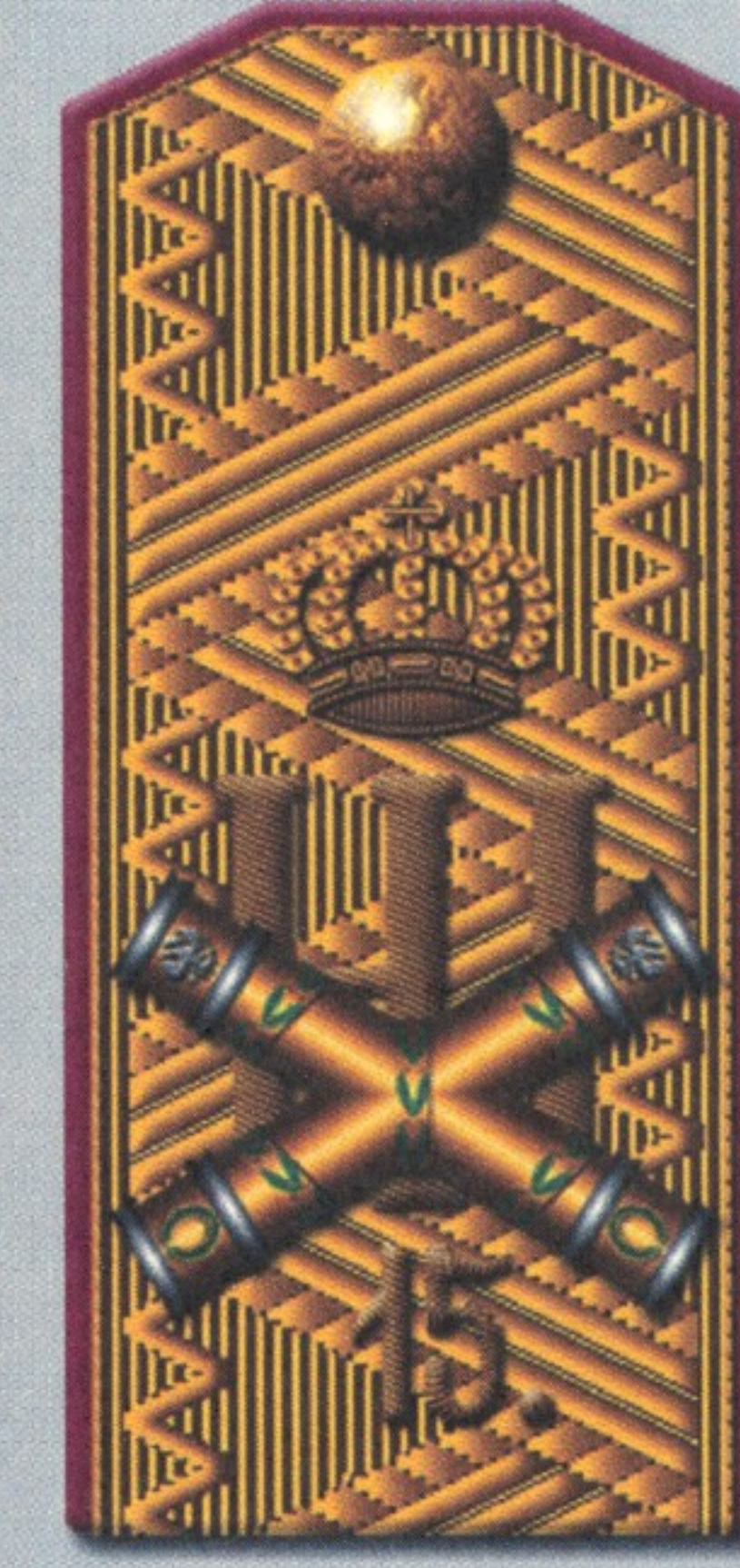
Генерал-лейтенант, генерал-адъютант Свиты Е.И.В.

Генерал инженерных войск в гвардейской пехоте и артиллерии

Генерал от инфантерии, командир 5-го армейского корпуса

Генерал-фельдмаршал, 15-й Стрелковый кор. Черног. Николая I полк

Суряев Валерий Николаевич, полковник запаса, кандидат исторических наук, доцент. Служил в зенитных ракетных войсках ПВО страны на офицерских должностях. После окончания педагогического факультета Военно-политической академии им. В.И.Ленина был преподавателем, затем старшим преподавателем на кафедре общественных наук Минского высшего инженерного зенитного ракетного училища ПВО. Тема диссертации: «Революционное движение на Западном фронте и в прифронтовой полосе в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.)», защищена в 1991 году в Институте истории Академии наук БССР. В настоящее время – ведущий научный сотрудник НИИ Вооруженных Сил Республики Беларусь. Автор ряда публикаций по истории XX века, Отечественной войны 1812 г., международных отношений и внешней политики, а также по современной военной проблематике.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА И ТЕХНИКА